

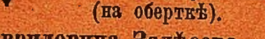
Рус. Старина
№ 4.
1903 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIV-й. АПРѢЛЬ. 1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Николая Гавриловича Залѣсова.

2) При этой книгѣ «Русской Старины» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылается объявленіе о третьемъ изданіи «Словаря Даля», выпускаемомъ Т-вомъ М. О. Вольфъ подъ редакціей проф. Спб. университета А. И. Бодуэна-Де-Куртенэ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1903.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1903 года.

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи Императора Александра I. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1903 г.

Изъ всѣхъ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи родъ Строгановыхъ,—говоритъ въ своемъ введеніи высокій авторъ разсматриваемаго нами историческаго изслѣдованія, представляющаго собою солидный вкладъ въ нашу историческую литературу,—значительно выдѣляется своими государственными заслугами. Эти славныя ихъ дѣянія отмѣчены въ пожалованныхъ граматахъ, милостивыхъ рескриптахъ и не должны быть забыты исторіей.

7-го іюля 1446 года великій князь Василій Васильевичъ Темный былъ взятъ въ плѣнъ татарами подъ г. Суздалемъ; татары требовали 200.000 руб. выкупа и, въ случаѣ отказа, грозили убить великаго князя; государственная казна была пуста,—Строгановы внесли выкупъ, и 1-го октября того же года великій князь В. В. Темный былъ освобожденъ изъ плѣна.

Въ 1572 году царь Іоаннъ Васильевичъ предоставилъ Строгановымъ выбрать изъ собственнаго ихъ войска «голову добру (предводителя) и съ нимъ казаковъ со всякимъ оружіемъ и ходить войною и воевать измѣнниковъ: черемисъ, остяковъ, вотяковъ и нагайцевъ». Строгановы исполнили государеву волю и «привели означенные народы подъ высокую государскую руку».

Въ 1579 году враждебныя племена нападали на русскія земли и грабили селенія и слободы Строгановыхъ; царь Іоаннъ Васильевичъ не могъ оказать имъ защиты, — Строгановы призвали съ Волги Ермака Тимоѳеевича съ 80 казаками, присоединили къ этой небольшой дружинѣ 2.047 челов. изъ собственнаго войска, и Ермакъ, нападая, какъ сказано въ граматѣ, «невзначь» (нечаянно) и «по одинаку» (порознь на каждое племя),—привелъ русскую границу въ совершенную безопасность.

Вслѣдъ за тѣмъ Строгановы «умыслили взять Сибирь и привесть ее подъ высокую государскую руку»: они усилили отрядъ Ермака еще 5.000 «ратныхъ людей», снабдили ихъ «деньгами, платьемъ, обувью, оружіемъ, порохомъ, свинцомъ и всякими припасами», отправили водою «на великомъ множествѣ плоскодонныхъ судовъ» и, какъ сказано въ граматѣ, «тою службою и радѣньемъ и высылкою людей Сибирское государство они взяли, татаръ, остяковъ и вогуличь подъ высокую Царскую руку привели».

Въ 1616 году Строгановы, «употребивъ къ тому много людей, денегъ и оружія», усмирили казанскихъ татаръ и черемисъ и освободили отъ ихъ осады города Осу и Сарапулъ.

Въ смутное время Строгановы «поморскіе и казанскіе города отъ шаткости укрѣпляли, въ Казань и во многія другія мѣста посылали вѣрныхъ своихъ людей, съ увѣщаніемъ стоять за Царя и не вѣрить измѣнникамъ».

Въ Московское разоренье Строгановы пожертвовали въ царскую казну 423.706 руб., да въ смоленскую службу дали на жалованье ратнымъ людямъ 418.056 руб. 9 алтынъ серебромъ, «и сихъ денегъ обратно изъ казны не взяли, въ томъ прибыли не искали; а служили Государю и государству вѣрою и правдою».

Въ 1663 году, когда уфимскіе башкиры измѣнили царю, Строгановы съ пермскихъ своихъ вотчинъ поставили и вооружили съ каждыхъ пяти дворовъ по одному человѣку, и рать эта стояла въ Кунгурѣ и на Степановѣ-Городищѣ, защищая край отъ башкиръ многіе годы «безъ всякой отъ Царской казны подмоги».

Въ 1790 году, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, «подражая ревностной любви къ отечеству своихъ предковъ», какъ сказано въ прошеніи, поданномъ имъ императрицѣ Екатеринѣ II, отказывается отъ 10.000.000 десятинъ пожалованной предкамъ его земли — «по собственной и доброй волѣ» оставляетъ тѣ мѣста за казенными заводами и государственными селеніями.

Наконецъ, въ наши дни, при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, графъ Серг. Григорьевичъ Строгановъ по уставнымъ грамотамъ пожертвовалъ въ пользу своихъ бывшихъ крѣпостныхъ болѣе 2.300.000 руб. выкупныхъ платежей.

При разработкѣ славной эпохи Императора Александра I, личность графа Павла Александровича Строганова, среди разнохарактерныхъ сотрудниковъ государя, обращаетъ на себя особенное вниманіе.

Описанію жизни и дѣятельности Павла Александровича, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, и посвященъ трудъ высокаго автора, составленный на основаніи цѣлой серіи еще не изданныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ графа С. А. Строганова, князя П. П. Голицына, и оффиціальныхъ документовъ, находящихся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба.

Книга состоитъ изъ предисловія, введенія, пяти главъ текста, снабженнаго прекрасно исполненными иллюстраціями и родословной таблицы; обильныя приложенія, напечатанныя за текстомъ, даютъ возможность ознакомиться съ множествомъ неизданныхъ документовъ; въ концѣ помѣщенъ списокъ изданій, упоминаемыхъ въ изслѣдованіи, и указатель личныхъ именъ.

Первая глава посвящена родителямъ графа Строганова и особенно его отцу, графу Александру Сергѣевичу. Главною страстью графа А. С. Строганова была его любовь къ искусствамъ и наукамъ; на этомъ поприщѣ онъ явился дѣйствительно покровителемъ всѣхъ русскихъ талантовъ въ области живописи, ваянія и литературы, и никогда не жалѣлъ ни средствъ, ни труда, чтобы придти къ нимъ на помощь. Съ самаго основанія Академіи художествъ, съ 1768 г., графъ А. С. Строгановъ былъ избранъ почетнымъ ея членомъ, а въ 1800 г. назначенъ президентомъ. Онъ состоялъ во главѣ лицъ, занимавшихся составленіемъ обширнаго и любопытнаго проекта устройства Публичной библіотеки и общества для печатанія книгъ и переводовъ. При учрежденіи Государственнаго Совѣта графъ А. С. былъ въ числѣ первыхъ 27-ми членовъ (считая и министровъ) этого

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ

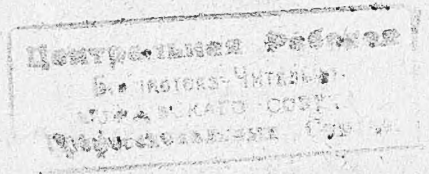
ЗАЛѢСОВЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1903.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1903.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1903 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

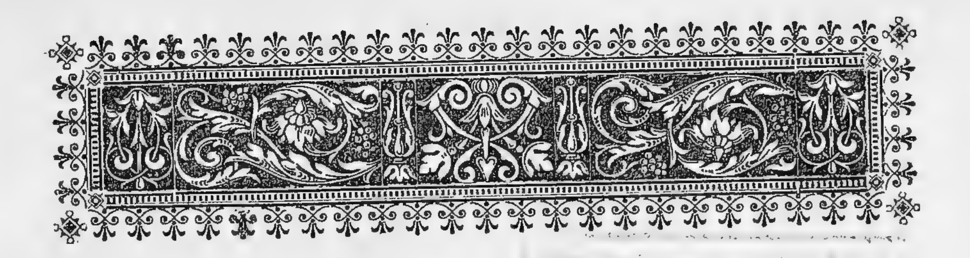
Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ [1].

Разбитый нравственно и физически В. Н. Каразинъ жилъ безвыѣздно въ своей деревнѣ, до вступленія на престолъ императора Николая I. 18-го сентября 1826 года онъ обратился къ молодому императору съ просьбою о снятіи съ него запрещенія, и ему было разрѣшено жить, гдѣ пожелаетъ, даже въ Москвѣ, но кромѣ Петербурга, «съ тѣмъ, чтобы воздерживался отъ всякаго сужденія, до него непринадлежащаго». Но и послѣ этого разрѣшенія Каразинъ оставался въ деревнѣ, занимался улучшеніемъ

---

¹) Василій Назарьевичъ Каразинъ родился 30-го января 1773 года въ селѣ Кручикѣ, Слободско-Украинской губерніи, Богодуховскаго уѣзда. Начальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ родителей, а затѣмъ въ кременчугскомъ и харьковскомъ частныхъ пансіонахъ. По окончаніи въ нихъ курса, онъ продолжалъ образованіе въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ предался любимымъ своимъ занятіямъ—изученію человѣка и природы; занимаясь ими и впослѣдствіи, онъ не рѣдко удивлялъ разнообразіемъ своихъ знаній.— „Страсть моя къ наукѣ, писалъ онъ въ 1798 году, и родъ философской жизни, какую я вести началъ почти съ дѣтства моего, наконецъ, самое здоровье отвлекли меня отъ мысли о продолженіи службы навсегда".

Счастливый въ своемъ кабинетѣ или „въ сельской рощѣ своей", В. Н. Каразинъ предался изученію Россіи и ея нуждъ. Онъ предпринялъ рядъ путешествій по губерніямъ и пришелъ къ мысли, что, при тогдашнемъ тяжеломъ положеніи Россіи, лучше всего оставить ее и переселиться за границу, гдѣ „среди просвѣщеннаго общества, среди природы, искусствомъ доведенной до завиднаго совершенства, среди лучшихъ способовъ питать свою нравственность". Когда на просьбу его о дозволеніи ѣхать за границу послѣдовалъ отказъ императора Павла, то Каразинъ рѣшился уѣхать тайно, но былъ задержанъ, у Ковно, при переправѣ черезъ Нѣманъ, и посаженъ на гауптвахту. Чистосердечное изложеніе причинъ, по которымъ онъ же-

сельскаго хозяйства, упорядоченіемъ своихъ отношеній къ крестьянамъ и составленіемъ разнаго рода проектовъ.

лалъ покинуть Россію, тронуло императора Павла. Онъ простилъ В. Н. Каразина и зачислилъ его на службу въ канцелярію государственнаго казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора, коллежскимъ переводчикомъ.

Черезъ нѣсколько дней, по вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Александръ I нашелъ у себя на столѣ записку, поразившую его своимъ содержаніемъ. Въ ней изложена была программа царствованія, котораго Россія ожидала отъ Александра. Молодой императоръ поручилъ графу Палену и Д. П. Трощинскому узнать, кто авторъ записки, и по донесеніи ему, что это молодой чиновникъ, В. Н. Каразинъ, приблизилъ его къ себѣ настолько, что бесѣдовалъ съ нимъ въ своемъ кабинетѣ и предоставилъ ему право непосредственной съ нимъ переписки. Каразинъ принималъ участіе въ обсужденіи и составленіи проектовъ самаго разнообразнаго содержанія и пользовался безграничнымъ довѣріемъ государя. Въ первое свиданіе съ императоромъ, на вопросъ его, съ чего начать реформы, Каразинъ отвѣчалъ: „конечно съ образованія народнаго", и подалъ мысль о необходимости устройства отдѣльнаго вѣдомства, которое завѣдывало бы и распоряжалось самостоятельно столь важною частью государственной жизни. Императоръ Александръ раздѣлялъ эту мысль и согласно просьбы Каразина поручилъ ему прежде всего заняться „начертаніемъ плана" Харьковскаго университета. Лѣтомъ 1802 года, Василій Назарьевичъ отправился въ Харьковъ и въ многочисленномъ собраніи дворянъ Слободско-Украинской губерніи произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ взглядъ императора на устроеніе въ Харьковѣ университета. Дворянство рѣшило внести съ доходовъ своихъ имѣній 400 тысячъ руб. на обезпеченіе существованія университета. Когда Каразинъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ возвратился въ Петербургъ, то нашелъ свое положеніе при государѣ значительно пошатнувшимся. Враги успѣли представить его императору Александру въ непривлекательномъ свѣтѣ, какъ человѣка заносчиваго, возгордившагося своимъ положеніемъ и находящагося не у мѣста. Каразинъ не былъ принятъ государемъ и получилъ приказаніе всѣ дѣла по Харьковскому университету передать въ только-что устроенное тогда министерство народнаго просвѣщенія. Самъ онъ назначенъ былъ правителемъ дѣлъ коммиссіи, при предсѣдателѣ графѣ Заводовскомъ (министрѣ народнаго просвѣщенія) и членахъ кн. А. Чарторыйскомъ, графѣ Потоцкомъ, Клингерѣ, Хитрово и академикахъ Озерецковскомъ и Фусѣ. Всѣ эти лица были нерасположены къ Каразину, и онъ, при всемъ своемъ рвеніи, встрѣчалъ постоянно препятствія и затрудненія. Тогда, пылкій по характеру, онъ рѣшился написать письмо государю, въ которомъ указывалъ на безпечность министерства, медленный ходъ дѣлъ и явное къ себѣ нерасположеніе. Содержаніе письма не могло, конечно, остаться тайною ни для графа Заводовскаго, ни для остальныхъ членовъ коммиссіи и привело къ печальнымъ результатамъ. Уѣхавъ въ Харьковъ, по университетскимъ дѣламъ, Каразинъ сдѣлалъ распоряженіе о выпискѣ для университетскихъ нуждъ разныхъ мастеровъ. Это распоряженіе было представлено государю, какъ самовольство, какъ превышеніе власти, и 13-го августа 1804 г. Каразинъ былъ отставленъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника.

Между тѣмъ, въ 1829 году, слободско-украинское дворянство, руководясь обширными знаніями Каразина, его честностью и неутомимою дѣятельностью, рѣшилось избрать Василія Назарьевича въ предсѣдатели уголовной палаты. Извѣстіе объ этомъ оживило Каразина; онъ уже видѣлъ передъ собою картину будущей дѣятельности на пользу горячо любимаго имъ отечества, видѣлъ въ избраніи довѣріе къ нему дворянства, но его смущалъ вопросъ: будетъ ли онъ утвержденъ въ этой должности. Эта мысль вызвала въ немъ лихорадочное настроеніе, не давала ему покоя, и, наконецъ, онъ рѣшился самъ сдѣлать починъ къ разрѣшенію этого вопроса. Прося управлявшаго въ то время министерствомъ юстиціи князя А. А. Долгорукаго объ исправленіи своего послужнаго списка, Василій Назарьевичъ, какъ бы пользуясь этимъ случаемъ, писалъ ему [1]): «Не излишнимъ, вѣроятно, будетъ и приватное, собственно для васъ [2]) назначенное письмо, при моемъ оффиціальномъ прошеніи. Дѣло мое не изъ числа обыкновенныхъ, и оно ва-

---

Удалившись въ имѣніе Кручикъ, Василій Назарьевичъ, при своемъ кипучемъ характерѣ, не могъ оставаться празднымъ. Онъ писалъ проекты, разсужденія по разнымъ государственнымъ вопросамъ, посылалъ ихъ въ Петербургъ, но всѣ они отвергались, и самъ онъ считался человѣкомъ навязчивымъ, раздражительнымъ и опаснымъ. Постигшія его несчастія, дѣйствительно, измѣнили его характеръ: сохранивъ прежнюю пылкость и желаніе быть полезнымъ родинѣ, онъ сдѣлался человѣкомъ нервнымъ и раздражительнымъ, не могъ уже спокойно и вѣрно оцѣнивать положеніе вещей и представлялъ проекты большею частію явно несостоятельные или неумѣстные. Онъ обращался къ императору Александру съ разными наставленіями то по дѣламъ сербовъ, то относительно войнъ съ Наполеономъ и проч. Эти записки и письма вызвали указъ, данный слободско-украинскому губернатору, которымъ было повелѣно: „статскаго совѣтника Каразина, за нелѣпыя его разсужденія о дѣлахъ, которыя до него не принадлежатъ и ему извѣстны быть не могутъ, взявъ изъ деревни его, подъ карауломъ посадить на харьковскую гауптвахту на восемь дней. Послѣ чего истребовать отъ него подписку, чтобы онъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не отваживался болѣе безпокоить его величество“.

Указъ этотъ не остановилъ Каразина, и онъ продолжалъ писать и посылать свои мысли или прямо государю, или кому-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ нихъ онъ указывалъ на недостатки и злоупотребленія администраціи, и на него смотрѣли, какъ на человѣка безпокойнаго и явнаго противника правительства, за нимъ слѣдили и въ 1820 году, во время бунта Семеновскаго полка, заподозрили, что онъ былъ авторомъ „грубаго пасквиля“, подброшеннаго въ казармы Преображенскаго полка. По высочайшему повелѣнію, Каразинъ былъ арестованъ и отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Освобожденный черезъ шесть мѣсяцевъ изъ заключенія, онъ былъ отправленъ на житье въ деревню, съ запрещеніемъ выѣзжать оттуда и съ позволеніемъ переписываться не иначе, какъ черезъ посредство губернатора.

[1]) Въ собственноруч. письмѣ отъ 6-го іюля 1829 г. изъ Богодухова.

[2]) Все набранное разрядкой подчеркнуто самимъ В. Н. Каразинымъ.

шему сіятельству совсѣмъ неизвѣстно. Почему я счелъ необходимостью приложить при семъ письмѣ (не при прошеніи) то, что̀ можетъ служить къ объясненію онаго, ибо понятіемъ, которое о просителѣ будетъ имѣть вашъ просвѣщенный разумъ и ваше чистое сердце (такъ разумѣютъ о нихъ вообще въ Россіи), я дорожу, весьма мало дорожа предстоящимъ мѣстомъ. Оно, признаюсь, не можетъ быть для меня лестнымъ, послѣ всего со мною случившагося и утраченнаго въ продолженіе пятидесяти шести лѣтъ.

«Но выполнять свято его обязанности я тѣмъ не менѣе почту своею славою, равно какъ и зависимость отъ такого начальника, какъ вы—большою честью. Это не слова одни, будьте въ томъ увѣрены. Я не льстилъ и царямъ,—и вотъ единственная причина, что я, при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, каковыя, вѣроятно, не возобновятся ни для кого въ мірѣ, не пошелъ далеко!

«Позвольте надѣяться, сіятельнѣйшій князь, что вы сами удостоите прочесть мои бумаги, не довольствуясь выпискою изъ оныхъ по обыкновенію вельможъ,—и вотъ единственная моя просьба. Прочее все предоставляю Богу и собственному чувству вашему, которое Онъ же вамъ внушитъ, пребывая съ глубочайшими почтеніемъ, преданностію и довѣренностію вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга.

В. Каразинъ.

P. S. Подлинное письмо почтеннаго графа Коновницына, которое одно позволилъ я себѣ приложить, изъ числа упомянутыхъ въ прошеніи, и при томъ собственно для свѣдѣнія вашего сіятельства, благоволите мнѣ возвратить, такъ какъ драгоцѣнна для меня память благороднѣйшаго сего человѣка» [1]).

---

[1]) Получивъ увѣдомленіе отъ В. Н. Каразина, о томъ, что онъ женится, П. П. Коновницынъ, 8-го сентября 1805 г. изъ селенія Горки, писалъ ему: „Крайне порадовали вы меня напоминаніемъ своимъ, а болѣе того обязательнымъ въ немъ увѣдомленіемъ о перемѣнѣ состоянія вашего. Какъ искренно вамъ приверженный, радуюсь и беру истинное участіе, усерднѣйше при томъ прошу рекомендовать меня любезной супругѣ вашей. Будьте, почтеннѣйшій Василій Назарьевичъ, счастливы, вы его въ полной мѣрѣ заслуживаете. Люди съ сантиментами, каковы ваши, должны награждаться щедро отъ промысла Вышняго, ибо всякій порывъ сердца вашего устремленъ на помощь ближнему. Край нашъ благотворный имѣетъ въ васъ истиннаго патріота и просвѣтителя; пекитесь о немъ и, если не мы еще, то дѣти наши познаютъ вамъ цѣну всеконечно.

«Благодарю васъ чувствительнѣйше за посѣщеніе Никитовки, и что почтили издѣлія нашего взять на прекрасный дормезъ вашъ; жаль только, что сукно не такъ хорошо и не дѣлаетъ большой чести заводителямъ онаго, но,

Черезъ день Каразинъ отправилъ второе письмо князю А. А. Долгорукову[1]):

«Послѣ отправленія, 6-го числа сего мѣсяца, къ вашему сіятельству конверта моего, относительно до представленія меня въ кандидаты предсѣдателя уголовной палаты Слободско-Украинской губерніи и моего послужнаго списка по сему поводу, я нашелъ еще одну бумагу, которую долгомъ ставлю препроводить также приватно для свѣдѣнія вашего,—это прошеніе мое послѣ отставки блаженной памяти государю императору. И я предпочитаю представить его въ оригиналѣ[2]) того самаго времени, дабы отвратить всякое сомнѣніе. Оно содержитъ въ сокращеніи всю исторію предпріятія моего о Харьковскомъ универси-

---

по крайней мѣрѣ, оно домашнее. Премного благодарю также за позволеніе отдать мальчика на кожевенный вашъ заводъ. Испрашиваю препорученій вашихъ, чтобъ мнѣ имѣть пріятный случай доказать, сколь исполненъ сердечною къ вамъ приверженностію и почитаніемъ, имѣющій быть" и проч.

[1]) Отъ 8-го іюля 1829 года изъ села Кручика.

[2]) Который, по прочтеніи былъ мнѣ возвращенъ, такъ какъ шелъ не общимъ путемъ.

На приложенномъ прошеніи рукою Каразина написано: „Подлинный экземпляръ прошенія В. Н. Каразина, которое было представлено блаженной памяти императору княземъ Чарторыйскимъ въ ноябрѣ 1804 года".

Прошеніе же было слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь! Исполняя объявленную мнѣ волю В. И. В., изъясняю я мое положеніе не многими словами.

„Въ Слободско-Украинской губерніи изъ имѣнія, пожалованнаго въ 1772 году отцу моему, досталось мнѣ село, числомъ 300 душъ крестьянъ. Всѣ оныя въ залогѣ теперь отчасти въ Приказѣ общественнаго призрѣнія, отчасти въ Государственномъ заемномъ банкѣ. Тринадцать тысячъ руб. долженъ я въ оба сіи мѣста; да сверхъ того болѣе 26 т. въ частныя руки, и именно помѣщикамъ: Кандалинцеву и Хрущеву, именитымъ гражданамъ: Злобину, Борисову, Аникіеву и Карпову. Легко доказать, что я пріобрѣлъ долгъ сей, совершенно уничтожающій мою собственность въ послѣдніе годы моей службы, не расточительною однако жизнью, къ которой я не имѣю ни привычки, ниже способностей. Несчастная увѣренность, что могу и долженъ служить вамъ, не по общимъ путямъ, увѣренность, которую поддерживали во мнѣ самыя милости ваши, устремила меня на предпріятія, далеко превышающія мое состояніе. Большая часть покушеній опрокинуты препятствіями; но изъ тѣхъ, кои имѣли предметомъ край моего рожденія, — конечно одинъ изъ лучшихъ въ Россіи—не всѣ остались и безуспѣшны. Въ двухъ губерніяхъ, правительствомъ неожиданный ентузіазмъ къ просвѣщенію представилъ ему до 600 т. руб.; многіе молодые люди поощрены къ усовершенію себя въ наукахъ, художествахъ, въ г. Харьковѣ водворены 27 новыхъ ремеслъ, мысли тамошняго купечества обращены съ выгодою на полуденную торговлю, переведено съ чужихъ языковъ до 15 книгъ разнаго рода, приспособленныхъ къ общенароднымъ пользамъ края того, которыя и ждутъ

тетѣ. Ваше сіятельство, изволите согласиться, что ложь не могла имѣть мѣсто въ таковомъ послѣднемъ объясненіи подданнаго съ государемъ! Не приказный[1]) это документъ, конечно... Онъ передается отъ совѣсти къ совѣсти, и просвѣщенный умъ вашъ дастъ ему полную вѣру.

«Оффиціальнымъ доказательствомъ, еслибъ оно было нужно, въ томъ, что я былъ первоначальною причиною не только упоминаемаго университета, но и всего департамента народнаго просвѣщенія, можетъ служить высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 8-го сентября 1802 г., въ которомъ я одинъ (въ лицѣ правителя

только харьковской типографіи для своего изданія въ свѣтъ и прочее. Нѣкоторые недостатки въ сихъ мѣрахъ извиняются тѣмъ, что учреждали ихъ не соревнованіе капиталистовъ, ниже мощная рука правительства, но одинъ маловажный, оною поддерживаемый, дворянинъ скудными своими способами. Я не называю заслугами сихъ движеній, худо можетъ быть понятаго патріотизма, стыжусь такъ же приводить на память подобные сему порывы въ другомъ родѣ, кои вы нѣкогда удостоивали самаго лестнаго имени. Не отягощаю вниманія вашего доказательствами, что между тѣмъ и обыкновенная моя служба не потерпѣла, ибо я былъ единственнымъ письмоводцемъ по части департамента просвѣщенія отъ самаго его, такъ сказать, зарожденія въ умѣ вашемъ, до окончанія послѣднихъ знатнѣйшихъ изъ его учрежденій безпосредственно по отставкѣ моей, на высочайшее ваше утвержденіе поднесенныхъ. Но я долженъ признаться, всемилостивѣйшій государь, что во всѣхъ оныхъ случаяхъ дѣйствія мои сопровождала надежда, что вы меня не оставите, если я буду въ крайности... Теперь превратное понятіе о безвинныхъ моихъ (по крайней мѣрѣ) пожертвованіяхъ общему добру, удаленіе изъ службы, вынужденное страхомъ еще худшихъ послѣдствій, ѣдкія посмѣшки эгоистовъ и послѣдняя нищета составляютъ все, что мнѣ въ удѣлъ достается. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ я лично не умѣлъ извлечь ничего болѣе изъ счастливѣйшаго моего, повидимому, положенія.

„Сжальтесь надо мною, государь! Предубѣжденіе, что я вамъ и отечеству могу быть полезенъ свыше званія своего, и младенческое, можно сказать, невѣжество въ обращеніи съ разными сильными лицами—вотъ единыя мои вины.

„Я прошу отъ васъ не наградъ или отличій, которыя иной на моемъ мѣстѣ, съ лучшимъ соображеніемъ обстоятельствъ, давно бы имѣлъ, но только вспомоществованія, приличнаго вашей великой и сострадательной душѣ.

„Двадцать пять тысячъ рублей въ займы изъ почтовыхъ, банковыхъ или Кабинетскихъ суммъ безъ залога (котораго не имѣю) и безъ платежа процентовъ на 10 лѣтъ будетъ достаточно для поправленія моего, хотя долги мои простираются до 40 т. рублей. Сіе пособіе возвратитъ еще меня въ возможность быть рано или поздно употребленнымъ; а между тѣмъ доставитъ способы оправдать передъ обществомъ то мнѣніе, каковое вы прежде обо мнѣ имѣть изволили".

[1]) Здѣсь и далѣе напечатанное разрядкой подчеркнуто самимъ Каразинымъ.

дѣлъ коммиссіи объ училищахъ) именованъ на-ряду съ членами ея и министрами, назначенными въ тотъ же день. Воля государя въ семъ случаѣ не могла быть безъ особливой причины,—всего меньше по представленію тѣхъ лицъ, кои сами въ тотъ же день назначены, слѣдовательно, не успѣли еще ни о чемъ докладывать, — и я думаю, что это единственный примѣръ въ своемъ родѣ. Назначенію директоровъ и правителей канцелярій свойственно быть не иначе, какъ по докладу, подносимому завѣдующими министрами. Въ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія есть еще отношеніе Михаила Никитича Муравьева, отъ 12-го ноября 1802 года за № 1924, къ министру, доказывающее то же. Прочее не выходило изъ комнаты его величества, слѣдовательно, не можетъ быть предметомъ ссылки. Одиннадцати бумагъ, представленныхъ графу Виктору Павловичу въ концѣ 1804 года, помнится, и въ томъ числѣ одной рѣшительной по сему дѣлу, я не получалъ обратно, равно какъ и другихъ для меня и семейства моего довольно важныхъ, которыя взяты были тайною экспедиціею въ несчастную для насъ ночь, съ 26-го ноября 1820 г. въ С.-Петербургѣ. Словомъ, правительство мое, лишивъ меня (безвиннаго) по единому подозрѣнію всего, въ томъ числѣ доказательствъ моихъ заслугъ, равно какъ и моей невинности, поступивъ со мною, къ стыду вѣка, безъ суда, не сохраняя даже никакой формы, обязано меня вознаградить при нынѣшнемъ случаѣ, котораго я отнюдь не искалъ и о немъ никогда не помышлялъ. Я былъ неоднократно кандидатомъ въ совѣстные судьи; теперь кандидатъ предсѣдателя уголовной палаты. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ имѣя на своей сторонѣ общественное мнѣніе, стану ожидать моего приговора—отъ васъ, какъ отъ генералъ-прокурора, въ разумѣ Петра Великаго. Это дѣло не частное и не бездѣлица! Меня можно вновь запереть, можно конечно назвать сумасшедшимъ, или и убить ненаказанно, но я имѣю шестерыхъ сыновъ съ талантами—куда дѣвать ихъ? Дабы намъ никогда не было стыдно передъ Европою, покажемъ ей, что и мы европейцы!... Съ сею надеждою, милостивый государь, съ надеждою, что меня взыщутъ, а не отвернутъ по прошествіи многихъ лѣтъ (въ которыя безъ славы и корысти я продолжалъ быть полезнымъ отечеству по силамъ моимъ) [1], я съ глубочайшимъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть» и проч.

Характеръ и тонъ этихъ писемъ обратили на себя вниманіе, и сенатору, генералъ-лейтенанту Горголи поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи Каразина какъ въ частной его жизни, такъ и въ соотноше-

---

[1]) Благодѣтельному графу Виктору Павловичу извѣстны частію мои труды по сельскому быту, наукамъ и прочіе. Отъ васъ, сіятельнѣйшій князь, зависитъ приказать мнѣ сообщить вамъ все то, что по сей части васъ интересуетъ.

ніяхъ съ другими, узнать объ его занятіяхъ и съ какими людьми наиболѣе состоитъ онъ въ связяхъ, т. е. съ честными и скромными или же съ безпокойными и строптивыми.

«Статскій совѣтникъ Каразинъ, сказано въ рапортѣ подполковника Бахметева [1]), вообще извѣстенъ какъ человѣкъ, одаренный пылкимъ умомъ и способностью изъясняться какъ словесно, такъ и письменно, имѣя, сверхъ природныхъ дарованій, хорошія свѣдѣнія въ наукахъ и образованность. Поведеніе его ни съ какой стороны порицанія не заслуживаетъ; въ частной жизни его ничего худаго не замѣчено.

«Занятія его въ быту частномъ состояли въ составленіи проектовъ по частямъ мануфактурной, агрономической, особаго образа управленія крестьянами и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ государственныхъ постановленіяхъ, въ коихъ онъ излагалъ политическія мнѣнія свои. Успѣхъ ни въ чемъ не благопріятствовалъ г. Каразину: по части сельскаго хозяйства ни одно изъ его мнѣній не оказалось возможнымъ къ приведенію въ дѣйствіе, одинъ онъ дѣлалъ въ томъ опыты и состояніе его весьма разстроено. Образъ мыслей его, въ отношеніи къ правительству, понудилъ принять противъ него мѣры строгости, дабы удержать въ пристойныхъ границахъ.

«Нынѣ г. Каразинъ занимается также составленіемъ разныхъ проектовъ, но съ меньшею дѣятельностью и бо̀льшею осторожностью. Они большею частію относятся къ сему краю и представляютъ, также какъ и прежде имъ написанные, произведенія пылкаго воображенія и остраго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожности по неосновательности.

«Кругъ знакомыхъ г. Каразина состоитъ въ лучшемъ обществѣ здѣшней губерніи и не замѣтно, чтобы какіе-либо предосудительные люди были съ нимъ въ связи».

Къ этому Горголи прибавлялъ съ своей стороны, что Каразинъ, «не касаясь способностей его ума, въ поведеніи своемъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ ничего предосудительнаго, проживаетъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ и рѣдко пріѣзжаетъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время. Теперь находится здѣсь (въ Харьковѣ) для помѣщенія сына своего въ учебное заведеніе университета, а также по случаю ожиданія имъ высочайшаго утвержденія, по избранію дворянства въ предсѣдатели уголовной палаты. Впрочемъ, на здѣшнее дворянство имѣетъ онъ вліяніе очень малое» [2]).

Вопросъ о предсѣдательствѣ въ уголовной палатѣ не получилъ осуществленія и окончательно нравственно разстроилъ Кара-

---

[1]) Сенатору Горголи 28-го августа 1829 г. № 72. Харьковъ.

[2]) Письмо Ивана Горголи А. Х. Бенкендорфу 31-го августа 1829 г. № 928. Харьковъ.

зина, сдѣлалъ его озлобленнымъ и недовѣрчивымъ ко всѣмъ лицамъ, власть имѣющимъ. Въ каждомъ изъ нихъ онъ видѣлъ своего врага, способнаго повредить ему при каждомъ удобномъ случаѣ и притомъ безъ всякаго основанія. Въ 1831 году, пользуясь пребываніемъ Высочайшаго Двора въ Москвѣ, Каразинъ пріѣхалъ въ первопрестольную столицу для опредѣленія старшаго сына на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Получивъ на то согласіе графа Нессельроде, Каразинъ, безъ всякой причины, писалъ А. Х. Бенкендорфу [1]):

«Возвратясь домой, немедленно пишу къ вамъ трепещущею рукою. Ради Бога Всемогущаго не повредите моему сыну у графа Карла Васильевича (Нессельроде) и, если уже повредили, исправьте это какъ-нибудь. Сжальтесь надо мною: оставьте мнѣ послѣднее это утѣшеніе. Ради Бога, ради самого Бога сжальтесь! Я, который не привыкъ никому рабо лѣпствовать, мысленно простираюсь у ногъ вашихъ: умоляю васъ! довольно, уже довольно! Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ».

«Изъ письма вашего отъ 13-го ноября, отвѣчалъ Бенкендорфъ, имѣлъ я удовольствіе узнать, что вы имѣете сына, — обстоятельство, которое до сего времени мнѣ не было извѣстно. Но если бы я и зналъ, что у васъ есть сынъ, то, не имѣя никакой причины вредить ему въ мнѣніи Карла Васильевича, я прошу васъ покорнѣйше вѣрить, что наносить вредъ ближнему есть дѣло всегда чуждое моему образу мыслей».

На конвертѣ этого письма было написано: «Господину Каразину» Москва на Воздвиженкѣ, д. Кокошкина. Такой адресъ возмутилъ Василія Назарьевича, и онъ, не распечатывая конверта, возвратилъ его при запискѣ слѣдующаго содержанія: «Вчера, часу въ двѣнадцатомъ, по возвращеніи изъ концерта, засталъ я у себя прилагаемый при семъ кувертъ, доставленный яко бы изъ канцеляріи его высокопревосходительства Александра Христофоровича Бенкендорфа. Необыкновенная надпись! Она заставляетъ меня думать, что не болѣе приличія соблюдено и въ самой бумагѣ. Почему долгомъ благороднаго человѣка почитаю ее возвратить, не распечатавъ.

«Одна только вѣроятность могла бы меня заставить принять такой кувертъ. Въ ономъ могъ бы заключаться рескриптъ государя императора; но, во-первыхъ, не представляется къ тому никакого повода; во-вторыхъ, его величество также милостивъ, какъ и августѣйшій блаженной памяти его братъ, который всѣ шесть рескриптовъ, коими меня въ разное время удостоилъ, изволилъ собственноручно (кромѣ двухъ) надписывать, называя по имени и отчеству. Такимъ же образомъ съ прибавленіемъ его высокородію былъ надписанъ весьма милостивый рескриптъ его высочества великаго князя Михаила Павло-

[1]) Отъ 13-го ноября 1831 года.

вича, который я имѣлъ счастіе получить изъ Тульчина въ 1829 году. Въ 1830 и въ нынѣшнемъ, даже на сихъ дняхъ (даже сего утра) имѣлъ я честь получить отзывы первѣйшихъ особъ Имперіи, изъ коихъ ни въ одномъ не была забыта употребительная вѣжливость, а напротивъ!

«Отъ его высокопревосходительства зависитъ приказать мнѣ, что нужно чрезъ своего адъютанта, а подобныхъ отношеній я не приму, имѣя честь быть русскимъ дворяниномъ,—не говорю о моихъ заслугахъ отечеству и о личномъ уваженіи, коимъ я въ немъ пользуюсь отъ всѣхъ знающихъ мое имя благонамѣренныхъ особъ. Довольно же и того, что я снесъ до сихъ поръ! Василій Каразинъ.

P. S. Ежели это отвѣтъ на мою просьбу, то, принеся ее въ самыхъ почтительныхъ, даже унизительныхъ для себя выраженіяхъ, я ничего такого не заслужилъ.—Въ смертельномъ страхѣ просилъ я о сынѣ, четвертомъ изъ семерыхъ моихъ дѣтей, кои несчастны по милости Александра Христофоровича (ибо самъ государь высокою его особою, не можетъ имѣть противъ меня, давно пораженнаго, ничего, вовсе ничего!).—Но буде (предположимъ) я ошибаюсь въ моемъ мнѣніи, да оправдится Александръ Христофоровичъ предъ честнымъ семействомъ такъ, какъ оправдываются обыкновенно честные истинно благородные люди, т. е. благодѣяніемъ. Это самое я и намекалъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, но былъ встрѣченъ и провожень бранью предъ лицомъ лакеевъ въ передней!.. Но еще и теперь уважая въ Александрѣ Христофоровичѣ особу, уваженную моимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, я на томъ же основаніи простираю руку и отъ всего сердца готовъ забыть прошедшее».

Получивъ такую записку, генералъ Бенкендорфъ поручилъ исправлявшему должность московскаго оберъ-полицеймейстера флигель-адъютанту, полковнику Муханову пригласить къ себѣ Каразина и вручить ему пакетъ лично. Василій Назарьевичъ, 20-го ноября, явился къ Муханову вмѣстѣ съ женою, и послѣдній съ трудомъ могъ увѣрить, что присутствіе супруги вовсе здѣсь не нужно, и просилъ ее удалиться. Потомъ, передавая Каразину конвертъ Бенкендорфа, объявилъ, что онъ долженъ его вскрыть и прочитать, что въ немъ заключается. Каразинъ съ дерзкими выраженіями отказался принять конвертъ. Мухановъ замѣтилъ, что такъ или иначе онъ заставитъ это сдѣлать, и тогда Василій Назарьевичъ, взявъ конвертъ, разорвалъ его въ мелкіе куски и бросилъ на полъ. Мухановъ потребовалъ, чтобы Василій Назарьевичъ письменно удостовѣрилъ, что конвертъ имъ разорванъ, и объяснилъ, какимъ образомъ и отчего дѣти его сдѣлались несчастными. Каразинъ взялъ бумагу и написалъ:

«Когда его высокородію, г. правящему должность московскаго оберъ-полицеймейстера угодно было, предъявивъ мнѣ извѣстный уже мнѣ кон-

вертъ, присланный черезъ жандарма, изъ канцеляріи его высокопревосходительства Александра Христофоровича Бенкендорфа, 15-го сего ноября, за его фамильною печатью и написанный безъ всякаго приличія Г. Каразину (№ 371 [1]) на Воздвиженкѣ въ домѣ Кокошкина, сказавъ при томъ, что онъ принудитъ меня вскрыть оный (извѣстнымъ ему образомъ) и прочесть (слѣдовательно, насильно), и когда я возразилъ, что отъ него зависитъ вскрыть самому, то я долгомъ чести россійскаго дворянина почелъ оный конвертъ уничтожить въ ту же минуту, не распечатывая, ибо, въ противномъ случаѣ, я долженъ бы читать непріятныя и оскорбительныя для меня вещи, подобныя тѣмъ, кои я уже слышалъ въ передней его высокопревосходительства, какъ я о томъ въ моей запискѣ и объяснилъ въ канцелярію. Я же, какъ лично, такъ и черезъ письмо мое отъ 14-го, помнится, не нарушилъ пристойности, а напротивъ, можетъ быть, и униженно просилъ: 1) о возвращеніи мнѣ черезъ докладъ его обо мнѣ правъ моихъ [2]), 2) о пощаженіи третьяго моего сына, который опредѣляется по иностранной части, ибо прочія дѣти всѣ довольно уже со мною вмѣстѣ несчастны [3]).

«Не могу я не обвинить въ этомъ Александра Христофоровича, ибо онъ докладывалъ по дѣламъ моимъ государю императору нѣсколько разъ и все со вредомъ мнѣ. Недоброжелательство свое онъ мнѣ доказалъ даже пріемомъ своимъ; едва увидѣвши меня, кричалъ при слугахъ, продолжая это въ передней еще, такъ что я, опасаясь большой непристойности, ушелъ. Я же передъ лицомъ его величества ничѣмъ не виноватъ, и за счастіе величайшее въ жизни почелъ бы услышать отъ него изустно, въ чемъ меня обвиняютъ (ибо я скорѣе могу ожидать высочайшей награды, какъ ревностный сынъ отечества). О семъ-то, а именно о свиданіи съ августѣйшимъ моимъ Монархомъ, только въ продолженіе 10 минутъ, я не престаю умолять съ восшествія его величества на престолъ, и никто, кромѣ Александра Христофоровича, не

---

[1]) Впрочемъ сомнѣваюсь, тотъ ли №; ибо сей кувертъ могъ быть переписанъ послѣ.

[2]) Мнѣ до сихъ поръ запрещены: 1) въѣздъ въ Петербургъ, впредь до повелѣнія, какъ сказано въ 1825 (1826) году; и сего повелѣнія я жду и испрашивалъ черезъ его высокопревосходительство, ибо черезъ него были препровождены мои бумаги къ Е. И. В.; 2) издаваніе чего-либо изъ сочиненій моихъ, даже до земледѣлія и проч. относящихся.

[3]) Дочь, одаренная всѣмъ отъ природы и не бѣдная, сохнетъ въ дѣвствѣ; ей теперь 26 лѣтъ. Она не имѣла ни одного жениха понынѣ. Сынъ съ рѣдкими способностями, что доказалъ онъ книгою Иліодометръ, изданною имъ на 18-мъ году возраста.—Жена въ горести; все имѣніе разорено слѣдствіемъ моего заключенія истинно безвиннаго.—Но о семъ много писать довольно и я напишу, если прикажутъ.

могъ полагать сему препоны. Въ прошломъ еще году просилъ я объ этомъ. По прошествіи десяти мѣсяцевъ получилъ письмо его высокопревосходительства, въ коемъ объявляетъ, что по прошенію моему, принесенному черезъ генералъ-адъютанта Адлерберга, повелѣно ему же (Алекс. Христоф.) отобрать отъ меня все, что я имѣю сказать государю. Я на сіе письмо (видя безполезность) понынѣ не отвѣчалъ».

Въ дополненіе къ этой запискѣ, Каразинъ 21-го ноября писалъ Сергѣю Николаевичу Муханову:

«Говоря о многомъ въ кабинетѣ вашемъ сего утра, забылъ я сказать объ одномъ, что̀ было у меня на мысли прошедшей ночью. Но вы меня такъ торопили!... Пускай же это напишу, въ прибавленіе ли къ моимъ бумагамъ, или собственно для васъ, какъ сами разсудить изволите. Припомните, я думаю, изъ обстоятельствъ проѣзда вашего чрезъ Харьковъ съ турецкими сановниками, что я Галидъ-Решидъ-пашѣ подносилъ экземпляръ «Иліодометра» моего Василія. Это было не безъ мыслей, которыя теперь весьма кстати изъясню. Бывъ заживо погребенъ въ Россіи, вмѣсто предположенныхъ въ упованіи моемъ наградъ, кои непремѣнно излились бы [1]) на безвиннаго страдальца-патріота, лучшаго друга своихъ добрѣйшихъ государей (ибо я имъ, жертвуя всѣмъ бытіемъ моимъ, не переставалъ говорить правду)—я собирался въ Стамбулъ, чтобы тамъ кончить остальные уже немногіе дни мои. Я мечталъ предложить идею объ основаніи университета въ Софіи, отечествѣ моихъ предковъ болгаръ, и для того воспользовался случаемъ, чтобы пріобрѣсть покровителя. Онъ, т. е. университетъ, вѣрьте (хотя и улыбнетесь), былъ бы лучше моего испорченнаго и до сихъ поръ портимаго Харьковскаго, ибо не иному, какъ мнѣ же, было бы ввѣрено приготовленіе къ нему людей и надъ ними начальство. Но вскорѣ полученное мною извѣстіе о путешествіи государя императора по западнымъ губерніямъ перемѣнило сію мысль. Я рѣшился еще разъ попытаться лично повергнуться къ ногамъ и раскрыть ту недовѣдомую тайну, за которую я безвинно страдаю со всѣмъ моимъ семействомъ. Почему я и писалъ, просилъ аудіенціи гдѣ-нибудь въ продолженіе пути. Но, о горе! получилъ тотъ отвѣтъ, о которомъ я упомянулъ въ моей сегодняшней запискѣ. Симъ все и кончилось.

(До сихъ поръ было написано 20-го предъ обѣдомъ; такъ и осталось за недосугами).

«21-го ноября. Не пославъ вчера сего письма, дополняю его теперь: Къ потеряннымъ правамъ прибавлю еще 3-ю потерю аппеляцій въ Сенатѣ. И объ этомъ долженъ вспомнить Александръ Христофоровичъ! да и много важнаго я не написалъ, ибо вы стояли у меня надъ

---

[1]) Разумѣется, если бы не безпрестанно подновляемыя очерненія.

шеею, читая вслѣдъ каждое слово, каждую литеру. Этакъ не дѣлаютъ и съ государственными преступниками! Пускай, вы дѣйствовали по именному повелѣнію, я иначе и разумѣть не могу [1]), ибо какъ вамъ иначе присылать квартальнаго за почетнымъ (почтеннымъ?) отцомъ семейства, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ, запирать его въ своемъ кабинетѣ, выталкивать его жену и проч.?..

«Александръ Христофоровичъ отпирается теперь отъ всякаго знакомства со мною, не зная-де и имени, имѣю ли я дѣтей и проч. Лучше всего спросите супругу вашу, она можетъ вамъ сказать, что имя мое было довольно извѣстно въ домѣ Маріи Дмитріевны. Тесть вашъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и графиня. У насъ найдутся и письма отъ нихъ пріятельскія въ украинской деревнѣ.

«Я и не мыслю тянуться съ Александромъ Христофоровичемъ,—Богъ съ нимъ. Пускай себѣ стращаетъ народъ... (хотя правду сказать лучше, если бы такъ дѣйствовать, чтобы царя вездѣ благословляли честные люди)! Но да помилуетъ онъ меня, наконецъ; ему охотно предоставляю честь должнаго за меня ходатайства и готовъ доставить ему записку о себѣ. Вотъ и примиреніе. Но онъ кричалъ, размахивая руками: «Этому не бывать, не бывать». Почему жъ не бывать, милостивый государь? Чѣмъ я грѣшнѣе прощаемыхъ теперь измѣнниковъ польскихъ? Я, котораго цѣлая жизнь (позволено въ такомъ случаѣ сказать о себѣ гордо самую истину) есть цѣпь полезныхъ дѣлъ, который себя никогда ничѣмъ недостойнымъ не запятналъ. «Смѣлъ-де, уменъ-де слишкомъ, дерзко-де пишетъ», слѣдовательно, за это и погубить его. А? милостивые государи. Бога убойтесь! Вашъ покорнѣйшій слуга Василій Каразинъ.

«Еще P. S. и въ немъ печальное замѣчаніе для XIX вѣка. Худо, право, что мы въ Россіи не хотимъ узнать другъ друга. Безъ нарочнаго высочайшаго повелѣнія у насъ нѣтъ и достоинствъ. И чуть-чуть кто сидитъ повыше у должности, тотъ готовъ толкать въ затылокъ всякаго, кто ему ни представляется. Это болѣе нежели азіатизмъ! Бросьте это!»

Содержаніе этихъ писемъ было изложено А. Бенкендорфомъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, на которомъ императоръ Николай I, 23-го ноября, написалъ: «Выслать съ жандармскимъ офицеромъ обратно на обыкновенное мѣсто жительства». При этомъ, московскій генералъ-губернаторъ, князь Голицынъ, сообщилъ харьковскому губернатору [2]),

[1]) Въ торопяхъ и замѣшательствѣ, въ какое приводило меня наипаче присутствіе бѣдной жены, я не вспомнилъ спросить васъ о семъ, также чрезъ какое посредство, или непосредственно, изъ устъ оное получили.

[2]) Въ отношеніи отъ 23-го ноября 1831 г. № 482.

чтобы онъ имѣлъ Каразина подъ строгимъ присмотромъ. Послѣдній выѣхалъ изъ Москвы 11-го декабря и опять появился въ своемъ Кручикѣ [1]). Спустя десять дней, сынъ его, Филадельфъ Васильевичъ, писалъ А. Бенкендорфу [2]):

«Къ доброму, подвергавшему нѣкогда очевидной опасности жизнь свою для спасенія погибавшихъ [3]), Александру Христофоровичу, осмѣливается прибѣгнуть убитый горестію сынъ злополучнаго отца, слишкомъ жестоко наказаннаго предубѣжденнымъ и раздраженнымъ противъ него Александромъ Христофоровичемъ... [4]) Сынъ статскаго совѣтника Каразина осмѣливается просить ваше высокопревосходительство о милосердіи къ нему...

«Чувствую, сколь необыкновенна такая дерзость; но, да будетъ сдѣлана по внушенію неопытнаго сердца, предчувствующаго, что многочисленному, безвинно пострадавшему семейству суждено быть столько же обязаннымъ благодарностью вашему высокопревосходительству, сколько теперь считаетъ себя же счастливленнымъ вами... Въ пылу негодованія вы едва не уничтожили его, но еще можно, можно его воскресить!...

«Ахъ! Если бы ваше высокопревосходительство лучше изволили знать моего родителя, конечно, вы пощадили бы его. Онъ невольно сдѣлался предъ вами виновнымъ. Бывши столько лѣтъ въ несчастнѣйшемъ положеніи и чувствуя, что онъ не заслужилъ этого, жертвовавши всегда всѣмъ для пользы общей, онъ дѣлалъ безпрестанныя усилія, дабы оправдать себя въ мнѣніи государя императора, но тщетно! Видимо какіе-то недоброжелатели препятствовали ему въ томъ. По стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, онъ осмѣлился предполагать, что ваше высокопревосходительство не благоволите къ нему. Онъ не умѣлъ этого скрыть— и подвергся справедливому негодованію вашему... Но, наказаніе превзошло мѣру вины: онъ страдаетъ не одинъ. Несчастная добрая наша мать, бѣдная сестра наша, всѣ мы—погибли, если онъ не будетъ помилованъ! На пребываніи его въ Москвѣ основывалась вся надежда наша на поправленіе разстроеннаго, скуднаго нашего достоянія. Теперь же все будетъ потеряно для насъ!.. Боже! еслибъ ваше высокопревосходительство могли знать положеніе наше!.. Сжальтесь, сжальтесь надъ безвиннымъ семействомъ! Изъ снисхожденія къ нему, да будетъ помилованъ отецъ, да возвратится ему свобода! да прекратится позорное его наказаніе!.. Если нужно утруждать государя императора для испрошенія

---

[1]) Письмо кн. Голицына А. Х. Бенкендорфу 13-го декабря, № 8607.

[2]) Отъ 21-го декабря 1831 года.

[3]) Во время наводненія въ С.-Петербургѣ, въ 1824 году.

[4]) Здѣсь и далѣе точки въ подлинникѣ.

милости сей, то получивъ на сіе соизволеніе вашего высокопревосходительства, я дерзну повергнуться къ стопамъ его, съ просьбою отъ всего нашего семейства...

«О! да узнаетъ отецъ мой, сколько онъ былъ неправъ, да возможетъ быть пристыженъ добротою вашею! Какое мщеніе сравнится съ симъ?

«Если надежда моя должна оправдаться, если ваше высокопревосходительство согласитесь на прощеніе отца моего, на счастіе цѣлаго семейства, то удостойте объявить мнѣ объ этомъ заблаговременно, дабы я могъ предупредить родителя моего, который ничего не знаетъ о шагѣ моемъ. Если жъ сверхъ чаянія и къ довершенію бѣдствій нашихъ суждено сердцу моему обмануться, то да извинятъ меня нѣсколько лѣта мои и неопытность...

«Съ чувствомъ глубочайшаго высокопочитанія и совершенною преданностію честь имѣю быть вашего высокопревосходительства, всепокорнѣйшимъ слугою.

Филадельфъ Каразинъ.
(служащій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ).

«P. S. Я осмѣлюсь явиться вскорѣ къ вашему высокопревосходительству, для узнанія своей участи».

На письмѣ этомъ рукою императора Николая написано: «Нужно мнѣ знать, по какому поводу велѣно было при императорѣ Александрѣ выслать Каразина изъ Петербурга».

На сдѣланный по этой резолюціи вопросъ графу Чернышеву, послѣдній отвѣчалъ Бенкендорфу:

«По справкѣ съ секретнымъ дѣломъ дежурства Главнаго штаба его величества имѣю честь увѣдомить васъ, что статскій совѣтникъ Каразинъ въ началѣ царствованія въ Бозѣ почивающаго императора Александра Павловича взысканъ былъ особымъ монаршимъ благоволеніемъ. Впослѣдствіи времени обременяя его величество разными проектами и письмами, навлекъ онъ себѣ много непріятностей, но и тутъ, по сродному его величеству благосердію, оказываемы были ему высочайшія снисхожденія и милости.

«Въ 1820 году при возмущеніи л. гв. Семеновскаго полка, подкинутъ былъ на дворѣ Преображенскихъ казармъ самый злостный пасквиль, коимъ полкъ Преображенскій вызываемъ былъ возстать на защиту и освобожденіе сослуживцевъ и проч. По сличенію поддѣльнаго почерка сего посквиля съ почеркомъ г. Каразина, по нѣкоторымъ выраженіямъ и безпокойному его нраву, пало подозрѣніе, что бумага сія могла быть имъ написана, и государь императоръ, получивъ оную въ Лайбахѣ, исполненный негодованія, повелѣть изволилъ князю В. П. Кочубею и покойному графу Милорадовичу взять бумаги Каразина, а самого его отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость, что и было тогда же сдѣ-

*

лано. Освобожденіе же его изъ крѣпости и отправленіе на жительство въ Харьковскую деревню послѣдовали по высочайшему повелѣнію, объявленному бывшимъ начальникомъ Главнаго штаба княземъ Волконскимъ» [1]).

Изложивъ содержаніе письма гр. Чернышева, Бенкендорфъ писалъ Ф. В. Каразину [2]):

«Государь императоръ, сообразивъ свѣдѣнія сіи съ послѣднимъ крайне предосудительнымъ поступкомъ отца вашего, учиненнымъ имъ во время нынѣшняго высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, изволилъ заключить, что отецъ вашъ, конечно, не умѣлъ восчувствовать оказанную ему его величествомъ милость дозволеніемъ жить въ Москвѣ и потому его величество, не находя справедливаго повода къ отмѣнѣ нынѣ высочайшаго рѣшенія о немъ императора Александра Павловича, не изъявилъ своего соизволенія на возвращеніе отца вашего въ Москву.

«Сообщивъ вамъ о сей высочайшей волѣ, нужнымъ считаю присовокупить съ моей стороны, что хотя отецъ вашъ и жалуется на меня, считая, что я причиною нынѣшняго отправленія его изъ Москвы; но въ этомъ онъ весьма ошибается. Доказательствомъ тому служитъ, во-первыхъ, то, что по моему ходатайству, ему, нынѣ царствующимъ императоромъ, всемилостивѣйше разрѣшено было жить въ Москвѣ, а во-вторыхъ, что и нынѣ я, получивъ ваше письмо, не остановился представить оное на всемилостивѣйшее воззрѣніе его императорскаго величества, невзирая на то, что послѣдній поступокъ отца вашего нисколько не давалъ ему права на снисхожденіе правительства. Письмомъ своимъ ко мнѣ, онъ просилъ меня, не знаю, съ какого повода, чтобъ я не повредилъ его сыну. На сіе я ему письмомъ же отвѣтствовалъ, что вредить кому-либо не сообразно правиламъ моимъ. Сей отвѣтъ мой къ нему, по неизвѣстности въ канцеляріи моей имени и чина отца вашего, былъ адресованъ ему просто съ надписью «г. Каразину». Отецъ вашъ, забывъ всякое приличіе, не принялъ въ уваженіе, что письмо писано къ нему не отъ частнаго, знакомаго ему человѣка, но отъ лица правительственнаго, облеченнаго довѣренностію государя императора, позволилъ себѣ возвратить мнѣ оное не распечатаннымъ и потомъ осмѣлился, въ присутствіи московскаго оберъ-полицеймейстера, оное изорвать и бросить. Такое нарушеніе должнаго къ правительству уваженія и всякаго приличія имѣлъ я долгъ довести до свѣдѣнія его величества, вовсе, впрочемъ, не въ видѣ личной мнѣ обиды, но какъ о дерзкомъ поступкѣ въ отношеніи къ начальству.

«Я счелъ не лишнимъ въ подробности изъяснить вамъ весь ходъ

---

[1]) Письмо гр. Чернышева Бенкендорфу, 2-го января 1832 г. № 1.

[2]) Въ письмѣ отъ 15-го января 1832 г. № $^{268}/_{28}$.

дѣла, дабы вы сами могли судить о поступкахъ отца вашего и о моихъ въ отношеніи его дѣйствіяхъ, и въ заключеніе скажу вамъ, что я никогда не привыкъ страшиться никакихъ угрозъ, и что отецъ вашъ, стараясь, какъ мнѣ извѣстно, возбудить дѣтей своихъ противъ меня и правительства, доказываетъ лишь тѣмъ, сколь мало онъ радѣетъ о пользѣ ихъ и о внушеніи имъ чувства истинныхъ вѣрноподданныхъ».

Между тѣмъ самъ В. Н. Каразинъ, возвратившись въ свое имѣніе, писалъ императору Николаю [1]):

«Государь всемилостивѣйшій! Прошеніе мое, принесенное черезъ посредство московскаго генералъ-губернатора, вѣроятно, уже рѣшено [2]). Но тѣмъ не менѣе я отваживаюсь бесѣдовать съ моимъ самодержцемъ. Я употреблю для сего языкъ простосердечія (слѣдовательно, и правды); такой языкъ любилъ безсмертный твой прадѣдъ Петръ Великій.

«Приключеніе, за которое я передъ публикою древней русской столицы такъ уничижительно пострадалъ, состояло вотъ въ чемъ: (удостой читать со вниманіемъ: я донесу такія истины, которыя, наконецъ, инымъ образомъ не могли бы быть обнаружены).

«Нечаянно случилась (11-го января 1830 г.), по поводу избранія меня (въ 1828 г.) Слободскою-Украинскою губерніею въ кандидаты предсѣдателя Уголовной палаты, что дѣйствія тайной экспедиціи, кои никогда еще не смѣшивались съ судомъ по законамъ, обнародованы самымъ громкимъ образомъ: именно провозглашены въ харьковской каѳедральной церкви, во время съѣзда дворянства для выборовъ и къ ярмаркѣ, предъ многолюдствомъ всякаго званія, пола и возраста [3]).

«Мнѣ, предмету таковой нелѣпости, пропустить ее безмолвно не позволяли ни лѣта мои, ни, смѣю сказать, значеніе въ обществѣ, ни званіе отца дочери невѣсты и шестерыхъ сыновъ, одинъ за другимъ вступающихъ въ службу. Всякій бы могъ, указывая на меня пальцемъ, сравнивать меня съ Мазепою и Пугачевымъ, ибо о нихъ лишь раздавалось въ храмахъ позорное провозглашеніе. Кто захочетъ быть зятемъ такому человѣку? И не подвергалъ ли я сыновей насмѣшкамъ, отъ коихъ бы имъ житья не было, и безчисленнымъ поединкамъ въ военной службѣ. Само правительство было интересовано въ семъ случаѣ. Ибо не даромъ его дѣйствія внѣ законовъ не имѣютъ никакого плебисцита. Опустивъ сію завѣсу, мнѣніе цѣлаго свѣта и собственное наше ставитъ Россію въ число образованныхъ земель, управляемыхъ законами. Отнявъ ее—мы въ Азіи!... Всѣ министры издревле, всѣ государи отъ Алексѣя Михайловича, учредителя тайной (канцеляріи) до вашего им-

---

[1]) Отъ 31-го декабря 1831 года.

[2]) О прошеніи этомъ намъ ничего неизвѣстно.

[3]) О какомъ провозглашеніи говоритъ здѣсь Каразинъ, намъ неизвѣстно.

ператорскаго величества сіе чувствовали. Наказанія сего рода, такъ сказать комнатныя, не имѣли на службу (ни по высочайшему назначенію, ниже по выборамъ) ни малѣйшаго вліянія. Мой бывшій Орестъ Сперанскій, послѣ ссылки, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Сибири; и бывшій его Пиладъ, послѣ подобной же опалы, былъ избранъ въ члены разныхъ ученыхъ обществъ и губерніею въ почетныя званія совѣстнаго судьи и уголовнаго предсѣдателя. Само собою слѣдуетъ, такъ сказать математически; что если бы когда-нибудь наказаніе по тайной было когда-нибудь обнародовано въ дѣйствительный укоръ чести наказаннаго (что и случилось первый разъ можетъ быть въ теченіе двухъ столѣтій), то оно должно быть вознаграждено какою-либо высочайшею милостію, которая бы водворила его въ первобытное состояніе. Александръ Христофоровичъ понимаетъ иначе сію важную истину. Не отвѣчавъ мнѣ ни на одно мое прошеніе, онъ и оффиціальное (на гербовой бумагѣ), то, которое я препроводилъ на имя управляющаго министерствомъ юстиціи, но которое къ нему по связи дѣлъ перешло, оставилъ безъ всякаго отвѣта. Симъ образомъ затворилъ онъ мнѣ и послѣдній еще остававшійся путь къ особѣ сколько мудраго, столько и милостиваго государя, которому одному предлежало разрѣшить судьбу моего семейства одиннадцать лѣтъ безвинно (совершенно безвинно) страждущаго къ соблазну тысячей другихъ. Надежда предстать лично когда-нибудь была уже отнята у меня письмомъ его (А. Х.) отъ 23-го сентября 1830 года за № 3807 и прежнимъ искусно объявленнымъ повелѣніемъ не въѣзжать въ С.-Петербургъ (Богъ вѣдаетъ, по какой причинѣ! ибо чѣмъ человѣкъ, нѣжно любимый въ продолженіе трехъ лѣтъ Александромъ Благословеннымъ, хуже всѣхъ четырехъ сотъ тысячъ, живущихъ въ сей столицѣ?...) Съ г. Лонгиновымъ я давно во враждѣ, назвавъ его въ отвѣтъ на грубое письмо его къ моей женѣ поповичемъ, и онъ успѣлъ уже, въ наилучшее сему доказательство, кинуть мнѣ въ глаза нераспечатанный кувертъ и экземпляръ книги, право, не недостойной мѣста, куда оная была назначена, яко первая еще въ своемъ родѣ (въ Россіи). Мнѣ не оставалось другаго средства, какъ съ сильнѣйшимъ изъ двухъ поссориться гласно, чтобы вмѣстѣ съ ссорою довести и самое дѣло до высочайшаго свѣдѣнія. Подобно тому, государь, донесу я, продолжая въ томъ же простосердечіи, какъ и началъ: у насъ, у дворянъ, въ передней иногда, обиженный умышленно поднимаетъ шумъ, чтобъ господинъ самъ оглянулся. И обыкновенно тотъ, кто симъ образомъ ищетъ управы, первый получаетъ пощечину отъ господина, что и со мною случилось... Но умный господинъ вслѣдъ за симъ начинаетъ уже допросъ... И ваше величество, конечно, такъ же поступите.

«Впрочемъ, въ самомъ шумѣ этомъ Александръ Христофоровичъ гораздо болѣе меня виноватъ, ибо онъ самоуправно (мимо генералъ-губернатора, который есть одинъ начальникъ полиціи) далъ приказаніе, исправляющему должность оберъ-полицеймейстера меня принудить распечатать кувертъ, прежде весьма учтиво ему только возвращенный. Неприличныя выраженія: я имѣю средства васъ принудить (чѣмъ? побоями? или голодомъ?) заставили меня изорвать кувертъ. И при томъ, о государь! что и за святыня кувертъ этотъ!... Онъ содержалъ партикулярный отвѣтъ на партикулярное письмо: и печать и № (371, по приведенному выше №, этотъ долженъ быть по крайней мѣрѣ 4600, если бы онъ принадлежалъ къ бумагамъ по должности), то доказывали на-ряду съ содержаніемъ того и другаго. Генералъ-адъютанта или шефа императорской квартиры и въ поминѣ не было! А во всякомъ другомъ случаѣ Каразинъ стоитъ Бенкендорфа—вы лучше насъ обоихъ это знаете. Приласкайте перваго, добрѣйшій государь, за безвинно данную ему пощечину! Не бойтесь золотой челяди, окружающей васъ, передъ которою смѣлою правдою только (доказанною 14-мъ декабря и 17-мъ ноября) виноватъ.

«Вѣрноподданный, душевно преданный Василій Каразинъ.

«P. S. Пожалѣйте о моемъ семействѣ, добрѣйшій государь! Данная мнѣ пощечина пала и на него: она далеко и громко раздается въ Россіи, ибо, что ни говори эти господа, имя мое въ ней извѣстнѣе есть и будетъ ихъ именъ, тускло отсвѣчивающихся только на подписяхъ объявляемыхъ повелѣній. Съ какого повода они выставляютъ меня предъ вами подобно какъ Фамусовъ Чацкаго карбонаріемъ?... Пусть въ доказательство сошлются хотя на одного свидѣтеля, хотя на одну строку моей руки! Пятьсотъ человѣкъ можетъ быть допрошено [1]), показалъ ли кто на меня? Подсыланы были даже. Не я ли, скрывъ имя, говорилъ о васъ, достойнымъ образомъ и теперь въ Москвѣ? Не я ли обращалъ вниманіе на то, что портреты ваши, какъ бы умышленно представляющіе васъ иностранцемъ и суровымъ, ничуть на васъ не похожи? Значительное лицо ваше привлекаетъ между тѣмъ, какъ портреты грозятъ: оно есть прекрасная середина изъ физіономій Маріи и Александра, не забвенныхъ для любви и художествъ. Не я ли восхитилъ Донцовъ, описавъ имъ пріѣздъ въ Москву высокаго, прелестнаго ихъ атамана? (въ письмѣ къ директору училищъ въ Черкасскѣ). Не я ли и прежде, въ 1816 году еще, какъ бы предугадывая въ васъ государя (къ чему, кто знаетъ! не первую ли мысль я же бросилъ, обративъ вниманіе въ Бозѣ почившаго на пророческіе стихи Державина въ 1802 году, при одномъ случаѣ, стѣс-

[1]) Здѣсь В. Н. Каразинъ намекаетъ на допросъ семеновцевъ.

нившемъ Его (Алекс.) сердце?) — искалъ показать вамъ мои сельскія учрежденія? Какъ счастливымъ я себя съ женою почелъ въ 1820 году, что милая ваша великая княжна доѣхала домой въ нашемъ экипажѣ.

«Одно опредѣленіе сыновей въ службу, безпокоя о семъ даже августѣйшую особу вашу, доказываетъ привязанность мою къ существующему порядку. Вотъ уже и четвертый теперь поступаетъ въ морской, любимый вами корпусъ!.. Такъ! я желаю, чтобъ вы сдѣлали счастливымъ свой народъ сообразно вѣку, который не есть XVI, ни XVII. Но— почитать смѣлаго человѣка, жертвующаго собою иногда въ сокровенной отъ всѣхъ бесѣдѣ за одно съ врагомъ, точащимъ въ тайнѣ ножъ или какъ бы на площади дѣйствующаго языкомъ [1])! О государь! Для чего мнѣ не можно теперь всего высказать!»

На это письмо не послѣдовало никакого отвѣта. Каразинъ попрежнему оставался подъ присмотромъ и жилъ въ деревнѣ. Въ 1835 году, онъ, черезъ слободско-украинскаго губернатора, просилъ о разрѣшеніи, по случаю продажи имѣнія его въ Харьковской губерніи, переселиться въ имѣніе жены и дѣтей, находившееся въ Московской губерніи, съ дозволеніемъ жить по временамъ и въ самой Москвѣ, гдѣ имѣетъ свой домъ. На всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Бенкендорфа [2]), императоръ 2-го іюня написалъ: «Согласенъ, но подъ строгимъ надзоромъ, чтобъ никуда не отлучался».

Подобный надзоръ, конечно, тяготилъ В. Н. Каразина, и онъ рѣшился обратиться съ просьбою о прощеніи къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ:

«Милостивѣйшая великая княгиня!»—писалъ онъ[3]).

«1820 года, также помнится въ іюлѣ мѣсяцѣ, выѣзжая съ женою и тремя дѣтьми (въ С.-Петербургѣ) изъ Сергіевской улицы на набережную Фонтанки, увидѣлъ я остановившійся придворный экипажъ, у котораго ось изломалась. Изъ окна выглядывало, сидя на колѣняхъ прислужницы, прелестное дитя. Подбѣжать, предложить свою карету дамѣ, сопровождавшей на прогулкѣ ваше императорское высочество, было дѣломъ одного мгновенія. О, какъ мило улыбнулись вы намъ тогда, несравненная царевна!.. Еще до сихъ поръ рисуется въ воображеніи 66-ти лѣтняго старика протянутая изъ дверецъ кареты нѣжная ручка!..

«Теперь вы счастливая супруга уже, и супруга того самаго принца,

---

[1]) Удостойте спросить у Дмитрія Васильевича (Дашкова) (благороднѣйшаго изъ министровъ вашихъ), партикулярное мое письмо отъ 2-го или 3-го февраля 1830 года, если оно сохранилось.

[2]) Отъ 29-го мая 1835 года.

[3]) Отъ 15-го іюля 1839 г., изъ Харькова.

къ которому, на прогулкахъ его въ Одессѣ, влекло меня какое-то особенное чувство. Примите мое поздравленіе!

«Царевна! Улыбнитесь мнѣ еще разъ; прострите мнѣ сей разъ руку помощи! Испросите мнѣ помилованіе совершенное и рѣшительное у августѣйшаго вашего родителя! Поставьте меня въ то положеніе не безполезное для службы ему и отечеству, въ которомъ я, въ первые годы царствованія великаго дяди вашего, готовилъ по его повелѣнію уставы народнаго просвѣщенія. Да посвятится черезъ ваше ходатайство сей части, которой я преданъ полстолѣтія уже всею душою и благодарности вамъ, остатокъ моего вѣка!

«Вашего императорскаго высочества, всенижайшій слуга Василій Назаровъ Каразинъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ, помѣщикъ Харьковской губерніи».

Прошеніе это Каразинъ отправилъ Бенкендорфу, въ то время графу, и просилъ его доставить по принадлежности. Графъ Бенкендорфъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ 11-го августа 1839 г., въ которомъ говорилъ: «Всеподданнѣйше представляя при семъ вашему императорскому величеству означенную просьбу Каразина, имѣю счастіе донести, что въ поведеніи его, со времени послѣдняго удаленія, ничего предосудительнаго доселѣ не замѣчено и что онъ нынѣ уже по лѣтамъ своимъ не можетъ быть вреденъ, почему я съ моей стороны полагалъ бы возможнымъ удостоить его всемилостивѣйшаго прощенія съ дозволеніемъ жить, гдѣ пожелаетъ.

«Повергая таковое заключеніе на высочайшее вашего императорскаго величества воззрѣніе, осмѣливаюсь присовокупить, что всемилостивѣйшее прощеніе Каразина будетъ для меня тѣмъ болѣе радостно, что онъ, по заблужденію, считаетъ себя преслѣдуемымъ мною».

Императоръ Николай, 22-го августа, написалъ на прошеніи: «Согласенъ, кромѣ столицъ».

Эта резолюція, повидимому, примирила Каразина и съ его положеніемъ, и съ графомъ Бенкендорфомъ.

«Какъ уединенно я живу,—писалъ онъ [1]),—и какъ скромны наши газеты, касательно внутреннихъ вѣстей!.. На сихъ дняхъ только, и случайно черезъ одного возвратившагося изъ С.-Петербурга пріятеля, узналъ я о несчастномъ приключеніи, подвергавшемъ опасности вашу драгоцѣнную жизнь. Удивлялся только, не находя имени вашего сіятельства въ числѣ выѣзжавшихъ изъ С.-Петербурга въ Бородино! Не смѣя роптать, что не получаю отвѣта на мои деревенскія и городскія посланія (во множественномъ ихъ числѣ), наконецъ, является нѣчто въ родѣ отвѣта!..

[1]) Графу Бенкендорфу 26-го сентября 1839 г.

21-го числа, сего мѣсяца, квартальный нашъ принесъ мнѣ объявленіе о полученномъ по части министерства внутреннихъ дѣлъ всемилостивѣйшемъ меня прощеніи, «съ дозволеніемъ жить, гдѣ пожелаю, кромѣ столицъ», по всеподданнѣйшему-де докладу присланнаго изъ Харькова его (Каразина) прошенія. По этой же почтѣ я прошу графа Александра Сергіевича (Строгонова) о доведеніи до свѣдѣнія его императорскаго величества моей глубочайшей вѣрноподданнѣйшей благодарности. Но какъ я никакого другаго прошенія съ 1833 года не посылалъ, не дерзалъ даже почитать позволеннымъ посылать, кромѣ только вамъ, добрѣйшій графъ, извѣстныхъ, принесенныхъ именно вамъ, то не великой ли княгинѣ [1]) я обязанъ симъ радостнымъ для всего моего семейства событіемъ, т. е. прощеніемъ? Оно для меня важно, хотя, впрочемъ горькая участь моя оставлена тою же (я и до сихъ поръ невозбранно жилъ и въ деревнѣ и въ губернскомъ городѣ и ѣздилъ также невозбранно въ Кіевъ и Одессу). Удостойте, графъ, принести за меня всенижайшую благодарность моей благотворительницѣ! Мысленно, на колѣняхъ, лобызаю ручки ея въ ожиданіи, пока придумать могу что-нибудь къ засвидѣтельствованію глубокаго моего чувства.

«Это что-нибудь, вѣроятно, будетъ достойный внуки Маріи и дщери Александры проектъ учрежденія училища для забытыхъ нынѣ дѣвицъ бѣднаго народа. Вы изволите его получить по слѣдующей почтѣ на основаніи прилагаемаго у сего (отдѣльно напечатаннаго) листа изъ губернскихъ нашихъ газетъ [2]). Начальница здѣшняго института благородныхъ дѣвицъ, да и многіе очень одобряли эту мысль. Легко ей состояться, если вы подкрѣпите на одной изъ приватныхъ бесѣдъ вашихъ!

«Примите, добрѣйшій графъ, глубочайшаго къ вамъ почтенія и чистосердечной приверженности увѣреніе».

Черезъ нѣсколько дней Каразинъ дѣйствительно прислалъ графу Бенкендорфу свой проектъ «О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ» съ такою собственноручною припискою: «Не взыщите, добрѣйшій графъ, если этотъ списокъ съ препровожденной ея императорскому величеству бумаги будетъ въ какомъ-нибудь незначительномъ выраженіи не точенъ противъ оригинала. Писавши, я поправлялъ, а теперь иное диктовалъ сыну изъ памяти. 4-го октября».

Между тѣмъ, не получая увѣдомленія о томъ, что его благодарность доложена великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, нетерпѣливый В. Н. Каразинъ писалъ графу Бенкендорфу [3]):

---

[1]) Въ кувертѣ моемъ къ вамъ (посланномъ) отъ 15-го іюля сего года. Примѣч. Каразина.

[2]) Прибавленіе къ № 34 „Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей" 1839 г.

[3]) Въ письмѣ 15-го ноября 1839 г. изъ Харькова.

«Удостойте ободрить, оживить меня одною строкою!... Я такъ давно уже не получалъ отвѣта! Жажду особливо узнать о послѣдствіи моей всенижайшей благодарности ея императорскому высочеству. Дайте мнѣ старику, старому другу воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, еще разъ отъ умиленія поплакать, какъ плакалъ я въ 1802 г., когда увидѣлъ въ манифестѣ 8-го сентября внесеннымъ министерство народнаго просвѣщенія между прочими.

«Ахъ, добрѣйшій графъ! Неужели вы не захотите или не можете сколько-нибудь подѣйствовать на предубѣжденіе (противъ меня) наилучшаго изъ царей?

«Безвременное усердіе, безумное дерзновеніе говорить то, что я святымъ долгомъ почиталъ сказать, есть все, что составляетъ вину мою въ продолженіе 40 лѣтъ...

«Высочайшій гнѣвъ имѣлъ послѣдствіемъ ополченіе ябеды. Предсѣдатели палатъ и сенаторы говорили не безъ основанія: на что щадить врага общественнаго? Сказавъ это, они лишили меня имѣнія, пожалованнаго за пролитую кровь и другія заслуги моему отцу. Вѣдь я живу теперь скудными доходами жены моей.

«Сіятельнѣйшій графъ! И прошенія ея о пересмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ лежатъ безплодно и у васъ и въ коммиссіи прошеній. А бѣдныя, уже чисто безвинныя дѣти не потерпѣли ли отъ этого же предубѣжденія? Старшій сынъ, напримѣръ, гордость моя, котораго я воспиталъ сообразно природнымъ его способностямъ, чтобы блеснуть имъ передъ августѣйшимъ моимъ благотворителемъ блаженной памяти, готовя его для генеральнаго штаба, этотъ молодецъ, владѣющій тремячетырьмя языками, какъ своимъ отечественнымъ, этотъ математикъ, физикъ и проч.,—что онъ теперь на 33 году его жизни? онъ, которому принадлежало бы въ флигель-адъютантахъ дѣлать честь своему званію?—бѣдный прострѣленный въ егеряхъ подпоручикъ въ отставкѣ.

«Чудное дѣло, графъ! Человѣкъ съ ума сшедшій на усердіи къ своимъ государямъ и отечеству, написавшій сильнѣйшіе доводы въ защиту самодержавнаго правленія [1]), считается какимъ-то карбонари, потому только, что онъ смѣлъ! Забыто одно, что онъ писалъ и пишетъ подъ печатію тайны, какъ нѣжный сынъ отцу, котораго обожаетъ.

«Всепокорнѣйшій слуга и вѣчно вѣрный почитатель».

Это одно изъ послѣднихъ писемъ Каразина, бывшихъ въ нашихъ рукахъ; 4-го ноября 1842 года онъ скончался.

Н. Дубровинъ.

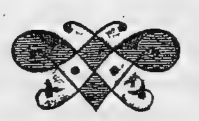
[1]) Отъ васъ зависитъ выправиться въ секретномъ архивѣ департамента народнаго просвѣщенія о моей рукописи, поднесенной харьковскому дворянству въ 1816 году. Примѣч. Каразина.

Неизданное стихотвореніе В. А. Жуковскаго цесаревичу Александру Николаевичу [1]).

Прими, Россіи вѣрный сынъ,
Отъ русскихъ въ Римѣ русскій блинъ
И скушай на здоровье!
Счастливый путь тебѣ;—отъ насъ одно условье:
Гуляй, любуйся всѣмъ и всюду веселись,
Но лишь опять не простудись [2]),
И много лѣтъ тебѣ съ царемъ и съ царскимъ домомъ!
И будь во всемъ удача вамъ!
А царства Русскаго врагамъ
Будь все наперекоръ, будь каждый блинъ имъ комомъ!

Римъ. 30-го генваря 1839.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

[1]) Печатается по копіи, находящейся въ бумагахъ академика А. Ѳ. Бычкова и снятой имъ собственноручно въ 1850-хъ годахъ. Масленицу 1839 г. цесаревичъ Александръ Николаевичъ проводилъ, какъ извѣстно, въ Римѣ.

[2]) Еще въ началѣ своего заграничнаго путешествія 1838—39 г.г. наслѣдникъ, во время пребыванія въ Копенгагенѣ, сильно простудился и захворалъ лихорадкою.

Сперанскій въ 1808—1811 гг.

(Дополнительныя замѣтки къ «Жизни графа Сперанскаго»).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Помѣщаемыя ниже замѣтки, извлеченныя нами изъ дополнительныхъ матеріаловъ къ «Жизни графа Сперанскаго», относятся къ его дѣятельности за періодъ съ 1808 до 1812 года и содержатъ въ себѣ нѣкоторыя новыя данныя для характеристики какъ самого Сперанскаго, такъ и тѣхъ лицъ, съ которыми судьба ставила его за то время въ ближайшія отношенія.

8-го августа 1808 года состоялся указъ о назначеніи Сперанскаго присутствующимъ въ совѣтѣ коммиссіи составленія законовъ. До тѣхъ поръ главнымъ въ ней дѣятелемъ и полнымъ хозяиномъ былъ извѣстный баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ (р. 1764 г. † 1832 г.).

Вотъ какъ самъ Розенкампфъ, въ своихъ Запискахъ, говоритъ о своемъ вступленіи въ комиссію законовъ:

«При проѣздѣ императора Александра, въ іюлѣ 1801 года, черезъ Лифляндію, я, въ званіи дерптскаго уѣзднаго судьи и ландрихтера, встрѣтилъ его и сопровождалъ до границы, и тутъ впервые увидѣлъ находившихся въ его свитѣ камергера Новосильцова и графа Кочубея. Потомъ, лѣтомъ 1802 года, я ѣздилъ, по частному дѣлу, въ Петербургъ и возобновилъ тамъ знакомство съ соученикомъ моимъ по Лейпцигскому университету Козодавлевымъ, человѣкомъ образованнымъ и прекрасныхъ качествъ. Какъ онъ, такъ и Державинъ, вскорѣ затѣмъ назначенный

министромъ юстиціи, приняли меня очень дружественно и, при рѣчи о возобновленіи дѣятельности коммиссіи законовъ, находившейся въ то время подъ управленіемъ графа Завадовскаго, вызвали меня написать статью о законодательствѣ. Эта статья, оконченная уже по возвращеніи моемъ въ Дерптъ, была потомъ напечатана въ издававшемся Карамзинымъ, въ Москвѣ, журналѣ [1]) и дошла этимъ путемъ до свѣдѣнія государя. Въ ноябрѣ того же 1802 года я получилъ отъ Державина формальный зовъ явиться въ Петербургъ, для опредѣлеиія тамъ на службу. Прибывъ туда, я познакомился съ Новосильцовымъ, пользовавшимся въ то время величайшею довѣренностью государя. Разговоръ коснулся законодательства. Онъ зналъ о моей статьѣ и на отзывъ мой, что, еслибъ было въ виду меня употребить, я желалъ бы служить именно по этой части, отвѣчалъ, что только наканунѣ была съ государемъ рѣчь о томъ, гдѣ бы найти человѣка для этихъ занятій, что онъ, слѣдственно, очень радъ моему вызову и охотно доложитъ государю объ опредѣленіи меня въ коммиссію. Такимъ образомъ дѣло это немедленно и уладилось».

Этотъ разсказъ объ опредѣленіи Розенкампфа въ коммиссію законовъ, какъ выше сказано, взятъ изъ собственныхъ его Записокъ.

«Но старый шифрёръ Бекъ, извѣстный нѣкогда всему Петербургу подъ названіемъ: «der alte Geheimrath Beck» (т. е. старый тайный совѣтникъ Бекъ), человѣкъ, все на свѣтѣ знавшій и помнившій и, впослѣдствіи, самъ пострадавшій по исторіи Сперанскаго, разсказывалъ дѣло нашего «перваго референдарія» съ такими подробностями, которыхъ мы не находимъ въ Запискахъ послѣдняго. По словамъ этого Бека,—говоритъ баронъ М. А. Корфъ—Розенкампфъ былъ уже отчасти извѣстенъ Александру участіемъ своимъ въ работахъ объ освобожденіи лифляндскихъ крестьянъ и, вслѣдствіе этого, по пріѣздѣ въ Петербургъ, вмѣсто того, чтобы идти обыкновенными путями, имѣлъ ребяческое тщеславіе представиться, прежде всѣхъ, государю, который, разумѣется, тутъ же о немъ и забылъ; но выписавшаго его въ Петербургъ Новосильцова эта продѣлка такъ взбѣсила, что онъ не хотѣлъ болѣе и видѣть его. Скитаясь затѣмъ по столицѣ, безъ мѣста и безъ дѣла, Розенкампфъ наткнулся на Бека, знавшаго его еще по Лифляндіи, и этотъ присовѣтовалъ ему начать совсѣмъ съ другого конца, именно съ придворнаго лакея Франца, очень близкаго къ Новосильцову, которому онъ, въ компаніи съ состоявшимъ

[1]) Эта статья была напечатана въ издававшемся Карамзинымъ „Вѣстникѣ Европы“ 1803 года, генварь, № 2, стр. 141—156, подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи Россіи. Письмо изъ Д*** [т. е. Дерпта] отъ Г. фонъ Р*** [т. е. Розенкампфа] къ О. П. К. [т. е. Козодавлеву], по случаю присылки къ нему книги сочиненія прусскаго юрисконсульта Клейна“.

на службѣ при послѣднемъ Вронченко (впослѣдствіи министръ финансовъ), доставлялъ средства удовлетворять его страсти къ прекрасному полу. И точно, Францъ, за имперіалъ и жирный обѣдъ въ трактирѣ, не отказалъ въ своемъ посредничествѣ. Новосильцовъ отложилъ свой гнѣвъ, и Розенкампфъ былъ опредѣленъ въ коммиссію».

«Розенкампфъ—пишетъ Корфъ—котораго мы очень близко знали и подъ начальствомъ котораго нѣсколько лѣтъ служили, при неоспоримыхъ умственныхъ достоинствахъ и знаніяхъ, принадлежалъ, въ нравственномъ отношеніи, къ числу тѣхъ людей, для которыхъ нѣтъ ничего святого. Лицемѣрный льстецъ, лгунъ, мстительный, исполненный коварства и желчной злобности, онъ готовъ былъ на все, когда дѣло шло о личныхъ его интересахъ. Ему нельзя было отказать ни въ остромъ умѣ, ни въ обширныхъ теоретическихъ свѣдѣніяхъ; но знанія его въ русскомъ языкѣ были крайне скудны, а о Россіи — еще скуднѣе; знакомства съ нашимъ дѣйствующимъ правомъ, а тѣмъ болѣе съ его источниками, онъ не имѣлъ никакого». Немудрено поэтому, что работы по сочиненію уложеній, чѣмъ должна была заниматься коммиссія законовъ, подвигались крайне медленно и безуспѣшно.

Вдругъ, и въ коммиссіи явился Сперанскій.

Примѣчательно, что Сперанскій выдавалъ свое назначеніе въ коммиссію—по крайней мѣрѣ передъ нѣкоторыми—какъ бы за случайное и сдѣланное почти противъ его воли. 25-го сентября 1808 года онъ писалъ, изъ Эрфурта, графу В. П. Кочубею, жившему тогда, внѣ службы, въ своихъ деревняхъ: «При отъѣздѣ князя Лопухина въ Кіевъ, мнѣ досталась коммиссія законовъ, въ которую, безъ чаянія и желанія моего, опредѣленъ я членомъ».

Назначеніе Сперанскаго въ коммиссію было тяжелымъ ударомъ для честолюбиваго Розенкампфа.

«Онъ хорошо зналъ—пишетъ Корфъ—дѣятельность и дарованія новаго члена коммиссіи, зналъ и то, что Сперанскій поступаетъ въ нее не съ цѣлью быть празднымъ свидѣтелемъ чужихъ трудовъ. Легко понять, что Розенкампфомъ, съ самой первой минуты, овладѣла глубокая ненависть къ человѣку, такъ внезапно ставшему на его пути».

«Ненависть Розенкампфа къ Сперанскому — продолжаетъ Корфъ — возбуждена была, сверхъ того, еще двумя особенными обстоятельствами. Первый самъ, въ своихъ Запискахъ, разсказываетъ, что онъ, въ 1807 году, составилъ, по волѣ государя, проектъ новаго образованія для С.-Петербургскаго губернскаго правленія, который былъ переданъ потомъ къ разсмотрѣнію въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и что Сперанскій, состоявшій еще тогда въ этомъ министерствѣ, написалъ на его проектъ такую жестокую критику, что, несмотря на всю ея неосновательность (?), проектъ былъ отвергнутъ. Уже этого одного довольно было,

чтобы внушить тщеславному Розенкампфу горькую злобу противъ виновника его пораженія. Но другое обстоятельство, извѣстное намъ, впрочемъ, только по разсказу старика Бека, было еще важнѣе. Говорили, что за Розенкампфомъ, на самыхъ первыхъ порахъ сослуженія его съ Сперанскимъ, открылось какое-то очень черное дѣло еще изъ временъ лифляндскаго его адвокатства, какая-то прикосновенность къ фальшивому банкротству, выкраденнымъ документамъ и пр., — дѣло, которое поступило уже и въ судъ и доводило обвиняемаго до такого отчаянія, что онъ, вначалѣ, покушался даже было на свою жизнь. Между тѣмъ все это дошло, стороною, и до новаго его начальника, который, вмѣсто того, чтобы тотчасъ выгнать Розенкампфа, или по крайней мѣрѣ уже совсѣмъ промолчать, имѣлъ неосторожность, давъ замѣтить, что онъ все знаетъ, слѣдственно, что судьба преступника въ его рукахъ, несмотря на то, оставить его въ коммиссіи. Въ такой крайней опасности Розенкампфъ, будто-бы, умудрился, втайнѣ, выкупить изъ суда всѣ части дѣла, касавшіяся его личности, но съ тѣхъ поръ объявилъ смертельную и непримиримую вражду Сперанскому, его прозрѣвшему, а жена его, очень умная и талантливая француженка (урожденная Бларамбергъ), принятая, въ то время, въ высшемъ обществѣ, стала разглашать вездѣ, подъ рукою, самыя злобныя противъ Сперанскаго клеветы».

Бывъ опредѣленъ въ коммиссію законовъ незадолго до эрфуртской поѣздки, Сперанскій сначала не могъ настоящимъ образомъ приняться за дѣло. Вскорѣ же по возвращеніи изъ Эрфурта, онъ былъ назначенъ (16-го декабря 1808 г.) товарищемъ министра юстиціи, — именно для коммиссіи,—и сталъ истиннымъ ея начальникомъ. Сперанскимъ былъ представленъ докладъ о необходимости преобразовать коммиссію, и 7-го марта 1809 года издано новое о ней положеніе [1]).

Розенкампфъ былъ сравненъ съ другими начальниками отдѣленій, что чрезвычайно его огорчило. Къ этому присоединились еще двѣ лично ему нанесенныя Сперанскимъ непріятности.

«По представленію Розенкампфа съ 1805 года нѣсколько извѣстныхъ

---

[1]) По этому положенію (П. С. З. №№ 23524 и 23525) коммиссія составлена изъ трехъ частей: сословія юрисъ-консультовъ, раздѣленнаго на отдѣленія, для производства самыхъ работъ; правленія, для разсмотрѣнія и утвержденія плана работъ и руководства ими, и совѣта, для пересмотра изложенія законовъ, по мѣрѣ ихъ составленія.—Сперанскій былъ назначенъ членомъ правленія и совѣта, съ порученіемъ ему и управленія письмоводствомъ. Начальниками отдѣленій опредѣлены: по гражданскому уложенію — Розенкампфъ; по уголовному—Дружининъ; по коммерческому—Вирстъ; по публичному праву и государственной экономіи — Балугьянскій; по своду законовъ остзейскихъ губерній — Зальфельдтъ; по своду законовъ малороссійскихъ и польскихъ—Повстанскій. (Архивъ коммиссіи).

иностранныхъ ученыхъ и юристовъ было назначено почетными членами и корреспондентами коммиссіи [1]), съ жалованьемъ по 400 руб. сер. въ годъ. Двѣ послѣдовавшія затѣмъ войны и поѣздки государя за границу замедлили выдачу имъ окладовъ; но наконецъ состоялось положительное повелѣніе начать ихъ отпускъ. «Къ сожалѣнію — говоритъ Розенкампфъ въ своихъ Запискахъ—это повелѣніе совпало со вступленіемъ въ управленіе коммиссіею Сперанскаго. Не питая никакого уваженія къ нѣмецкимъ ученымъ и писателямъ, потому что не былъ въ состояніи ихъ читать и понимать, и притомъ ловя всякій случай меня компрометировать, онъ, подъ предлогомъ безполезности такихъ корреспондентовъ, тотчасъ исходатайствовалъ отмѣну помянутаго повелѣнія, и такимъ образомъ обнадеженныя мною почтенныя лица были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ».

«Еще чувствительнѣе для меня было—продолжаетъ Розенкампфъ—упраздненіе учрежденнаго въ 1806 году, тоже по моему представленію, высшаго училища правовѣдѣнія. Сперанскій успѣлъ въ томъ, увѣривъ государя, что напрасно имѣть такую школу, пока нѣтъ еще книгъ законовъ, и что, для образованія, въ ожиданіи ихъ, чиновниковъ, довольно и университетовъ, имѣющихъ вездѣ юридическіе факультеты».

«Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ — пишетъ Корфъ,—что упоминаемое Розенкампфомъ высшее училище правовѣдѣнія было окончательно упразднено только въ 1816 году, по утвержденному 29-го февраля докладу главноуправлявшаго въ то время коммиссіею законовъ князя Лопухина (П. С. З. № 26170); но самый докладъ этотъ съ одной стороны подтверждаетъ справедливость показанія Розенкампфа, а съ другой свидѣтельствуетъ, что и Лопухинъ выставилъ къ этой мѣрѣ одинаковыя съ Сперанскимъ побужденія. «Какъ—писалъ князь въ своемъ докладѣ—курсъ ученія въ ономъ (т. е. въ училищѣ) по разнымъ неудобствамъ еще въ 1809 году остановленъ, и какъ въ послѣдствіи времени устроены многія публичныя заведенія, гдѣ юношество съ пользою можетъ образовать себя, то» и проч. Но истиннымъ побужденіемъ Лопухина была здѣсь, какъ нельзя въ томъ сомнѣваться, скупость его на казенныя деньги. На училище отпускалось ежегодно по 23.000 руб., которые, съ его закрытіемъ, въ томъ же докладѣ положено было прекратить».

По смерти въ 1807 г. умнаго, опытнаго и дѣлового графа Васильева управленіе министерствомъ финансовъ было ввѣрено, съ зва-

[1]) Это были: Гёкингъ, Піатоли, Эргардтъ, Кирхейзенъ, Клейнъ, Гуго, Шлёцеръ, Тибо и Фейербахъ—слѣдственно, всѣ безъ изъятія нѣмцы, какъ и самъ Розенкампфъ. (Архивъ коммиссіи).

ніемъ государственнаго казначея, добродушному, но слабому Голубцову, осторожность и робость котораго не нравились Сперанскому. 1-го января 1810 года, въ одинъ день съ открытіемъ Государственнаго Совѣта, министерство финансовъ было поручено Д. А. Гурьеву, бывшему дотолѣ товарищемъ министра финансовъ и завѣдывавшимъ удѣлами, а званіе государственнаго казначея упразднено.

«По словамъ современниковъ—читаемъ въ дополнительныхъ замѣтмѣткахъ къ «Жизни графа Сперанскаго»—Гурьевъ былъ человѣкъ безъ большого дѣлового ума и еще менѣе ученаго образованія; но имѣлъ много доброй воли и еще болѣе придворной тонкости. На вопросъ, въ Перми, купца Попова, почему именно онъ былъ выбранъ въ министры финансовъ, Сперанскій отвѣчалъ: «Его считали за честнаго человѣка и устрояли подъ руководствомъ; но и онъ вздумалъ умничать».

Гурьевъ, еще въ бытность товарищемъ министра финансовъ, просилъ извѣстнаго М. А. Балугьянскаго—выписаннаго въ 1804 году для занятія профессорской каѳедры въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и потомъ занявшаго въ коммиссіи законовъ мѣсто референдарія по части политической экономіи, финансовъ и публичнаго права—изложить его мысли и предположенія о средствахъ къ лучшему устройству нашихъ финансовъ. По назначеніи Сперанскаго присутствующимъ въ совѣтѣ коммиссіи законовъ, Балугьянскій счелъ долгомъ свою работу по этому порученію, уже приближавшуюся къ окончанію, показать новому своему начальнику. Извѣстно, что записка Балугьянскаго о финансахъ, изложенная имъ по-французски, была переложена Сперанскимъ на русскій языкъ, но въ другой формѣ и со многими перемѣнами и дополненіями, и такимъ образомъ легла въ основу его финансоваго плана.

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» находится слѣдующая замѣтка Корфа, касающаяся Балугьянскаго:

«Мнѣнія современниковъ на счетъ Балугьянскаго были чрезвычайно различны. Тогда какъ однимъ онъ казался глубокомысленнымъ ученымъ, другіе видѣли въ немъ только негоднаго ни на какое дѣло педанта. Въ описываемое нами теперь время, Кочубей и Сперанскій были самыхъ лучшихъ о немъ мыслей. 18-го ноября 1809 года послѣдній писалъ первому: «Очень радъ, что вамъ понравились идеи Балугьянскаго. Это весьма хорошая голова, которую всегда можно употреблять съ пользою для кабинетной работы первообразной». Розенкампфъ, товарищъ Балугьянскаго по коммиссіи законовъ, былъ діаметрально противоположнаго о немъ мнѣнія. Въ одной работѣ своей о русскихъ финансахъ онъ называлъ его: «un professeur, que le monde littéraire ignore, mais que tout le monde à St-Pétersbourg connait avec son jargon demisavant pour un brouillon en fait de connaissances, ne

sachant s'exprimer avec clarté dans aucune langue [1])». Послѣднее было сущею правдою: Балугьянскій говорилъ и писалъ на всѣхъ возможныхъ языкахъ, и на всѣхъ, кромѣ, можетъ быть, латинскаго,—преотвратительно, что, однако, не помѣшало ему, въ бытность Гурьева министромъ, пользоваться особеннымъ довѣріемъ послѣдняго и стоять во главѣ всѣхъ тогдашнихъ финансовыхъ мѣръ. Н. И. Тургеневъ, занимавшій въ то время, какъ Балугьянскій былъ членомъ ученаго комитета министерства финансовъ, должность секретаря этого комитета, говоритъ: «Le professeur travaillait sans cesse à une foule de projets; son charlatanisme me déplut souverainement dès le début et je ne laissais échapper aucune occasion de le lui faire sentir [2]). (La Russie et les russes, I, 130). Преемникъ Гурьева, графъ Канкринъ, оставя при Балугьянскомъ званіе члена ученаго комитета, совсѣмъ устранилъ его отъ вліянія и даже занятія по дѣламъ министерства. Дашковъ и Блудовъ, съ своей стороны, называли его, по массѣ громадныхъ свѣдѣній, худо, какъ имъ казалось, уложившихся въ его головѣ, un bibliothèque renversée (библіотекою въ безпорядкѣ). Что касается нашего личнаго мнѣнія объ этомъ человѣкѣ, стоявшемъ весьма высоко въ моральномъ отношеніи, то оно съ полною искренностью высказано во II томѣ «Жизни графа Сперанскаго» (стр. 313), не по слухамъ, а по долговременному служенію подъ его начальствомъ. На жизнь практическую, а тѣмъ болѣе на управленіе какою-либо частью, или на доведеніе какой-либо важной работы до полнаго ея совершенія, онъ никогда не былъ способенъ. Въ этомъ отношеніи Балугьянскій былъ истинный нѣмецкій кабинетный «Gelehrter». Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1847 года, во время управленія имъ II-мъ Отдѣленіемъ за отсутствіемъ графа Блудова, находившагося тогда въ Римѣ для заключенія извѣстнаго конкордата. Въ его жизни замѣчательно еще то, что, бывъ отъ рожденія уніатомъ, онъ, вслѣдствіе извѣстной общей мѣры, въ одно прекрасное утро проснулся, невѣдомо для самого себя, возсоединеннымъ, на старости лѣтъ, съ православною церковью!»

Переработанная Сперанскимъ записка Балугьянскаго о финансахъ была потомъ разсматриваема и обсуживаема, въ домашнихъ совѣщаніяхъ, за обѣдами у графа Северина Потоцкаго (тогда еще сенатора,

---

[1]) Переводъ: Профессоръ, совсѣмъ не извѣстный въ литературномъ мірѣ, но котораго всѣ въ Петербургѣ знаютъ за человѣка полуученаго, обладающаго сбродомъ поверхностныхъ знаній и не умѣющаго ни на какомъ языкѣ ясно излагать свои мысли.

[2]) Переводъ: Профессоръ постоянно занимался всякими проектами. Съ самаго начала его шарлатанство мнѣ крайне не понравилось, и я при всякомъ удобномъ случаѣ давалъ это ему почувствовать.

*

а 1-го января 1810 г. назначеннаго членомъ Государственнаго Совѣта), въ которыхъ, сверхъ Сперанскаго, участвовали только адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, Кочубей, Кампенгаузенъ и Балугьянскій.

Пользуясь случаемъ, приведемъ здѣсь замѣтку Корфа о Н. С. Мордвиновѣ: «Николай Семеновичъ Мордвиновъ былъ, конечно, человѣкъ весьма замѣчательный и, въ отношеніи къ своей популярности, занималъ, въ гражданскомъ вѣдомствѣ, такое же мѣсто, какъ Ермоловъ въ военномъ, хотя оба дѣйствовали, а въ душѣ своей, можетъ статься, даже и думали не всегда такъ, какъ говорили и высказывались. Н. И. Тургеневъ, который при Мордвиновѣ правилъ (нѣсколько позже) должность статсъ-секретаря въ департаментѣ экономіи, изливается, въ своей книгѣ (La Russie et les russes), въ восторженныхъ ему похвалахъ, быть можетъ, частью и отъ того, что пользовался сильнымъ надъ старикомъ вліяніемъ, которое, впрочемъ, всегда имѣли на него всѣ канцеляріи. Замѣтимъ также, что Мордвиновъ, до глубокой старости, отличался какою-то легкомысленною довѣрчивостію и любилъ пощеголять подъ часъ либеральными, даже какъ бы революціонными фразами [1]), чѣмъ и бралъ надъ многими молодыми умами».

Наконецъ, финансовыя предположенія Сперанскаго подверглись еще оффиціальному пересмотру въ особомъ комитетѣ, собиравшемся у Гурьева, и результатъ сказанныхъ совѣщаній и пересмотровъ—окончательно изготовленный планъ финансовъ—былъ врученъ императоромъ Александромъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта въ самый день его открытія (1-го января 1810 года). Обширный планъ Сперанскаго въ настоящее время напечатанъ въ полномъ видѣ А. Н. Куломзинымъ въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» (томъ 45-й, Спб. 1885, стр. 1—72), а потому мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь изложеніе сущности этого плана, находящееся въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго».

Финансовыя мѣропріятія Сперанскаго встрѣчали въ Государственномъ Совѣтѣ со стороны нѣкоторыхъ его членовъ рѣзкія возраженія. Особенною рѣзкостью отличалось мнѣніе адмирала П. В. Чичагова, высказанное имъ въ Совѣтѣ (оно приведено въ «Жизни графа Сперанскаго», т. I, стр. 214).

«Императоръ Александръ — читаемъ въ дополнительной замѣткѣ

---

[1]) См. напр. разговоръ Мордвинова съ Н. И. Тургеневымъ, приведенный этимъ послѣднимъ въ его книгѣ „La Russie et les russes“, I, стр. 123—124.—„Въ моихъ запискахъ за время бытности моей государственнымъ секретаремъ (1834—1843)—добавляетъ Корфъ—есть много замѣтокъ и анекдотовъ о Мордвиновѣ. Здѣсь скажу только еще, что императоръ Николай терпѣть его не могъ, какъ, впрочемъ, не жаловалъ и Ермолова“.

Корфа—былъ въ большомъ негодованіи на это мнѣніе Чичагова [1]). Отвѣчавъ ему въ Совѣтѣ самъ, и очень сильно, онъ перешелъ потомъ прямо къ другимъ предметамъ, не приказавъ даже,—вопреки законамъ и обычаю Совѣта,—отбирать, по выслушанному мнѣнію, голоса прочихъ. Чичаговъ былъ человѣкъ съ головою, съ живымъ словомъ, съ перомъ, съ знаніями и идеями,—одинъ, по настоящему, во всей совѣтской оппозиціи, который могъ тогда противоборствовать Сперанскому. За то всѣ и были убѣждены, что собственно послѣдній былъ причиною немилости къ Чичагову государя, который, при всѣхъ случаяхъ, оказывалъ ему, въ то время, явную холодность и даже пренебреженіе».

Въ современной публикѣ финансовыя мѣропріятія Сперанскаго также подвергались разбору и нареканіямъ. Между прочимъ, Корфъ упоминаетъ [2]) о рукописной запискѣ Розенкампфа (составленной, впрочемъ, гораздо позже, въ тридцатыхъ годахъ), въ которой онъ даетъ обзоръ всѣхъ финансовыхъ операцій 1810—1812 годовъ,—запискѣ, исполненной явнаго предубѣжденія противъ всего, что̀ дѣлалъ Сперанскій по этой части, дышащей самою желчною противъ него ненавистью и совершенно искажающей факты, съ видимою цѣлью очернить передъ потомствомъ самую память Сперанскаго.

«Розенкампфъ въ этой запискѣ своей—замѣчаетъ Корфъ въ рукописной замѣткѣ—лжетъ безсовѣстно на письмѣ, какъ всегда дерзко лгалъ и въ изустной рѣчи. Мы не можемъ довольно предостеречь будущихъ читателей отъ этого злонамѣреннаго пасквиля, еслибъ онъ когда-нибудь огласился. Авторъ разсказывалъ одному общему нашему пріятелю (сенатору К. М. Бороздину), что, въ видахъ вѣрнѣйшаго сбереженія своего сочиненія для потомства, онъ копію съ него передалъ другому своему пріятелю, поляку графу Замойскому, тому самому, который, бывъ, впослѣдствіи, прикосновененъ къ мятежу, бѣжалъ за границу. Экземпляръ записки, которымъ мы пользовались, есть черновой, писанный весь собственною рукою Розенкампфа».

Сперанскій, съ своей стороны, старался сначала подкрѣпить, а потомъ оправдать передъ государемъ свои предположенія по финансовой части. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ три замѣчательныя его бумаги изъ трехъ разныхъ эпохъ. «Одна—говоритъ Корфъ [3])—есть отчетъ (въ дѣлахъ 1810 года), поданный имъ 11-го февраля 1811 года, когда всѣмъ главнымъ частямъ операцій положено было основаніе [4]),

---

[1]) Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

[2]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, стр. 231—232.

[3]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, стр. 233—234.

[4]) Напечатанъ въ полномъ видѣ А. Ѳ. Бычковымъ въ „Сборникѣ Императ. Русск. Историч. Общества“, т. XXI, Спб. 1877, стр. 447—462.

другая—записка, подъ заглавіемъ «О силѣ правительства», поднесенная государю 3-го декабря того же года [1]), когда уже почти все было приведено въ исполненіе и для Сперанскаго началась борьба со многими значительными лицами того времени; наконецъ третья—письмо его изъ Перми, писанное въ 1813 году [2]), когда для него, лично, уже все было кончено и онъ говорилъ о сдѣланномъ какъ бы лицо постороннее, или какъ нелицепріятный свидѣтель дѣлъ давно минувшихъ. Эти три бумаги, въ общей ихъ совокупности, представляютъ и обзоръ предпринятаго, или предположеннаго, и отвѣтъ на возникшія возраженія, жалобы и нареканія, и объясненіе причинъ безуспѣшности, или неудачъ,—разумѣется, съ точки зрѣнія Сперанскаго».

Во всѣхъ этихъ документахъ Сперанскій говорилъ о финансовыхъ своихъ дѣйствіяхъ только передъ императоромъ Александромъ. Но есть еще одинъ отчетъ, одно оправданіе, произнесенное имъ передъ лицомъ цѣлой, такъ сказать, Европы, въ эпоху гораздо позднѣйшую, именно въ 1824 году. Мы разумѣемъ здѣсь его автобіографію, напечатанную на нѣмецкомъ языкѣ. Сказавъ въ ней о финансовомъ своемъ планѣ нѣсколько словъ въ смыслѣ вышеприведенныхъ бумагъ, Сперанскій прибавляетъ: «Планъ этотъ, однакожъ, не могъ идти одинъ. Онъ опирался на контролѣ, который, въ дѣлѣ финансовомъ, составляетъ жизненную основу каждой правильной системы. Но чтобъ контролировать министерство, нужно политическое установленіе, а въ Россіи его нѣтъ.

«Итакъ, для восполненія этого недостатка, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, не оставалось иного, какъ, избравъ одно изъ высшихъ установленій административныхъ, наиболѣе удобное для такой цѣли, облечь его приличною властію,—властію, конечно, шаткою, но все же еще довольно важною, лишь бы она охранялась надлежащимъ образомъ. Это повело къ соотвѣтственному преобразованію Государственнаго Совѣта.

«Существенныя преобразованія, и особенно преобразованія финансовыя, вездѣ влекутъ за собою важное неудобство: прикосновеніе къ частнымъ интересамъ. Людей и интересы ихъ никогда нельзя затрогивать безнаказанно. Наиболѣе опасны такія столкновенія въ такихъ государствахъ, гдѣ общественное мнѣніе слишкомъ еще слабо, чтобы защищать усердіе и талантъ отъ нападеній зависти и невѣжества. Во-

---

[1]) Часть этой записки, касающаяся финансовъ, напечатана въ „Жизни графа Сперанскаго", т. I, стр. 240—241; въ полномъ же видѣ она издана недавно П. М. Майковымъ въ „Русской Старинѣ" 1902 года, декабрь, стр. 495—499.

[2]) Въ полномъ видѣ, по подлиннику, издано впервые Н. К. Шильдеромъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1892 года (книга первая, стр. 50—65), а затѣмъ въ его трудѣ „Императоръ Александръ Первый", т. III, стр. 515—527.

піютъ противъ нововведеній, не вникая ни въ ихъ свойства, ни въ настоятельность причинъ. Таково было положеніе Сперанскаго. Безъ связей и родства, безъ опоры, безъ состоянія, ipse suae fortunae auctor (самъ создатель своего счастія), знакомый при томъ болѣе съ дѣлами, нежели съ людьми, онъ выступилъ на бой одинъ. Можно ли ему было не пасть!..

«Всѣ работы, приготовленныя имъ въ теченіе 1809 года, появились въ свѣтъ въ началѣ 1810 г. и составили эпоху въ Россіи. Менѣе чѣмъ въ два года приведена была въ стройный порядокъ система налоговъ; установлено подвергать годичныя смѣты строгому разсмотрѣнію; составленъ капиталъ погашенія; консолидирована часть ассигнацій; учреждена новая монетная система; наконецъ, изданъ тарифъ, въ высшей степени національный.

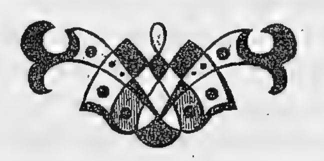
«Между тѣмъ въ трудномъ переходѣ отъ ассигнацій къ правильной кредитной системѣ есть одинъ подводный камень, тѣмъ болѣе опасный что онъ нерѣдко укрывается отъ самаго искуснаго кормчаго. Это—вопросъ о срокѣ и времени, когда оканчиваются вредныя дѣйствія ассигнацій. Масса бумажныхъ денегъ, выпущенная, напримѣръ, въ 1809 г., не вдругъ и не въ тотъ же годъ производитъ примѣтную перемѣну въ курсѣ. Вліяніе ея оказывается постепенно и по мѣрѣ того, какъ выпущенныя ассигнаціи появляются, въ бо̀льшемъ или меньшемъ количествѣ, на рынкахъ и въ коммерческихъ оборотахъ, что̀ само собой предполагаетъ періодъ времени довольно продолжительный, въ соотвѣтственность количеству выпуска и движенію торговли. Отсюда ясно что бо̀льшая циркуляція ассигнацій и упадокъ ихъ курса могутъ случиться одновременно съ прекращеніемъ новаго ихъ выпуска. Тогда кажется, будто бы ассигнаціи упадаютъ по мѣрѣ сокращенія этого выпуска и будто курсъ понижается по мѣрѣ убавленія ихъ числа. Призракъ принимаетъ видъ дѣйствительности, и заблужденное мнѣніе относитъ этотъ феноменъ къ послѣдствіямъ новой системы. Такъ судили о ней и въ Россіи и, изъ явленія совершенно естественнаго, вывели, будто бы новый планъ не имѣетъ практическаго основанія, а творецъ его—отвлеченный теоретикъ».

Выпишемъ, въ заключеніе, еще нѣсколько строкъ изъ упомянутой выше записки Розенкампфа объ исторіи нашихъ финансовъ. Онѣ показываютъ, въ какомъ духѣ и тонѣ написано это сочиненіе; показываютъ также, какъ, при всей злобной враждѣ противъ Сперанскаго, авторъ не могъ не сознаться, что, послѣ его удаленія, пошло—е щ е х у ж е.

«Après le renvoi de Spéransky — пишетъ онъ—on continua dans les discussions du Conseil les phrases auxquelles on était habitué. Le même professeur brouillon (Балугьянскій), qui avait soufflé au secrétaire de

l'empire la théorie de l'économie politique, devint le souffleur de M-r de Gourief et lui fit croire qu'il deviendrait le fondateur d'un système plus parfait encore que celui de 1810. Chaque matin il lui faisait la lecture de quelques extraits du Moniteur et des feuilles anglaises, qui achevèrent de le convaincre qu'il était au fait de tout et qu'il surpasserait ses prédécesseurs. Nous verrons bientôt qu'effectivement le mal que fit M-r de Gourief aux finances russes surpassa encore celui qu'on leur avait fait en 1810 et 1811. Il embrassa tous ces fantômes comme ses propres idées et elles le bercèrent jusqu'en 1823, où l'empereur le réveilla [1]). Au reste personne ne se souciait de l'accord entre le système adopté et les mesures que l'on prit. Les principes généraux (les lieux communs) s'accomodaient à tout. Il leur était fort égal si la théorie répondait à l'application, et le Conseil d'état, d'une machine à décrets dirigée par le secrétaire de l'empire, devint une machine conduite par l'influence plus ramifiée du ministre des finances [2])».

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) То есть черезъ внезапную смѣну его Канкринымъ.

[2]) Переводъ: По высылкѣ Сперанскаго при преніяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ по-прежнему раздавались привычныя рѣчи. Тотъ профессоръ-путаникъ, который былъ тайнымъ руководителемъ государственнаго секретаря по отношенію къ теоріи политической экономіи, сталъ руководителемъ въ этомъ отношеніи и Гурьева, заставивъ послѣдняго увѣровать что онъ явится творцомъ финансовой системы, еще болѣе совершенной, чѣмъ система 1810 г. Каждое утро онъ читалъ Гурьеву выдержки изъ „Монитёра" и англійскихъ газетъ, благодаря которымъ Гурьевъ наконецъ пришелъ къ полному убѣжденію, что онъ способенъ на все и превзойдетъ своихъ предшественниковъ. Вскорѣ однако мы увидимъ, что въ дѣйствительности зло, причиненное Гурьевымъ русскимъ финансамъ, гораздо серьезнѣе, чѣмъ зло, причиненное имъ реформами 1810 и 1811 г.г. Принявъ всѣ эти фантастическіе планы за свои собственныя идеи, Гурьевъ спокойно на нихъ почивалъ, пока въ 1823 г. не былъ разбуженъ государемъ. Впрочемъ, никому рѣшительно не было дѣла, чтобы принятая система согласовалась съ мѣропріятіями, проводимыми въ жизнь. Общія понятія могли быть примѣнимы ко всему. Было совершенно безразлично, нѣтъ ли противорѣчія между теоріею и приложеніемъ ея на дѣлѣ, и Государственный Совѣтъ, бывшій ранѣе орудіемъ исполненія въ рукахъ государственнаго секретаря, сталъ машиною, направляемою еще сильнѣйшимъ вліяніемъ министра финансовъ.

Записки Н. Г. Залѣсова.

Членъ военнаго совѣта, генералъ-отъ-инфантеріи Николай Гавриловичъ Залѣсовъ родился 25-го мая 1828 года. По окончаніи курса въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ произведенъ въ прапорщики 28-го марта 1848 г. съ назначеніемъ въ Оренбургскій линейный № 3 баталіонъ. Черезъ два года Николай Гавриловичъ поступилъ въ императорскую Военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), былъ произведенъ за отличные успѣхи въ наукахъ въ поручики и 20-го ноября 1853 года переведенъ въ генеральный штабъ. Командированный въ штабъ командовавшаго 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ корпусами, Залѣсовъ, оказавъ отличіе во время осады Силистріи и въ сраженіи 13-го февраля 1855 года, былъ назначенъ помощникомъ старшаго адъютанта въ управленіи генералъ-квартирмейстера. Въ маѣ 1856 года Николай Гавриловичъ былъ командированъ на службу въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ, исполнялъ тамъ послѣдовательно обязанности старшаго адъютанта, дивизіоннаго квартирмейстера 23-й пѣхотной дивизіи и находился въ составѣ миссіи, отправленной въ 1856 году въ Хиву и Бухару. По возвращеніи въ Россію, Залѣсовъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ Оренбургскаго корпуса. 7-го мая 1859 года онъ произведенъ въ подполковники, а 9-го марта 1864 г. за отличіе въ полковники. Въ августѣ 1865 года онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба Оренбургскаго военнаго округа, а 20-го апрѣля 1869 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ начальникомъ штаба того же округа. Въ этомъ званіи Николай Гавриловичъ принималъ участіе во введеніи новаго положенія въ Киргизской степи и въ ноябрѣ 1870 г. отчисленъ отъ занимаемой имъ должности съ зачисле-

ніемъ по генеральному штабу. Въ январѣ 1876 г. Залѣсовъ былъ прикомандированъ къ Главному штабу съ назначеніемъ членомъ вновь учрежденнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ статистическаго совѣта и въ ноябрѣ того же года назначенъ командующимъ 27-ю пѣхотною дивизіею. Въ августѣ 1878 г. Николай Гавриловичъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1888 г. назначенъ командиромъ 17-го армейскаго корпуса, и 30-го августа 1892 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; въ ноябрѣ того же года онъ назначенъ членомъ военнаго совѣта. 2-го февраля 1896 года Н. Г. Залѣсовъ скончался на 68-мъ году отъ роду.

Ред.

I.

Дѣтство.—Отроческіе годы.—Отецъ и мать.—Первоначальное обученіе.—Жизнь въ Уфѣ и Белебеѣ.—Поступленіе въ училище.—Начальствующія лица и содержаніе въ училищѣ.

Я родился 25-го мая 1828 года на поташномъ заводѣ моего отца въ 35 верстахъ отъ г. Бугульмы Оренбургской (нынѣ Самарской) губ. Земля, на которой стоялъ заводъ, была временно уступлена отцу сосѣдней помѣщицей, родственницей по мужѣ моей матушкѣ, Евгеніей Степановной Угличининой, рожденной Аксаковой. Мужъ ея, ветеранъ Суворовскихъ временъ, отставной полковникъ Угличининъ, былъ дядей моей матери и моимъ крестнымъ отцомъ. О четѣ этой любопытныя свѣдѣнія можно найти въ «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова, которому Евгенія Степановна приходилась родною теткою.

Отецъ мой былъ маленькій чиновникъ земской полиціи въ родѣ нынѣшнихъ становыхъ приставовъ, впослѣдствіи служилъ стряпчимъ въ Белебеѣ и этою должностью окончилъ свою служебную карьеру. Онъ не получилъ никакого воспитанія, но былъ отъ природы одаренъ здравымъ умомъ, сильнымъ характеромъ и, что для тогдашняго времени удивительно, самымъ честнымъ взглядомъ на свои обязанности. Когда онъ оставилъ уже службу и я, будучи мальчикомъ лѣтъ 10-ти, сопровождалъ его въ различныхъ поѣздкахъ по губерніи, то почти въ каждой деревнѣ, гдѣ мы останавливались кормить лошадей, мнѣ приводилось слышать у разноплеменныхъ нашихъ домохозяевъ: башкиръ, чувашъ, мордвы, вотяковъ и пр. почти одинъ и тотъ же разговоръ съ отцомъ.

— Ай, совсѣмъ правды теперь не стало—говорили они. При тебѣ бульно хороша было, Гавриль Иванычь, къ тебѣ всякій человѣкъ хо-

дилъ, никого ты не обижалъ, а теперь совсѣмъ народъ кончалъ: писарь тащитъ, становой тащитъ, исправникъ тащитъ—совсѣмъ разоренье, а дѣла не кончаитъ.

Такъ разсуждали эти дѣти природы, толпами собираясь къ отцу посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ и усердно угощая насъ всѣмъ, что у нихъ было. Этотъ неподкупленный отзывъ народа служилъ лучшимъ вознагражденіемъ отцу за его прежнюю честную дѣятельность.

Будучи самъ человѣкомъ мало образованнымъ, отецъ однако вполнѣ цѣнилъ образованіе и, не смотря на скудныя средства, ничего не жалѣлъ на наше ученіе. Два старшихъ моихъ брата, получивъ солидное домашнее воспитаніе, были отданы въ Казанскую гимназію, перешли въ университетъ, гдѣ одинъ изъ нихъ умеръ, а другой окончилъ курсъ юристомъ.

Матушка моя была изъ стариннаго дворянскаго рода Лаптевыхъ; отъ природы добрая и кроткая женщина, она не получила никакого образованія и даже не умѣла читать и писать. Домовитая хозяйка, высоко честная и религіозная женщина, она вносила въ нашу семью миръ и покой, иногда страдавшіе отъ излишней пылкости ея мужа. Матушкѣ было 15 лѣтъ, когда она вышла замужъ за отца, а послѣднему 17 лѣтъ. Свадьба ихъ была, кажется, года за два или за три до отечественной войны, ибо въ 1813 году отецъ уже въ качествѣ выбраннаго дворянами чиновника отводилъ конскій ремонтъ съ губерніи въ крѣпость Брестъ-Литовскъ, о чемъ онъ иногда намъ разсказывалъ.

Матушка принесла въ замужество, какъ потомственная дворянка, небольшую деревеньку, тогда какъ отецъ, будучи личнымъ дворяниномъ, самъ не имѣлъ права владѣть крестьянами.

Первыя сколько-нибудь опредѣленныя и связныя воспоминанія о лѣтахъ дѣтства, должно быть, относятся къ 5-му или 6-му году моей жизни, когда разъ на заводѣ я пустился за какимъ-то гусемъ переходить по жердочкамъ рѣку; меня во-время успѣли схватить и порядочно попугали розгой въ видѣ небольшой вѣтки. Смутно помню нашъ переѣздъ въ Белебей, гдѣ отецъ получилъ мѣсто стряпчаго, и затѣмъ въ памяти моей опять все закрывается мглой до 1836 года. Этотъ годъ мнѣ памятенъ, во-первыхъ, потому, что всѣ кругомъ меня говорили о предстоящемъ въ этомъ году свѣтопреставленіи, всѣ охали и молились о грѣхахъ, а во-вторыхъ, меня начали учить грамотѣ. Но свѣтопреставленія почему-то не состоялось, а нанятый мнѣ въ учителя дьяконъ нашей церкви, начавшій со мною изученіе славянской азбуки, побившись мѣсяца два или три, объявилъ отцу, что я такъ тупъ, что онъ не видитъ никакой надежды на успѣхъ и потому, не смотря на получаемое имъ вознагражденіе по 2 рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ, рѣшительно отказывается меня учить. Рѣшеніе это очень опечалило отца, но не на

долго. Черезъ полгода къ намъ пріѣхала погостить тетка моя; она привезла съ собою русскую азбуку съ картинками и шутя выучила меня въ недѣлю читать по складамъ, а мѣсяца черезъ два найдено было возможнымъ приступить уже и къ письму. Къ сожалѣнію, тетка въ это время уѣхала, и я вновь поступилъ къ дьякону. Пошло безконечное писаніе отдѣльныхъ буквъ и такъ шло до тѣхъ поръ, пока наконецъ отецъ, не видя успѣховъ, не прогналъ учителя и не принялся самъ за мое чистописаніе. Но отецъ оказался еще хуже дьякона, онъ часто отрывался отъ дѣла и былъ очень горячъ и нетерпѣливъ.

Помню около этого же времени весьма важное происшествіе, случившееся у насъ въ домѣ. Въ одинъ день вся наша крѣпостная прислуга ушла, и мы остались безъ людей, такъ что матушкѣ самой пришлось идти въ кухню готовить, а сестрамъ убирать комнаты. Причиною этого было слѣдующее: къ людямъ, полученнымъ за матушкой, отецъ давно уже прикупилъ еще нѣсколько семей и поселилъ ихъ въ матушкиной деревнѣ, но по какому-то закону людьми этими мы не имѣли права владѣть, они жаловались, а глядя на нихъ, стали искать воли и родовые люди матушки. Уѣздныя и губернскія власти, взявъ съ людей порядочную взятку, распорядились отобрать ихъ отъ матушки впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла Сенатомъ и такимъ образомъ разжаловали ее изъ помѣщицъ. Отецъ сталъ хлопотать; одна изъ его знакомыхъ посовѣтовала ему съѣздить въ Петербургъ и обратиться тамъ къ проживающему въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ Островѣ купцу 2-ой гильдіи Блинову. Отецъ живо слеталъ въ столицу, познакомился съ Блиновымъ, заплатилъ ему 500 руб. ассигнаціями, и мигомъ все дѣло было перерѣшено Сенатомъ, и всѣ безъ исключенія люди возвращены матушкѣ.

Лѣта шли, и изъ меня формировался худощавый рослый мальчикъ съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. У меня была сильная золотуха, и кромѣ того я страдалъ припадками лунатизма, отчего меня хотя и лѣчили разными домашними средствами, но безъ успѣха. Я былъ совершенно отданъ на руки проживавшей у насъ старой тетки, которая не чаяла во мнѣ души и на убой кормила меня всякими сластями. Взаимная наша привязанность была такъ сильна, что когда тетка задумала переселиться въ Бугульму, мы оба такъ плакали, что отецъ рѣшился отпустить меня съ ней, и съ этого времени я долженъ считать начало моего серьезнаго обученія. Въ Бугульмѣ мнѣ наняли довольно порядочнаго учителя изъ уѣзднаго училища, и я принялся за грамматику, ариѳметику и законъ Божій. Не смотря однако же на это, успѣховъ я оказалъ не много по причинѣ баловства тетки и развившейся оттого во мнѣ лѣности, что не ускользнуло отъ отца, и онъ черезъ два года перевезъ меня изъ Бугульмы въ Уфу.

Въ Уфѣ меня поселили въ домѣ дальней родственницы матери—Угличининой, вмѣстѣ съ сыномъ ея гимназистомъ и стали готовить во 2-й классъ гимназіи. Ко мнѣ приходилъ особый учитель, и я зубрилъ съ нимъ латынь, къ которой чувствовалъ однако же особое отвращеніе. Одиннадцать мѣсяцевъ я пробылъ въ Уфѣ и если изъ меня не сдѣлался окончательно негодяй, то за это я обязанъ Богу и честному своему отцу, успѣвшему уже поселить во мнѣ добрыя правила нравственности, которыя не могла сломить и уфимская жизнь. Дѣло въ томъ, что сожитель мой, молодой Угличининъ, былъ старше меня и при томъ отъявленный лѣнтяй и повѣса. Находясь ежедневно съ нимъ, я невольно подчинился его вліянію и такъ же, какъ онъ, сталъ лѣниться. Старшіе въ домѣ на насъ не обращали ни малѣйшаго вниманія, особенно на меня; мы постоянно проводили время среди лакеевъ и обширной дворни, которую содержала Угличинина, гоняли голубей, таскали изъ сосѣдняго сада Ломоносова овощи, и къ концу моего пребыванія Угличининъ познакомилъ меня даже съ водкой, отъ которой впрочемъ каждый разъ мнѣ дѣлалось дурно. Мнѣ давали ѣсть только по мѣркѣ, тогда какъ аппетитъ былъ у меня молодой, хорошій, и я вошелъ въ долги, набирая въ счетъ будущихъ благъ припасы у булочника и въ лавкѣ. Бережливый отецъ, хотя и одѣвалъ меня прилично, но лишнихъ вещей у меня не было; при безпутной же моей жизни и путешествіяхъ по заборамъ, чердакамъ и грязи одежда моя быстро изнашивалась, и я ходилъ постоянно оборванцемъ, совѣстясь показаться предъ порядочными людьми.

Къ счастію, отецъ пріѣхалъ самъ въ Уфу и, увидавъ, что дѣло плохо, увезъ меня опять къ себѣ въ Белебей.

Здѣсь я пробылъ полтора года, ничего не дѣлая, но во мнѣ стало сказываться самолюбіе, я начиналъ тяготиться своимъ положеніемъ, совѣстясь встрѣчаться съ сверстниками по играмъ, которые всѣ уже учились чему-нибудь. За недостаткомъ положительныхъ занятій, я бросился въ чтеніе, но библіотека отца состояла всего изъ какого-то календаря съ описаніемъ борьбы Христиносовъ съ Карлистами, что я выучилъ вскорѣ наизусть; тогда я сталъ ходить по городу и отовсюду брать книжки, глотая ихъ съ жадностью; романы, повѣсти, сказки, ученыя сочиненія, стишки—все полѣзло безъ разбора въ мою голову, производя въ ней страшный ералашъ и разжигая безъ толку юное воображеніе. По временамъ къ намъ пріѣзжала изъ Бугульмы воспитательница моя, тетка, страшная охотница до таинственныхъ разсказовъ, и она меня заставляла по вечерамъ читать ей въ слухъ романы г-жи Радклифъ съ описаніемъ страшныхъ подземелій и привидѣній. Бывало, позднимъ вечеромъ съ одной сальной свѣчкой при страшной тишинѣ въ домѣ сидишь передъ дремлющей старушкой и читаешь всѣ эти

ужасы; волосъ у самого становится дыбомъ, голосъ дрожитъ, скрипнетъ гдѣ-нибудь ставень, раздастся шорохъ, такъ и ждешь, что вотъ появится страшный мертвецъ, внутри что-то замретъ, дыханье пріостановится, а старушка сейчасъ и понукаетъ: «читай, батюшка, читай самое интересное мѣсто, а ты остановился», и дѣлать нечего: читаешь какъ въ лихорадкѣ, пока не утомится слушательница. Но всему бываетъ конецъ, наступилъ онъ и для моего бездѣлья. Отца тогда сильно занимала мысль вывести насъ съ братомъ поскорѣе въ дворяне, и съ этою цѣлью братъ по окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ былъ опредѣленъ въ Оренбургскій линейный баталіонъ юнкеромъ, а меня осенью 1841 года отвезли тоже въ Оренбургъ и опредѣлили въ Оренбургское Неплюевское военное училище, вскорѣ преобразованное въ кадетскій корпусъ.

Наступила новая эра жизни. Меня, 13-ти-лѣтняго юношу, привели въ корпусъ вечеромъ часовъ въ шесть въ сентябрѣ мѣсяцѣ; въ тотъ же вечеръ мнѣ, какъ новенькому, успѣли надавать щелчковъ, вымазали платье, насыпали песку въ карманы и за галстухъ, дали какое-то прозвище, и я такимъ образомъ былъ посвященъ въ кадеты.

Я не буду подробно описывать тогдашніе кадетскіе порядки, они достаточно извѣстны. Насъ кормили плохо, держали въ холодныхъ комнатахъ, безсовѣстно воруя дрова, учили всему и ничему, т. е. верхушкамъ, налегали всѣми мѣрами на фронтъ, исправно сѣкли по субботамъ и выпускали въ офицеры на основаніи правъ происхожденія и познаній во фронтѣ, не обращая почти никакого вниманія на умственныя способности. Директоромъ училища былъ тогда одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи, подполковникъ Марковъ, но онъ былъ такъ лѣнивъ, что весь день не выходилъ изъ халата и къ намъ не заглядывалъ. Инспекторъ былъ статскій Дьяконовъ, человѣкъ умный, но грубый до послѣдней степени, онъ иначе не говорилъ съ кадетами, какъ сопровождая свою рѣчь словами, «ну ты, лошадь, дуракъ, скотина» и проч.

Для поддержки фронта великій князь Михаилъ Павловичъ распорядился прислать въ качествѣ ротнаго командира Павловскаго корпуса поручика Энгельке. Страшно толстый, небольшаго роста человѣкъ, съ добрымъ въ сущности сердцемъ, онъ напускалъ на себя страшную строгость. День и ночь онъ кричалъ на насъ безъ умолку, обладая довольно сильнымъ голосомъ. У него не было даже другаго разговора, какъ крикъ; наказывалъ онъ за всякую малость и, когда только появлялся въ училищѣ, наступала гробовая тишина и все безмолвно тряслось со страха. Офицеры были взяты изъ Оренбургскаго линейнаго баталіона, ихъ было три: подпоручикъ Бибиковъ—грубый мужикъ, отличавшійся замѣчательною глупостью, Фигнеръ, внукъ знаменитаго партизана—доб-

рый человѣкъ, но отъявленный пьяница и кутила, приходившій на дежурство постоянно съ подбитой физіономіей, и Аничковъ, болѣе другихъ образованный, но не говорившій и десяти словъ въ день и болѣе пригодный по характеру смотрѣть за дѣвочками, чѣмъ за кадетами. Училище помѣщалось въ двухъ-этажномъ, мрачномъ вонючемъ домѣ напротивъ церкви св. Троицы и дѣлилось на два отдѣленія, азіатское для киргизовъ, башкиръ, и проч., и европейское. Программы и права отдѣленій были различны. Полный курсъ продолжался 6 лѣтъ и дѣлился на 3 класса по 2 года въ каждомъ. Учителя, по тому времени, были порядочные благодаря близости Казанскаго университета; появлялись, правда, и между ними пьянчуги или недоучившіеся студенты, но это было изрѣдка. Законоучителемъ былъ 70-ти-лѣтній старецъ, протоіерей Петропавловскаго военнаго собора Содальскій; онъ всегда дремалъ въ классѣ. Французскій учитель Дандевилль и нѣмецкій Фенколь были взяты изъ гувернеровъ у мѣстныхъ помѣщиковъ. За шести-лѣтнее мое пребываніе въ корпусѣ фельдфебелями были: Дандевилль [1]), Ивановъ, впослѣдствіи помощникъ интенданта Варшавскаго округа, и Халецкій умеръ въ молодыхъ годахъ въ чинѣ полковника и дежурнаго штабъ-офицера Оренбургскаго корпуса.

День нашъ распредѣлялся такъ: въ 6 часовъ вставали и пили по стакану горячаго сбитня съ кускомъ пшеничнаго хлѣба, отъ 8 до 11 часовъ классы, отъ 11 до $1^1/_2$ фронтовое ученье, гимнастика и прогулка на дворѣ, не смотря ни на какую погоду, въ половинѣ втораго обѣдъ изъ трехъ блюдъ: щи, жареное и каша; отъ 3 до 6 классы, полчаса отдыха и отъ половины седьмаго до 9-ти приготовленіе уроковъ; въ 9 ужинъ изъ 2 блюдъ, въ $9^1/_2$ спать. По субботамъ послѣ утреннихъ классовъ была баня, затѣмъ приносили отпускной списокъ отъ инспектора съ отмѣткой, кто сколько уроковъ не зналъ въ недѣлю; незаписанныхъ отпускали на воскресенье по домамъ, а записанныхъ подвергали наказанію: не знавшихъ свыше 4—5 уроковъ сажали въ карцеръ, а записанныхъ свыше 6 уроковъ по большей части изъ младшихъ классовъ отводили наверхъ въ умывальную, гдѣ Энгельке съ удовольствіемъ знатока этого дѣла наказывалъ ихъ розгами, всегда приносимыми съ ледника.

---

[1]) Нынѣ членъ военнаго совѣта.

II.

Классныя занятія, фронтъ, награжденіе петлицами.—Переименованіе училища въ корпусъ.—Болѣзнь.—Выпускъ.—Характеристика Энгельке.—Жизнь въ Белебеѣ.—Производство въ офицеры.

Не зная хорошенько, какъ распредѣлить время для приготовленія уроковъ, не имѣя программы и курсовъ, при незнакомствѣ съ требованіями учителей, я первое время въ корпусѣ былъ постоянно записанъ за незнаніе уроковъ и даже не былъ уволенъ въ отпускъ въ день именинъ моихъ, т. е. 6-го декабря. Дядя мой однако же выпросилъ меня на первый разъ, но, придя домой, крѣпко стыдилъ за лѣность. Выговоръ дяди, насмѣшки товарищей, взысканія начальства на меня, какъ на мальчика самолюбиваго, сильно подѣйствовали. Я сталъ успѣшно заниматься и скоро такъ вошелъ въ свою роль, что ученіе показалось для меня весьма легкимъ, и я безъ особаго труда всталъ въ разрядъ отличныхъ, что̀ продолжалось во все время моего пребыванія въ корпусѣ.

Лѣтомъ насъ распускали по домамъ на $1^1/_3$ мѣсяца, и это было самое пріятное время жизни; мы, какъ птицы небесныя, мгновенно разлетались по роднымъ, кто на чемъ могъ, не помня себя отъ радости. Во время первой вакаціи единственная моя сестра вышла за мужъ за плацъ-адъютанта Лузгина, переѣхала въ Оренбургъ, и я къ ней сталъ ходить въ отпускъ.

Черезъ два года меня послѣ экзаменовъ перевели въ средній классъ и дали въ награду за отличные успѣхи книгу и похвальный листъ. Публичные экзамены производились тогда съ особою торжественностью: играла музыка и собирался весь синклитъ во главѣ съ тогдашнимъ корпуснымъ командиромъ Обручевымъ. Насъ одѣвали въ новые мундиры и отпускали въ этотъ день по домамъ. Въ бытность мою въ среднемъ классѣ пріѣхалъ къ намъ инспекторъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-лейтенантъ Годейнъ; онъ ревизовалъ фронтъ, хозяйство и учебную часть. Для отвѣтовъ ему вызывали лучшихъ учениковъ, и два изъ нихъ такъ ему понравились, что онъ наградилъ ихъ серебряными петлицами на воротникъ. Эта награда, которую я не получилъ потому только, что меня не спросили, такъ взбудоражила весь классъ, что онъ бросился тотчасъ же къ Энгельке и сталъ просить не обижать меня напрасно, что я гораздо лучше учусь, чѣмъ получившіе и проч. Къ вечеру того же дня мнѣ были даны петлицы и, что̀ всего дороже, я ихъ получилъ по рекомендаціи товарищей.

Сколько помню, въ 1845 году училище было переименовано въ кадетскій корпусъ, и намъ дали казачью форму съ сіяющимъ полумѣсяцемъ на киверахъ; въ это время бѣдной страдалицы моей сестры (она

очень дурно жила съ мужемъ) въ Оренбургѣ уже не было, и я ходилъ въ отпускъ къ нашему офицеру Фигнеру. Нерѣдко тогдашній начальникъ Оренбургскаго края Обручевъ посѣщалъ корпусъ и каждый разъ подымалъ крикъ хуже Энгельке, распекая начальство особенно за воровство дровъ, отчего мы зимою положительно мерзли.

Въ то время, когда у меня классы шли такъ успѣшно, фронтъ тогдашній, наоборотъ, мнѣ вовсе не давался, и я стоялъ постоянно въ разрядѣ слабыхъ, что приносило много непріятностей. Особенно я былъ не мастеръ дѣлать ружейные пріемы съ темпомъ, какъ это тогда требовалось, и маршировать тихимъ учебнымъ шагомъ. Слабость по фронту отозвалась при переводѣ въ старшій классъ и, не смотря на отличные баллы по ученію и поведенію, я сдѣланъ былъ только младшимъ унтеръ-офицеромъ.

Надо сказать, что лѣто передъ переводомъ мы провели первый разъ въ лагерѣ, и все это время я болѣлъ страшною оренбургскою лихорадкою. Едва оправясь отъ нея, я сталъ усиленно готовиться къ переводному экзамену, а когда онъ кончился, чувствовалъ себя уже не хорошо, но, желая освѣжиться, искупался въ Уралѣ въ концѣ сентября, когда вода была страшно холодна. На другой день послѣ купанья со мной сдѣлался жаръ и бредъ, къ вечеру меня отвезли въ лазаретъ, и я потерялъ сознаніе, со мной разыгрался страшный пятнистый тифъ или, какъ говорили тогда, нервная горячка. Я безсознательно пролежалъ отъ сентября до Рождества и только, когда ко мнѣ пріѣхала на праздники матушка, которой дозволено было и ночевать въ лазаретѣ, началъ кое-что сознавать. Но положеніе мое было все-таки отчаянное, меня нѣсколько разъ причащали, раны мои гноились, я лишился употребленія ногъ: онѣ совершенно высохли и были сведены, на бокахъ образовались глубокіе пролежни, и меня ворочали на простыняхъ. Докторъ потерялъ голову, и я обратился въ предметъ общаго любопытства; заѣзжали въ лазаретъ генералы и доктора, чтобы посмотрѣть на такую упорную борьбу въ моемъ тѣлѣ жизни съ смертью. Привозили нарочно въ лазаретъ пріѣзжавшихъ тогда по разнымъ случаямъ въ Оренбургъ флигель-адъютантовъ, и они обозрѣвали меня, какъ какой-нибудь интересный предметъ музея, не стѣсняясь нисколько деликатностью въ отношеніи чувствъ смотрѣвшей на это позорище моей страдалицы-матери. Наконецъ, послѣ долгихъ опытовъ надо мною, Богъ внушилъ нашему доктору мысль прописать мнѣ декоктъ сасапарели, и почти мгновенно раны мои стали заживать, я сталъ бодрѣе, и въ ногахъ явилось чувство. Не даромъ простой нашъ народъ зоветъ это растеніе «дорогою травою»; она дала мнѣ силы перенести недугъ, и къ веснѣ я сталъ ходить на костыляхъ, а въ іюнѣ меня уже отпустили на поправку въ Белебей, гдѣ горный воздухъ и свобода жизни у родныхъ поставили меня окончательно

на ноги. Не смотря, однако же, на исцѣленіе, болѣзнь эта навѣки подорвала мое здоровье, наградивъ меня страшнымъ потрясеніемъ нервовъ, чувствительностью къ простудѣ и нѣкоторымъ сведеніемъ ногъ въ колѣнахъ.

Въ августѣ я былъ опять въ Оренбургѣ, но цѣлый годъ ученія былъ совершенно пропущенъ и какого ученія!—самаго труднаго, въ послѣднемъ классѣ. Оставалось одно—пройти въ годъ то, что другіе прошли въ два, и я началъ къ каждому классу готовить по два урока: старый и новый. Кончилось тѣмъ, что я сдалъ выпускные экзамены превосходно и вышелъ въ разрядѣ отличныхъ, третьимъ по выпуску, такъ что слушавшій мои отвѣты, Обручевъ вѣрить не хотѣлъ, чтобы я былъ именно тотъ воспитанникъ, который почти годъ пролежалъ безъ движенія.

Что же доставили мнѣ подобные труды въ корпусѣ? Достигъ ли я цѣли, къ которой стремился? Къ несчастью, нѣтъ. По правамъ корпуса отличные воспитанники изъ потомственныхъ дворянъ выпускались офицерами въ казачью артиллерію Оренбургскаго войска, которая намъ замѣняла гвардію. Кромѣ хорошаго производства (тамъ нѣтъ чиновъ подпоручика и штабсъ-капитана) въ артиллеріи сравнительно съ другими войсками корпуса было и общество офицеровъ лучше и мундиръ наряднѣе, а главное обращеніе начальниковъ съ подчиненными офицерами было гораздо благообразнѣе и носило характеръ товарищества. Все это притягивало къ артиллеріи лучшихъ воспитанниковъ; къ ней стремился и я всею душою. Хотя я по правамъ рожденія могъ только выйти въ линейный баталіонъ, но, имѣя въ виду выходившіе изъ ряда вонъ мои успѣхи въ наукахъ, я былъ увѣренъ, что меня произведутъ въ артиллерію, и я избавлюсь отъ той страшной помойной ямы, которую представляли тогда Оренбургскіе линейные баталіоны и куда изъ столичныхъ корпусовъ выпускали только отъявленныхъ лѣнтяевъ. Кадетское мое начальство такъ и представило меня, а пребываніе Обручева въ Петербургѣ давало надежду, что и онъ поддержитъ такое ходатайство, но судьба рѣшила иначе. Послѣ публичныхъ экзаменовъ насъ распустили по домамъ впредь до производства, и я, награжденный опять книгами и похвальнымъ листомъ, съ радостью помчался въ родной свой Белебей.

Не смотря на тяжелое тогда положеніе кадетъ, я съ грустью разставался съ стѣнами нашего мрачнаго корпуса, а также съ большинствомъ учителей. Среди мрака и темноты, царствовавшихъ тогда въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, все-таки много свѣтлыхъ отрадныхъ минутъ было прожито мною въ эти 6-ть лѣтъ съ добрыми товарищами и съ такими наставниками, какъ Ѳедоровъ-математикъ, добрякъ Рейхенбахъ, дежурный офицеръ Рамбахъ и другіе. Только съ однимъ Энгельке мы разстались безъ сожалѣнія, ибо къ концу нашего пребыванія въ

корпусѣ взяточничество его достигло небывалыхъ размѣровъ. Онъ бралъ всѣмъ: помѣщики везли куръ, масла, варенья; купцы дарили товаромъ и деньгами, а уральцы запрудили его икрой, рыбой, и сообразно этимъ приношеніямъ онъ не стѣсняясь сталъ оказывать протекцію дарившимъ его воспитанникамъ, что возмущало всѣхъ остальныхъ. Къ этому прибавлялось и другое обстоятельство, уничтожившее въ насъ всякое уваженіе къ Энгельке. Разъ вечеромъ въ корридорѣ корпуса на нашихъ глазахъ онъ поссорился съ полупьянымъ нашимъ экономомъ, отставнымъ маіоромъ изъ фельдфебелей Артемьевымъ, котораго мы всегда называли Максимкой, и этотъ послѣдній обругалъ Энгельке воромъ и мошенникомъ; не смотря, однако же, на это, на другой день нашъ главный воспитатель дружески расхаживалъ по корпусу и разговаривалъ съ тѣмъ же Максимкой. Такой скандалъ сейчасъ же былъ увѣковѣченъ въ паразительной по своему сходству картинѣ нашимъ отличнымъ рисовальщикомъ, кадетомъ Шулешкинымъ, которая въ снимкахъ ходила у всѣхъ по рукамъ, тогда какъ взяточничество въ свою очередь было воспѣто въ стихахъ другимъ нашимъ кадетомъ Бунинымъ, весьма острымъ и наблюдательнымъ мальчикомъ. Пѣсня Бунина была тотчасъ же разучена, положена на голоса, и мы пѣли постоянно ее хоромъ, когда проходилъ мимо насъ Энгельке, но на него это не дѣйствовало. Привожу для характеристики оставшіеся у меня въ памяти отрывки этой довольно длинной пѣсни:

Плохо намъ житье настало
Съ командиромъ не отцомъ,
Съ лихоимцемъ, какихъ мало,
Съ криводушнымъ наглецомъ.
Изъ Германіи проклятой
Онъ пожаловалъ сюда,
Шутъ былъ, шельма, полосатый
И какъ нѣмецъ безъ стыда.
Судитъ деньгами онъ вины,
Деньги для него законъ,
Сребра, золота, платины
Ожидаетъ также онъ.
И мѣдь тоже не въ презрѣньи.
Не откажется отъ ней,
Любитъ персики, варенье,
Уважаетъ и гусей.
Если знать, друзья, хотите
Пожирѣлъ онъ отчего,
То уральцевъ вы спросите:
Уралъ кормитъ вѣдь его.

Сообщенія тогда между Оренбургомъ и Петербургомъ были ужасныя, дѣлопроизводство всегда медленное, а потому мы смѣло могли разсчи-

*

тывать пожить дома до производства въ офицеры мѣсяца три-четыре. Пріѣхавъ въ Белебей, я засталъ тамъ брата, который послѣ шестилѣтней службы въ Минскомъ полку, по желанію отца, вышелъ въ отставку и теперь пріискивалъ себѣ гражданскую должность. Особаго дѣла у насъ не было, и мы вполнѣ зажили зимнею жизнью маленькихъ уѣздныхъ городковъ, т. е. играли безъ устали въ преферансъ, танцовали подъ разстроенное фортепіано и ухаживали за разными барышнями. На святки появились въ Белебеѣ двѣ сосѣднія помѣщицы—княжны Чегодаевы, дѣвушки весьма образованныя, и наша жизнь пошла еще веселѣе. Беззаботно проводилъ я время, когда получилъ письмо изъ Оренбурга о томъ, что мнѣ отказали въ производствѣ въ артиллерію и возвратили представленіе назадъ. Ударъ былъ тяжкій для моихъ ожиданій, но я не переставалъ еще надѣяться, такъ какъ кадетское начальство вновь ходатайствовало объ исполненіи прежняго своего представленія. Между тѣмъ, какъ нарочно, въ это время пришли артиллерійскія офицерскія вещи, которыя отецъ выписалъ мнѣ изъ Москвы, и онѣ еще болѣе растравили во мнѣ желаніе поступить въ артиллерію.

Проведя весело масляную, отецъ рѣшился отправить постомъ меня съ матушкой въ Оренбургъ, чтобы ко времени производства быть мнѣ на мѣстѣ.

Въ Оренбургѣ уже собрались почти всѣ выпускные кадеты, весна была ранняя, сухая, и мы по вечерамъ цѣлою толпою ходили по Сакмарской почтовой дорогѣ, чтобы встрѣчать петербургскую почту. Всѣ радовались, всѣ ждали, а у меня только скребло на сердцѣ, и предчувствіе меня не обмануло: пришла почта, и я былъ произведенъ 28-го марта 1848 года въ прапорщики въ 3-й Оренбургскій (потомъ 7-й Туркестанскій) линейный баталіонъ, расположенный въ Оренбургѣ. Первое тяжкое разочарованіе постигло меня,—я ненавидѣлъ всѣми силами души линейные баталіоны и теперь долженъ былъ служить въ нихъ. Богъ знаетъ, какъ это мнѣ было горько; я плакалъ, какъ ребенокъ, передо мною лежала мрачная, грязная дорога. Я былъ оскорбленъ въ лучшихъ своихъ вѣрованіяхъ и только благодаря ласкамъ матери и сестры кое-какъ пришелъ въ себя, но далъ тутъ же себѣ честное слово во что бы то ни стало наверстать свою потерю и вмѣстѣ съ тѣмъ дополнить свое образованіе въ Академіи генеральнаго штаба, что̀ и исполнилъ.

III.

Оренбургъ въ 1848 году.—Линейные баталіоны.—Генералы Толмачевъ и Обручевъ.—Первый дебютъ на службѣ.—Башкиры и ихъ служба.—Баталіонные командиры.

Расположенный на песчаной, возвышенной равнинѣ праваго берега Урала, совершенно открытой для юго-восточныхъ вѣтровъ, Оренбургъ нестерпимъ лѣтомъ по своимъ жарамъ, а окружавшія его въ то время крѣпостныя стѣны, не допуская надлежащаго движенія воздуха, дѣлали изъ города какое-то пекло, въ которомъ зачастую не было возможности дышать.

О соблюденіи какихъ-либо гигіеническихъ правилъ между жителями и даже въ войскахъ, разумѣется, тогда не было помину. Вода находилась далеко, улицы не поливались, дворы и отхожія мѣста своевременно не чистились, а падаль сваливали за крѣпостью подъ самыми валами. Казармы были тѣсны, имѣли самую первобытную вентиляцію, рѣдко освѣжались и были полны всевозможными міазмами, такъ что мы, новички, войдя въ первый разъ въ роту, не знали, куда дѣваться отъ зловоннаго запаха, и только спустя недѣли двѣ освоились съ этимъ ароматомъ.

Оренбургскіе линейные баталіоны того времени составляли 22-ю пѣхотную дивизію и, не смотря на армейское положеніе, въ глазахъ высшаго начальства и мѣстнаго общества стояли на одинаковой ногѣ съ баталіонами гарнизонными, пользуясь наравнѣ съ послѣдними значительнымъ пренебреженіемъ. Хорошо помню и теперь, какъ поразило насъ обращеніе оренбургскихъ дамъ въ первый же разъ, когда мы рѣшились явиться въ клубъ на танцовальный вечеръ: на насъ или вовсе не смотрѣли, или бросали презрительный взглядъ съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же отвернуться. Мы вынесли это и все-таки рѣшились танцовать, попросивъ дежурнаго старшину представить насъ дамамъ. Долго мы бродили по залѣ, получая только одни отказы, пока не нашлось нѣсколько перезрѣлыхъ барышенъ, которыя, вѣроятно, за неимѣніемъ другихъ кавалеровъ, согласились танцовать съ нами кадриль, но и тутъ не безъ злости, такъ какъ, становясь въ кругъ, онѣ на вопросъ своихъ подругъ, съ кѣмъ ты танцуешь? нисколько не стѣсняясь, отвѣчали въ слухъ: «съ 22-мъ номеромъ» и при этомъ дѣлали самую кислую гримасу.

Нельзя однако же строго винить тогдашнее общество: оно само было весьма мало развито, чтобы проникнуться къ незнакомому человѣку достаточнымъ чувствомъ вѣжливости; къ тому же большинство линейныхъ офицеровъ было таково, что дѣйствительно порядочные люди могли

сторониться его. Такъ баталіоны, въ которые мы поступили, имѣли всѣхъ ротныхъ командировъ и значительное число младшихъ офицеровъ изъ фельдфебелей или изъ неучей-юнкеровъ, отличавшихся самыми смутными понятіями объ общественной жизни; между ними было много людей добрыхъ и по-тогдашнему честныхъ, но они посвящали большую часть времени на фронтовую службу, знаніе которой, ограничиваясь исключительно уставомъ, доводилось до величайшаго педантизма; свободные же часы проводили или въ компаніи съ писарями разныхъ управленій корпуса или въ кутежахъ съ женщинами легкаго поведенія, при чемъ весьма часто попойки кончались дракой. Они имѣли свой нравственный кодексъ, и битье другъ-друга не влекло за собой дуэли, а всегда кончалось мировой. На вопросы наши, отчего не бываютъ въ хорошемъ обществѣ, они всегда съ сарказмомъ отвѣчали: «куда намъ, дуракамъ, чай пить, это вы ужъ полѣзайте къ аристократію».

Съ перваго же появленія нашего на службѣ эти офицеры прямо начали говорить намъ «ты», и холостые—звать вечеромъ на выпивку. Они же сочли долгомъ немедленно познакомить насъ съ баталіонными командирами.

— Третьимъ баталіономъ,—говорили наставники наши,—командуетъ маіоръ Лепехинъ: ругается не сильно, но при этомъ всегда плюется, такъ что близко стоять нельзя; впрочемъ, старикъ добрый и по ночамъ любитъ, по-нашему, пропустить за галстукъ; а вотъ ужъ во второмъ—подполковникъ Чигирь,—это дантистъ, мало что разбранитъ тебя всячески, шкуру, кажется, готовъ содрать во фронтѣ, службу знаетъ отлично и при томъ любимецъ дивизіоннаго, такъ тутъ ничего не подѣлаешь.

Такая обстановка и разсказы были тяжелы нашей молодой натурѣ, но, что было дѣлать, надо было служить.

Явившись къ маіору Лепехину и, кромѣ кивка головы, не получивъ отъ него ни единаго привѣтствія, мы отправились на другой день къ бригадному и дивизіонному начальникамъ. Бригаднымъ командиромъ былъ тогда генералъ-маіоръ Логинъ Ивановичъ Федяевъ—человѣкъ неимовѣрной толщины, который въ 30-ти градусный морозъ ходилъ не иначе, какъ въ одномъ сюртукѣ, и ежедневно, не исключая зимы, обливался въ холодныхъ сѣняхъ ледяной водой. Федяевъ былъ добрякъ, отличался, даже въ то извѣстное своимъ казнокрадствомъ время, безукоризненной честностью, но, какъ бригадный командиръ, не имѣлъ почти никакого значенія по службѣ. Онъ принялъ насъ ласково и, разумѣется, говорилъ намъ «ты», такъ какъ это мѣстоименіе употреблялъ постоянно даже въ разговорѣ съ дамами. Отъ бригаднаго перешли къ дивизіонному. Послѣ часоваго ожиданія въ пріемной къ намъ быстро вышелъ видный съ ястребинымъ носомъ генералъ въ сюртукѣ на распашку и, не кланяясь, началъ спрашивать по очереди наши фамиліи. Это былъ

генералъ-лейтенантъ Аѳанасій Емельяновичъ Толмачевъ. Обойдя всѣхъ, онъ бойкимъ голосомъ и весьма отрывисто сказалъ намъ:

— Смотрите, служить хорошо!.. Тутъ пьяницъ много, не балуйтесь, въ караулѣ не спать.

Въ заключеніе обратившись къ баталіоннымъ командирамъ, сказалъ имъ, чтобы они насъ подтянули хорошенько, повернулся и ушелъ.

Толмачёва въ дивизіи не любили, главнымъ образомъ, за то̀, что онъ во всѣхъ случаяхъ держалъ сторону баталіонныхъ командировъ, позволяя имъ дѣлать что̀ угодно и обращаться съ офицерами самымъ грубымъ образомъ. Изъ числа такихъ начальниковъ особою дерзостью даже въ то время славились командиры: 2-го баталіона подполковникъ Чигирь и 10-го баталіона въ Уфѣ подполковникъ Аѳанасьевъ, большіе любимцы Толмачева, такъ что никакая претензія на нихъ не имѣла въ глазахъ его значенія и не получала дальнѣйшаго хода.

Командиромъ, какъ тогда называли, отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи Владиміръ Аѳанасьевичъ Обручевъ. Средняго роста, юркій, подвижный человѣкъ, съ Георгіемъ на шеѣ, Обручевъ составилъ себѣ репутацію боеваго генерала въ кампаніи 1828—1831 гг. въ Турціи и Польшѣ, а затѣмъ, посвятивъ себя дѣятельности мирной, къ качествѣ начальника дивизіи, прославился какъ одинъ изъ самыхъ исправныхъ фронтовыхъ командировъ, о которыхъ даже современники не безъ ироніи говаривали, что они всякую ошибку въ фронтѣ подчиненнаго считаютъ за личное для себя оскорбленіе.

Не мое дѣло оцѣнивать здѣсь всѣ заслуги, которыя оказалъ Владиміръ Аѳанасьевичъ Обручевъ Оренбургскому краю особенно по устройству степи; многія изъ его начинаній принесли прекрасные плоды и до сихъ поръ пользуются благодарною памятью у мѣстныхъ жителей, но эта видная сторона дѣятельности не можетъ, однако же, заставить меня отказаться отъ сообщенія свѣдѣній о нѣкоторыхъ несимпатичныхъ чертахъ его характера, насколько, конечно, это будетъ необходимо для ясности и полноты моего разсказа.

Я не знаю подробно, каковъ былъ генералъ Обручевъ прежде; въ бытность же въ Оренбургѣ онъ пользовался репутаціей человѣка честнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ деспотическаго, мелочнаго и крайне раздражительнаго, такъ что вскорѣ по его прибытіи въ городъ слова «Обручевъ» и «распеканка» сдѣлались синонимами. Вездѣ, гдѣ только ни появлялся генералъ, какъ оффиціальное лицо, вездѣ раздавался крикъ и шла головомойка. Кричалъ онъ на ученьяхъ, кричалъ къ кадетскомъ корпусѣ, кричалъ въ институтѣ, кричалъ даже на базарѣ, куда изрѣдка ходилъ пробовать провизію. Подобное раздраженіе доходило иногда до смѣшнаго: такъ присутствуя разъ на парадѣ, которые лѣтомъ назначались

на городской площади по воскресеньямъ и собирали массу народа, Обручевъ замѣтилъ въ числѣ зрителей окружнаго начальника государственныхъ имуществъ и, вспомнивъ, что въ одномъ мѣстѣ уѣзда проѣзжалъ по дурной дорогѣ, обрушился на этого чиновника.

— Я тебя выгоню вонъ, сослать велю!—закричалъ генералъ въ изступленіи.

Онъ такъ озадачилъ бѣднягу, что послѣдній, не понимая сдѣланнаго на него нападенія, испугался и началъ прятаться въ народъ, а Обручевъ за нимъ, пока не прижалъ, наконецъ, къ какому-то препятствію и, тутъ только разразясь опять крикомъ, высказалъ, что распекаетъ за неисправность дорогъ. Народъ хохоталъ, любуясь такою гонкой, а несчастнаго чиновника даже вечеромъ того дня, когда я его видѣлъ, трясла лихорадка, при чемъ оказалось, что нагоняй онъ получилъ даромъ взамѣнъ исправника.

Физіономія Обручева отличалась тѣмъ, что она всегда имѣла самое разобиженное выраженіе: нерѣдко къ нему являлись люди, только-что прибывшіе въ край, и тѣ, выходя отъ него, задавали своимъ знакомымъ вопросъ: «скажите, пожалуйста, чѣмъ мы могли обидѣть генерала, что онъ встрѣтилъ насъ съ такимъ лицомъ?» Замѣчательно, что такое же выраженіе физіономія Владиміра Аѳанасьевича сохраняла даже въ церкви, во время службы, при поклонахъ священниковъ, какъ будто и тутъ онъ готовъ былъ распечь ихъ за какую-нибудь неисправность. Были, однако же, минуты, когда и на этомъ суровомъ лицѣ появлялось что-то въ родѣ ласки—это именно на тѣхъ болѣе, чѣмъ скромныхъ вечеринкахъ, которыя Обручевъ иногда устраивалъ у себя дома. Тогда онъ выглядывалъ какъ-то добрѣе особенно, когда онъ говорилъ съ дамами или ласкалъ своихъ дѣтей, но и тутъ подобныя измѣненія были мгновенны, и лицо его тотчасъ же принимало всѣмъ знакомое выраженіе.

Вступивъ въ управленіе краемъ послѣ генералъ-адъютанта Василія Алексѣевича Перовскаго, этой въ полномъ смыслѣ слова широкой славянской натуры, со всѣми ея качествами и недостатками, Обручевъ, какъ это часто бываетъ на Руси, отнесся съ большимъ предубѣжденіемъ къ тому, что было сдѣлано его предшественникомъ, поэтому тотчасъ же началась въ краѣ перетасовка чиновъ, отмѣна разныхъ распоряженій, проектированныхъ Перовскимъ, и строгая критика того, чего нельзя уже было измѣнить.

Самое главное, чѣмъ прежде всего задался Владиміръ Аѳанасьевичъ, это сокращеніемъ во что бы то ни стало расходовъ казны по краю, но, приступивъ къ нему безъ полнаго знакомства съ мѣстными потребностями, онъ достигъ успѣшнаго результата лишь въ мелочахъ. Будучи самъ скупымъ до крайности, онъ хотѣлъ, казалось, привить то же качество и къ служащимъ въ краѣ и пріучить ихъ къ умѣренной жизни, а

потому совсѣмъ прекратилъ выдачу производившихся изъ экстраординарныхъ суммъ пособій особенно достойнымъ офицерамъ и чиновникамъ и сократилъ отпускъ въ долгъ казеннаго лѣса на постройки недостаточныхъ людей. По ходатайству его былъ раскассированъ прекрасный Уфимскій казачій полкъ, который могъ быть такъ полезенъ для всѣхъ послѣдующихъ нашихъ походовъ въ степи и развитія строеваго образованія среди уральскихъ и оренбургскихъ казаковъ, для чего впослѣдствіи выписывались изъ арміи кавалерійскіе офицеры. Значительныя башкирскія суммы, состоявшія въ распоряженіи оренбургскаго губернатора, и на которыя можно было много сдѣлать полезнаго для башкиръ, были представлены въ государственное казначейство, а несчастный башкирскій народъ, такъ страдавшій и при Перовскомъ, былъ совершенно обращенъ въ негровъ-работниковъ, производя по наряду за самую ничтожную плату всѣ казенныя сооруженія въ краѣ, на которыхъ ежегодно умирали чуть не тысячами и башкиры и ихъ лошади. Всѣ протесты на такое обращеніе съ населеніемъ командовавшаго башкирскимъ войскомъ Николая Петровича Беклемишева, личности въ высшей степени гуманной и симпатичной, оставались тщетными. На обязанности башкиръ же состояла тогда вырубка изъ казенныхъ башкирскихъ дачъ лѣса, сплавъ его въ Оренбургъ и выгрузка здѣсь въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, когда начинались заморозки и полунагіе башкиры должны были работать, стоя цѣлый день въ ледяной водѣ [1]). Доставленныя такимъ образомъ дрова шли на отопленіе казенныхъ зданій Оренбурга и Орска, а большею частью на вольную продажу, и вырученные отъ нихъ огромные барыши, такъ какъ дрова заготовлялись чуть не даромъ, поступали въ полное распоряженіе военнаго губернатора, и отчета въ нихъ онъ не отдавалъ даже высочайшей власти.

Результатомъ всѣхъ такихъ мѣръ, не говоря уже о безпорядочномъ истребленіи лѣсовъ и обмеленіи рѣкъ, было страшное разореніе Баш-

---

[1]) Для характеристики этихъ тяжелыхъ занятій по сплаву и того грустнаго положенія, въ которомъ вообще находились башкиры на работахъ, всего лучше можетъ служить сочиненная кѣмъ-то башкирская пѣсня, которую зналъ тогда весь Оренбургъ.

Моклашка, моклашка (отрубокъ дерева),
Ты куда плывишь (плывешь),
Ты плыви, моклашка, на родимый сторона,
Ты скажи, моклашка, мой татишка (отецъ),
Ты скажи, моклашка, мой матишка (мать),
Что ихъ сынка (сынъ), что ихъ сынка,
Больна́ мудрина (очень мудренъ) сталъ,
Желѣзна лопатка (желѣзной лопаткой) навозъ чиститъ,
Худой арба писка (песокъ) возитъ и проч.

киріи, послужившее впослѣдствіи, какъ извѣстно, причиною удаленія изъ края генерала Обручева и замѣною его вновь В. А. Перовскимъ.

Послѣ представленія начальству, я поселился вблизи казармъ 3-го баталіона на квартирѣ сестры моей, а затѣмъ сталъ нести дѣйствительную службу, открывъ ее весьма тяжелымъ дебютомъ.

Въ первомъ же вечернемъ приказѣ по баталіону, который принесли мнѣ, значилось, что моя рота назначается на слѣдующій день для производства за казармами экзекуціи, для чего ей надлежало быть на мѣстѣ въ 5 часовъ утра. Надобно сказать, что до тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого понятія объ экзекуціяхъ и никогда на нихъ не присутствовалъ; всѣ представленія о самомъ сильномъ взысканіи складывались въ моей головѣ въ наказаніи розгами, существовавшемъ въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, но котораго я, благодаря Бога, не испыталъ, а потому я сталъ ожидать исполненія новаго рода службы съ какимъ-то грустнымъ любопытствомъ.

На другой день къ 5-ти часамъ я былъ уже къ казармѣ. Выстроили роту, разсчитали и повели на плацъ, гдѣ развели шеренги на разстояніе шаговъ пяти, обернули лицомъ одну къ другой и дали каждому солдату по длинной палкѣ толщиною въ палецъ. Чрезъ нѣсколько минутъ къ флангу роты приблизились подъ конвоемъ пять человѣкъ, истомленныхъ до-нельзя и оборванныхъ башкиръ; вынырнулъ откуда-то аудиторъ, раздалась команда «на караулъ», и началось чтеніе конфирмаціи. Сколько можно было разслышать, башкиры за конокрадство и другія мелкія воровства, а нѣкоторые за побѣги приговаривались корпуснымъ командиромъ къ наказанію шпицрутенами черезъ 500—1.500 человѣкъ.

По окончаніи чтенія, несчастныхъ раздѣли, всунули каждому въ связанныя руки по прикладу ружья, другой конецъ котораго держалъ унтеръ-офицеръ; раздалась вновь команда, въ рукахъ солдатъ появились палки, уныло забилъ барабанъ, и осужденные, ведомые на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, двинулись по живой улицѣ солдатъ. Свистнули палки, пронесся крикъ, сердце невольно у меня сжалось, и я закрылъ было глаза, какъ вдругъ вблизи раздалось хлопъ, хлопъ по чьему-то лицу; я взглянулъ и увидалъ ротнаго командира, производившаго надъ однимъ солдатикомъ своеручную расправу.

— Ахъ, ты такой, сякой,—кричалъ ротный, употребляя самую непечатную брань,—еще жалѣть вздумалъ, бей, во всю руку, а не то я тебя самого разложу!

Обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— А ты, братъ, что спишь? твое дѣло ходить по рядамъ и смотрѣть, чтобы хорошенько били. Ступай же!

Нечего дѣлать, пошелъ я позади шеренги, но, разумѣется, не для того, чтобы исполнять приказаніе ротнаго.

Вотъ каковъ былъ мой служебный дебютъ. Съ страшнымъ озлобленіемъ противу начальства возвратился я домой и пережилъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ дней моей жизни; впослѣдствіи, когда подобную службу пришлось исполнять весьма часто, я уже не закрывалъ глазъ, но постоянно испытывалъ то же чувство омерзѣнія, какъ и при первой экзекуціи.

Такъ притуплялись въ ту пору даже въ мирное время всѣ мягкія юношескія чувства у людей военныхъ, и надобно было имѣть слишкомъ доброе сердце, чтобы, пробывъ въ такой службѣ нѣсколько лѣтъ, не загрубѣть окончательно. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ вообще о наказаніи бѣдныхъ башкиръ. Этотъ несчастный народъ считался тогда въ военномъ вѣдомствѣ, исполняя кое-какія полицейскія обязанности, а главное замѣняя на казенныхъ работахъ въ краѣ негровъ, и за такую собственно службу пользовался удовольствіемъ подлежать за проступки военному суду. Какъ народъ полукочевой, имѣвшій только смутныя понятія о гражданской жизни, башкиры считали вполнѣ естественнымъ и даже молодечествомъ воровать другъ у друга и сосѣднихъ русскихъ крестьянъ лошадей, таскать изъ казенныхъ дачъ лѣсъ, отбивать забираемыя у нихъ весьма часто грабительскимъ способомъ земли и т. д. И когда за подобные же поступки рядомъ жившій съ ними крестьянинъ отдѣлывался штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, розгами,—башкиры судились военнымъ судомъ.

Въ знаменитыхъ тогда военно-судныхъ коммиссіяхъ царилъ полный произволъ аудитора, произведеннаго изъ писарей, ибо ни презусъ, ни члены, назначаемые поперемѣнно изъ фронта, не имѣли да и не могли имѣть надлежащей подготовки къ разбору и рѣшенію военно-судныхъ дѣлъ, состоявшихъ всегда изъ массы перепутанныхъ слѣдствій, допросовъ и очныхъ ставокъ, въ которыхъ, какъ въ мутной водѣ, только и могъ одинъ аудиторъ ловить рыбу. Всѣ члены этого судилища безпрекословно подписывались подъ приговорами на мѣстахъ, гдѣ были заранѣе уже намѣчены карандашомъ ихъ фамиліи. Оба оберъ-аудитора Оренбургскаго корпуса, къ которымъ поступали на окончательное разсмотрѣніе дѣла, были тоже изъ писарей, нажили себѣ дома и горой стояли за своихъ подчиненныхъ. Послѣдствіемъ такого суда было то, что почти всякій зажиточный башкиръ выходилъ правъ, а бѣдняка наказывали. Я зналъ одного эсаула, который прославился своими грабежами на весь край, судился по 7-ми важнымъ дѣламъ и, не смотря на полное желаніе генерала Обручева наказать грабителя, онъ былъ оправданъ и даже получилъ вскорѣ чинъ маіора. Дѣло это ему стоило около семи тысячъ рублей.

Кромѣ экзекуцій, назначенія через 2—3 сутокъ въ городскіе караулы, парадовъ и разводовъ, которые до страсти любилъ Обручевъ, и другихъ нарядовъ на службу, мы ходили еще ежедневно по два раза на ученья: утромъ отъ 6—9, а вечеромъ отъ 6—8 часовъ.

Офицерскихъ карауловъ въ то время содержалось въ Оренбургѣ четыре: 1) на главной гауптвахтѣ, помѣщавшейся на площади въ подвальномъ этажѣ зданія 2-го эскадрона Неплюевскаго кадетскаго корпуса, 2) при городскомъ тюремномъ замкѣ, 3) при Сакмарскихъ воротахъ крѣпости, чрезъ которыя проходилъ Петербургскій трактъ и 4) на Мѣновомъ дворѣ (только лѣтомъ) въ $1^1/_2$ верстахъ отъ города; во всѣхъ другихъ мѣстахъ и выѣздахъ стояли посты унтеръ-офицерскіе. Караульныя комнаты были низки, грязны, и въ каждой помѣщалось нѣсколько арестованныхъ офицеровъ, которые, большею частью, судились за проступокъ, дающій всегда немаловажный процентъ для нашихъ военныхъ судовъ—промотаніе казенныхъ денегъ. Горе было возиться съ этими господами: разсчитывая на нашу неопытность, они постоянно пьянствовали и позволяли себѣ такія безчинства, что другой разъ у насъ лопалось терпѣніе, и мы приказывали связывать ихъ и держать въ кроватяхъ, пока не проспятся. Тяжело было также при 30—40° лѣтняго жара въ Оренбургѣ стоять въ караулѣ затянутымъ въ тогдашній мундиръ съ высокимъ воротникомъ, имѣя на головѣ массивную каску съ застегнутыми чешуями. О кителяхъ, сниманіи галстуха, бѣлой фуражкѣ, какъ это теперь допускается въ жаркихъ мѣстахъ, тогда и помину не было; даже внѣ службы ходили не иначе, какъ въ сюртукахъ и каскахъ.

Ко всему этому на главной гауптвахтѣ и Сакмарскомъ выѣздѣ присоединялось безпрерывное писаніе рапортичекъ о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ крѣпости и выбѣганіе на платформу для отданія чести не только чинамъ комендантскаго правленія и ближайшимъ начальникамъ, но и всѣмъ генераламъ. За одну опозданную минуту даже въ выскакиваніи людей, особенно же въ командѣ: «слушай на караулъ!»—слѣдовала отъ всѣхъ и каждаго головомойка и часто арестъ. Особенно намъ былъ тяжелъ комендантъ, генералъ Лифляндъ, имѣвшій тройку рысаковъ. Поднесется, бывало, къ караулу изъ-за угла во всю прыть, продѣлать церемонію не успѣешь, ну, и подъ арестъ. Только и былъ отдыхъ, когда принесутъ обѣдъ или чай, и велишь снять барабанъ съ платформы, но и тутъ сейчасъ явится дежурный по карауламъ или плацъ-адъютантъ узнать, не спитъ ли офицеръ.

Кромѣ карауловъ насъ истомляли еще безпрерывные парады и разводы, до которыхъ, какъ сказано, корпусный командиръ былъ великій охотникъ. Не говоря о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ, Обручевъ придирался къ каждому обыкновенному празднику, напр. взятіе Па-

рижа русскими, день Полтавской битвы, престольный праздникъ военно-учебныхъ заведеній и т. п., чтобы назначить разводъ или парадъ, а это въ свою очередь вело къ мукѣ нашей репетиціями, чтобы достойнымъ образомъ предстать на такую церемонію. Особенное вниманіе обращалось на равненіе и салютовку, которыя служили истиннымъ наслажденіемъ для корпуснаго командира. Людей при тогдашней стойкѣ заставляли выпячивать всѣми мѣрами грудь впередъ, а груди старались вытянуть въ одну совершенно прямую линію. Выравниваніе шло, бывало, часа полтора до пріѣзда главнаго начальника, и Боже сохрани потерять его; возмездіе за это слѣдовало извѣстное: кулакъ въ зубы и палка въ спину.

Генералъ Обручевъ обыкновенно пріѣзжалъ на парады въ казачьей формѣ, которую очень любилъ. Еще чуть покажется вдали его экипажъ, какъ махальные на площади, или зимой у дверей манежа, закричатъ во все горло: «корпусный командиръ изволитъ ѣха-а-ать». Все вздрогнетъ въ строю, лица баталіонныхъ командировъ вытянутся, поблѣднѣютъ, и разомъ водворится такая гробовая тишина, что стоишь, бывало, вдалекѣ, а слышишь, какъ хруститъ въ манежѣ песокъ подъ ногами какого-нибудь повертывающагося генерала. Вотъ раздалась команда «на караулъ», грянула музыка, и корпусный командиръ, выслушавъ рапортъ и поздоровавшись съ людьми, идетъ по рядамъ. Выраженіе лица его по обыкновенію разобиженное; онъ грозно смотритъ по линіи равненія, на солдатъ, ихъ стойку; слѣдующаго сзади его баталіоннаго командира пробираетъ дрожь, и даже самъ начальникъ дивизіи, идущій около Обручева, держа руку подъ козырекъ, начинаетъ сѣменить ногами и обдергиваться: словомъ, всѣ ждутъ чего-то и при томъ страшнаго. Но обходъ конченъ: все обошлось благополучно, повели являться офицеровъ. Подошелъ первый: молніей блеснула въ рукахъ его сабля, плавно, ровно скользнула въ самый разрѣзъ плеча и мгновенно легла плашмя къ носку лѣвой ноги; офицеръ отрапортовалъ, также ловко взялъ саблю въ плечо, повернулся направо и, сдѣлавъ выдержку, замаршировалъ въ сторону. Лицо Обручева просвѣтлѣло; онъ взглянулъ на начальника дивизіи, и что-то въ родѣ улыбки мелькнуло на его губахъ. Начальникъ дивизіи съ сіяющей физіономіей низко поклонился, бригадный вздохнулъ всею грудью, а баталіонный позволилъ себѣ даже улыбнуться... Дѣло, значитъ, хорошо. Пошли построенія, маршировка, тихимъ, потомъ скорымъ шагомъ, прошли на «ура!» Сошло все и затѣмъ всѣ довольные, веселые разошлись по домамъ.

Но такіе свѣтлые дни бывали не часто; не понравится салютовка, равненіе или шагъ, проваливайся тогда сквозь землю: крикъ и гвалтъ пойдутъ на весь плацъ и конецъ концовъ: офицеры засажены на гауптвахту, баталіонный выбраненъ елико возможно, а бригадный и диви-

зіонный стоятъ красные, какъ раки, передъ корпуснымъ, держа руку у шляпы и слушая, какъ онъ съ пѣною у рта кричитъ на нихъ:

— Ваше превосходительство, такъ служить нельзя. Это не солдаты, а бараны, я не могу смотрѣть за всѣмъ, такъ служить нельзя...

Независимо отъ другихъ нарядовъ насъ, молодыхъ офицеровъ, постоянно назначали визитиръ-рундами для повѣрки карауловъ. Лѣтомъ еще было туда-сюда: проходишь всю ночь, роспишешься въ постовыхъ книгахъ и только; но зимою въ страшные оренбургскіе бураны такое назначеніе было чистою бѣдою: своихъ лошадей не было, а объ извозчикахъ тогда въ Оренбургѣ никто и не слыхалъ, поэтому приходилось пробираться вездѣ пѣшкомъ. На улицахъ ни души, ни огня, въ двухъ шагахъ ничего не видно, и только молишь Бога, какъ бы не заплутаться и не замерзнуть, особенно идя въ госпиталь, стоявшій въ степи въ полуверстѣ отъ крѣпости [1]),

Ученья, какъ я говорилъ, производились два раза въ день; иногда на нихъ присутствовалъ бригадный командиръ, не вступаясь впрочемъ ни во что. На ученьяхъ постоянно шли крикъ и драка, особыхъ дисциплинарныхъ правилъ тогда не было, а потому не было и той градаціи наказаній, какая установилась впослѣдствіи. Дѣло взысканія велось проще; сначала слѣдовала непечатная брань, затѣмъ тычки въ лицо, въ спину, въ бокъ и пр., потомъ битье по физикѣ и, наконецъ, розги или палки и держаніе на часахъ подъ ружьемъ въ ранцѣ, набитомъ пескомъ. Въ первое время мы практиковались поротно: продѣлывали ружейные пріемы, ломку фронта, застрѣльщичье ученіе, но главнымъ образомъ налегалось на церемоніальный маршъ.

---

[1]) Въ лѣтнюю пору при Перовскомъ, за недостаткомъ регулярныхъ войскъ, второстепенные караулы занимались башкирами, про которыхъ у старыхъ офицеровъ сохранилось множество разсказовъ, въ томъ числѣ относительно пріема рунда, къ которому тогда назначались отъ караула до караула ефрейторъ и два рядовыхъ въ прикрытіе. Для характеристики совершенно несвойственной башкирамъ гарнизонной службы привожу одинъ изъ этихъ разсказовъ. При подходѣ ночью рунда (изъ башкиръ же) къ платформѣ караула между рундомъ и часовымъ обыкновенно завязывался слѣдующій разговоръ:

Часовой. Кимъ киля (кто идетъ?)

Рундъ. Рундъ киля (рундъ идетъ)

Часовой. Кайсы рундъ (Какой рундъ?)

Рундъ. Зоръ рундъ (большой рундъ)

Часовой. Рундъ тохта (рундъ стой). Караульный турсигисъ. Шарыпка или Ахметка (ефрейторъ) впередъ, два короші люди впередъ (караульные проснитесь. Ефрейторъ впередъ, два фланговыхъ человѣка впередъ). Когда же рундъ входилъ на платформу, то часовой отдавалъ ему честь саблей въ два пріема, приговаривая: на тебѣ, вотъ тебѣ, гуляй (проходи) дальше—и, спокойно затянувъ уныло свою пѣсню, начиналъ расхаживать по платформѣ.

Ротный мой командиръ бранился довольно изрядно, но, конечно, ему далеко было до извѣстнаго тогда въ оренбургскихъ войскахъ одного капитана полевой артиллеріи, командовавшаго казачьей батареею, котораго многіе ставили себѣ за образецъ и всѣми мѣрами старались подражать ему. Казачья батарея въ тотъ годъ стояла лагеремъ подъ Оренбургомъ, и я знаю, что нѣкоторые изъ офицеровъ нарочно ѣздили туда на ученья, чтобы только хоть разъ послушать, какъ распекаютъ казаковъ. Капитанъ дѣйствительно былъ артистъ въ своемъ родѣ; онъ бранился такими непозволительными словами, которыя, конечно, не раздавались ни въ одномъ изъ самыхъ развращенныхъ кабаковъ въ Россіи; каждая брань его длилась весьма долго и отличалась изумительнымъ подборомъ неслыханныхъ названій и изображеніемъ самыхъ циничныхъ и отвратительныхъ дѣйствій человѣка. Брань эту онъ произносилъ громко, съ разстановкой, какъ бы самоуслаждаясь своимъ краснорѣчіемъ, а затѣмъ немедленно слѣдовали немилосердные побои казаковъ собственноручно, кулакомъ, шашкой или же при помощи другихъ лицъ—нагайкою. Капитанъ и въ побояхъ достигъ замѣчательнаго совершенства: такъ, въ пѣшемъ строю онъ рѣдко дрался кулакомъ, а большею частью давалъ виновному такую жестокую пощечину правою ногою, что у казака всегда оказывалось лицо въ крови, а фуражка далеко отлетала въ сторону. Подобное искусство капитана нравилось многимъ офицерамъ его батареи и нерѣдко служило темою разговоровъ ихъ съ нами.

Въ маѣ мѣсяцѣ начались баталіонныя ученія; нашъ командиръ маіоръ Лепехинъ бранился скороговоркой, но при этомъ страшно брызгался слюнями. Главнымъ предметомъ ученій были ломки фронта, при чемъ употреблялись такія сложныя построенія, какихъ даже не было въ уставѣ, а затѣмъ церемоніальный маршъ. Маіоръ большею частью расправлялся собственноручно, не прибѣгая къ палкамъ; то и дѣло раздавались во фронтѣ удары по чьей-нибудь физикѣ, не исключая унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Офицеровъ Лепехинъ бранилъ мало, можетъ быть, по совершенному недостатку дара слова, за то безпрерывно сажалъ на гауптвахту, крича при этомъ: «поручикъ или прапорщикъ такой-то пошелъ-те подъ арестъ». Но если такъ сравнительно мирно шли ученья въ третьемъ баталіонѣ, то не то было во второмъ, гдѣ, независимо битья нижнихъ чиновъ, подполковникъ Чигирь нисколько не стѣснялся и съ офицерами. Какъ теперь помню, у него въ баталіонѣ младшимъ штабъ-офицеромъ былъ маіоръ Иванъ Макаровичъ Фофановъ, человѣкъ простой и мало образованный; рѣдкое ученье проходило, чтобы въ числѣ прочихъ Чигирь не разругалъ передъ фронтомъ своего помощника, говоря ему: «эхъ маіорина, маіорина, какъ тебѣ не стыдно», а когда Фофановъ рѣшался иногда возражать, то онъ прямо кричалъ

ему: «молчи ты, Иванъ-дуракъ, Макаръ-дуракъ и Фофановъ-дуракъ, такъ тебѣ и нечего говорить». Самою мягкою бранью у Чигиря считалось, когда онъ говорилъ офицеру: «ну, куда ты завелъ свой взводъ, поди братъ лучше утопись въ Уралѣ, чѣмъ такъ срамиться»...

Такое обращеніе не возбуждало, однако же, протеста, ибо всѣ офицеры служили изъ куска хлѣба, и жаловаться начальству было немыслимо, а какъ тогдашніе законы не ограждали вполнѣ правъ офицеровъ, то понятно, при такихъ условіяхъ и нравственный уровень ихъ долженъ былъ понизиться и дѣйствительно дошелъ у многихъ чуть не до нуля.

Къ веснѣ общественныя развлеченія, состоявшія изъ танцовальныхъ вечеровъ въ клубѣ и собраній въ частныхъ домахъ, прекратились, а лѣтнихъ увеселеній не было. Театръ тогда вовсе не существовалъ. Караванъ-Сарайскаго сада не было и въ поминѣ, а на берегу Урала, гдѣ въ послѣднее время, говорятъ, устроенъ бульваръ, валили со всего города навозъ, дохлыхъ кошекъ и собакъ, какъ разъ передъ окнами дома, занимавшагося Обручевымъ, и въ промежуткѣ двухъ соборовъ зимняго и лѣтняго. Изрѣдка въ царскіе дни посылалась военная музыка въ зауральскую рощу, грязную и вонючую, и тогда туда шелъ весь городъ, направляясь по пѣшеходному мостику, наводимому черезъ рѣку передъ губернаторскимъ домомъ.

Сообщила **Н. Н. Длусская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминанія офицера генеральнаго штаба.

Затишье.

II [1]).

Расформированіе отряда князя Имеретинскаго.—Мое возвращеніе въ главную квартиру.—Великій князь главнокомандующій.—Главная квартира.—Бухарестъ.—Гвардія.—Два эпизода, относящіеся къ началу войны.

После «ужасныхъ дней» 30-го и 31-го августа на западномъ фронтѣ нашемъ наступило «затишье»—конечно, временное. 2-го сентября отрядъ князя Имеретинскаго былъ расформированъ оффиціально, а въ дѣйствительности онъ распался, какъ мы видѣли, раньше. Остатки Владимірскаго и Суздальскаго полковъ, первый въ составѣ около 950 человѣкъ, второй приблизительно въ 900 человѣкъ, безъ бригаднаго командира, генерала Тебякина, убитаго 30-го августа, отошли къ своей 16-й дивизіи, при чемъ командиры этихъ полковъ и почти всѣ батальонные и ротные были только «исправляющіе должность» или «за командира». Нарядная, блестящая 3-я стрѣлковая бригада, превратившаяся изъ 4-хъ батальонной въ 2-хъ батальонную, тоже лишившаяся своего бригаднаго командира генерала Добровольскаго и всѣхъ командировъ батальоновъ, вновь подчинена была непосредственно начальнику Западнаго отряда арміи. Въ вѣдѣніи князя остались только: 2-я пѣхотная дивизія, изъ девятитысячнаго состава насчитывавшая теперь всего около 3.900 человѣкъ, сведенная въ одинъ 4-хъ батальонный полкъ, съ однимъ бригаднымъ ко-

---

[1]) См. „Русскую Старину", мартъ 1903 г.

мандиромъ, совсѣмъ безъ полковыхъ командировъ и 2-я артиллерійская бригада, тоже безъ бригаднаго командира, въ составѣ 31-го вмѣсто 48 орудій.

Такъ какъ во 2-й пѣхотной дивизіи былъ свой начальникъ штаба полковникъ Шестаковъ, то я остался ни при чемъ, и князь Имеретинскій приказалъ мнѣ ѣхать въ главную квартиру, къ которой я въ дѣйствительности принадлежалъ, состоя для особыхъ порученій при главнокомандующемъ.

Не съ большой радостью покинувъ Скобелева, ѣхалъ я 9-го августа во вновь сформированный отрядъ князя Имеретинскаго[1]) и, странное дѣло, не съ сожалѣніемъ уѣзжалъ изъ него, хотя, казалось бы, прожитое въ немъ время, а въ особенности все съ нимъ пережитое должны были бы привязать меня къ нему. Очевидно и я чувствовалъ на себѣ отраженіе общей неудовлетворенности послѣ третьяго штурма Плевны; неудовлетворенности, перешедшей въ апатію. Не говорю уже о подъемѣ духа, который обыкновенно является въ части послѣ успѣшнаго дѣла, того подъема духа, который былъ у насъ 22-го августа послѣ взятія Ловчи,—теперь въ отрядѣ нашемъ не было даже ощущенія того, что мы, по совѣсти говоря, заработали: не было какъ-то сознанія того, что долгъ нашъ нами исполненъ. Встрѣчались съ знакомыми не радостно, разговоры не клеились, да и о чемъ было говорить? Зеленыя горы, свидѣтельницы столь многаго великаго, были, по пространству своему, такой маленькой ареной, что всѣ все видѣли и сообщать другъ другу что-либо новое не приходилось. Замѣчательно, что, прислушиваясь и къ разговорамъ солдатъ, не было слышно той восторженности въ разсказахъ, той невинной похвальбы, чуждой бахвальства, которая всегда сопровождаетъ разговоры нашихъ солдатъ объ удачномъ дѣлѣ. Я помню подслушанный мною разсказъ у огонька о взятіи тыльнаго редута въ Ловчѣ: «тутъ ужъ всѣ пошли впередъ и налегли со всѣхъ сторонъ; а «онъ» не сдаетъ... ну, его и прикончили»... Это разсказывалось довольно спокойно, но въ то же время увѣренно, неопровержимо; чувствовалось, что иначе и быть не могло, что такъ и слѣдовало; ощущалось полное удовлетвореніе. А теперь... правда, еще 27-го августа калужскіе пѣсельники пѣли при отступленіи со 2-го гребня на 1-й; но 31-го уже не было пѣсенъ. 27-го августа мы еще видѣли впереди отместку и притомъ скорую; 31-го мы увидѣли только конецъ, и пѣсня замерла. Всѣ были удручены, точно мы того, чего отъ насъ ожидали—не исполнили, будто въ чемъ провинились... и хотя цифры потерь лѣваго фланга отъ 35% до 65% у нижнихъ чиновъ и отъ 37% до 56% у офицеровъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ, что старались «не щадя жи-

[1]) Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ. Стр. 394.

вота своего», но все-таки отрядъ былъ въ удрученномъ положеніи. Сейчасъ послѣ 31-го августа не было еще споровъ и не было слышно обвиненій—тогда никого еще не бранили; все это явилось потомъ, позже; тутъ же точно всѣ ошалѣли и недоумѣвали.

Не радостно мнѣ было ѣхать въ главную квартиру; уѣхалъ я оттуда еще опальнымъ. Въ послѣднее мое въ ней пребываніе великій князь все еще говорилъ мнѣ «вы», а передъ самымъ отъѣздомъ въ отрядъ князя Имеретинскаго не удалось мнѣ и проститься съ главнокомандующимъ [1]). Неизбѣжно опять увижу Левицкаго... пожалуй, еще распечетъ за что-нибудь—мимоходомъ.

3-го сентября выѣхалъ я изъ отряда съ неразлучнымъ моимъ Захаромъ и Мусы Газіевымъ, выздоровѣвшимъ отъ лихорадки и прилетѣвшимъ ко мнѣ подъ конецъ боя 31-го августа, съ искреннимъ сокрушеніемъ жалѣвшимъ, что опоздалъ къ бою [2]). По его словамъ, въ этомъ, конечно, виноватъ былъ какой-то докторъ, который его «лишку продержалъ» въ госпиталѣ. Единственное, что до нѣкоторой степени утѣшало во всей этой грустной обстановкѣ—утѣшала надежда, что въ виду очевидно наступившаго временнаго затишья можетъ быть отпустятъ домой хоть на двѣ недѣли. Ужъ 10 мѣсяцевъ не видѣлъ своихъ... Но эта надежда была очень слабая; раздумывая объ этой радужной возможности, я почти всегда сходилъ на мысль, что она невозможна и отъ этой идилліи переходилъ къ другой возможности, болѣе вѣроятной, но за то и болѣе прозаичной: хоть бы въ Бухарестъ пустили на недѣльку, и если пустятъ, то съ вокзала—прямо въ баню.

Ѣдучи налегкѣ, я обгонялъ разныя части войскъ и видѣлъ много лицъ. Между прочимъ, видѣлъ и милѣйшаго генерала Горшкова (le général Potier). Почтенный генералъ спѣшилъ со своей I-й бригадой 32-й пѣхотной дивизіи къ Рущуку, въ отрядъ цесаревича. У него что-то случилось съ правой ногой и онъ, сидя верхомъ, былъ безъ сапога, замѣненнаго резиновой галошей, надѣтой на голую ступню. Было жарко, пыльно, походъ былъ усиленный и трудный; довольно тучный Горшковъ потѣлъ, былъ въ раздраженномъ состояніи духа и бранился. Тутъ же я обогналъ полковника генеральнаго штаба Л. Н. Соболева, который говорилъ мнѣ, что, побывавъ у насъ на Зеленыхъ горахъ во время штурма, проѣхалъ потомъ къ государю и докладывалъ его величеству о всемъ имъ видѣнномъ. Слава Богу, подумалъ я, хоть кто-нибудь о насъ разсказывалъ, а то мы были точно забыты. Подъѣзжая къ главной квартирѣ, меня какъ-то непріятно поразила услышанная издали

---

[1]) „Русская Старина“ 1900 г. Изъ прошлаго. Гл. XV.

[2]) Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ. Стр. 350.

*

музыка, гдѣ-то на окраинѣ Горняго Студня разыгрывавшая что-то веселенькое. Веселый мотивъ шелъ въ разрѣзъ съ моимъ настроеніемъ.

Добравшись, наконецъ, 4-го сентября до оставленной мною въ началѣ августа палатки, встрѣтился я съ многими товарищами, но не засталъ Нагловскаго, который опять былъ у генерала Гурко и изъ главной квартиры уѣхалъ. Очень заботила меня мысль о предстоявшемъ мнѣ представленіи главнокомандующему. На другой день меня потребовали къ его высочеству. Когда я вошелъ въ его шатеръ, великій князь лежалъ на койкѣ одѣтымъ; онъ, кажется, еще похудѣлъ и очень пожелтѣлъ. Не зная, каковъ будетъ пріемъ, я вошелъ, церемонно и оффиціально поклонился, но все перемѣнилось, когда я услышалъ ласковый голосъ и задушевныя слова:

— Голубчикъ мой, поцѣлуй меня: какъ это ты вышелъ цѣлъ. Я видѣлъ съ горы, какой у васъ адъ былъ 30-го и 31-го августа...

Ну, слава Богу; очевидно, случившаяся со мной бѣда — забыта: опять великій князь говорилъ мнѣ «ты», значитъ, опала снята.

Великій князь долго осматривалъ мою физіономію и мой до невозможности порыжѣвшій сюртукъ съ фалдами, кончавшимися бахромой. Осмотръ этотъ привелъ къ тому, что самъ великій князь предложилъ мнѣ ѣхать въ Бухарестъ, помыться и почиститься, при чемъ уволилъ меня на неопредѣленное время. О поѣздкѣ же въ Петербургъ я и не заикнулся: совѣстно было...

Близкихъ мнѣ по душѣ товарищей: Нагловскаго, Бобрикова, Фрезе, въ главной квартирѣ не было; первый былъ у генерала Гурко, второй въ Сербіи, третій не знаю гдѣ. Артамоновъ былъ ужасно не въ духѣ и не разговорчивъ. Общій тонъ главной квартиры былъ унылый и подавленный. Разспросы, если и были, то какіе-то несимпатичные: все больше вертѣлись около личностей. Случалось, что я, бывшій на мѣстѣ, зналъ меньше, чѣмъ тѣ, которые тамъ не были. Непокойчицкій былъ очень любезенъ, Левицкій такъ себѣ, но въ общемъ съ нимъ сошло благополучно. Попробовалъ справиться о наградахъ; милѣйшаго полковника Кладищева не было, заболѣлъ и уѣхалъ, а замѣстители его были слишкомъ заняты, чтобы давать намъ, пріѣзжимъ, справки [1]). Узналъ только, что въ это время вышли награды за первый переходъ Гурко черезъ Балканы и что скоро очередь наградъ за вторую Плевну 18-го іюля, но что въ общемъ накопилось до 2.000 неразсмотрѣнныхъ наградъ.

Оставаться дольше въ главной квартирѣ не было причины. Удостоившись получить приглашеніе къ высочайшему столу, я, отобѣдавъ въ числѣ массы другихъ лицъ, уѣхалъ въ Бухарестъ и конечно, напра-

---

[1]) „Русская Старина“ 1900 г. Изъ прошлаго. Гл. XV.

вился на старое пепелище—«Hôtel Boulevard», къ любезному хозяину Paul Zeidel.

Въ то время румыны относились къ намъ уже иначе; не было той отчужденности, а иногда и враждебности, которая сплошь и рядомъ проглядывала до войны. Теперь мы были les biens venus, frères d'armes. Будучи нашимъ открытымъ союзникомъ, румынское правительство уже не встрѣчало препятствій къ проходу нашихъ войскъ черезъ городъ, и мнѣ весело было смотрѣть, какъ наша гвардія, походнымъ порядкомъ, молодецкимъ шагомъ, проходила съ музыкой по главной улицѣ Подъ-Могошой. Бухарестъ былъ переполненъ русскими всевозможныхъ положеній, званій и родовъ оружія, а «Hôtel Boulevard» совсѣмъ превратился въ русскую шикарную гостиницу. Мнѣ кажется даже, что зимой въ петербургскихъ гостиницахъ перваго разряда, во время сезона, благодаря наплыву настоящихъ заграничныхъ и своихъ домашнихъ иностранцевъ, менѣе слышится русская рѣчь, чѣмъ въ «Hôtel Boulevard» того времени. Прислуга: кельнеры, рендаши (кухонный мужикъ, корридорный) и горничныя хвастали знаніемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ. Paul Zeidel встрѣтилъ меня радостнымъ «здравствуйте», а всѣ постояльцы—русскіе гораздо болѣе говорили по-русски, чѣмъ въ Петербургѣ въ «Hôtel de France», или въ «Европейской гостиницѣ». Мнѣ кажется, что это былъ очень рѣдкій случай, когда русскіе за границей не только не избѣгали, но, наоборотъ, усиленно говорили по-русски. Правда, что шла гвардія съ весьма приподнятымъ настроеніемъ; какъ будто хотѣли всѣмъ, въ томъ числѣ и внѣшнимъ видомъ, показать: «ничего, молъ, не горюйте; вотъ мы пришли и все поправимъ»... Извозчики-скопцы были на верху счастія: всѣ всегда разобраны и цѣны повышены. Лучшіе номера заняты. Мое прежнее уютное помѣщеніе въ концѣ длиннаго корридора съ передней и спальной въ глубокомъ альковѣ было занято герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ, а въ сосѣднемъ, въ которомъ я жилъ во второй мой пріѣздъ въ Бухарестъ, помѣстился графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ. Понятно, пришлось удовлетвориться маленькой комнатой, оказавшейся свободной. Лѣтняя столовая, устроенная на дворѣ, подъ стеклянной крышей, была набита нашими офицерами. Я пошелъ было туда обѣдать, но поскорѣй ушелъ—до такой степени мой рыжій сюртукъ не гармонировалъ съ шикарными и чистенькими мундирами нашихъ гвардейцевъ.

Въ гостиницѣ видѣлся я съ графомъ Павломъ Андреевичемъ Шуваловымъ, генералами Розенбахомъ, Любовицкимъ, барономъ Зеддслеромъ, полковникомъ Водаромъ и массою старыхъ знакомыхъ и сослуживцевъ. Для всѣхъ я былъ интересной новинкой, меня разспрашивали, слушали съ живымъ интересомъ, и, какъ впослѣдствіи, послѣ войны, говорилъ мнѣ генералъ Розенбахъ, разсказы мои о дѣйствующей арміи,

о порядкахъ нашихъ и о положеніи вещей оказались не только не преувеличенными, что могло случиться подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что окончившихся «ужасныхъ дней»—но даже смягченными.

Въ «Hôtel Broft» встрѣтился я съ графомъ Эдуардомъ Ивановичемъ Тотлебеномъ, который не поскупился на длинную со мной бесѣду. Глядя на его массивную фигуру, слушая его спокойную, размѣренную и увѣренную рѣчь, я самъ невольно проникался увѣренностью въ будущее.

Въ числѣ предметовъ, обсуждавшихся въ «Hôtel Boulevard» нашими, вновь прибывшими, не малое мѣсто занималъ вопросъ о томъ, что если бы мы въ началѣ войны не пренебрегали противникомъ и сразу послали бы побольше войскъ, то вѣроятно теперь, въ сентябрѣ 1877 г., война была бы окончена побѣдоносно и мы не проходили бы черезъ всѣ постигшія насъ неудачи и «ужасные дни».

Обсуждался также вопросъ о томъ, что если бы мы не сидѣли такъ долго въ Кишиневѣ, а двинулись бы зимой 1876—1877 годовъ, тотчасъ послѣ мобилизаціи, то можетъ быть достаточно было бы и первоначально мобилизованныхъ войскъ.

Относительно послѣдняго соображенія надо замѣтить, что еще въ концѣ 1876 года, во время Константинопольскихъ конференцій, весьма компетентныя лица высказывали мнѣніе, что слѣдуетъ открыть кампанію только на Кавказѣ, въ виду того, что военныя дѣйствія въ Европейской Турціи, рано или поздно, неминуемо повлекутъ за собой конфликтъ съ Европой, въ той или другой формѣ; если же явится неизбѣжная необходимость открыть военныя дѣйствія на обоихъ театрахъ, то надо начать войну немедленно. Въ этомъ случаѣ и при условіи быстраго и энергичнаго наступленія, будетъ достаточно 150—180 тысячъ войска. Послѣднее соображеніе основано было на томъ, что Европейская Турція, въ то время была совершенно безъ войскъ, которыя всѣ были заняты въ Сербіи, Черногоріи, Босніи и Герцоговинѣ. Не производя подсчета турецкихъ войскъ, направленныхъ турками въ эти пункты и оставшихся налицо въ Болгаріи, достаточно сказать, что лучшіе турецкіе генералы, съ которыми намъ впослѣдствіи пришлось имѣть дѣло и притомъ въ званіи главнокомандующихъ и высшихъ предводителей: Мехмедъ-Али, Сулейманъ и Османъ отсутствовали изъ Болгаріи, дѣйствуя въ предѣлахъ Сербіи, Черногоріи, Босніи и Герцоговины; въ Болгаріи оставался престарѣлый Абдулъ-Керимъ и былъ выписанъ въ помощь ему изъ Зайчара, дѣйствовавшій противъ Сербіи, Ахмедъ-Эюбъ-паша [1]).

---

[1]) Изложенное здѣсь объ отсутствіи войскъ въ придунайской Болгаріи и за Балканами вполнѣ совпадаетъ съ свѣдѣніями, добытыми мною въ декабрѣ 1876 и январѣ 1877 годовъ, во время моей командировки за границу для собиранія свѣдѣній о непріятелѣ. Изъ прошлаго. Ч. I-я. На войнѣ, стр. 115, 117 и другія. П. П.

Затѣмъ, въ Европейской Турціи (т. е. въ Болгаріи сѣверной и южной), зимой 1876 и 1877 годовъ совершенно не было ни снарядовъ, ни патроновъ. И вотъ весьма интересный разсказъ, касающійся снабженія турецкой арміи боевыми припасами передъ войной.

Въ январѣ 1877 года, слѣдовательно когда наша армія, мобилизованная, уже занимала Бессарабію, въ Константинопольскомъ посольствѣ нашемъ узнали, что въ Константинополь явились иностранные коммерсанты для переговоровъ о поставкѣ снарядовъ, патроновъ и вообще боевыхъ припасовъ въ турецкую армію. Въ это время въ Константинополѣ проживалъ армянинъ, русскій подданный, совершившій какое-то преступленіе въ Россіи и бѣжавшій въ Турцію. Армянинъ этотъ, зная англійскій и турецкій языки, пристроился переводчикомъ въ американское посольство и постоянно надоѣдалъ нашему послу просьбами исходатайствовать ему прощеніе и разрѣшеніе вернуться въ Россію. Когда до нашего посольства дошли слухи о пріѣздѣ американскихъ поставщиковъ, а также и то, что контракты о поставкѣ боевыхъ припасовъ составляются въ американскомъ посольствѣ, то армянину предложено было доставить контракты, на короткое время, въ наше посольство, за что ему обѣщано было исходатайствовать помилованіе. Армянинъ долго колебался, говоря, что если его поступокъ откроютъ, то онъ поплатится головой, но наконецъ согласился, и вотъ, въ январѣ 1877 года, въ посольство наше явилось это лицо съ подлинными контрактами, написанными параллельно по-турецки и по-англійски.

Въ контрактахъ значилось: поставщики берутъ на себя поставку всѣхъ боевыхъ огнестрѣльныхъ припасовъ, при чемъ первая партія будетъ сдана въ Константинополѣ 15-го мая 1877 года, а затѣмъ остальныя партіи будутъ прибывать періодически 1-го и 15-го каждаго мѣсяца.

Теперь остается подумать: что было бы, если бы мы, не останавливаясь на продолжительное сидѣнье въ Кишиневѣ, двинулись бы впередъ, имѣя противникомъ Турцію безъ войскъ, безъ генераловъ и безъ боевыхъ припасовъ? Допуская даже, что мы тронулись бы въ началѣ января, у насъ было впереди еще четыре съ половиною или пять мѣсяцевъ до того времени, пока Турція получила бы первый транспортъ иностранной боевой помощи!

Во время войны мы всегда поражались тѣмъ неимовѣрнымъ количествомъ патроновъ, которые находили во взятыхъ нами турецкихъ ложементахъ, траншеяхъ и редутахъ, при чемъ много жестянокъ было нераспаянныхъ, а иногда находили по нѣскольку жестянокъ, укупоренныхъ въ заколоченные ящики. Изложенное выше о доставкѣ патроновъ и снарядовъ служитъ тому объясненіемъ: выгрузка и отправка въ раз-

личные пункты была такая спѣшная, что ящики поступали въ войска цѣлыми партіями нераскупоренными.

Обыкновенно говорили и говорятъ, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ наступленію нашему зимой 1876—1877 годовъ служили всѣмъ извѣстные болгарскія зимнія: бездорожье, грязь, горы и проч. Всю эту грязь, все это бездорожье, мало того, весь ужасъ зимы съ вьюгами и буранами на вершинахъ горъ, мы преодолѣли въ слѣдующую зиму—1877—78 годовъ; нѣтъ основанія полагать, что мы не преодолѣли бы все это годомъ раньше. Не замерзавшій въ зиму 1876—1877 г.г. Дунай не могъ считаться преградой неодолимой; мы его переходили въ іюнѣ 1877 года тоже не по льду.

Ступивши на почву воспоминаній нѣкоторыхъ эпизодовъ начала войны, я приведу здѣсь еще одинъ разсказъ, относящійся къ началу войны. Нашъ посолъ графъ Н. П. Игнатьевъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить по дѣламъ въ порту верхомъ и однажды ему очень приглянулась лошадь военнаго министра Реуфа-паши. Лошадь была чистокровный арабъ, бѣлая въ розовыхъ крапинкахъ; будучи происхожденіемъ изъ Геджаса, она отличалась большимъ ростомъ, болѣе $4^1/_2$ вершковъ, что для арабской лошади рѣдкость исключительная. Начали торговаться, Реуфъ заломилъ огромную цѣну, но, какъ это часто бываетъ, разошлись въ пустякахъ, въ какихъ-нибудь 200 франкахъ. Покупка не состоялась, а затѣмъ по объявленіи войны графъ Игнатьевъ выѣхалъ въ Россію, но вся исторія о покупкѣ этой лошади и она сама были извѣстны персоналу посольства.

Во время перваго похода генерала Гурко за Балканы передовыя его войска достигли Германлы, и тутъ, въ одной изъ авангардныхъ стычекъ, войска наши видѣли какого-то пашу, очень храбро разъѣзжавшаго въ передовыхъ турецкихъ стрѣлковыхъ цѣпяхъ на чудесной, большой бѣлой лошади. Находившіеся при нашихъ передовыхъ войскахъ члены нашего Константинопольскаго посольства, князь Цертелевъ, числившійся въ Кубанскомъ казачьемъ полку и носившій эту форму, а также другой (кажется, г. Базили) обратили вниманіе на эту лошадь; она показалась имъ знакомою. Нашъ стрѣлокъ прицѣлился, лошадь была убита, паша упалъ, но затѣмъ вскочилъ на ноги и убѣжалъ.

Все это было разсказано графу Игнатьеву, при чемъ очевидцы происшествія выражали предположеніе и догадку, что убитая лошадь та самая, которая принадлежала Реуфу-пашѣ и которую торговалъ графъ. По заключеніи перемирія, графъ Игнатьевъ, встрѣтивши Реуфъ-пашу, разсказалъ ему эпизодъ объ убитой лошади и спрашивалъ: кому онъ продалъ лошадь. Реуфъ отвѣтилъ, что не только лошадь та самая, но и паша, на ней сидѣвшій и упавшій съ нея—онъ самъ,

Реуфъ. Нашъ посолъ выразилъ удивленіе, какимъ образомъ Реуфъ, всесильный военный министръ султана, очутился съ передовыми войсками въ стычкѣ съ нашимъ авангардомъ, и тогда Реуфъ разсказалъ слѣдующее: быстрое наступленіе наше за Балканы въ іюлѣ привело въ неописуемое смятеніе порту и самого султана. Стоустая молва увеличивала количество нашихъ войскъ и въ Константинополѣ были увѣрены, что наступаютъ и приближаются къ беззащитнымъ Адріанополю и Костантинополю главныя наши силы. Въ это время турецкія войска хотя и спѣшили съ западныхъ границъ Турціи въ южную Болгарію и перевозились на судахъ въ Мраморное море, но еще не прибывали; даже Сулейманъ еще не прибылъ. Встревоженный султанъ послалъ своего военнаго министра удостовѣриться на мѣстѣ о количествѣ наступавшихъ русскихъ войскъ, и вотъ Реуфъ очутился въ дѣлѣ съ авангардомъ передоваго отряда генерала Гурко и воочію убѣдился не только въ отсутствіи нашихъ главныхъ силъ, но получилъ обстоятельное свѣдѣніе о нашей слабости въ это время за Балканами и поспѣшилъ въ Константинополь успокоить султана и порту. По дорогѣ, въ Адріанополѣ онъ встрѣтилъ Сулеймана-пашу, уже пріѣхавшаго туда, послѣ высадки въ Дадеагачѣ. Реуфъ умолялъ Сулеймана поторопиться и идти навстрѣчу русскимъ, а когда Сулейманъ, тоже предполагавшій, что ему придется встрѣтиться съ главными нашими силами, выражалъ Реуфу свои опасенія и необходимость выждать высаживавшіяся въ Дадеагачѣ войска для сосредоточенія всѣхъ своихъ силъ, то Реуфъ удостовѣрилъ и подтвердилъ личными своими наблюденіями и собранными свѣдѣніями, что силы наши ничтожны. Сулейманъ послушался, пошелъ впередъ съ тѣмъ, что было подъ рукой;—дальнѣйшее извѣстно. Графъ Игнатьевъ, заинтересованный этимъ разсказомъ, поинтересовался спросить: а что было бы, если бы Реуфъ удостовѣрился въ дѣйствительномъ наступленіи нашихъ главныхъ силъ, или даже если не главныхъ, то вообще большихъ силъ; такъ какъ слухъ объ этомъ крѣпко держался въ Константинополѣ, то не было ли какихъ-нибудь предположеній на подобный случай?

Реуфъ отвѣтилъ, что онъ былъ уполномоченъ султаномъ добиться личнаго представленія государю и просить мира, при чемъ султанъ добавилъ одно только непремѣнное желаніе и просьбу: вести переговоры безъ всякихъ посредствующихъ конференцій или конгрессовъ, а непосредственно съ государемъ императоромъ [1]).

---

[1]) Необходимо добавить, что въ это время вліяніе Англіи было сильно поколеблено въ Константинополѣ. П. П.

Мнѣ, участнику многаго совершившагося въ теченіе нашей войны 1877—1878 годовъ съ самаго начала мобилизаціи, когда она, осенью 1876 года, еще только зарождалась на картахъ въ петербургскомъ кабинетѣ генерала Левицкаго и вплоть до конца оккупаціи весной 1879 года, простительно, живя настоящимъ мирнымъ теченіемъ жизни, возвращаться мысленно и душевно къ великой трагедіи, бывшей четверть вѣка назадъ; оглядываясь назадъ, невольно нахожу удивительныя, страшныя аналогіи съ одинаковымъ кровавымъ исходомъ.

31-го августа подъ Плевной Османъ-паша рѣшается, съ оскорбительной для насъ смѣлостью, почти совсѣмъ оголить отъ войскъ свой восточный фронтъ, оставивъ тамъ всего 12 батальоновъ, противъ нашихъ 81, и двинуть на Скобелева 37 батальоновъ изъ 49-ти всего своего наличія; мы, имѣя 81 батальонъ, изъ коихъ 53 совсѣмъ свѣжихъ, обладая подавляющимъ количествомъ артиллеріи и кавалеріи, не рѣшаемся ихъ двинуть.

Къ туркамъ на Зеленыя горы подкрѣпленія пришли, и они сраженіе выиграли; къ Скобелеву подкрѣпленія не пришли—мы сраженіе проиграли.

Всѣ наши усилія и уже достигнутые результаты были сведены на нѣтъ.

Тамъ, за Балканами, въ іюлѣ, Сулейманъ-паша, убѣжденный Реуфомъ, рѣшается, малыми, высадившимися силами подкрѣпить передовыя войска турокъ, нами тѣснимыя,—и дѣло ихъ было выиграно; мы не рѣшились двинуться въ январѣ 1877 года, именно тогда, когда вся обстановка узаконивала пагубныя для насъ впослѣдствіи слова, сказанныя на совѣтѣ въ Систовѣ: «впередъ и впередъ» [1]), не рѣшились поддержать генерала Гурко въ первомъ его Забалканскомъ походѣ и все дѣло проиграли съ весьма кровавыми послѣдствіями.

Какой-то злой рокъ все время тяготѣлъ надъ нами, уничтожая и сводя на нѣтъ всѣ частные успѣхи, всю доблесть войскъ; грозныя для нашей арміи тучи сопровождали наше великое національное и всеславянское предпріятіе. Все время наша арміи жила и дѣйствовала подъ гнетомъ этихъ грозныхъ тучъ; даже паденіе Плевны 28-го ноября чуть-чуть не кончилось катастрофой: опоздай еще немножко резервъ гренадеръ, и, чего добраго, Османъ-паша, уже сокрушившій нашу первую линію — совсѣмъ прорвался бы съ остатками своихъ войскъ. Подъ Шейновымъ дѣло висѣло на волоскѣ. Преждевременная, еще не выясненная, остановка для заключенія перемирія, которое надлежало, и которое предположено было принять и заключить только у стѣнъ Константинополя, грозно занявъ высоты, надъ нимъ господствующія, привела насъ къ

---

[1]) Изъ Прошлаго. Часть 1-я. На войнѣ. Стр. 284.

не грозному стоянію въ Санъ-Стефано въ то время, когда турки, на нашихъ глазахъ укрѣпляли свою столицу, а англійскій флотъ, вопреки международнаго права, не находясь ни съ нами, ни съ турками въ войнѣ, прошелъ Дарданельскій проливъ, вошелъ въ Мраморное море и сталъ у Принцевыхъ острововъ. Грозныя тучи эти сопровождали нашихъ уполномоченныхъ и въ Берлинъ на конгрессъ, гдѣ въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій, второй англійскій уполномоченный лордъ Сальсбери, тоже съ изумительной смѣлостью опредѣлилъ задачу конгресса: anéantir entierement les résultats de la guerre [1]).

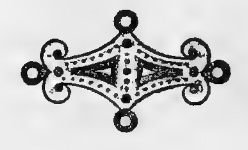
Наконецъ, эти же страшныя тучи, надвинувшись на всю Россію, разразились ужасающимъ событіемъ 1-го марта!

Все это мы вынесли и пережили.

Покоряясь Высшей Божественной силѣ, правящей міромъ и посылающей ему испытанія для уразумѣнія и очищенія, но и милующей— твердо вѣримъ въ великое будущее Россіи и торжество всеславянскаго духовнаго единенія.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Вполнѣ уничтожить (свести на нѣтъ) результаты войны.

Посланіе бывшимъ кадетамъ, въ 171-ю годовщину основанія 1-го кадетскаго корпуса.

Въ звукахъ чудныхъ, звукахъ пѣній,
Въ смыслѣ искреннихъ рѣчей,
Слышенъ голосъ общихъ мнѣній,
Громче пушекъ и мечей.
То не гулъ раскатовъ грома,
То не буря, не муссонъ,
Эта пѣсня всѣмъ знакома,
Слышенъ въ ней пріятный тонъ.
Въ ней я слышу звукъ привѣта—
То не призракъ, то не сонъ,—
Славятъ доблести кадета,
Всюду, гдѣ являлся онъ.
И съ перомъ пѣвца, поэта
И съ мечемъ и со щитомъ,
Всюду виденъ трудъ кадета
Въ духѣ честномъ и святомъ.
Вижу, братцы, васъ во всёмъ:
И на балѣ средь красавицъ,
И въ доспѣхѣ боевомъ,
И средь бури шумныхъ здравицъ,
Вижу, вижу васъ во всёмъ.
Слава вамъ на многи лѣта!
Слава всѣмъ героямъ дня!
Вы свершали долгъ кадета
И безъ пушекъ, безъ огня...

А теперь—мной пѣсня спѣта;
Вы намъ славу сберегли!. .
Отъ старѣйшаго кадета
Шлю поклонъ вамъ до земли!

17-го февраля
1903 г.

А. И. С—въ.

Письма императрицы Маріи Θеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ[1]).

Num. 21.

Ce Mardi, 8 Juin 1815.

Voici mon bonjour par la poste, mes chers enfants, ma grande lettre est pour le courrier de demain. Nous voici au 14-me jour sans en recevoir, ce qui est désolant et me fait vous conjurer et vous prier d'écrire par la poste: un «je me porte bien» me suffit, mais cette assurance m'est nécessaire. Nous avons fait ce matin une charmante promenade à cheval; la comtesse Orlof et le comte Miloradovitch en étaient. Nous avons bien trotté, et la belle allée derrière la ferme a été passée au galop depuis son commencement jusqu'à sa fin. Notre bonne comtesse est venue avec nous en ligne. Nous avons déjeuné à la ferme, et sommes revenus ensuite aussi à cheval, en passant tous par le potager. La comtesse Orlof nous quitte aujourd'hui, j'en suis bien fâchée, car on n'est pas plus aimable, ni plus bonne qu'elle. À son passage pour Moscou elle dînera encore chez moi; sa tante est très malade. Notre société diminue journellement, et nous serons en peu réduites à nous-mêmes. Je suis charmée de ce qu'enfin la santé du comte Kotschoubei lui permet de venir s'établir à Czarsko Sello. Notre bon vieux Zagriaski n'est pas encore des nôtres: il soigne son pied, et puis il a voulu terminer l'affaire d'une noce à laquelle il a dû assister, celle de son neveu le comte Apraxin

---

[1]) См. «Русскую Старину» 1903 г., февраль.

qui a épousé hier la jolie demoiselle Davidof que Creithon a sauvée l'hiver passé de la grande maladie qu'elle a faite; peu de jours après la noce le mari va joindre le régiment d'hussards et la femme l'accompagnera autant que possible. Voilà toutes mes nouvelles, mes chers enfants. Vous voyez qu'elles ne sont guère intéressantes. Je vous dirai encore que nous parlons beaucoup de vous, que nous nous occupons de vous, que tout le monde vous aime et forme les voeux que vous restiez fermes dans vos principes; j'en ai le doux espoir, et demande au Ciel de vous y fortifier journellement davantage. Adieu, mes chers enfants, je vous embrasse tendrement et vous donne mille et mille bénédictions.

Marie.

Mes amitiés à papa Lamsdorf et bien des compliments à tous vos messieurs, au général Konovnitzin. J'ai vu Périnkow qui m'a parlé des deux tableaux de Moscou; je les fais emballer par Metterleiter, et les expédierai incessamment; il ne veut pas les rouler, craignant que cela ne les gâte.

Il y a aujourd'hui une année de l'arrivée de Constantin avec la nouvelle de la signature de la paix de Paris: jugez ce que ce souvenir me fait éprouver.

Вторникъ, 8-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ нѣсколько словъ по почтѣ, дорогія дѣти мои, а завтра напишу большое письмо съ курьеромъ. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы не имѣли курьера; это прискорбно. Поэтому умоляю васъ и прошу написать по почтѣ, я буду довольна простымъ увѣдомленіемъ, что вы здоровы; но это знать мнѣ необходимо. Мы совершили сегодня утромъ прелестную прогулку верхомъ; съ нами были графиня Орлова и гр. Милорадовичъ. Мы прокатились рысью и проскакали прекрасную аллею позади фермы въ галопъ съ начала до конца. Наша добрая графиня ѣхала съ нами въ линейкѣ. Мы позавтракали на фермѣ и вернулись также верхомъ, проѣхавъ всѣ черезъ огородъ. Графиня Орлова покидаетъ насъ сегодня; это меня очень огорчаетъ, такъ какъ трудно представить себѣ кого-либо добрѣе и любезнѣе ея. Проѣздомъ въ Москву она будетъ еще разъ обѣдать у меня; ея тетка очень больна. Наше общество уменьшается съ каждымъ днемъ, и скоро мы останемся одни. Я въ восторгѣ, что здоровье гр. Кочубея дозволяетъ ему наконецъ поселиться въ Царскомъ Селѣ. Нашего добраго старика Загряжскаго еще нѣтъ съ нами; онъ лѣчитъ ногу, а затѣмъ хотѣлъ покончить со свадьбой, на которой онъ долженъ былъ присутствовать. Его племянникъ гр. Апраксинъ женился вчера на хорошенькой Давыдовой, которую Крейтонъ спасъ прошлую зиму, вылѣчивъ отъ серьезной болѣзни. Мужъ, черезъ нѣсколько дней

послѣ свадьбы, отправляется къ своему гусарскому полку, а жена будетъ сопровождать его по мѣрѣ возможности. Вотъ всѣ мои новости, дорогія дѣти мои. Какъ видите, онѣ вовсе неинтересны. Скажу вамъ еще, что мы много говоримъ о васъ, что мы заняты вами, что всѣ васъ любятъ и молятъ Бога, чтобы вы были тверды въ своихъ нравственныхъ правилахъ. Я надѣюсь на это и прошу Господа, чтобы вы укрѣплялись въ этихъ правилахъ ежедневно все болѣе и болѣе. Прощайте, дорогія мои дѣти, нѣжно цѣлую васъ и тысячу, тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Мой привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и большой поклонъ всѣмъ вашимъ кавалерамъ и генералу Коновницыну. Я видѣла Перинкова, который говорилъ со мною о двухъ картинахъ—видахъ Москвы. Я приказала упаковать ихъ Меттерлейтеру и немедленно отправить. Онъ не хочетъ свернуть ихъ въ трубку, боясь, что это ихъ испортитъ.

Сегодня годовщина дня, въ который Константинъ привезъ извѣстіе о подписаніи парижскаго мира. Можете себѣ представить, что я испытала при этомъ воспоминаніи.

Num. 22.

Ce Lundi, 7 Juin 1815.

Ma journée m'offre quelques détails intéressants que je me fais plaisir de communiquer encore ce soir à mes bons et chers petits amis.

Nous avons été à la messe pour le lendemain de Pentecôte; elle a été précédée par le Te Deum pour demander à Dieu Ses bénédictions pour la nouvelle lutte qui peut-être a déjà commencé. J'ai prié l'Être Suprême de tout mon coeur, et ne vous cache pas que j'ai été bien profondément émue, et le moyen de ne pas l'être! À la messe on a lu la même prière qui se lisait les années précédentes, mais comme c'était pour la première fois, nous avons été à genoux à la lecture et au Te Deum et à la messe. Chers enfants, que j'ai pensé à vous: veuille l'Être Suprême vous protéger, vous bénir, vous conserver. Le comte Miloradovitch, après avoir conduit le régiment de Finlande hors de la ville, est venu chez nous et a assisté à la messe de même que la grand chambellan. Pour le dîner nous est arrivé l'aide-de-camp général Potemkin et votre bon général Krapovitzki, celui-ci pour me dire adieu: il part avec le régiment Vendredi. Voici le paquet dont il m'a chargé pour vous, cher Nikoche; après le dîner je l'ai fait prier de venir dans mon cabinet, nous avons parlé de vous, de son beau régiment qui fait l'admiration de chacun, ensuite je lui ai dit adieu, et vous assure, cher Nikoche, que votre souvenir s'est bien amalgamé à ce congé, que j'en ai eu les larmes aux yeux. Le bon Krapovitzki a été très ému; je vous ai dit hier que j'ai dit adieu à sa femme qui se sent très heureuse de l'accompagner. Kra-

povitzki m'a dit que le colonel Mordvinof sera aux anges de l'arrangement pris pour son enfant dont Madame d'Adlerberg se charge, c'est à dire, plutôt dont sa fille se charge; j'ai même appris à cette occasion que c'est la bonne Adlerberg qui a été marraine de cet enfant. Potemkin m'a dit qu'il viendrait prendre encore congé de moi; son régiment part Dimanche prochain: sa santé se remet. Il m'a dit que le pauvre Chernichef vient de perdre sa mère il y a deux jours d'une hydropisie de poitrine. Si vous voyez Chernichef, dites lui que je prends une part sincère à sa peine. On le dit très bon fils, et la mère l'adorait; Potemkin m'a conté, qu'elle avait tant désiré le revoir encore une fois: pauvre mère!

Le général Krapovitzki désire, cher Nikoche, que les instruments, que vous envoyez ici, soient remis aux musiciens du régiment qui restent ici, il ne prend que la moitié avec lui; et je viens d'apprendre aujourd' hui que, comme j'avais fait prier le prince Gortchakof de nous envoyer de la musique ayant perdu celle des hussards, il nous destine celle qui reste de votre régiment, pour rester ici pendant mon séjour, et même Derfeld viendra l'exercer, car Krapovitzki m'a dit que la plupart de ceux qui restent sont encore des enfants; nous en aurons bien soin, cher Nikoche, et je vous avoue que j'ai plaisir à penser que le choix soit tombé sur elle, parce qu'elle appartient à votre régiment. Pour hier, aujourd'hui et demain le prince Gortchakof nous a envoyé celle de Préobrajenski, qui est d'une perfection inexprimable: ils ont joué l'ouverture de Joconde et la marche favorite de Michel d'une manière ravissante; que n'avez vous été des nôtres, mes bons amis, pour en jouir avec nous. La soirée étant fraîche, nous n'avons fait qu'une petite promenade en ligne, et à notre retour on a fait passer les musiciens de la cour dans la chambre de Verney, où ils ont joué, et nous avons été dans la salle à manger. Quoique tant et tant de souvenirs se rattachent à chacun des morceaux qu'ils ont éxécutés et que ces souvenirs dans les circonstances présentes vous remuent l'âme, cependant ils me sont chers, et l'émotion douloureuse qu'ils font naître s'accorde très bien à toute ma disposition. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse tendrement et vous donne toutes mes bénédictions.

Ce Mardi, 8 Juin.

Je vous ai écrit par la poste ce matin, mes bons amis, et vous ai rendu compte de ma matinée; je vous dirai présentement qu'il m'est arrivé pour le dîner le comte Pierre Tolstoi et le prince Joussoupof. Comme la journée est agréable, nous avons dîné au Pavillon des roses, et nous souperons à la ferme; je prétends que nous faisons aujourd'hui un voyage pittoresque dans mon jardin. Le bon Miloradovitch est encore des nôtres et nous quitte ce soir; la comtesse Orlof lui a fait cadeau

ce matin d'un beau cheval à ce qu'il m'a dit à dîner, il en est tout ému. Il restera quelques jours en ville m'a-t-il dit, ayant affaire; j'ai eu la méchanceté de lui dire que je ne m'attendais pas même à le voir avant quelques jours (car la comtesse Orlof restera à Pétersbourg 3 ou 4 jours); il a ri et rougit. Nous avons beaucoup parlé de vous tantôt, mes chers amis, il vous aime tendrement et vous est sincèrement attaché; et j'avoue qu'il me paraît encore plus estimable lui-même; je dois dire aussi que Храповитцкій m'a dit hier qu'il ne pouvait ni lui, ni toutes les gardes se louer assez des soins du bon prince Gortchakof, qui avait fait l'impossible pour les pourvoir de tout, qui avait pensé à tout, qu'il ne concevait pas comment il avait pu rendre tout cela possible. Le comte Miloradovitch m'a répété la même chose. Je l'ai écouté avec grand plaisir, et me donnerai celui de dire à ce bon prince Gortchakof que j'entends son éloge dans la bouche de tous les militaires. Bonsoir, mes bons enfants, je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime bien tendrement. Que Dieu vous conserve et vous bénisse.

Mes chers enfants, j'ai rempli vos bonnes intentions en faveur de la petite-fille de Madame d'Adlerberg: le sort ne l'a pas favorisée au ballotage, ainsi j'ai donné l'ordre au conseil de l'admettre comme votre pensionnaire à vous deux, d'après le désir que vous m'en avez témoigné le jour que nous avons été chez Madame d'Adlerberg. Ensuite, cher Nikoche, ayant appris aujourd'hui que le fils de votre Périnkin marchait demain ou après-demain, j'ai fait dire à Block de lui donner cinq cents roubles de votre somme, étant persuadée que vous l'auriez fait, si vous vous étiez trouvé ici, ainsi je suis persuadée être entrée dans vos intentions. Bonsoir, mon bon ami, bonsoir, cher Michel.

Ce 9 Juin, Mercredi.

Je commence ces lignes par vous embrasser de tout, tout mon coeur. Jusqu'à présent ma matinée ne m'offre rien d'intéressant à vous mander, mais j'ai eu la grande satisfaction de recevoir des lettres de M-r d'Alopeus et de ma cousine, qui me disent tous deux mille bien de vous. On trouve que vous avez gagné sous tous les rapports: je vous répète cet éloge, mes enfants, parce que je me dis qu'il sera un nouveau motif pour vous de le mériter et d'acquérir journellement en vertu, qualité et instruction, c'est d'une nécessité absolue, il faut que l'âme soit bien élevée, le coeur bien placé et que la tête soit bien fournie pour marcher avec honneur par les circonstances difficiles du temps et faire cette route dangereuse en méritant son estime et celle des autres. J'aime à me flatter que toujours et instamment ce sera votre but à tous deux, mes bons enfants. Ma soirée d'hier vous rendait présents à mes yeux: on a exécuté tous les morceaux de musique que vous aimez, mes enfants: ouverture de Joconde, duo de Joconde, la polonaise de la Famille Suisse,

les fameuses marches, les tyroliennes; enfin, Nikoche et Michel, je croyais vous voir et jouir de cette délicieuse harmonie, qui cependant m'a touchée douloureusement par les souvenirs qu'elle me retraçait. Aujourd'hu il doit nous arriver votre musique restante, cher Nikoche. Notre temps est âpre, le vent étant très froid, les lilas fleurissent peu, et toute la végétation a l'air souffrant. Adieu, mes chers et bons amis. Rappelez moi au souvenir de papa Lamsdorf et faites mes compliments à vos messieurs, au général Konovnitzin et aux bons militaires qui pensent à moi. Que fait l'honnête Sakrefski? Adieu mille et mille fois, je vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

Tout notre monde vous dit mille choses.

Понедѣльникъ, 7-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Сегодняшній день ознаменовался нѣсколькими интересными мелочами, которыя мнѣ пріятно сегодня же вечеромъ сообщить моимъ добрымъ, дорогимъ друзьямъ.

По случаю Духова дня мы были у обѣдни. Передъ обѣднею былъ отслуженъ молебенъ, чтобы испросить у Господа Бога благословеніе по случаю предстоящей войны, которая, быть можетъ, уже началась. Я молилась отъ всей души и не скрою отъ васъ, что я была глубоко растрогана, да и могло ли быть иначе? За обѣднею была прочитана та же молитва, которую читали въ предъидущіе годы, но такъ какъ она читалась впервые, то мы преклонили колѣна во время чтенія этой молитвы и за обѣдней, и за молебномъ.

Дорогія дѣти, какъ много я думала о васъ: да хранитъ васъ Господь, да ниспошлетъ Онъ вамъ Свое благословеніе, и да сохранитъ Онъ васъ. Гр. Милорадовичъ, проводивъ Финляндскій полкъ за городъ, пріѣхалъ къ намъ и былъ у обѣдни, точно такъ же, какъ и жена оберъ-камергера. Къ обѣду пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Потемкинъ и вашъ добрый ген. Храповицкій. Послѣдній пріѣзжалъ проститься со мною: онъ уходитъ съ полкомъ въ пятницу. Вотъ пакетъ, который онъ просилъ меня передать вамъ, дорогой Никошъ. Послѣ обѣда я велѣла попросить его въ мой кабинетъ: мы говорили о васъ, объ его прекрасномъ полкѣ, коимъ всѣ восхищаются, затѣмъ я простилась съ нимъ, и при этомъ вы такъ живо вспомнились мнѣ, дорогой Никошъ, что, вѣрьте мнѣ, у меня на глазахъ появились слезы. Добрый Храповицкій былъ очень взволнованъ. Я писала вамъ вчера, что я простилась съ его женою, которая очень счастлива, что будетъ сопровождать его. Храповицкій сказалъ мнѣ, что полковникъ Мордвиновъ будетъ въ восторгѣ отъ того, какъ устроили его ребенка, о которомъ взялась заботиться г-жа Адлербергъ, т. е., лучше

сказать, ея дочь. Я узнала по этому случаю, что добрая Адлербергъ крестила этого ребенка. Потемкинъ сказалъ мнѣ, что онъ еще заѣдетъ проститься со мною; его полкъ уходитъ въ будущее воскресенье. Его здоровье поправляется; онъ сообщилъ мнѣ, что два дня тому назадъ у бѣднаго Чернышева скончалась мать отъ водянки въ груди. Если увидите Чернышева, скажите ему, что я искренно сочувствую его горю: говорятъ, что онъ очень хорошій сынъ, мать боготворила его. Потемкинъ говорилъ мнѣ, что она такъ желала увидѣть его еще разъ—бѣдная мать!

Генералъ Храповицкій желаетъ, дорогой Никошъ, чтобы инструменты, которые вы пришлете сюда, были переданы полковымъ музыкантамъ, которые остаются здѣсь, онъ беретъ съ собою изъ нихъ только половину, и я узнала сегодня, что, такъ какъ я просила кн. Горчакова прислать намъ музыкантовъ, ибо мы лишились оркестра гусарскаго полка, то онъ предназначилъ для насъ тѣхъ, которые остались отъ вашего полка. Они будутъ тутъ во время моего пребыванія, и даже Дерфельденъ пріѣдетъ, чтобы упражняться съ ними, ибо Храповицкій сказалъ мнѣ, что большая часть оставшихся музыкантовъ еще совсѣмъ дѣти. Мы будемъ о нихъ заботиться, дорогой Никошъ. Признаюсь вамъ, мнѣ пріятно думать, что выборъ палъ на нихъ, такъ какъ они принадлежатъ къ вашему полку. Вчера и сегодня, а также завтра у насъ играютъ музыканты Преображенскаго полка, присланные кн. Горчаковымъ. Это само совершенство; они съиграли увертюру изъ Джоконды и любимый маршъ Михаила восхитительнымъ образомъ. Какъ жаль, добрые друзья мои, что васъ не было тутъ, чтобы насладиться вмѣстѣ съ нами. Такъ какъ вечеръ былъ прохладный, то мы сдѣлали только маленькую прогулку въ линейкѣ. Когда мы вернулись, то музыкантовъ перевели со двора въ комнату Верне, гдѣ они играли, а мы сидѣли въ столовой. Хотя съ каждой исполненной ими пьесой соединено такое множество воспоминаній и хотя эти воспоминанія, при теперешнихъ обстоятельствахъ, волнуютъ душу, но все же эти воспоминанія мнѣ дороги, а вызываемыя ими грустныя чувства вполнѣ гармонируютъ съ общимъ настроеніемъ духа. Прощайте, добрые друзья мои, нѣжно цѣлую васъ и посылаю вамъ свое благословеніе.

8-го іюня, вторникъ.

Я писала вамъ сегодня по утру по почтѣ, добрые друзья мои, и дала вамъ отчетъ о проведенномъ мною утрѣ; теперь скажу вамъ, что къ обѣду пріѣхали гр. Петръ Толстой и кн. Юсуповъ. Такъ какъ день хорошій, то мы обѣдали въ Розовомъ павильонѣ, а ужинать будемъ на фермѣ. Я говорю, что мы дѣлаемъ сегодня живописное путешествіе въ моемъ саду. Добрый Милорадовичъ у насъ и покидаетъ насъ сегодня

вечеромъ. Онъ передавалъ мнѣ за обѣдомъ, что графиня Орлова подарила ему сегодня утромъ великолѣпную лошадь, чѣмъ онъ чрезвычайно былъ тронутъ; онъ проведетъ, по его словамъ, еще нѣсколько дней въ городѣ, потому что у него тамъ дѣла. Я была настолько зла, что сказала, что я даже не разсчитывала видѣть его ранѣе, какъ черезъ нѣсколько дней (ибо графиня Орлова проведетъ въ Петербургѣ 3 или 4 дня); онъ засмѣялся и покраснѣлъ. Мы много говорили о васъ, дорогіе друзья мои. Онъ горячо любитъ васъ и искренно вамъ преданъ. Признаюсь вамъ, что я нахожу его вслѣдствіе этого еще болѣе достойнымъ уваженія. Надобно сказать вамъ также, что Храповицкій говорилъ мнѣ вчера, что онъ и всѣ гвардейцы не нахвалятся заботливостью добраго кн. Горчакова, который выбился изъ силъ, чтобы доставить имъ все необходимое, и позаботился обо всемъ; Храповицкій не понимаетъ, какъ онъ могъ сдѣлать все это. Гр. Милорадовичъ подтвердилъ мнѣ то же самое. Я слушала его съ удовольствіемъ, и мнѣ будетъ пріятно сказать доброму кн. Горчакову, что я слышу ему похвалы изъ устъ всѣхъ военныхъ. Прощайте, дѣти мои, отъ души цѣлую васъ и нѣжно люблю васъ. Да хранитъ и благословитъ васъ Господь.

Дорогія дѣти мои, я исполнила ваше доброе желаніе относительно внучки г-жи Адлербергъ. Судьба не поблагопріятствовала ей при баллотировкѣ, поэтому я предписала совѣту принять ее въ качествѣ пансіонерки васъ обоихъ, согласно желанію, выраженному вами въ тотъ день, когда мы были у г-жи Адлербергъ. Затѣмъ, дорогой Никошъ, узнавъ сегодня, что сынъ вашего Перинкина уходитъ завтра или послѣ-завтра, я велѣла сказать Блоку, чтобы онъ передалъ ему 500 р. изъ вашихъ суммъ, будучи увѣрена, что вы сдѣлали бы это сами, если бы вы были тутъ; я увѣрена, что это вполнѣ согласно съ вашимъ желаніемъ. Прощайте, добрый другъ мой, прощайте, дорогой Михаилъ.

9-го іюня, среда.

Начинаю эти строки, цѣлуя васъ отъ всего, отъ всего сердца. Сегодня утромъ не произошло до сихъ поръ ничего интереснаго, что я могла бы сообщить вамъ, но я имѣла несказанное удовольствіе получить письма отъ г. Алопеуса и отъ моей кузины; они оба пишутъ мнѣ очень много хорошаго о васъ: находятъ, что вы выиграли во всѣхъ отношеніяхъ. Я передаю вамъ эту похвалу, дѣти мои, въ надеждѣ, что это еще болѣе побудитъ васъ быть достойнымъ ея и постоянно преуспѣвать въ добродѣтели, талантахъ и познаніяхъ, а это положительно необходимо. Душа должна быть возвышенна, сердце отзывчиво и голова исполнена знаній, для того, чтобы, при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, съ честью проходить жизненный путь и заслужить ува-

женіе свое собственное и другихъ людей. Я льщу себя надеждою, что вы оба всегда неуклонно будете преслѣдовать эту цѣль, дорогія дѣти мои. Вчерашній вечеръ мнѣ живо напомнилъ васъ; исполняли ваши любимыя пьесы: увертюру изъ «Джоконды», дуэтъ изъ «Джоконды», полонезъ изъ «Швейцарскаго семейства», извѣстные марши, тирольскіе танцы; словомъ, Никошъ и Михаилъ, мнѣ казалось, что я васъ вижу передъ собою; я наслаждалась прелестной гармоніей, которая тронула меня до глубины души по тѣмъ воспоминаніямъ, какія она возбудила во мнѣ. Сегодня должны прибыть сюда оставшіеся музыканты вашего полка, дорогой Никошъ. Погода у насъ холодная, дуетъ очень холодный вѣтеръ, а потому сирень цвѣтетъ плохо, и вся растительность имѣетъ жалкій видъ. Прощайте, мои добрые и дорогіе друзья, напомните обо мнѣ папашѣ Ламсдорфу и передайте мой поклонъ вашимъ кавалерамъ, ген. Коновницыну и тѣмъ военнымъ, которые помнятъ обо мнѣ. Что дѣлаетъ честный Закревскій? Прощайте тысячу и тысячу разъ, посылаю вамъ свое благословеніе. Марія. Всѣ наши привѣтствуютъ васъ.

Num. 23.

Ce 11 Juin 1815.

Voici mon bonjour par la poste, mes bons et chers amis, car je veux vous donner l'exemple d'en profiter; c'est le seul et l'unique moyen d'avoir régulièrement des nouvelles, car les courriers sont très rares et vont, Dieu sait comment, beaucoup moins vite que la poste. Notre temps est très agréable aujourd'hui, et Annette et moi avons monté à cheval: je prends le goût de cet exercice et m'en trouve très bien prenant le petit-lait. Ma bête a gagné de force et va volontiers au galop. J'espère de vos nouvelles aujourd'hui, et les attends de Leipzig: elles seront très bien reçues et nous feront grand plaisir, car il nous faut savoir les faits et gestes, dispositions morales et physiques de mes chers Nikoche et Michel pour supporter leur absence. Je vous cherche présentement entre Heidelberg et Mannheim. Quel beau pays, et quelle bonne occasion pour vous, cher Nikoche, de prendre le crayon en main: qu'il me tarde de recevoir un petit croquis dessiné par vous. Je ne sais si je vous ai dit que le bon comte Miloradovitch a placé au Pavillon des roses pour faire sa cour à Annette, ou plutôt à sa passion pour les chats, un petit dessin d'un chat assis sur une borne, attaqué par deux chiens, en présence de deux petits garçons qui s'en amusent, et le chat fait le gros dos: ce dessin est d'une vérité parfaite, il m'a dit en avoir fait l'emplette à Bâle. J'ai trouvé aussi au Pavillon le dessin d'un bivouac russe aux portes de Paris, c'est de même très joli. La salle est tout à fait restaurée, et tout est mieux fini que cela ne l'a été la première fois; mais je ne

m'y trouve jamais sans un serrement de coeur. Adieu, mes bons enfants, je vous écrirai encore ce soir par le courrier. Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf et mes compliments à vos messieurs et à tous nos braves militaires qui se rappellent de moi. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

La tante et tout le monde vous dit mille choses. Zagriaski est encore en ville aux pieds de sa femme.

11-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ по почтѣ, добрые и дорогіе друзья мои, ибо хочу дать вамъ примѣръ, коимъ вы можете воспользоваться. Это единственное средство правильно получать извѣстія, такъ какъ курьеры посылаются очень рѣдко и ѣдутъ, Богъ знаетъ отчего, гораздо тише, чѣмъ почта. Погода у насъ сегодня очень пріятная. Мы ѣздили съ Аннетой верхомъ. Я пристрастилась къ верховой ѣздѣ и чувствую себя очень хорошо, такъ какъ пью сыворотку. Моя лошадь окрѣпла и охотно скачетъ галопомъ. Я надѣюсь имѣть отъ васъ извѣстія сегодня изъ Лейпцига: я ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ, и они доставятъ мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ мнѣ необходимо знать, что дѣлаютъ мои дорогіе Никошъ и Михаилъ, какъ они себя чувствуютъ физически и нравственно, для того, чтобы переносить разлуку съ ними. Я полагаю, что вы находитесь въ настоящее время между Гейдельбергомъ и Мангеймомъ. Какая это чудная страна и какой прекрасный для васъ случай, дорогой Никошъ, взяться за карандашъ: съ нетерпѣніемъ ожидаю маленькаго наброска, сдѣланнаго вами. Не знаю, передавала ли я вамъ, что добрый графъ Милорадовичъ, желая быть пріятнымъ Аннетѣ, или, лучше сказать, желая удовлетворить ея страсти къ кошкамъ, повѣсилъ въ Розовомъ павильонѣ маленькій рисунокъ, на которомъ изображена кошка, сидящая на тумбѣ, на которую напали двѣ собаки; зрѣлищемъ забавляются два маленькихъ мальчика; а кошка стоитъ, выгнувъ спину; рисунокъ сдѣланъ въ совершенствѣ. Онъ говоритъ, что купилъ его въ Базелѣ. Я нашла въ павильонѣ еще рисунокъ, изображающій русскій бивуакъ у воротъ Парижа; онъ также очень хорошъ. Зала окончательно возобновлена, все сдѣлано лучше, чѣмъ было сначала; но всякій разъ, какъ я вхожу туда, сердце у меня сжимается отъ грусти. Прощайте, мои добрыя дѣти, я буду писать вамъ еще сегодня вечеромъ съ курьеромъ. Мой сердечный привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ вашимъ кавалерамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, которые помнятъ меня. Цѣлую васъ отъ души и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Тетушка и всѣ остальные вамъ кланяются. Загряжскій еще въ городѣ, у ногъ своей жены.

Num. 24.

Ce Mardi soir, 9 Juin 1815.

Quoique je vous ai écrit par le courrier d'aujourd'hui, je ne puis me refuser la satisfaction de vous embrasser encore ce soir, mes bons amis, et de vous dire que j'ai pensé à vous et beaucoup. J'ai reçu ce soir des lettres de ma tante Ferdinand qui me dit bien de belles choses de vous, mes chers enfants, et du plaisir qu'elle a eu de vous voir. Elle s'exprime sur vous de manière à bien contenter mon coeur maternel. Nous avons passé notre journée bien tranquillement et bien isolément; M-r Paschkof, Villamof et le prince Kurakin ont fait notre société en hommes; le temps est rude, froid et désagréable, ainsi la promenade du soir a été très petite, et je l'ai rendue surtout telle, parce que toutes nos demoiselles orthodoxes, Mademoiselle de Nélidof à la tête, ont été faire un pèlerinage à pied à Colpino. Elles ont fait le trajet dans 4 heures, sans s'arrêter; après avoir fait chanter le Te Deum elles sont revenues en ligne: cela s'appelle marcher! Mais toutefois ne fallait-il pas les fatiguer ce soir, aussi je suis rentrée de bonne heure, et au lieu de jouer nous avons fait lecture et travaillé: nous avons commencé la vie de la reine Christine, dont on m'a fait l'éloge. J'ai vu aujourd'hui M-r Witte, qui vient d'arriver, il m'a dit cependant avoir déjà vu vos chevaux. Bonsoir, mes chers amis, dormez bien, je tâcherai d'en faire de même.

Ce Jeudi soir, 10 Juin.

Ma journée s'est passée comme toutes les autres à penser à vous, mes bons chers enfants, à parler de vous, à faire des voeux pour votre conservation et bonheur, à avoir souvent la larme à l'oeil en m'occupant de vous. Les moments que je passe avec Annette sont ceux qui me sont les plus chers de la journée, car nous pensons et sentons de même pour vous. Nous avons fait notre promenade à cheval ce matin, après laquelle chacune de nous s'est occupée. J'ai saisi un moment de loisir pour faire visite à ma belle-soeur et me trouver chez vous: la duchesse se plaît beaucoup dans votre maison. Le comte Tolstoi est venu dîner chez nous et passer la journée. La soirée nous nous sommes promenés et avons fait le tour des lilas, mais qui ne sont pas beaux cette année, en ayant perdu immencément à la suite de l'hiver de l'année passée, et ceux qui restent ont l'air malade. Nous nous sommes mis en ligne au vieux châlet et avons passé devant l'orangerie des cerisiers qui sont en fleurs, nous avons fait le tour du lac et sommes venus au Pavillon des roses où nous

avons soupé, après que Mademoiselle d'Anrep nous a chanté un joli air russe en s'accompagnant du clavecin: c'est une bien aimable personne, dont la naïveté, la candeur plaît généralement. Voilà, mes bons enfants, le récit exact de ma journée. Je vous dirai encore que j'ai eu le plaisir de recevoir hier au soir au moment de mon coucher des lettres de l'empereur de Heilbron; il me dit s'être plu à Stuttgard et Louisbourg qui lui plaisent beaucoup, de même de l'ordre qui règne dans le pays. L'empereur m'écrit se transporter à Heidelberg, aussi je suppose que c'est là où vous avez eu le bonheur de le revoir. Bonsoir, mes chers enfants, dormez bien et que Dieu vous comble de Ses bénédictions.

Ce Vendredi, 11 Juin.

Je vous ai écrit ce matin, mes chers enfants, mais je reprends la plume ce soir pour vous remercier, cher Nikoche, de votre cher et aimable billet de Weissenfels que j'ai reçu par la poste du jour et qui nous a causé la joie la plus vive; Annette était chez moi au moment que je l'ai reçu, aussi elle a partagé à l'instant ma satisfaction. Je vous embrasse de tout mon coeur, cher Nikoche, pour vous en remercier, et vous, cher Michel, pour votre souvenir. Savez vous, mes enfants, que vous allez comme le vent et que vous faites de bons courriers. J'ai reçu ce soir une lettre de Marie de Nuremberg qui se désole de la pensée de vous manquer à Weimar; elle me dit vous avoir proposé un rendez-vous à Achaffenbourg; je désire que vous ayez pu l'accepter, il serait cruel d'être si près sans se voir, et surtout dans les circonstances présentes. Ma journée n'offre rien de bien intéressant, vous connaissez ma matinée par ma lettre par la poste; nous avons eu à dîner le prince Dmitri Galitzin et le comte Stroganof, qui ont passé la soirée chez nous; nous nous sommes promenés en ligne et avons soupé au Pavillon des roses. Mais le temps n'est pas agréable, car après une matinée bien chaude la soirée paraît très fraîche, et le temps est obscur et sombre comme en automne. Votre régiment est parti de la ville ce matin, cher Nikoche, et passe la nuit à Czarsko Sello. Demain je l'hébergerai à Gatschina: j'espère qu'il y seront contents. Les grenadiers du corps passent la nuit a Krasnoé Sello. Les musiciens de votre régiment qui restent ici sont arrivés a Pawlovsk; je me fais fête de les entendre et de vous parler de leurs progrès. Bonsoir, mes bons enfants, dormez bien et portez vous bien; pensez quelques fois par jour à maman.

Ce 12 Juin 1815.

Mes enfants, il y a 3 ans que la guerre a terminé à cette date: peut-être le canon tire-t-il déjà. Сохрани Богъ мнѣ милыхъ! Chers, chers enfants, j'espère que vous êtes sous l'égide de notre Père

commun et que vos jours seront conservés! Comme votre lettre d'hier m'a fait plaisir! Que Dieu vous bénisse de me l'avoir tracée. Je n'ai rien à vous marquer ce matin: j'ai eu des visites de congé, qui m'ont pris mon temps. La température est agréable. Adieu, mes bons amis. Mes amitiés au cher papa Lamsdorf, mes compliments à vos messieurs. Dites à Alédinski que ses enfants sont beaux comme l'amour. Mes compliments à nos braves militaires qui vous demanderont de mes nouvelles. Je vous embrasse mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

Вторникъ вечеромъ, 9-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Хотя я уже писала вамъ съ сегодняшней почтою, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи обнять васъ еще разъ сегодня вечеромъ, добрые друзья мои, и сказать вамъ, что я много думала о васъ. Я получила сегодня вечеромъ письмо отъ моей тетушки, супруги принца Фердинанда; она пишетъ мнѣ много хорошаго о васъ, дорогія дѣти мои, и объ удовольствіи, какое доставило ей свиданіе съ вами. Все, что она говоритъ о васъ, радуетъ мое материнское сердце. Мы провели день очень тихо и очень одиноко; изъ мужчинъ у насъ были: Пашковъ, Вилламовъ и кн. Куракинъ. Погода рѣзкая, холодная и непріятная, поэтому наша вечерняя прогулка была очень непродолжительна; я постаралась особенно сократить ее, такъ какъ всѣ наши православныя дѣвицы, съ г-жею Нелидовой во главѣ, отправились пѣшкомъ на богомолье въ Колпино. Онѣ совершили весь путь въ 4 часа, не останавливаясь. Отслуживъ молебенъ, онѣ вернулись въ линейкахъ. Вотъ это называется ходить! Но какъ бы то ни было, ихъ не слѣдовало утомлять сегодня вечеромъ; поэтому я вернулась домой рано, и мы не играли, а читали и работали. Мы начали читать жизнеописаніе королевы Христины, которое мнѣ очень хвалили. Я видѣла сегодня г. Витта; онъ только-что пріѣхалъ, но говоритъ, что уже успѣлъ видѣть вашихъ лошадей. Прощайте, друзья мои, спите покойно, постараюсь сдѣлать то же.

Четвергъ вечеромъ, 10-го іюня.

Я провела сегодняшній день, по обыкновенію, думая о васъ, мои добрыя и дорогія дѣти, говоря о васъ, дѣлая пожеланія для вашего благополучія и счастья. Когда я думаю о васъ, у меня нерѣдко навертываются на глаза слезы. Тѣ минуты, которыя я провожу съ Аннетой, самыя для меня пріятныя, такъ какъ мы одинаково думаемъ о васъ и одинаково чувствуемъ. Мы совершили сегодня утромъ нашу обычную прогулку верхомъ, послѣ чего мы занимались; я воспользовалась свободною минутою, чтобы посѣтить мою невѣстку и зайти къ вамъ: герцогинѣ

очень нравится въ вашемъ домѣ. Съ нами обѣдалъ и провелъ день гр. Толстой. Вечеромъ мы гуляли и обошли вокругъ кустовъ сирени; они не хороши въ этомъ году, такъ какъ ихъ много погибло вслѣдствіе прошлогоднихъ морозовъ, а уцѣлѣвшіе видимо болѣютъ. Мы сѣли въ линейку у стараго шалэ и проѣхали мимо оранжереи вишенъ, которыя въ полномъ цвѣту, объѣхали вокругъ озера и зашли въ Розовый павильонъ, гдѣ ужинали, послѣ того какъ m-lle Анрепъ спѣла намъ хорошенькую русскую пѣсню, аккомпанируя себѣ на фортепіано. Это премилая особа, которая всѣмъ нравится своей наивностью и чистотою. Вотъ, добрыя дѣти мои, точное описаніе проведеннаго нами дня. Скажу вамъ еще, что я имѣла удовольствіе получить вчера вечеромъ, передъ тѣмъ какъ лечь спать, письма отъ императора изъ Гейльброна. Онъ пишетъ, что провелъ время пріятно въ Штутгардтѣ и Луисбургѣ, которые ему очень нравятся, такъ же какъ и порядокъ, царствующій въ странѣ. Императоръ пишетъ мнѣ, что онъ переѣзжаетъ въ Гейдельбергъ, поэтому я предполагаю, что вы имѣли счастье увидѣть его тамъ. Прощайте, дорогія дѣти, спите хорошо и да благословитъ васъ Господь.

Пятница, 11-го іюня.

Я писала вамъ сегодня утромъ, дорогія дѣти, но берусь снова за перо вечеромъ, чтобы поблагодарить васъ, дорогой Никошъ, за ваше милое, любезное письмецо изъ Вейсенфельса, которое пришло сегодня по почтѣ и доставило намъ живѣйшее удовольствіе; Аннета была у меня въ ту минуту, когда я получила его, поэтому она тотчасъ раздѣлила мою радость. Цѣлую васъ отъ всей души, дорогой Никошъ, и благодарю васъ за него, а васъ, дорогой Михаилъ, за память. Право, дѣти мои, вы несетесь, какъ вѣтеръ; вы отличные курьеры. Я получила сегодня вечеромъ письмо отъ Маріи изъ Нюрнберга; она въ отчаяніи при мысли, что вы не заѣдете въ Веймаръ. Она пишетъ, что предлагала вамъ встрѣтиться въ Ашаффенбургѣ. Я желала бы, чтобы вы согласились на ея предложеніе; было бы жестоко находиться такъ близко и не увидѣться, въ особенности при теперешнихъ обстоятельствахъ. Сегодня не было ничего особенно интереснаго; какъ я провела утро, вамъ извѣстно изъ письма, посланнаго по почтѣ; у насъ обѣдалъ кн. Димитрій Голицынъ и гр. Строгановъ; они провели съ нами вечеръ; мы катались въ линейкѣ и ужинали въ Розовомъ павильонѣ. Но погода непріятная; послѣ очень теплаго утра, вечеръ кажется очень прохладнымъ; темно и сумрачно, какъ осенью. Вашъ полкъ выступилъ изъ города сегодня утромъ, дорогой Никошъ, и проведетъ ночь въ Царскомъ Селѣ, завтра я окажу ему гостепріимство въ Гатчинѣ; надѣюсь, что всѣ будутъ тамъ довольны; лейбъ-гренадеры ночуютъ въ Красномъ Селѣ. Музыканты вашего полка, которые остаются здѣсь, прибыли въ

Павловскъ; я радуюсь при мысли, что я услышу ихъ, и сообщу вамъ объ ихъ успѣхахъ. Прощайте, добрыя дѣти мои, спите покойно и будьте здоровы; вспоминайте нѣсколько разъ въ день вашу мамашу.

12-го іюня 1815 г.

Дѣти мои, сегодняшній день, три года тому назадъ, война прекратилась; быть можетъ, орудія уже гремятъ. Сохрани Богъ мнѣ милыхъ! Дорогія, дорогія дѣти, я надѣюсь, что вы находитесь подъ покровительствомъ нашего общаго Отца и что Онъ васъ сохранитъ! Какое удовольствіе доставило мнѣ ваше вчерашнее письмо! Да благословитъ васъ Богъ за то, что вы написали его. Сегодня утромъ мнѣ нечего сообщить вамъ: у меня были нѣкоторыя лица съ прощальными визитами; это заняло все мое время. Температура пріятная. Прощайте, добрые друзья мои. Мой привѣтъ дорогому папашѣ Ламсдорфу и поклонъ вашимъ кавалерамъ. Скажите Алединскому, что его дѣти хороши, какъ ангелы. Передайте мой поклонъ тѣмъ изъ нашихъ молодцовъ военныхъ, которые спросятъ васъ обо мнѣ. Тысячу разъ обнимаю васъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Num. 25.

Ce Dimanche, 13 Juin au soir 1815.

Je vous sais arrivés, mes chers et bons amis, à Heidelberg; j'ai reçu un courrier de l'empereur du 29 Mai qui me dit vous attendre dans 3 ou 4 jours, et le courrier qui n'est parti que le 30 m'a dit que vous étiez arrivés avant son départ. J'ai appris cette nouvelle avec joie et cependant il s'y est mêlé aussi un sentiment de terreur, plutôt d'effroi en me disant que vous voilà donc exposés déjà à toutes les chances et périls de la guerre, mais la main protectrice de l'Être Suprême vous guidera, vous protégera, et mes bons enfants me seront conservés. L'empereur ne me parle presque dans toute sa lettre que de vous, cher Nikoche et cher Michel, du plaisir qu'il se fait de vous embrasser, des soins qu'il vous donnera, du logement qu'il vous a choisi, et de ce qu'il vous a envoyé le général Konovnitzin à Francfort; enfin il me parle de vous avec un intérêt qui me rend bien heureuse. Je me flatte recevoir bientôt un second courrier où il me dira vous avoir vus, et qui m'apportera aussi des lettres de vous deux, êtres chéris, qui occupent sans cesse mes pensées et mes voeux. Mon Dimanche a été très brillant, j'ai eu grand monde, en hommes le comte Miloradovitch, le bon prince Gortchakoff, le général Adam, l'aide-de-camp général Potemkin, duquel j'ai pris congé, son beau régiment est parti aujourd'hui, le general Sipiaguin, qui part Mardi, mais qui viendra encore me voir ce jour-là; le prince Jacques

Lobanof, l'aide-de-camp général Kutusof, chevalier de Béthancourt, Narischkin, le prince Ioussoupof, M-rs de Soltikof Alexandre, Olénin, Mitousof; voilà les premiers, ensuite il faut nommer encore le comte Vielborski, Solohoub, Kologrivof, Ogérofski, Matvéef, le prince Dolgorouki; en femmes toutes les dames d'honneur, la comtesse et le comte Litta sont venus hier, la princesse mère Dolgorouki, Madame Gourief et sa jeune belle-fille, que je trouve charmante, la comtesse Pierre Tolstoi, la comtesse Apraxin avec sa jeune belle-fille, qui n'est pas mal; toute la famille Stscherbatof, la jeune Dolgorouki, la jolie princesse Troubetzkoi (si vous voyez le mari, dites lui, que sa femme se porte bien et que j'ai eu grand plaisir de la voir), Madame Kutusof, M-lle Apraxin, Chérémétef, pour prendre congé, la demoiselle d'honneur Narischkin qui va à la campagne avec sa mère. Voilà, si ma mémoire ne me trompe, toute la société; j'ai oublié de vous nommer encore le marquis de Traversé, le prince Galitzin, duc Lerida et le comte Medem. Le temps s'est mis au beau pour la soirée et nous avons fait une promenade en ligne et avons soupé au Pavillon des roses. Enfin nous avons eu une journée très chaude; il a plu presque toute la matinée, mais c'était une pluie chaude et agréable. Bonsoir, mes bons amis, vous voyez que je vous tiens au courant des nouvelles de Pawlovsk, qui toujours auront de l'intérêt pour vous. Je vous fais mes tendres amitiés et vous embrasse de tout mon coeur.

Ce Lundi, 14 Juin.

Un courrier de l'empereur parti le 2 Juin est arrivé ce soir, m'apporte une lettre charmante de notre cher Alexandre, qui me dit que vous êtes arrivés brillants de santé, que Michel est aussi long que Nikoche, qu'il s'est réjoui de tout son coeur de vous revoir, de vous embrasser, qu'il a témoigné sa reconnaissance au cher papa Lamsdorf en lui donnant le S-t André, qu'il a distingué tous vos messieurs, de même que Janotti. Je m'en réjouis de tout mon coeur et les en félicite bien sincèrement. Papa Lamsdorf m'écrit la même chose, mais les lettres de certains messieurs à moi connus voyagent dans les paquets ou de M-r Kalemin (Kalinin?) ou du comte Nesselrode et ne me sont pas parvenues encore. J'ai prié instamment le courrier, que je connais, car c'est Sergéef, d'aller vite en ville et de prier les messieurs, auxquels vos lettres pour moi sont adressées, de me les envoyer au plus vite. Dorénavant, mes chers enfants, je vous prie d'avoir soin qu'on ne les enserre dans aucun paquet et qu'elles restent à mon adresse, comme le sont les lettres de l'empereur à moi, car en les enserrant dans un paquet différent, cela leur fait faire 50 werstes de plus et cela me donne un retard de 5 à 6 heures. Que je me sens satisfaite, chers enfants, de voir l'empereur content de vous, et content de vous revoir. Il m'a promis d'avoir tous les soins moraux et physiques pour vous; cette assurance m'est d'un grand prix. La lettre du

bon papa Lamsdorf, que le courrier m'a remise, parce qu'elle était simplement à mon adresse, exprime le contentement et la plus grande sensibilité du tendre accueil fraternel que l'empereur vous a fait, et tout aussi bien la peine sensible que le bon vieillard éprouve de vous quitter en peu; je la sens avec lui et vous jure, chers enfants, que la pensée de vous voir en peu vous séparer de lui renouvelle en moi toute la douleur de votre séparation. Je suis bien peinée de le savoir incommodé. L'empereur me parle de son indisposition, mais il m'assure, qu'il se sent déjà mieux. Je regrette de ce que le bon Rühl n'a pas participé aux bontés de notre cher empereur, mais certainement ce qui est reculé n'est pas perdu. Qu'il me tarde de lire vos lettres, mes chers amis, et de jouir de tout votre bonheur. J'espère que demain à mon réveil cette satisfaction me sera réservée. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien. On dit ici que le 17 les troupes russes seront arrivées, et qu'on n'attend qu'elles pour commencer à agir. Veuille Dieu nous protéger. Bonsoir, chers et bons amis, je vous embrasse mille fois.

Ce 15 Juin, Mardi.

Pas de lettres, mes chers enfants, apparemment que vous avez tardé à les remettre ou, ce que je crois plus probable, que la personne à qui vous les avez remises les a oubliées sur sa table. Enfin je vous sais bien portants et heureux, l'empereur content de vous, papa Lamsdorf me l'écrivant, ainsi je me dis que le courrier prochain m'apportera probablement deux paquets. En attendant je me suis couchée à une heure et demie toujours en les attendant; à 6 heures du matin je les ai reclamées, mais on m'a dit qu'il n'y en avait pas; que faire, sinon d'avoir patience. En attendant le courrier m'a remis trois paquets d'estampes à mon adresse; ce sont des vues du Rhin, et entre autres d'Heidelberg; mais ignorant si c'est pour moi ou pour vous, quoique je suppose que ce sont ceux que je vous ai priés d'acheter pour moi, je les garderai séparées jusqu'à ce que je reçoive vos lettres. On dit ce que les troupes arriveront le 17 chez vous, et alors, chers enfants, que Dieu vous protège. Le contentement de l'empereur de vous me rend bien heureuse: restez comme vous êtes par les sentiments du coeur et les principes et vous mériterez toujours ses bontés. L'expérience et la connaissance des hommes vous sera utile, mais ne vous laissez pas induire par leurs erreurs et faiblesses. Occupez vous beaucoup et utilement. Adieu, mes amis, je vais dire adieu à Sipäguin. Le dernier régiment des gardes est parti. Que Dieu le ramène sans avoir dû passer la Vistule. Je vous embrasse de tout mon coeur et fais mille compliments à vos messieurs, au général Konovnitzin et à tous les braves militaires qui vous demanderont de mes nouvelles. Chers enfants, si papa Lamsdorf vous a déjà quittés, envoyez lui ces lignes. De grâce,

écrivez lui souvent et ne négligez aucune occasion de lui témoigner toute votre reconnaissance. Adieu, chers et bons enfants, mes bons amis, toutes mes bénédictions reposent sur vous.

Marie.

Au moment même, à $2^{1}/_{2}$ de l'après-dîner, Gourief m'envoie vos lettres, chers enfants, elles étaient dans le paquet de Nesselrode, que Gourief n'a fait que recevoir. Priez donc celui-ci de les laisser aller simplement à leur adresse. Mille grâces pour vos bonnes, chères et intéressantes lettres. Le reste à ce soir, je suis bien contentée.

Воскресенье вечеромъ, 13 іюня 1815 г.

(Переводъ). Я знаю, что вы пріѣхали въ Гейдельбергъ, добрые и дорогіе друзья мои; ко мнѣ прибылъ отъ императора курьеръ съ письмомъ, отъ 29-го мая, въ которомъ онъ пишетъ, что ожидаетъ васъ дня черезъ 3 или 4. Курьеръ, который выѣхалъ только 30-го числа, сказалъ мнѣ, что вы пріѣхали передъ его отъѣздомъ; я обрадовалась этому извѣстію, но къ чувству радости примѣшался страхъ, или, лучше сказать, боязнь, при мысли, что вы подвергаетесь уже всѣмъ случайностямъ и опасностямъ войны. Но Всевышній защититъ и направитъ васъ, и жизнь моихъ добрыхъ дѣтей будетъ сохранена.

Императоръ почти только о васъ и пишетъ мнѣ, дорогой Никошъ и дорогой Михаилъ, о томъ, какъ ему будетъ пріятно обнять васъ, какъ онъ будетъ заботиться о васъ, о помѣщеніи для васъ и о томъ, что онъ послалъ къ вамъ во Франкфуртъ генерала Коновницына—словомъ, онъ пишетъ мнѣ о васъ съ такимъ участіемъ, которое меня искренно радуетъ. Я льщу себя надеждою получить вскорѣ второе письмо, въ которомъ онъ мнѣ напишетъ, что видѣлъ васъ. Съ тѣмъ же курьеромъ надѣюсь получить письма отъ васъ, двухъ дорогихъ для меня существъ, которыя составляютъ предметъ всѣхъ моихъ мыслей и желаній.

Воскресенье прошло для меня очень оживленно; у меня было много посѣтителей; изъ мужчинъ: гр. Милорадовичъ, добрый кн. Горчаковъ, генералъ Адамъ, генералъ-адъютантъ Потемкинъ, съ которымъ я простилась; его прекрасный полкъ ушелъ сегодня; генералъ Сипягинъ, который уѣзжаетъ во вторникъ, но онъ заѣдетъ еще повидаться со мною въ день отъѣзда; кн. Яковъ Лобановъ, адъютантъ генерала Кутузова, кавалеръ де Бетанкуръ, Нарышкинъ, кн. Юсуповъ, Александръ Салтыковъ, Оленинъ, Митусовъ—вотъ первые; затѣмъ надо назвать еще гр. Віельгорскаго, Сологуба, Кологривова, Ожаровскаго, Матвѣева, кн. Долгорукаго. Изъ дамъ были всѣ статсъ-дамы, графъ и графиня Литта, пріѣхавшіе вчера, княгиня Долгорукая мать, г-жа Гурьева и ея невѣстка, которую я нахожу очаровательной; графиня Толстая, супруга гр. Петра,

графиня Апраксина со своей молоденькой невѣсткой—она не дурна; вся семья Щербатовыхъ, молодая Долгорукая, хорошенькая княгиня Трубецкая (если вы увидите ея мужа, то скажите ему, что жена его здорова и что мнѣ было очень пріятно видѣть ее), г-жа Кутузова, дѣвица Апраксина, Шереметева, которая пріѣзжала проститься, фрейлина Нарышкина, которая уѣзжаетъ съ матерью въ деревню. Вотъ, если память мнѣ не измѣняетъ, и всѣ; забыла назвать еще маркиза Траверсе, кн. Голицына, герцога Лерида и гр. Медема; къ вечеру погода разгулялась, и мы катались въ линейкахъ и ужинали въ Розовомъ павильонѣ; наконецъ-то мы дождались весьма теплаго дня; почти все утро шелъ теплый и пріятный дождь. Прощайте, дорогіе друзья мои; какъ видите, я сообщаю вамъ всѣ павловскія новости, которыя всегда будутъ вамъ интересны. Посылаю вамъ искренній привѣтъ и отъ всего сердца цѣлую васъ.

Понедѣльникъ, 14-го іюня.

Сегодня вечеромъ прибылъ курьеръ отъ императора, выѣхавшій отъ него 2-го іюня. Онъ привезъ мнѣ прелестное письмо отъ нашего дорогаго Александра, который пишетъ, что вы пріѣхали, блистая здоровьемъ, что Михаилъ уже одного роста съ Никошемъ, что онъ отъ души былъ радъ видѣть и обнять васъ, и выразилъ свое удовольствіе папашѣ Ламсдорфу, пожаловавъ ему орденъ св. Андрея, и наградилъ всѣхъ вашихъ кавалеровъ, такъ же какъ и Джанноти; я искренно этому рада и отъ души поздравляю ихъ. То же пишетъ мнѣ и папаша Ламсдорфъ, но письма нѣкоторыхъ мнѣ извѣстныхъ лицъ еще странствуютъ въ пакетахъ, либо Калемина (Калининъ?), либо Нессельроде, и я ихъ еще не получила. Я убѣдительно просила курьера, который мнѣ знакомъ, ибо это Сергѣевъ, съѣздить въ городъ и попросить тѣхъ господъ, на имя которыхъ присланы ваши письма ко мнѣ, препроводить ихъ мнѣ какъ можно скорѣе. Впредь, дорогія дѣти, прошу васъ позаботиться о томъ, чтобы ихъ не вкладывали ни въ какой пакетъ и чтобы они посылались прямо на мое имя, такъ же, какъ и письма императора, ибо когда они вложены въ другой пакетъ, то изъ-за этого они дѣлаютъ 50 верстъ лишнихъ, и я получаю ихъ на 5—6 часовъ позднѣе. Какъ я рада, дорогія дѣти, что императоръ доволенъ вами и что онъ радъ васъ видѣть; онъ обѣщалъ мнѣ позаботиться о васъ во всѣхъ отношеніяхъ, физически и нравственно; эта увѣренность имѣетъ для меня большую цѣну. Добрый папаша Ламсдорфъ высказываетъ мнѣ въ своемъ письмѣ, которое курьеръ передалъ мнѣ, такъ какъ оно было адресовано просто на мое имя, до какой степени онъ былъ доволенъ и тронутъ нѣжнымъ братскимъ пріемомъ, оказаннымъ вамъ императоромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ добрый старикъ пишетъ, какъ ему

грустно, что онъ вскорѣ долженъ будетъ разстаться съ вами. Я раздѣляю его чувства и клянусь вамъ, дорогія дѣти мои, что мысль о вашей скорой разлукѣ съ нимъ снова пробуждаетъ во мнѣ всю горечь разлуки съ вами; я очень огорчена его нездоровьемъ; императоръ пишетъ мнѣ, что онъ боленъ, но увѣряетъ, что ему уже лучше. Я очень сожалѣю о томъ, что милости нашего дорогаго императора не коснулись добраго Рюля; но разумѣется, что отложено, то не потеряно. Какъ мнѣ хотѣлось бы поскорѣе прочитать ваши письма, дорогіе друзья мои, и насладиться вашимъ счастьемъ; надѣюсь, что завтра, проснувшись, я, буду имѣть это удовольствіе. Прощайте, дорогіе друзья мои, спите спокойно. Здѣсь говорятъ, что 17-го числа русскія войска будутъ на мѣстѣ и что ихъ только и ожидаютъ, чтобы начать дѣйствовать. Да хранитъ насъ Господь. Прощайте, добрые и дорогіе друзья мои, тысячу разъ цѣлую васъ.

15-го іюня, вторникъ.

Писемъ нѣтъ, дорогія дѣти мои; очевидно, вы запоздали отдать ихъ, или, что по-моему болѣе вѣроятно, то лицо, которому вы поручили ихъ, позабыло ихъ у себя на столѣ. Какъ бы то ни было, я знаю изъ письма папаши Ламсдорфа, что вы здоровы и благополучны и что императоръ вами доволенъ. Я надѣюсь, что слѣдующій курьеръ привезетъ мнѣ, по всей вѣроятности, два пакета. Между тѣмъ я легла спать въ половинѣ втораго, поджидая ихъ; въ 6 часовъ утра я потребовала, чтобы мнѣ дали письма, но мнѣ сказали, что ихъ нѣтъ; что дѣлать, остается терпѣть. Между тѣмъ, курьеръ привезъ мнѣ три эстампа, присланные на мое имя; это виды Рейна и между прочимъ Гейдельберга. Не зная, кому они присланы, вамъ или мнѣ, хотя полагаю, что это тѣ виды, которые я просила васъ пріобрѣсти для меня; я буду хранить ихъ отдѣльно до полученія отъ васъ писемъ. Говорятъ, что войска будутъ у васъ 17-го числа; тогда да хранитъ васъ Господь, дорогія дѣти. Я очень счастлива, что императоръ доволенъ вами; оставайтесь впредь такими же по сердечнымъ чувствамъ и правиламъ, какъ теперь, и вы всегда будете заслуживать его милости. Опытъ и знакомство съ людьми принесутъ вамъ пользу, но не увлекайтесь ихъ ошибками и слабостями. Занимайтесь много и съ пользою. Прощайте, дорогіе друзья мои; я сейчасъ буду прощаться съ Сипягинымъ. Послѣдній гвардейскій полкъ ушелъ. Дай Богъ ему вернуться, не перейдя Вислы. Цѣлую васъ отъ всего сердца и посылаю тысячу поклоновъ вашимъ кавалерамъ, генералу Коновницыну и всѣмъ молодцамъ военнымъ, которые будутъ спрашивать васъ обо мнѣ.

Если папаша Ламсдорфъ уже уѣхалъ отъ васъ, дорогія дѣти, перешлите ему эти строки. Ради Бога пишите ему чаще и не упускайте случая

выразить ему вашу благодарность. Прощайте, дорогія и добрыя дѣти, добрые друзья мои. Благословеніе мое да будетъ надъ вами. Марія.

Сію минуту, въ $2^1/_2$ часа по полудни, Гурьевъ прислалъ мнѣ ваши письма, дорогія дѣти; они были въ пакетѣ Нессельроде, только-что полученномъ Гурьевымъ. Попросите же его посылать ихъ прямо на мое имя; тысячу разъ благодарю васъ за ваши милыя, дорогія и интересныя письма. Остальное до вечера, я очень, очень довольна.

Num. 26.

Ce 15 Juin 1815.

Voici un tout petit mot par la poste, mes chers enfants, car je viens de terminer ma grande lettre par courrier. J'attends pour le dîner le comte Miloradovitch, le baron Rosen et Sipäguin, peut-être Taube. Le régiment de Préobragenski a quitté la ville de même que l'artillerie, et s'est mis en marche. Les voilà tous partis; c'est bien, bien triste. Que Dieu les conduise, et que tout se termine si vite, qu'ils ne soient pas dans le cas de passer la Vistule. Adieu, mes amis, je ne vous en dis pas davantage, car le temps me manque et je dois écrire encore par Sipäguin à Constantin. Je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

15-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ всего лишь нѣсколько строкъ по почтѣ, дорогія дѣти мои, ибо я только-что окончила длинное письмо, посылаемое съ курьеромъ. Я ожидаю къ обѣду гр. Милорадовича, барона Розена и Сипягина, быть можетъ, Таубе. Преображенскій полкъ выступилъ изъ города, такъ же какъ и артиллерія. Итакъ всѣ войска уже ушли; это очень, очень грустно. Да сопутствуетъ имъ Господь, и дай Богъ, чтобы все скорѣе кончилось и чтобы имъ не пришлось переходить Вислы. Прощайте, друзья мои, не пишу вамъ ничего болѣе по недостатку времени; я еще должна написать съ Сипягинымъ Константину. Цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Н. М. Карамзина къ Н. Я. Плюсковой [1]).

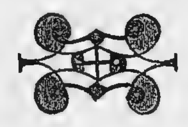
Царское Село, 25-го мая 1820 г.

Любезнѣйшая Наталья Яковлевна!

Намъ очень грустно, что вы безпокоитесь. Казна наняла для васъ домикъ и заплатила уже половину денегъ хозяину, а г. Захаржевской [2]) того не зналъ, но нынѣшній день велѣлъ меблировать ваши комнаты: завтра всѣ мебли будутъ на своемъ мѣстѣ, и вы спокойно можете переѣхать. Кажется, что и время становится лучше къ вашему пріѣзду: авось увидимъ красное лѣто. Вашъ домикъ чистъ и просторенъ: есть кухня, изба, ледникъ; садъ и наше жилище не далеко. Будемъ ждать васъ, если не завтра, то послѣзавтра. Не теряйте хорошихъ дней. Въ Царскомъ Селѣ найдете и здоровый воздухъ, и любезнѣйшую императрицу, и друзей искреннихъ; авось либо найдете и здоровье и крѣпкіе нервы, слѣдственно и хорошее расположеніе духа: о чемъ молимъ Бога. Въ надеждѣ скораго свиданія цѣлую вашу ручку. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Адресъ: Ея превосходительству милостивой государынѣ Натальѣ Яковлевнѣ Плюсковой, фрейлинѣ ихъ императорскихъ величествъ. Въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

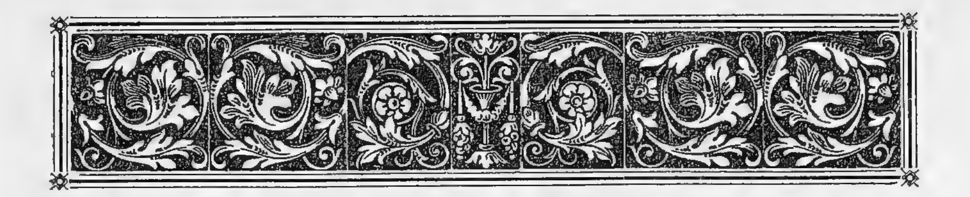
Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) Фрейлина Наталья Яковлевна Плюскова († 1845), женщина умная и образованная, была, какъ извѣстно, знакома съ виднѣйшими представителями литературы своего времени: Державинымъ, Дмитріевымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ и друг.

[2]) Управляющій Царскимъ Селомъ.

Священникъ Н. А. Мурзакевичъ,

обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году [1]).

I.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ во 2-й свой походъ на Крымъ въ 1689 г. взялъ въ плѣнъ, между прочимъ, одного юнаго Мурзу. Этотъ Мурза и сдѣлался родоначальникомъ фамиліи Мурзакевичей. Приведенный въ Москву, онъ былъ окрещенъ въ христіанскую вѣру, воспринятъ отъ купели царевною Софіею Алексѣевною и княземъ Василіемъ Голицынымъ, и названъ по имени крестнаго отца Василіемъ, по прозвищу «Мурзинымъ».

Василій Мурзинъ пристроился въ числѣ «служилыхъ людей раз-

[1]) Въ архивѣ Смоленской духовной консисторіи хранится „дѣло о священникахъ Никифорѣ Мурзакевичѣ, Яковѣ Соколовѣ и протопопѣ Поликарпѣ Звѣревѣ“ по обвиненію ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, въ измѣнѣ Царю и Отечеству во время пребыванія въ Смоленскѣ французовъ въ 1812 году.

Дѣло это любопытно, какъ въ историческомъ, такъ и особенно, въ бытовомъ отношеніи. Воспоминанія о немъ еще сохраняются въ Смоленскѣ, хотя передаются обыкновенно въ искаженномъ видѣ. Даже отъ людей компетентныхъ въ исторіи Смоленска намъ приходилось слышать обвиненіе Мурзакевича въ томъ, что онъ, будто бы, встрѣчалъ Наполеона одѣтый въ архіерейскія ризы. При этомъ дѣлались ссылки на экстрактъ этого „дѣла“, хранящійся въ городскомъ археологическомъ музеѣ. Подобное же обвиненіе нерѣдко можно услышать и отъ старпковъ-священниковъ, ссылающихся на разсказы современниковъ.

Словомъ, къ нашему времени вокругъ этого дѣла наросла цѣлая сѣть

ныхъ чиновъ» при «государевѣ дворѣ», существовавшемъ со временъ Алексѣя Михайловича въ Смоленскѣ возлѣ Ильинской церкви.

Его сынъ, Адріанъ Васильевичъ, по окончаніи семинаріи, сдѣлался священникомъ при Смоленскомъ каѳедральномъ соборѣ и здѣсь прославился, какъ искусный проповѣдникъ-импровизаторъ [1]). Еще въ семинаріи онъ писалъ разнаго рода «опыты» въ стихахъ и прозѣ (сохранилось три рукописныхъ тетради этихъ «опытовъ»). Въ домѣ его можно было встрѣтить почти единственныхъ представителей тогдашней интеллигенціи,—начальниковъ и наставниковъ семинаріи. Какъ начитанный и литературный человѣкъ, онъ не разъ, въ дни общественныхъ торжествъ, былъ выдвигаемъ впередъ въ качествѣ оратора. При встрѣчѣ Екатерины II-й въ 1780 г. семинаристы въ мантіяхъ и съ вѣнками на головахъ пѣли гимнъ, составленный и положенный на ноты отцомъ Адріаномъ.

Въ 1769 г. 2-го іюля у о. Адріана родился сынъ Никифоръ. Книжная атмосфера, царившая въ домѣ о. Адріана, отразилась и на дѣтскихъ вкусахъ и склонностяхъ ребенка: чтеніе книгъ, любовь къ нимъ еще въ дѣтствѣ отличали его отъ сверстниковъ. Десяти лѣтъ Никифоръ былъ опредѣленъ въ семинарію съ запасомъ начальныхъ свѣдѣній изъ латинскаго и русскаго языковъ, запасомъ, полученнымъ еще въ отцовскомъ домѣ.

Черезъ три года о. Адріанъ умеръ, и Никифоръ для поддержки семьи, долженъ былъ выйти изъ семинаріи. Въ 1783 году, 14 лѣтъ отъ роду, онъ, по прошенію матери своей, былъ опредѣленъ на должность

темныхъ слуховъ и сплетенъ, въ которыхъ, кажется, никто еще не пытался разобраться на основаніи подлинныхъ документовъ.

Правда, въ біографіи Никифора Мурзакевича, составленной его сыномъ, Николаемъ Никифоровичемъ, директоромъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ (Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ, историкъ г. Смоленска. 1769 † 1834 г. Петербургъ, тип. Балашева. 1877 г.) содержится краткій разсказъ объ этомъ дѣлѣ, направленный къ возстановленію добраго имени отца автора, но 1) этотъ разсказъ составленъ, главнымъ образомъ, по семейнымъ преданіямъ и дневнику о. Мурзакевича, а 2) брошюра Ник. Ник., изданная имъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, теперь сдѣлалась библіографическою рѣдкостью.

Ознакомившись съ „дѣломъ“ объ измѣнѣ, мы и излагаемъ его здѣсь въ существенныхъ чертахъ.

Въ виду же интереса, возбуждаемаго самою личностью священника Мурзакевича, какъ перваго историка г. Смоленска, а также и въ виду того, что ему въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ главная роль, мы сообщимъ и краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, и, нѣсколько подробнѣе, изложимъ тотъ эпизодъ, который послужилъ поводомъ къ возникновенію самаго дѣла объ измѣнѣ.

[1]) На проповѣдяхъ своихъ, дошедшихъ до насъ, онъ такъ и подписывался: „каѳедральный проповѣдникъ“.

«псаломщика» къ Надворотной Богоматерской церкви, а въ 1792 г. женился на дочери вяземскаго соборнаго священника и, во вниманіе къ заслугамъ своего отца, а также и за ревностное исполненіе своихъ обязанностей, былъ посвященъ сначала въ иподіакона, а потомъ и въ діакона къ каѳедральному собору.

Не получивъ за женою обѣщаннаго приданаго, Никифоръ терпѣлъ не малую нужду и разныя лишенія. На рукахъ у него находилась престарѣлая мать и шесть человѣкъ дѣтей, а весь доходъ его составляли ничтожныя подачки за требы да небольшой денежный окладъ по штату. Но Никифоръ не унывалъ и не опустился подъ гнетомъ нужды. Напротивъ, все свое свободное время онъ посвящалъ чтенію книгъ, желая этимъ пополнить свое образованіе.

Особенно привлекала его исторія. Книгами ссужалъ его племянникъ архіепископа Парѳенія, имѣвшаго прекрасную собственную библіотеку и собраніе рукописей. Кромѣ того, на собственныя средства Никифоръ покупалъ на базарѣ у старьевщиковъ иногда довольно цѣнныя книги и рукописи. Между прочимъ, здѣсь онъ купилъ рукописную «Исторію Смоленска, составленную къ первому пріѣзду въ Смоленскъ Екатерины II-й» (1780), наведшую его на мысль заняться составленіемъ полной и обстоятельной исторіи г. Смоленска.

Онъ начинаетъ дѣлать выписки изъ историческихъ сочиненій, съ неимовѣрными усиліями достаетъ отовсюду источники и пособія для задуманнаго труда. Такъ, въ «губернскомъ архивѣ» онъ откопалъ «Краткіе очерки исторіи Смоленска», составленные нѣкогда для Академіи наукъ, и нѣсколько другихъ старыхъ рукописей; въ архивѣ городскаго магистрата—граматы польскихъ королей и русскихъ государей, данныя въ разное время г. Смоленску, и т. п.

Съ жаромъ принялся Никифоръ за работу. Въ одномъ письмѣ онъ впослѣдствіи говорилъ объ этомъ времени: «много разъ я падалъ со скамьи отъ изнеможенія силъ, но не падалъ духомъ».

Среди городскаго духовенства ученыя занятія «неученаго» діакона породили различные толки и насмѣшки. Иначе отнесся къ Никифору преосвященный Парѳеній: узнавъ объ его занятіяхъ, онъ предоставилъ ему въ пользованіе свою библіотеку и консисторскій архивъ, бывшій ранѣе для него совершенно недоступнымъ, и даже самъ лично помогалъ Никифору своими указаніями.

Въ 1795 г. епископъ Парѳеній умеръ, и для Никифора настали тяжелыя времена; въ консисторскій архивъ его теперь уже не пускали, и насмѣшки со стороны духовныхъ собратій усилились. Новый епископъ, Димитрій Устимовичъ (1798—1805), человѣкъ ученый, но рѣзкій по характеру, не обратилъ никакого вниманія на діакона-писателя и даже относился къ нему неблагосклонно.

Поддержка Никифору явилась совершенно неожиданно съ другой стороны. Въ 1801 году чрезъ Смоленскъ проѣзжали въ заграничные университеты четыре московскихъ студента: А. И. Тургеневъ, И. А. Двигубскій, П. С. Кайсаровъ и Воиновъ [1]). Въ Смоленскѣ, среди другихъ «достопримѣчательностей» города, имъ указали и на «ученаго» діакона. Студенты пошли въ Рѣзницкій оврагъ и здѣсь, въ убогой хижинѣ нашли «чахнувшихъ отъ недостатковъ историка и его семейство». А. И. Тургеневъ немедленно написалъ «о любознательномъ клерикѣ» своему отцу, Ивану Петровичу Тургеневу, и просилъ его прислать Никифору нужныя для него книги.

Прошло около года со дня этой встрѣчи. Никифоръ сталъ уже забывать объ обѣщаніи молодаго человѣка, порѣшивъ въ душѣ, что это былъ простой актъ свѣтской вѣжливости или минутный порывъ сочувствія къ нему... 10-го августа 1802 г. неожиданно получаетъ онъ съ почты повѣстку на какую-то посылку. Развязавъ ее, Никифоръ увидѣлъ, что это были книги, присланныя ему вице-канцлеромъ, графомъ О. А. Остерманомъ чрезъ посредство И. П. Тургенева. Можно представить себѣ радость Никифора! Въ посылкѣ находилась цѣлая сотня томовъ книгъ, и между ними—Исторія Россійская Татищева, Щербатова, Штритера; лѣтописи: Кенигсбергская, Никоновская, Древняя Россійская Вивліоѳика и проч. и проч. Съ удвоеннымъ усердіемъ принялся теперь Никифоръ за исторію Смоленска и къ 1803 году закончилъ ее.

Истощенный непосильными трудами видъ Никифора обратилъ на себя вниманіе епископа Димитрія.

— Ты, Никифоръ, чѣмъ-то нездоровъ и чѣмъ-то занимаешься?— замѣтилъ ему однажды епископъ.

Смиренный діаконъ долженъ былъ сознаться въ своихъ занятіяхъ и представить преосвященному свою рукопись. Просмотрѣвъ ее, Димитрій чрезъ нѣсколько дней призвалъ къ себѣ автора и «съ выговорами и бранью» возвратилъ ему его трудъ, прибавивъ въ заключеніе:

— Этимъ слѣдуетъ заняться не тебѣ, но ученому человѣку и опытному!

На робкую же просьбу Никифора о пособіи для изданія рукописи епископъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

Впослѣдствіи только открылось, что причиной епископскаго гнѣва было слѣдующее обстоятельство: въ концѣ своей «исторіи» Никифоръ помѣстилъ подробную и въ весьма сочувственномъ тонѣ написанную біографію своего покровителя и предшественника епископа Димитрія, преосвященнаго Парѳенія.

---

[1]) Впослѣдствіи 1-й—директоръ канц. мин. духов. дѣлъ и народ. просв., 2-й—ректоръ Моск. универс., и 4-й—корпусный командиръ.

Не найдя поддержки у своего ближайшаго духовнаго начальства, Никифоръ обратился за нею къ свѣтскому. Гражданскій губернаторъ смоленскій Д. Я. Гедеоновъ (1801—1803), по просьбѣ Никифора, представилъ его рукопись генералъ-губернатору Ст. Ст. Апраксину, человѣку доброму и «просвѣщенному боярину». Прочитавъ нѣсколько страницъ, Апраксинъ велѣлъ Никифору, чтобы онъ составилъ на его имя письмо съ посвященіемъ ему своего труда (это письмо и было напечатано въ «Исторіи» послѣ заглавнаго листа). Кромѣ того Апраксинъ приказалъ напечатать въ устроенной имъ губернской типографіи, на свой счетъ, 600 экземпляровъ «Смоленской исторіи» и подарилъ ихъ автору.

Обрадованный исполненіемъ своей завѣтной мечты, Никифоръ не забылъ своего долга и съ экземпляромъ только-что напечатанной своей книжки отправился къ епископу Димитрію, прося милостиво принять его трудъ. Но и на этотъ разъ онъ встрѣтилъ такой пріемъ, какого совсѣмъ не ожидалъ. Видя, что изданіе исторіи состоялось все-таки безъ его участія и одобренія, епископъ обидѣлся и сказалъ:

— Я не хочу имѣть сочинителя при себѣ; ищи себѣ другое мѣсто, хотя бы священническаго.

Вскорѣ освободилось мѣсто священника при Одигитріевской церкви въ Смоленскѣ, а 16-го апрѣля 1803 года Никифоръ былъ рукоположенъ туда во священники, продолжая жить въ своемъ старомъ домикѣ на краю Рѣзницкаго оврага.

Между тѣмъ 600 экземпляровъ «Исторіи Смоленска» скоро разошлись, и потребовалось новое изданіе ея. По внушенію Апраксина, городское общество дало отъ себя бумагу для этого изданія и подписалось на 100 экземпляровъ; самъ губернаторъ подписался на 6 экземпляровъ; со всѣхъ сторонъ, отъ горожанъ и помѣщиковъ постоянно получались требованія на книгу. Даже епископъ Димитрій, узнавъ объ успѣхѣ книги и предположенномъ второмъ изданіи ея, перемѣнилъ гнѣвъ на милость и, призвавъ къ себѣ о. Никифора, вручилъ ему свой послужной списокъ для напечатанія въ «Исторіи Смоленска» [1]).

Въ 1804 г. вышла въ свѣтъ «Исторія губернскаго города Смоленска отъ древнѣйшихъ временъ до 1804 г., собранная изъ разныхъ лѣтописей и россійскихъ дѣеписателей трудами д. Никифора Мурзакевича».

---

[1]) Онъ былъ тамъ напечатанъ, что дало поводъ Трафимовскому въ своемъ „Историко-Статистическомъ описаніи Смоленской епархіи“ (С.-Петербургъ, 1866 г.) сказать: „одна изъ рукописей епископа Димитрія послужила матеріаломъ для „Исторіи Смоленска“ Мурзакевича“ (стр. 137).

Послѣ изданія «Исторіи Смоленска» счастье, какъ будто, улыбнулось о. Никифору. Апраксинъ переслалъ книгу синодальному оберъ-прокурору кн. Голицыну, а тотъ преподнесъ ее императору Александру 1-му, который велѣлъ выдать автору изъ кабинета 500 р. ассигнаціями. Кромѣ того, смоленское дворянство и граждане ссудили о. Никифору болѣе 1.500 р., что̀ дало возможность улучшить матеріальное состояніе своей семьи и купить за 2.100 р. у купца Луки Осиповича Квѣцинскаго домъ противъ алтаря Одигитріевской церкви. Домъ этотъ сохранился въ цѣлости и до сихъ поръ, представляя по своему внѣшнему виду и внутренней обстановкѣ одну изъ достопримѣчательностей Смоленска.

Такимъ образомъ, труды о. Никифора увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Но этотъ успѣхъ вызвалъ понятную зависть и холодность со стороны собратій по сану. «Многіе удивлялись, писалъ о. Никифоръ, какъ неученый попалъ въ писатели». Впослѣдствіи (1818 г.) на просьбу гр. Н. П. Румянцева поискать въ Смоленскѣ древнихъ рукописей, о. Никифоръ, между прочимъ, писалъ ему, «что этимъ долженъ буду снова навлечь на себя ненависть и смѣхъ большей части здѣшнихъ духовныхъ, ибо я оные довольно почувствовалъ при изданіи «Смоленской исторіи», да и теперь нѣкоторыя мои упражненія подаютъ поводъ къ смѣху». Между собою сослуживцы о. Никифора не иначе называли его, какъ «сочинителемъ», распускали про него всевозможныя сплетни и писали по начальству кляузы.

Кляузныя дѣла совершенно не касаются чести и добраго имени Мурзакевича, являясь проявленіемъ грубости тогдашнихъ нравовъ и страсти къ сутяжничеству и крючкотворству, отъ козней котораго едва ли могъ считать себя застрахованнымъ въ то время и самый смиренный и кроткій обыватель, а не только такой живой и дѣятельный человѣкъ, какимъ былъ о. Никифоръ. Сравнивая его жизнь со спокойною однообразно-замкнутою жизнью его собратій, ясно видишь, насколько выше ихъ стоялъ онъ.

Послѣ изданія «Исторіи Смоленска» Мурзакевичъ увеличиваетъ свою библіотеку, кромѣ покупки книгъ еще и при помощи обмѣна экземпляровъ своей исторіи на новыя книги.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ сынъ о. Никифора Николай говоритъ, что «большая отцовская библіотека, наполненная всѣми полезными книгами, имѣла отдѣлъ историко-географической возможно хорошій».

Новый трудъ, надъ которымъ работалъ о. Никифоръ съ 1810 по 1814 годъ, былъ сводъ повѣствованія 4-хъ евангелистовъ подъ заглавіемъ: «Исторія Божественнаго Откровенія», гдѣ жизнь Іисуса Христа

историческимъ и хронологическимъ порядкомъ расположена съ замѣчаніями на мѣста неудобопонимаемыя».

Это былъ первый опытъ изложенія Евангелія на русскомъ языкѣ для чтенія простому народу. Посылая эту рукопись въ 1815 г. князю Голицыну (оберъ-прокурору Св. Синода), Мурзакевичъ писалъ ему, что онъ «старался сдѣлать понятнымъ Евангеліе русскому народу, ибо самъ Спаситель въ сирійскихъ селеніяхъ благовѣствовалъ такъ, что и бѣдные крестьяне его слова понимали». Голицынъ передалъ ее на разсмотрѣніе Св. Синода, гдѣ еще не былъ рѣшенъ вопросъ о необходимости русскаго перевода священныхъ книгъ и его полезности для народа. Св. Синодъ, какъ сообщилъ Мурзакевичу Голицынъ, положилъ, «запечатавъ рукопись казенною печатью, сдать въ синодальный архивъ для храненія». Старанія о. Никифора вернуть ее обратно остались безуспѣшны. Извѣстный Пукаловъ писалъ въ 1816 г. генер. А. А. Писареву: «Исторія божественнаго откровенія» точно осуждена на архивное тлѣніе и, какъ можно догадываться, самодуромъ. Выявить ее на свѣтъ иначе не можно, какъ формальною въ Св. Синодъ просьбою, мое о семъ покушеніе было недостаточно. Кажется отецъ Филаретъ [1]) одному себѣ предоставилъ право говорить и кричать сильнѣе другихъ о Богѣ и Божіихъ откровеніяхъ. Вездѣ сила солому ломитъ. Помолимся совокупно: да избавимся отъ всякаго зла и отъ всякія вещи во тьмѣ преходящія» [2]).

Въ слѣдующемъ (1817 г.) Мурзакевичъ послалъ къ какому-то Трескину новую рукопись «Жизнь Іисуса» и получилъ ее обратно съ ремарками отъ неизвѣстнаго совѣтующаго: 1) написать ее высокимъ слогомъ («но я писалъ ее, сообщаетъ Никифоръ А. А. Писареву, не для богословъ и мудрецовъ, а имѣлъ въ виду благо простаго народа, который по своей бѣдности, по своимъ тягостнымъ работамъ и по своему малому знанію христіанскаго закона не можетъ почерпать себѣ назиданія ни въ высокомъ слогѣ, а ниже въ славянскомъ нарѣчіи»); 2) совѣтуетъ объяснить генеалогію Іисусову и 3) прибавить замѣчанія на неудовлетворительныя слова въ той книгѣ, которыя находятся въ синодальномъ архивѣ. «Всѣ неудобопонятныя мѣста и генеалогія, пишетъ Мурзакевичъ, были объяснены и сочтены излишними Св. Синодомъ. И такъ видите, сколько ученыхъ головъ, столько и мнѣній о моей рукописи».

Ни «Жизнь Іисуса», ни «Исторія Откровенія», такъ и не увидѣли свѣта. Послѣдняя въ 1854 году была пріобрѣтена съ аукціона Спб. Императорскою публичною библіотекою, гдѣ и теперь находится.

При всѣхъ своихъ разнообразныхъ, служебныхъ и литературныхъ

---

[1]) Ректоръ СПБ. Дух. Академіи, просматривавшій рукопись.

[2]) Брош. 1877 г., Ник. Андр. Мурзакевичъ, стр. 107.

занятіяхъ, о. Никифоръ ухитрился еще найти время для обширной по-тогдашнему переписки.

Она приложена въ концѣ біографіи его. Мы видимъ изъ нея, что и среди духовенства, даже высшаго, были люди, цѣнившіе по достоинству дѣятельность о. Никифора и его душевныя качества и относившіеся къ нему съ уваженіемъ.

Мы опередили событія и вернемся нѣсколько назадъ.

II.

Наступилъ памятный для Россіи 1812-й годъ. Много горя онъ принесъ Смоленску, а въ Смоленскѣ едва-ли не больше всѣхъ Мурзакевичу. За одинъ какой-нибудь годъ (и даже меньше того), онъ лишился шести членовъ своей семьи (матери, тетки, жены, двухъ дочерей и воспитанницы), лишился здоровья, почти всего имущества и, наконецъ, священнической должности и чести. И замѣчательно, что самыя тяжелыя испытанія были причинены ему не врагами отечества, а своими же соотечественниками, согражданами, сослужителями.

Но этотъ же годъ поставилъ личность о. Никифора на такой высотѣ нравственнаго долга и гражданской добродѣтели, на какой она не могла быть поставлена ни его литературными трудами, ни уваженіемъ общества и вниманіемъ лучшихъ людей города. 1812-й годъ сдѣлалъ личность Мурзакевича для изслѣдователя нашей старины глубоко-драматической, невольно приковывающей къ себѣ вниманіе, вызывающей сочувствіе и преклоненіе предъ нею, по силѣ равное лишь противоположнымъ чувствамъ, которыя вызываются тогдашними представителями общества, самимъ этимъ обществомъ, его нравами и царившими въ немъ порядками и взглядами.

Начался этотъ годъ для Мурзакевича тяжелою утратою. Его жена, страдавшая чахоткою, слегла въ постель и 4-го марта умерла. Всякому извѣстно, какое это великое горе для священника—потерять жену,— какъ ломаетъ это горе всего человѣка, превращая несчастнаго вдовца изъ жизнерадостнаго и дѣятельнаго человѣка—въ унылаго, преждевременно старѣющагося ипохондрика, какъ будто забытаго Богомъ и людьми. А у о. Никифора было 7 человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше, и дряхлая старушка-мать!

Похоронивши жену, онъ «впалъ въ задумчивость и какое-то равнодушіе», разсказываетъ его сынъ Иванъ [1]). «Было замѣтно, что, бывши

---

[1]) „Св. Ник. А. Мурзакевичъ“, рукопись 1855 г.

до того времени трудолюбивымъ писателемъ, онъ только объ одномъ теперь заботился, какъ бы устроить и учить своихъ дѣтей, тогда какъ при жизни жены вся забота о домашнемъ благосостоянiи лежала на ея попеченiи». А тутъ еще «собратья по сану» не упускали случая добавить лишнюю каплю горечи въ его и безъ того горькую чашу. Въ самое Вербное Воскресенье 1812 г. прiѣхалъ въ Смоленскъ новый архiерей Ириней [1]), «мужъ ученый, затворникъ» по отзыву Мурзакевича. Вскорѣ же по прiѣздѣ онъ обратилъ вниманiе на о. Никифора; самъ писатель, онъ оцѣнилъ его «Исторiю Смоленска» и хотѣлъ наградить его саномъ протоiерея. Но нашлись среди членовъ консисторiи лица, представившiя преосвященному, что-де Мурзакевичъ и безъ того достаточно уже награжденъ и какъ «неученый» не можетъ быть удостоенъ сана протоiерея.

Между тѣмъ наступила Отечественная война. Съ 26-го iюня изъ Гродно, Минска и другихъ западныхъ городовъ стали прiѣзжать въ Смоленскъ подводы съ казенными вещами, увозимыми отъ французовъ. Въ концѣ iюня стали стекаться въ городъ чиновники западныхъ губернiй, отъ которыхъ жители впервые услыхали подробности вторженiя непрiятелей. Въ первыхъ числахъ iюля курьеры и фельдъ-егеря все чаще и чаще стали скакать черезъ Смоленскъ. Въ городѣ распространилось смятенiе. «6-го iюля,—говоритъ очевидецъ [2]),—смоленскiе жители въ первый разъ начали суетиться, выходить и выѣзжать изъ города.

7-го iюля смоленскiе дворяне подписали и отправили къ государю просьбу о дозволенiи вооружить изъ своихъ людей 20.000 человѣкъ или болѣе въ помощь регулярнымъ войскамъ.

9-го iюля въ 11 ч. утра въ Смоленскъ прибылъ изъ Полоцка императоръ Александръ I-й и остановился въ домѣ военнаго губернатора. Принявъ здѣсь тотчасъ же дворянство, онъ благодарилъ его за его усердiе къ защитѣ отечества. Собравшiеся отвѣчали восторженными криками. Когда дворяне разошлись, курьеръ привезъ государю донесенiе Кутузова о заключенiи имъ мира съ турками. Государь въ волненiи вышелъ въ залу и, найдя здѣсь одного городскаго голову (Верзина), обнялъ его и велѣлъ ему объявить это извѣстiе народу, толпившемуся вокругъ «Государева двора».

Въ 12 часовъ назначено было молебствiе въ соборѣ у Одигитрiевской церкви. Возлѣ каменнаго зданiя магистрата встрѣтили государя всѣ чины этого учрежденiя съ многочисленными цеховыми значками и земно ему поклонились. Возбужденiе народа было необыкновенное; кромѣ обычныхъ криковъ «ура!», изъ толпы раздавались возгласы: «чтобы не

---

[1]) Правилъ епархiей до 5-го августа 1813 г.

[2]) «Дневникъ П. А. Васильева". Рукопись епархiальной библiотеки.

поддаваться врагу, не уступать ему ни пяди земли». Въ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ чего государь посѣтилъ архіерея. На государевомъ обѣдѣ рѣчь шла о мѣрахъ обороны отъ врага. Государь далъ предводителю дворянства разрѣшеніе на то, чтобы помѣщики вооружали своихъ дворовыхъ слугъ для истребленія непріятелей.

Послѣ обѣда былъ сдѣланъ смотръ отряду Винцингероде, а потомъ государь ѣздилъ прогуливаться и, любуясь Смоленскомъ, говорилъ: «какой прекрасный городъ! какіе виды и окрестности!»

Въ то же время на имя еп. Иринея данъ былъ государемъ слѣдующій рескриптъ: «Узнавъ, что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы, скрываются и бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разъѣздовъ, появляющихся въ далекомъ еще разстояніи отъ Смоленска, возлагаемъ мы на васъ пастырскій долгъ: внушеніями и увѣщаніями своими ободрять ихъ и не только отвращать отъ страха и побѣга, но наоборотъ—убѣждать, какъ того и требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупляясь вмѣстѣ, старались вооружиться, чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ и, вмѣсто робости, наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ».

На другой день, 10-го іюля въ 6 ч. утра, государь выѣхалъ въ Москву. «Того же числа,—записываетъ очевидецъ,—жители Смоленска начали суетиться во второй разъ [1]). Власти спѣшили успокоить жителей. Епископъ Ириней 10-го числа отслужилъ въ соборѣ молебенъ, прочелъ всенародно данный ему высочайшій рескриптъ и сдѣлалъ народу соотвѣтственное «увѣщаніе». Съ городскаго духовенства была взята подписка о невыѣздѣ изъ города и объ исполненіи государевой воли относительно ободренія жителей. Сельскому духовенству были разосланы указы о томъ же чрезъ благочинныхъ. «Увѣщенія» читались во всѣхъ городскихъ церквахъ за службою, а въ соборѣ самъ епископъ ежедневно, до самаго 4-го августа, говорилъ народу рѣчи и поученія о борьбѣ со врагомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти «увѣщанія» производили свое дѣйствіе на народъ, часть котораго (особенно низшій классъ) и безъ того обнаруживала необыкновенно воинственное настроеніе. Болѣе состоятельный и развитой классъ не такъ легко поддавался успокоительнымъ патріотическимъ рѣчамъ; и когда разнеслась вѣсть о взятіи французами Витебска, то многіе горожане стали было поспѣшно уѣзжать изъ города. Тогда губернаторъ, баронъ Ашъ, разставилъ на заставахъ патрули и приказалъ имъ останавливать бѣглецовъ и силою возвращать обратно въ городъ. Отъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ были отобраны под-

---

[1]) Дневникъ Васильева.

писки о невыѣздѣ изъ города. Въ учебныхъ заведеніяхъ занятія и экзамены шли своимъ чередомъ.

Впрочемъ, когда стало слышно о занятіи Могилева и пріѣхалъ могилевскій ректоръ, архіерей велѣлъ распустить семинаристовъ. «11-го іюля объявили объ этомъ,—разсказываетъ современникъ.—Дѣти почувствовали тягость наступающаго времени, пропѣли, по обычаю, «Достойно есть» и «Нынѣ отпущаеши» и со слезами на глазахъ простились между собою» [1]).

Въ виду явной опасности отъ приближающагося непріятеля, губернаторъ просилъ у главнокомандующаго русскою арміей разрѣшенія на вывозъ казенныхъ суммъ и дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ и архивовъ. Главнокомандующій прислалъ въ отвѣтъ секретное распоряженіе о вывозѣ изъ Смоленска казны, важныхъ бумагъ и географическихъ картъ, но велѣлъ сдѣлать все это тайно, ночью, скрывая отъ жителей и даже отъ чиновниковъ [2]). Въ заключеніе Барклай писалъ губернатору: «увѣряю васъ, что городу Смоленску не предстоитъ еще ни малѣйшей опасности, и невѣроятно, чтобы оный ею угрожаемъ былъ». Онъ обѣщалъ защищать Смоленскъ «до послѣдняго воина» и изгнать изъ Россіи враговъ отечества. «Вы видите изъ сего,—писалъ онъ,—что вы имѣете совершенное право успокоить жителей».

Такія же увѣренія въ полной безопасности получали отъ него смоленскіе дворяне, въ отвѣтъ на ихъ неоднократныя просьбы не скрывать истиннаго положенія дѣлъ.

Вывезти изъ Смоленска архивы такъ и не удалось. Виновникомъ этого Мурзакевичъ называетъ уѣзднаго предводителя дворянства Воеводскаго, который 24-го іюля донесъ Барклаю, что губернаторъ забралъ съ полей всѣхъ работниковъ и до 700 телѣгъ съ лошадьми «для выпровоженія всѣхъ архивовъ и чиновниковъ въ Москву и тѣмъ всѣхъ жителей привелъ въ робость, а непріятелю, еще вдали въ малыхъ отрядахъ появляющемуся, подаетъ отвагу». Главнокомандующій принялъ этотъ доносъ горячо: губернатору сдѣлалъ строгій выговоръ и приказалъ ничего съ мѣста не вывозить, а подводы взять для военныхъ надобностей. Въ полчаса чрезъ полицію у всѣхъ чиновниковъ билеты были отобраны, и никого изъ жителей съ имуществомъ на заставахъ не пропускали до самаго 4-го августа [3]).

22-го іюля обѣ русскія арміи соединились, наконецъ, подъ Смоленскомъ.

Въ самомъ Смоленскѣ началось необычайное движеніе. Черезъ го-

---

[1]) Рукопись Ивана Ник. Мурзакевича.
[2]) Никитинъ. „Исторія Смоленска", 275 стр.
[3]) Письмо Мурзакевича Е. К. Криштафовичу „Брош. 1877 г.", стр. 57.

родъ постоянно проходили войска всѣхъ родовъ оружія. «Такого разнообразія мундировъ и такого числа войскъ жители никогда еще не видали», пишетъ очевидецъ [1]). «Самихъ горожанъ какъ бы не было. Въ каждомъ домѣ находилось по нѣсколько офицеровъ на постоѣ, да по двѣ по три команды хлѣбопековъ. Весь городъ превратился въ военный лагерь. Постоянные разъѣзды казаковъ, драгуновъ, улановъ и друг. тревожили жителей. Съѣстные продукты вздорожали вдвое, и приходилось подумывать объ экономіи въ припасахъ. 28-го іюля, въ день Одигитріи Божіей Матери, священникъ Мурзакевичъ уже не устраивалъ обычнаго по случаю храмоваго праздника обѣда. Въ это время онъ почувствовалъ всю тягость и безнадежность своего личнаго положенія: семеро дѣтей, старушка-мать, тетка, сиротка Софья, взятая на воспитаніе— такое большое семейство, при недостаткѣ средствъ, невольно заставляло его задумываться. Ужасъ грабежа и разоренія живо представлялся его воображенію. Своякъ его, полковой священникъ Левицкій, взялся довезти до Вязьмы его старшую дочь и сына, остальные всѣ остались на его попеченіи.

Всенародный молебенъ 28-го іюля по случаю извѣстія о побѣдѣ Платова при Руднѣ и крестный ходъ вокругъ стѣны, совершенный архіереемъ съ Чудотворною иконою Одигитріи, поднялъ на время упавшій духъ смолянъ, но вскорѣ видъ французскихъ плѣнныхъ и русскихъ раненыхъ, провезенныхъ чрезъ городъ 1-го августа, напомнилъ имъ объ опасности.

1-го августа городъ уже замѣтно опустѣлъ, хотя богослуженіе по церквамъ шло своимъ чередомъ.

2-го августа стало слышно, что Красный, находящійся въ 40 верстахъ отъ Смоленска, уже занятъ французами. Бѣгство жителей изъ города усилилось.

3-го августа передъ всенощной въ городѣ уже знали, что французы стоятъ въ десяти верстахъ отъ Смоленска. Вечеромъ, по приказанію князя Багратіона, стали вывозить казну и дѣловыя бумаги къ Юхнову и Вязьмѣ. Въ это время самъ Наполеонъ остановился уже на ночлегъ въ семи верстахъ отъ Смоленска на архіерейской дачѣ «Новый дворъ».

До 3-го числа начальство такъ или иначе удерживало бѣгущихъ гражданъ; теперь оно само уже спѣшило вонъ изъ города. Въ ночь на 4-е августа, передъ разсвѣтомъ, уѣхалъ къ Дорогобужу губернаторъ Ашъ со всѣми чиновниками подвѣдомственныхъ ему присутственныхъ мѣстъ, а за нимъ выѣхалъ къ селу Цурикову и архіерей также со всѣми подчиненными. Послѣдніе «только и имѣли, на чемъ выѣхать», изъ имущества они ничего не взяли съ собою, такъ какъ, согласно «увѣ-

---

[1]) Рукопись Ивана Никиф. Мурзакевича.

щаніямъ» и увѣреніямъ своихъ властей, совершенно не готовились къ бѣгству. Архіерей велѣлъ ключарю Василію Соколову [1]) везти вслѣдъ за нимъ и соборную икону Одигитріи. Спрятавъ въ стѣнѣ собора всѣ драгоцѣнности соборныя (золотые и серебряные сосуды), ключарь вынесъ изъ храма св. икону и, въ сопровожденіи множества народа, бѣжавшаго изъ Смоленска, несъ ее при заревѣ отдаленныхъ пожаровъ до села Цурикова (за 30 верстъ отъ города) [2]).

Даже Смоленскій гарнизонъ, съ комендантомъ Росси, вышелъ въ эту ночь изъ города. Примѣру властей спѣшили послѣдовать и горожане, преимущественно состоятельныя лица, «люди съ именемъ», имѣвшіе собственныхъ лошадей и экипажи. Отъ нихъ не отставала и служилая интеллигенція, т. е. чиновники. Семинарское начальство и учителя также разъѣхались въ разныя стороны, не принявъ никакихъ мѣръ къ сохраненію казеннаго имущества. Семинарская богатая библіотека осталась выброшенною на дворѣ. Духовенство и монашествующія лица скрылись, куда попало (по большей части, уѣхали въ сосѣднія губерніи).

Отецъ Никифоръ, имѣя на рукахъ большое семейство, не зналъ, что ему дѣлать—бѣжать или оставаться въ городѣ, подвергая себя всѣмъ возможнымъ ужасамъ непріятельскаго нашествія. На всякій случай онъ купилъ себѣ лошадь, но когда началось въ городѣ смятеніе и поголовное бѣгство жителей, ее ночью увели со двора. Пришлось поневолѣ остаться въ Смоленскѣ. Изъ всѣхъ приходскихъ священниковъ, кромѣ него, остался въ городѣ, неизвѣстно почему, одинъ лишь спасскій священникъ о. Яковъ Соколовъ.

Во все время сраженія о. Никифоръ принималъ участіе въ текущихъ событіяхъ.

Еще утромъ 4-го августа, въ виду множества раненыхъ на Королевскомъ бастіонѣ, Паскевичъ потребовалъ туда священника. Посланный нашелъ въ Одигитріевской церкви о. Никифора, служившаго молебенъ.

Поручивъ сыну своему Костѣ носить за ними св. воду, а самъ взявъ Св. Дары и повѣсивъ на грудь икону Богоматери, о. Никифоръ отправился немедленно на бастіонъ и здѣсь исполнялъ свой пастырскій долгъ, окропляя св. водою воиновъ, исповѣдуя и пріобщая раненыхъ и умирающихъ. На его глазахъ здѣсь было убито два солдата и раненъ

---

[1]) По неспособности къ наукамъ онъ отданъ былъ преосвященнымъ Парѳеніемъ въ часовое мастерство. Сдѣлавшись потомъ соборнымъ ключаремъ, устроилъ соборные часы. Погребенъ возлѣ собора, за алтаремъ.

[2]) Отсюда икона была отправлена чрезъ Болдино, Вязьму, Гжатскъ, Колоцкій монастырь, Можайскъ, Рузу, Воскресенскъ, Новый Іерусалимъ и Москву—въ Ярославль. Обратно—чрезъ Тверскую губернію и городъ Бѣлый. Въ Смоленскъ прибыла 24-го декабря въ вечеру, а въ соборѣ поставлена 25-го декабря до обѣдни.

ядромъ въ ногу артиллерійскій капитанъ, а онъ остался цѣлъ и невредимъ. Онъ обошелъ всѣхъ засѣвшихъ въ крѣпостномъ рву солдатъ, ободряя ихъ и утѣшая. Генералъ Паскевичъ на бастіонѣ горячо благодарилъ о. Никифора и занесъ его имя въ свою записную книжку.

Настаіъ второй день боя подъ Смоленскомъ, и самый тяжелый день — 5-го августа.

Отслуживъ литургію, пишетъ о. Никифоръ, въ дневникѣ, «я пошелъ къ Королевской крѣпости, исповѣдывать и пріобщать раненыхъ. Пройдя Молоховскія ворота и Шеиновъ проломъ (по прикрытому пути), я дошелъ до Никольскихъ воротъ, что исполнилъ до третьяго часу [1]). Придя домой, нашелъ домашнихъ въ смертномъ страхѣ, ибо съ восточной и южной стороны неслись пули, ядра и бомбы. Въ домѣ нашелъ крышу, пробитую въ двухъ мѣстахъ, а одно ядро въ крыльцѣ, которымъ пробито двѣ стѣны, а двѣ оцарапало и рикошетомъ чуть не убило родную тетку Екатерину, которая только-что сидѣла тамъ, гдѣ прошло ядро [2]).

«Опасаясь быть въ домѣ съ дѣтьми, пошли въ церковь, гдѣ нашелъ прихожанъ; имъ для безопасности совѣтовалъ стоять, близъ стѣнъ, а самъ предъ образомъ Спасителя сталъ править «молебное пѣніе». Едва кончилъ, какъ влетѣла въ церковное окно бомба и лопнула; черепьями побила стекла и стѣны, а духомъ поломало крилосы, меня же сильно толкнуло въ алтарь, между тѣмъ стоявшаго со мной рядомъ лѣкарскаго ученика (подошедшаго исповѣдываться) ушибло доскою отъ крилоса».

Сынъ о. Никифора разсказываетъ, что въ этотъ моментъ всѣ пали на землю, а они, дѣти, громко заплакали, будучи увѣрены, что отецъ ихъ убитъ. Когда же дымъ немного разсѣялся, они увидѣли отца, стоявшаго въ алтарѣ въ облакахъ дыма, но цѣлаго и невредимаго. Со слезами стали они просить отца уходить изъ города, говоря, что больше ни минуты не останутся въ немъ, посреди такихъ ужасовъ.

«Послѣ сего, разсказываетъ о. Никифоръ, распрощавшись съ прихожанами, взявъ дѣтей, хотѣлъ выдти изъ города, но, удерживаемый престарѣлой матерью и совѣтомъ прихожанъ, недоумѣвалъ». Слезы дѣтей наконецъ осилили сыновнее чувство о. Никифора къ матери, и онъ рѣшился идти. Забравъ съ собой кое-что изъ одежды и навьючивъ узлами дворовую женщину свою, семья о. Никифора, стараясь прикрывать головы узлами, вышла изъ дому по направленію къ Днѣпру.

---

[1]) Впослѣдствіи поляки, наступавшіе 5-го августа на Никольскія ворота, разсказывали, что они видѣли передъ стѣнами священника, проходившаго по рядамъ русскихъ солдатъ.

[2]) Столбъ съ засѣвшимъ въ немъ ядромъ не особенно давно былъ убранъ при ремонтѣ дома настоящею его обитательницею А. И. Жуковою.

Проходя мимо собора, рѣшили зайти туда, чтобы помолиться въ послѣдній, быть можетъ, разъ въ жизни.

Съ общаго совѣта и послѣ слезныхъ просьбъ дряхлой матери, въ виду недостатка денегъ и неимѣнія подводы для бѣгства, рѣшено было остаться въ соборѣ, гдѣ, на обширныхъ хорахъ, свободно можно было нѣкоторое время укрываться отъ непріятелей. Изъ высокихъ круглыхъ оконъ соборныхъ смотрѣли дѣти о. Никифора на городъ: онъ виденъ былъ весь какъ на ладони и, словно вѣтромъ, былъ весь объятъ пламенемъ.

«Оставя мать и дѣтей въ соборѣ, о. Никифоръ поспѣшилъ въ свою церковь, гдѣ, собравъ церковныя вещи и снявъ оклады съ мѣстныхъ иконъ, спряталъ подъ церковною крышею. Отсюда вернулся онъ въ соборъ, но съ большою опасностью: не было шага, чтобы мимо не пролетѣла пуля, или не стукнуло въ стѣну ядро.

«Въ это время происходилъ второй штурмъ города. Ядрами поражало бѣгущихъ жителей, многіе изъ которыхъ спѣшили укрываться въ своихъ храмахъ [1]). Въ 9 часовъ канонада сразу смолкла на всѣхъ пунктахъ. Послѣ адскаго грохота пушекъ, въ теченіе цѣлаго дня наступила зловѣщая тишина, ужасъ которой только усиливался трескомъ горящихъ зданій и заревомъ пожаровъ. Пламя пожара, при тихой ночи, поднималось къ небу высокимъ столбомъ, надъ которымъ клубились огромныя тучи дыма. Горѣлъ также весь городъ, не исключая и заднѣпровья.

«Зрѣлище пожара было настолько зловѣще, что жители сравнивали его съ свѣтопреставленіемъ и спѣшили уходить изъ города, чтобы не погибнуть въ бушевавшемъ пламени.

Въ полночь подъ 6-е августа Дохтуровъ получилъ приказаніе оставить городъ. За два часа до разсвѣта войска тихо вышли и увезли съ собою чрезъ объятыя пламенемъ улицы свою артиллерію. Посты, находившіеся внѣ Смоленска, отступили въ тишинѣ. 1-я артиллерійская батарейная рота капитана Глухова, уходя, взяла съ собою изъ Воротной церкви Чудотворный образъ Одигитріи, присланный въ 1602 г. въ Смоленскъ Борисомъ Годуновымъ къ освященію устроенной имъ городской стѣны. Раненые по возможности были вывезены. Входы въ городъ заграждены.

6-го августа, въ день Спасо-Преображенія, чуть свѣтъ въ соборъ

---

[1]) Нѣкоторые авторы разсказовъ о 1812 годѣ говорятъ, будто во время канонады вечеромъ 5-го августа, во всѣхъ церквахъ шла всенощная наканунѣ Спасова дня. Это извѣстіе едва-ли достовѣрно: все духовенство убѣжало уже изъ города, а въ соборѣ, гдѣ оставалось 3 священника, службы не было, какъ видно изъ дневника Мурзакевича.

прискакалъ казакъ и объявилъ: «кто хочетъ уходить, бѣжалъ бы! Мостъ зажигаютъ»!

Началось страшное смятеніе: жители бросились уходить изъ города, наскоро забирая свои пожитки. Отчаяніе овладѣло всѣми: теперь всѣмъ стало ясно, что раньше власти скрывали отъ народа и о чемъ боялись раньше и подумать, а именно, что городъ будетъ отданъ непріятелю безъ сопротивленія. Въ страхѣ толпились горожане у моста, единственнаго пути къ выходу, а солдаты при этомъ торопили ихъ, угрожая зажечь мостъ. Многіе бросали взятые съ собой запасы, матери искали своихъ затерявшихся дѣтей, дѣти родителей; крики и плачъ наполняли воздухъ. Нѣсколько полковъ нашихъ стояли въ Заднѣпровьи противъ моста и при бродахъ. Въ такомъ положеніи ожидали разсвѣта. А мимо полковъ тянулись повсюду несчастные жители, спасаясь, не зная сами куда, не зная, что будетъ съ ними далѣе.

Едва занялась заря, какъ передовые отряды французовъ, осторожно оглядываясь среди зловѣщаго безлюдья и затишья, стали входить въ Молоховскія и Никольскія ворота.

Въ 8 ч. утра въѣхалъ въ городъ чрезъ Никольскія ворота и самъ Наполеонъ. Онъ оставался временно на Спасской улицѣ, въ домѣ сенатора Каховскаго, послѣ проданномъ Меклашевскимъ для классовъ Смоленской семинаріи [1]).

Отдохнувъ здѣсь (памятникомъ его пребыванія осталась тарелка съ буквою N, хранящаяся въ Смоленскомъ музеѣ), Наполеонъ, по словамъ о. Якова Соколова, осматривалъ нѣкоторыя части города, начиная отъ Спасской церкви и до Богоматерской. Послѣдняя была только-что отремонтирована и расширена, но еще не освящена. Наполеонъ велѣлъ втащить на ея балконъ двѣ пушки и наводилъ ихъ самъ по нашей заднѣпровской батареѣ, мѣтко поражавшей французовъ, занятыхъ наводкой моста [2]). Потомъ, выйдя изъ церкви, велѣлъ поставить 4 орудія на соборномъ земляномъ валу для обстрѣливанія отступавшихъ русскихъ. Въ полдень Наполеонъ переѣхалъ въ домъ гражданскаго губернатора на Блоньи.

Его гвардія расположилась на Блоньи подъ березовыми аллеями; архивныя бумаги служили солдатамъ постелью, а не вывезенныя въ суматохѣ губернскія и уѣздныя карты—занавѣсками отъ знойнаго солнца.

Зять Наполеона, неаполитанскій король, Іоахимъ Мюратъ, остано-

---

[1]) Дневникъ Васильева. Здѣсь потомъ помѣщалось мужское духовное училище, а теперь квартира ректора семинаріи.

[2]) „У бань Тишевскаго", нынѣ Чумакова. Остатки этого моста, въ видѣ торчащихъ изъ воды свай, уцѣлѣли и до сихъ поръ.

вился въ недавно отстроенныхъ каменныхъ въ два этажа архіерейскихъ покояхъ. Онъ первый посѣтилъ соборъ со своею свитою. Его слуги, отбивъ двери Предтеченской церкви (на архіерейскомъ дворѣ), стали грабить архіерейскую ризницу. Это было около полудня. Блюститель архіерейскаго дома, заштатный бизюковскій архимандритъ Іосифъ, въ страхѣ прибѣжалъ въ соборъ и просилъ обитателей его придти къ нему на помощь. Но никто не рѣшался идти на вѣрную смерть. Тогда о. Никифоръ Мурзакевичъ со своими двумя малолѣтними дѣтьми вызвался идти, чтобы попробовать спасти хоть часть церковнаго имущества. За нимъ послѣдовали двое консисторскихъ писцовъ—Воронковъ и Залѣсскій. Прибѣжавъ въ ризницу, они увидѣли тамъ непріятелей въ малиновыхъ мундирахъ съ бархатными обшлагами и воротниками, которые были обложены золотымъ галуномъ. Они перочинными ножами спарывали съ саккосовъ золотые галуны и съ нападальниковъ у омофоровъ малиновый бархатъ и жемчугъ. Другіе рылись въ комодахъ [1]). По полу были разбросаны ободранныя архіерейскія ризы и мѣдныя деньги. Прибѣжавшіе попробовали было отнимать у нихъ вещи, но они указывали имъ на свои ножички и затѣмъ на шею, давая понять, къ чему поведетъ непрошенное вмѣшательство въ ихъ занятіе. Мурзакевичъ бросился къ архіерейскимъ покоямъ, пробился во внутреннія комнаты, но, не заставъ здѣсь Мюрата, обратился по-латыни чрезъ переводчика къ князю Понятовскому, прося его прекратить грабежъ и дозволить забрать священныя вещи и скрыть ихъ. Понятовскій послалъ съ Мурзакевичемъ своего чиновника, познанскаго плацъ-коменданта Александра Аксиментовскаго, который, «учтивымъ» образомъ поговоря съ французами, выслалъ ихъ изъ ризницы и Предтеченской церкви. Отецъ Никифоръ съ своими спутниками стали собирать разбросанныя вещи и деньги и переносить ихъ въ соборъ. Такимъ образомъ они перенесли св. муро, антиминсы, шишакъ и туфли св. мученика Меркурія, 21 пару архіерейскихъ облаченій, утварь Предтеченской и Апостольской церквей и вещи, приготовленныя къ освященію Надворотной Богоматерской церкви, и много другихъ ризничныхъ сокровищъ и архіерейскую библіотеку. Денегъ было перенесено 73 мѣшка мѣдными пятаками. Все это спрятано было въ кладовую Успенскаго собора.

Затѣмъ Мурзакевичъ снова вернулся въ архіерейскій домъ и, найдя Мюрата, просилъ его не трогать собора и церквей и дать къ собору «военную залогу» отъ мародеровъ. «Благодареніе Богу—успѣлъ: караулъ приставили» [2]).

---

[1]) „Изслѣдованіе о чудотв. иконѣ Одигитріи", рукопись епархіальной библіотеки (изъ собранія рукоп. П. А. Васильева).

[2]) Въ своемъ дневникѣ Мурзакевичъ приписываетъ это распоряженіе Мюрату, а въ „Описаніи иконы Б. М. Одигитріи"—вице-королю итальян-

Многіе жители, узнавъ объ этомъ, переселились въ соборъ со своимъ имуществомъ и тѣснились въ немъ около двухъ недѣль, пока не полученъ былъ приказъ французскаго правительства—расходиться по своимъ домамъ.

Въ тотъ же день, 6-го августа, Мурзакевичъ, узнавъ о томъ, что французы захватили до 50 человѣкъ русскихъ, убѣжавшихъ изъ города, и заперли ихъ въ Одигитріевской церкви, отправился къ французскимъ властямъ и отпросилъ нѣкоторыхъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ вознесенскаго протопопа о. Поликарпа Звѣрева, стараго солдата Иванова и мѣщанина Ивана Олецкаго.

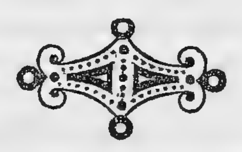
Обитатели собора, какъ въ первый день, такъ и въ слѣдующіе, питались ржанымъ черствымъ хлѣбомъ, яблоками, сливами и грушами, на которыя въ тотъ годъ былъ особенный урожай.

Приставленный 6-го августа къ собору караулъ стоялъ сначала на крыльцѣ у входа; но на другой день солдаты размѣстились въ срединѣ собора, на широкомъ ступенчатомъ архіерейскомъ амвонѣ. Тутъ они спали и играли въ шашки, а пищу варили на чугунномъ полу у западныхъ дверей.

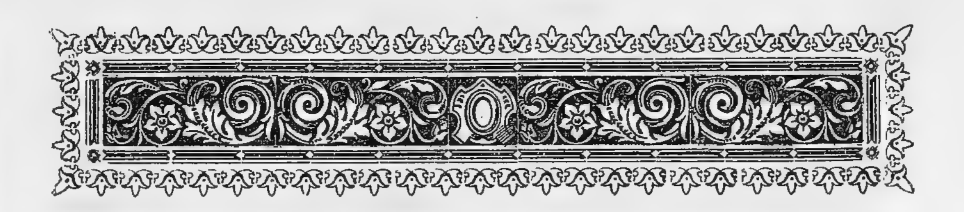
Нѣкоторые французскіе солдаты, взобравшись на соборную колокольню и удивляясь величинѣ колоколовъ, потѣшались звономъ въ нихъ, хотя этотъ звонъ выходилъ очень безобразный, вродѣ набатнаго.

И. И. Орловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

скому Евгенію Богарнэ; историкъ же Наполеона—Сегюръ—самому Наполеону. Вполнѣ возможно, что Мурзакевичъ, не знавшій въ лицо никого изъ нихъ, говорилъ съ самимъ Наполеономъ, но вѣроятнѣе, что Сегюръ намѣренно приписалъ эту бесѣду съ о. Никифоромъ Наполеону, желая показать его великодушіе и доброту.

Записки Э. И. Стогова.

V [1]).

По пути изъ Охотска въ Кронштадтъ.—Бытъ якутовъ, тунгусовъ и чукчей.—Г. Якутскъ. — Поѣздка въ Кяхту.—Китайскій обѣдъ. — Троицкосавскъ.—Іоакинфъ Бичуринъ.—Г. Иркутскъ.—Положеніе солдатъ и каторжныхъ.

Въ Охотскѣ предстояла надобность послать корабль въ Ситху, а это до 6.000 миль сквернаго плаванія. Я такъ полюбилъ тихій и маленькій Тигиль, что мнѣ грустно было и подумать не прозимовать еще хотя разъ въ Тигилѣ. Съ трудомъ отказался я отъ непріятной экспедиціи и ушелъ въ Тигиль. Кажется, весь городъ выѣхалъ на устье встрѣчать меня; радость всѣхъ жителей была не притворная. На устьѣ я сдѣлалъ для всѣхъ балъ, т. е. выпили полфунта чаю и полведра водки, съѣли много пряниковъ и орѣховъ. Въ Тигилѣ повторилась прошлогодняя жизнь: каждый день отмѣчался совершенно безмятежнымъ спокойствіемъ, тихими удовольствіями и ни малѣйшей непріятностью. Зимой явились коряки, уже старые друзья. Осень была бурная, капитанъ-лейтенантъ Захаровъ потерпѣлъ кораблекрушеніе въ устьѣ рѣки Большой. Весною я получилъ предписаніе: идти въ Большерѣцкъ, забрать спасенный грузъ и команду, грузъ отвезти въ Петропавловскую гавань, а команду въ Охотскъ. Предчувствіе не обмануло меня, я весною прощался съ Тигилемъ навсегда. Забравъ все съ разбившагося корабля, отправился въ гавань; туманъ меня преслѣдовалъ. Въ гавани сдалъ грузъ и отправился въ Охотскъ. Тамъ строился новый корабль «Камчатка», на который я и былъ назначенъ командиромъ. Весною я

[1]) См. „Русскую Старину", мартъ 1903 г.

получилъ приказаніе возвратиться въ Кронштадтъ, на мое мѣсто пріѣхалъ Бутаковъ. Отправляясь изъ Питера, Бутаковъ былъ у бывшаго начальника Камчатки—Станицкаго и просилъ его дать ему наставленіе, какъ жить и быть въ томъ краю?

— Почтеннѣйшій,—сказалъ ему Станицкій,—въ Европѣ считается первымъ политикомъ Каподистрія. Если онъ первый, то конечно второй политикъ Эразмъ Ив. Стоговъ, совѣтую вамъ дѣлать все то и такъ же, какъ онъ.

На основаніи словъ Станицкаго, Бутаковъ и обратился ко мнѣ съ просьбою поучить его, какъ жить и быть. Прощаясь съ краемъ, я не имѣлъ въ памяти ни одного горькаго о немъ воспоминанія. Помню, переѣзжая въ лодкѣ черезъ рѣку, мое воображеніе нарисовало мнѣ счастливое и тихое прошедшее и картину будущаго, полнаго обмана, коварства, лицемѣрія, лжи, зависти и проч. Будущее представлялось мнѣ какой-то бурей, взамѣнъ свѣтлаго прошедшаго, и я расплакался истерически.

Изъ Охотска я поѣхалъ на обратныхъ лошадяхъ, которыя привозили разныя тяжести; я заплатилъ за нанятыхъ мною лошадей по 5 р. ассигнац. за 1.000 слишкомъ верстъ. Пространство до Якутска проѣзжается въ 25 дней. Удивительные люди, эти погонщики-якуты! У нихъ нѣтъ ни одной народной пѣсни, но якутъ ѣдетъ и цѣлый день поетъ; я любопытствовалъ знать, что же онъ поетъ? Якутъ видитъ хорошее дерево и импровизуетъ: «вотъ ты дерево красиво, но ты стоишь здѣсь безъ всякой радости, еслибъ ты росло около моей юрты, я бы въ хорошій день привелъ мою милую, мы сѣли бы подъ твою тѣнь и миловались и цѣловались, и ты поняло бы свою пользу, а то растешь въ пустынѣ, ни себѣ, ни другимъ не приносишь пользы, прощай, дерево, я о тебѣ болѣе не вспомню». Якутъ проѣхалъ дерево и пѣснѣ конецъ; хорошая лужайка, ручеекъ, озерко и проч., все, что видитъ якутъ, для всякаго предмета импровизуетъ пѣсню. Для всѣхъ пѣсенъ—одинъ мотивъ.

Якуты—народъ полудикій, но добрый, кроткій, услужливый; живутъ они своими стадами лошадей и коровъ, кумысъ—ихъ пища и лакомство. Якутъ не прочь украсть лошадку или корову, но рѣдко бываетъ, чтобы хозяинъ не нашелъ вора по слѣду, даже по городскимъ улицамъ; якутъ не потеряетъ слѣда украденной скотины—искусство, едва вѣроятное. Якутъ болѣзней, кажется, никакихъ не знаетъ: худѣетъ отъ недостатка пищи, почернѣетъ, сморщится, согнется, но, дождавшись весны, а съ ней кумыса, тотъ же якутъ дѣлается толстъ, морщины пропадаютъ, выпрямляется — узнать нельзя. Якуты очень долговѣчны. Хотя они считаются христіанами, но настоящая вѣра ихъ—шаманство и идолопоклонство. Якутскій шаманъ—есть колдунъ и лѣкарь. Много ѣсть—составляетъ славу якута, и такіе ѣдоки называются: батырь (богатырь).

Никакой праздникъ не обходится безъ батыря, и въ этомъ отношеніи есть индивидуумы удивительные. На одной свадьбѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ призванный батырь съѣлъ: цѣлаго жаренаго дикаго гуся, хорошую часть телятины, курицу и послѣ того, снявъ верхнее платье, сѣлъ передъ каминомъ и ковшемъ пилъ топленое масло. Онъ выпилъ полтора пуда и только потому, что болѣе не было, во время ѣды и питья онъ разсказывалъ объ удивительныхъ подвигахъ батырей—его отцѣ, дѣдѣ, о своихъ подвигахъ обжорства. Я смотрѣлъ и удивлялся.

Я заговорилъ объ якутахъ, не пріѣхавши еще въ Якутскъ, но такъ пришлось. Дорога между Охотскомъ и Якутскомъ—это гористая пустыня, достояніе кочующаго тунгуса. Но что такое тунгусъ? Перваго тунгуса я увидѣлъ на рѣкѣ Ленѣ, въ Олекмѣ, на постояломъ дворѣ. Это былъ маленькаго роста человѣкъ, съ широкой костью, съ кривыми ногами, лицо широкое, носъ едва замѣтенъ, глаза черные, тонко чуть-чуть прорѣзанные, волоса черные, длинные и жесткіе. Это былъ совершенно дикій человѣкъ, чистой монгольской породы. Говорилъ онъ съ трудомъ, пискливымъ голосомъ, похожимъ на крикъ птицы. Онъ пришелъ въ гости и принесъ шкуры бѣлокъ, соболей, лисицъ. Разумѣется, онъ напьется и все отдастъ русскому задаромъ, получитъ въ долгъ порохъ и свинецъ и отправится въ лѣсъ, куда глаза глядятъ. Одежда его состоитъ изъ шкуръ, почти не выдѣланныхъ. Тунгуса называли старикомъ, но у него не было ни сѣдыхъ волосъ, ни усовъ, ни бороды. Меня сильно заинтересовалъ этотъ первый экземпляръ, и я старался приласкать его.

— Есть ли у тебя жена?—спросилъ я.

— Нѣтъ и не было.

— Отчего?

— Я бѣденъ; на что мнѣ жена, жена нужна богатому.

— Гдѣ ты живешь?

— Гуляю.

— Гдѣ гуляешь?

— Не знаю; вездѣ: въ лѣсахъ и на тундрахъ.

— Въ какой сторонѣ?

— Не знаю; сегодня здѣсь, а лѣтомъ въ Колымѣ или на Амурѣ.

— Видаешься ты съ другими тунгусами?

— Какъ же, видаюсь; я иду и тунгусъ идетъ; я его вижу, и онъ меня видитъ, я пойду своею дорогой, онъ своей.

— О чемъ же вы говорите?

— О чемъ говорить тунгусу, мнѣ и ему нечего говорить.

— Не бываетъ ли тебѣ скучно?

— Зачѣмъ скучно, тунгусъ сытъ—не скучно, тунгусъ голоденъ—надобно добыть пищу,—не скучно, гуляю.

Тунгусъ сидитъ всегда на полу, сложивъ ноги на крестъ; наступитъ ночь, онъ, какъ сидитъ, такъ и склонится на бокъ и спитъ, скорчась.

— Тебѣ не страшно въ лѣсу одному?—спросилъ я.

— Чего страшно, лѣсъ большой; медвѣдю не страшно и мнѣ не страшно.

— Случалось тебѣ встрѣчаться съ медвѣдемъ?

— Какъ же, случалось. Да вотъ шелъ я сюда, кушать было нечего, оставалась только бѣлка, да послѣдняя пуля въ винтовкѣ, а еще было далеко. Я развелъ огонь и сталъ жарить бѣлку, слышу, лаетъ моя собачка на звѣря, посмотрѣлъ, а ко мнѣ идетъ на заднихъ лапахъ пребольшущій медвѣдь, злой, съ пѣной у рта. Я легъ за колоду, нацѣлилъ ружье и выждалъ; когда онъ подошелъ ко мнѣ близко, я выстрѣлилъ, медвѣдь упалъ, собачка обнюхала и начала теребить его; я посмотрѣлъ, медвѣдь глядитъ во всѣ глаза, значитъ, умеръ. А ты помни,—прибавилъ онъ наставительно,—когда будешь стрѣлять, то если медвѣдь упадетъ и закроетъ глаза, то онъ притворяется,—не подходи.

— Скажи мнѣ, чтò ты думалъ, когда цѣлилъ въ медвѣдя? вѣдь у тебя былъ послѣдній зарядъ, думалъ ты чтò или нѣтъ?

— Тунгусъ всегда думаетъ, и я думалъ: я тебя убью, то я тебя съѣмъ, а не убью, то ты меня съѣшь,—какъ не думать,—думалъ.

— Ты откуда пришелъ?

— Гулялъ. Какъ убилъ медвѣдя, то мѣсяцъ ѣлъ его и пришелъ сюда.

— Гдѣ ты гулялъ?

— Зимой былъ въ Колымѣ, лѣтомъ былъ недалеко отъ Гижиги.

— Какъ ты знаешь дорогу?

— Дорога вездѣ; тунгусъ все знаетъ.

— А гдѣ тебѣ лучше?

— Вездѣ хорошо; лучше, гдѣ больше звѣря.

— Тебѣ хотѣлось жениться?

— Зачѣмъ жениться, я сирота, бѣдный; дѣвка дорого стоитъ, колыма нѣтъ, одному лучше.

— Случалось тебѣ голодать?

— Какъ же, случалось, восемь дней не ѣлъ ничего; весна худо, иду къ морю, тамъ много корму.

— Ты крещеный?

— Какъ же, 10-ть лѣтъ, какъ крестился.

— Бываешь въ церкви?

— Одинъ разъ былъ, какъ крестился; попъ далъ рубашку и пять фунтовъ табаку, церковь далеко, ходить нѣтъ времени.

Весь этотъ разговоръ шелъ съ помощію хозяина, тунгусъ худо понималъ, но еще труднѣе выражался. Это былъ первый видѣнный

мною типъ; послѣ, въ Охотскѣ, я много имѣлъ знакомыхъ тунгусовъ— всѣ на одинъ ладъ.

Въ концѣ марта въ Охотскѣ тунгусы поставили 4—5 своихъ юртъ на берегу моря. Катерина Карловна (супруга Ушинскаго), я, Ленже и кто-то еще въ хорошій день пошли пѣшкомъ къ нимъ въ гости. Подошли къ первой юртѣ, она была крайне бѣдна, прикрыта сшитой березовой корой. Тунгусы живутъ по одиночкѣ и юрты очень малы; въ юртѣ никого не было, имущества почти никакого. Вторая юрта—тоже пуста, но мы увидѣли на тропинкѣ что-то движущееся, черное. Мы пошли навстрѣчу и что же увидѣли? Ребнокъ, какъ мать родила, одинъ ползетъ по снѣгу, при морозѣ градусовъ 18-ть. Мы къ нему, онъ остановился, скалитъ зубенки и ворчитъ сердито, какъ собака. Мы отошли, а онъ торопливо поползъ. Пришли за мальчишкой въ юрту, тамъ была старуха, она голаго ребенка зарыла въ теплую золу, дала ему кусокъ жира; онъ съ удовольствіемъ сосалъ и жиръ мѣшался съ золою. Старуха сказала, что всѣ мужчины на охотѣ за тюленями на льду, а женщины пошли въ городъ къ знакомымъ. Тунгусъ двухъ дней не проживетъ на одномъ мѣстѣ; каждый день, хотя на сажень, но переставитъ свою юрту. Проклиная своего сына, тунгусъ говоритъ: «чтобы ты жилъ три дня на одномъ мѣстѣ, какъ гніютъ русскіе».

Тунгусъ шаманъ и идолопоклонникъ, но впрочемъ, считаются всѣ христіанами. Есть тунгусы оленные и пѣшіе. Нѣтъ сомнѣнія, прежде всѣ тунгусы были съ оленями, но разныя неудачи лишили ихъ оленей, и образовались тунгусы пѣшіе. Тунгусы не живутъ родами, какъ коряки, жизнь по одиночкѣ содѣйствовала обѣднѣнію многихъ тунгусовъ. Мнѣ не случилось видѣть двухъ семействъ вмѣстѣ, всегда: мужъ, жена, одинъ и рѣдко два ребенка. Наступаетъ утро, мужъ говоритъ женѣ, чтобы она кочевала вонъ въ ту сторону.

— Вонъ та сопка, вершина которой видна, должна остаться у тебя налѣво; дойдешь къ вечеру до рѣчки, и поставь юрту, а я тебя найду.

Мужъ становится на лыжи, ружье за спину и пошелъ въ противную сторону. Жена собираетъ свою бѣдную юрту на небольшія салазки, сама надѣваетъ лучшее свое платье и уборы, сажаетъ за спину ребенка, становится тоже на лыжи, и при помощи лямки тянетъ за собою салазки. Если есть собачка, то подпрягаетъ и ее, а если двѣ собачки, то ей легко. Снѣгъ глубокъ, морозъ жестокъ, иногда мятель, тунгуска никогда не была въ этой сторонѣ, но это для нея все равно: она идетъ по указанію. Она обходитъ сопку съ правой стороны, останавливается у рѣки, становитъ свою бѣдную юрту, разводитъ огонь и хорошо, если можетъ что поѣсть, а нѣтъ, терпѣливо ждетъ мужа. Приходитъ мужъ, и если охота была счастлива, жена готовитъ кушанье,

а несчастлива охота, не принесъ мужъ ничего, ложатся голодные съ надеждою на завтра. Завтра—то же, что сегодня, и такъ каждый день, цѣлую жизнь. Попробуй отнять эту грустную жизнь у тунгуса, дай ему довольство, онъ и жена умрутъ съ тоски.

Наступаетъ весна—худшее время для тунгусовъ, рѣки разливаются, таявшіе снѣга наполняютъ долины водою, тунгусъ заранѣе приближается къ берегу моря и превращается въ рыболова: промышляетъ тюленей, морскихъ утокъ.

Тунгусъ добръ, услужливъ; имѣетъ что, угоститъ радушно, но какъ азіатецъ вспыльчивъ и мстителенъ. Каждый тунгусъ умѣетъ все сдѣлать для себя и не нуждается въ чужой помощи. Когда счастлива охота, тунгусъ ѣстъ цѣлый день и спитъ, пока не съѣстъ всего, даже и потомъ онъ съ удовольствіемъ спитъ дней пять не ѣвши. Пять дней не ѣсть для тунгуса не голодъ, на шестой день онъ подумаетъ о пищѣ и поднимется на промыселъ. Добылъ медвѣдя или пару тюленей, онъ опять ѣстъ и спитъ, запасовъ никакихъ и никогда тунгусъ не имѣетъ.

Красота тунгузки состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно меньше былъ лобъ, глаза какъ щелочки, прорѣзанныя бритвой, чѣмъ меньше носъ, тѣмъ красивѣе; чѣмъ шире лицо, тѣмъ милѣе. Онѣ маленькаго роста, широкой кости, видна сила въ мускулахъ. Одѣваются тунгуски, какъ мужчины: тарбасы, мѣховые штаны, нагрудникъ, шитый бисеромъ, и сверхъ всего кожаный кафтанъ, не сходящійся на груди, поясъ малахай мѣховой.

Теперь скажу нѣсколько словъ о чукчахъ. Они одѣваются сколько можно эффектно, и все платье шьется такъ, чтобы оно представляло толстаго человѣка, широко, пышно. Свободныя минуты, какъ дома, такъ и въ дорогѣ, чукчи посвящаютъ точенію своихъ пальмъ, копій, стрѣлъ и всякую минуту готовы на войну. Чукчи не подходятъ къ русскимъ селеніямъ, они живутъ близъ Берингова пролива. Это воинственный, и храбрый народъ; у нихъ болѣе всего уважается сила, какъ у корякъ краснорѣчіе. Чукчи, одинъ разъ въ годъ, выходятъ на рѣку Анадыръ, верстахъ въ 300, 400 отъ Гижиги. Казаки и купцы изъ Гижиги выѣзжаютъ туда же, и тамъ происходитъ мѣновая торговля. Въ старые годы, довѣрчивые русскіе не принимали мѣръ осторожности, и чукчи не упустили случая напасть на нихъ. Съ тѣхъ поръ русскіе поставили тамъ избушку съ амбразурами и какія-то допотопныя ржавыя двѣ пушечки. Передъ вооруженнымъ станомъ русскіе кладутъ кучками свои товары и уходятъ. Чукчи не воры и чужаго не возьмутъ. Они приносятъ свой товаръ и, соображая цѣну, противъ русскаго товара кладутъ свой: куницъ, песцовъ, лисицъ, соболей и моржовую кость. Положитъ онъ свой товаръ и уйдетъ. Русскій подходитъ и если находитъ выгоднымъ мѣну, то беретъ товаръ, и тогда послѣ приходитъ чукча и беретъ

русскій товаръ. Если же русскій купецъ не доволенъ товаромъ чукчи, то его не трогаетъ, а чукча либо прибавляетъ своего товара, а если находитъ невыгоднымъ, то уноситъ свой товаръ, и тѣмъ дѣло кончается. Послѣ окончанія торга, начинается угощеніе съ обѣихъ сторонъ. Чукчи любятъ водку, но стыдятся быть пьяными. Они садятся кружкомъ, пьютъ водку и молчатъ,—присутствія разума не теряютъ. Чукчи устраиваютъ праздникъ со стрѣльбою въ цѣль, съ борьбою, бороться—страсть чукчей. Всегда находятся молодые казаки, молодцы-побѣдители. Чукчи не скрываютъ своего удивленія и почтенія къ побѣдителю и особенно его угощаютъ, дѣлаютъ ему подарки. На Анадыръ приходитъ половина чукчей торговать, другая половина ходитъ въ Колыму, и тамъ такая же ярмарка.

Но пора намъ въ Якутскъ.

Этотъ областной городъ имѣлъ тогда 5 т. жителей, одинъ каменный домъ, купца Колесова. Якутскъ на великолѣпной рѣкѣ Ленѣ, до 7 верстъ ширины. Въ немъ двѣ недѣли лѣтомъ не заходитъ солнце. Морозы бываютъ до 40 и 44°. Послѣдній морозъ сопровождается густѣйшимъ туманомъ, совершенною тишиною и если собрать духъ въ груди и разомъ дунуть въ воздухъ, то слышится легкій трескъ. Земля въ Якутскѣ не протаиваетъ болѣе полуаршина, и покойники тамъ всѣ нетлѣнны. Я ѣлъ пятилѣтнюю говядину, хранившуюся въ погребахъ. Въ 44° мороза я для опыта прошелъ двѣ версты въ холодной шинели, въ холодныхъ сапогахъ, холодной фуражкѣ и не чувствовалъ холода. Тишина. Сѣверныя сіянія—великолѣпнѣе быть не могутъ, какъ въ Якутскѣ, и описать это изумительное зрѣлище невозможно. Первое, что поражаетъ всякаго пріѣзжаго въ Якутскъ, это то, что на улицѣ, въ домахъ, на обѣдахъ, балахъ не услышишь русскаго слова, и всѣ русскіе говорятъ всегда языкомъ якутовъ. Это мода. Когда я приходилъ вечеромъ въ гости, мнѣ ставили московскаго варенья на 18 и даже на 22 тарелочкахъ. Посреди варенья становилась замороженная сырая стерлядь: ее ѣдятъ сырую, нарѣзанную тонкими ломтиками, съ солью и перцемъ. Это очень странно, но за то и очень вкусно. Сырую, мороженную стерлядь я предпочиталъ всѣмъ вареньямъ, это очень похоже на устрицы, но только несравненно вкуснѣе. Якутскъ отстоитъ отъ Иркутска, кажется, болѣе 3 т. верстъ, и сообщеніе только по рѣкѣ Ленѣ. Въ Якутскѣ, кажется, не ростетъ ни одной огородной овощи и конечно—никакого хлѣба,—послѣдній привозится мукою изъ Иркутска. Странный способъ транспорта по Ленѣ: дѣлаются изъ досокъ четыреугольные ящики, грузятся всякой всячиной и такъ пускаются съ вершины рѣки до Якутска. Ящикъ плыветъ около 3 т. верстъ, почти безъ всякаго управленія, развѣ оттолкнутъ отъ берега, когда прижметъ вѣтромъ, и все благополучно. Такова благодатная рѣка Лена; нѣтъ ни пороговъ, ни

каменьевъ—это Сибирская Мисиссипи. Другая странность: якуты еще не выдумали колесъ, и всѣ тяжести лѣтомъ перевозятъ на волахъ санями. Якутъ управляетъ волами, сидя на одномъ изъ нихъ. При мнѣ уже стали появляться у богатыхъ купцовъ дрожки, но этотъ экипажъ на лошадяхъ кажется очень опаснымъ дамамъ, и онѣ не рѣшались проѣхаться на лошади. Въ праздникъ купчиха въ шелкѣ и бриллiантахъ, съ украшенiями изъ золота и жемчуга, сидитъ весьма важно на дровняхъ, и якутъ, сидя на волѣ, везетъ богатую госпожу въ церковь. Въ Якутскѣ дома необыкновенно теплы, мороза въ 40° не чувствуешь. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ я замѣтилъ въ зимнихъ рамахъ вставлены двойныя стекла, такъ что зимою защищаютъ отъ наружнаго холода три стекла. Въ Якутскѣ много богатыхъ купцовъ, торгующихъ на большiя суммы. Живутъ вообще весело, и гостепрiимство въ нравахъ всѣхъ жителей; бываютъ частые обѣды, а еще чаще вечера съ танцами. Якуты — очень добродушный народъ, любятъ жить по одиночкѣ; юрты ихъ деревянныя, вмѣсто стеколъ пластина льду. Посреди юрты вѣчно горитъ чувалъ (каминъ). Богатство якутъ состоитъ въ табунахъ лошадей и коровъ. Кумысъ дѣлаютъ превосходно, и лучшаго я нигдѣ не пивалъ. Въ Якутскѣ я видѣлъ деревянную древнюю крѣпость съ архивомъ рапортовъ, писанныхъ на берестѣ. Дождавшись зимняго пути, я поѣхалъ вверхъ по Ленѣ въ Иркутскъ.

Иркутскъ—столица Восточной Сибири, тамъ живетъ генералъ-губернаторъ. Иркутскъ какъ городъ—очень хорошъ, много богатыхъ купцовъ и каменныхъ домовъ. Купцы въ Иркутскѣ не носятъ бородъ, одѣты во фракахъ по послѣдней модѣ; кареты, коляски, выписная мебель, библiотеки — не рѣдкость. Жены купцовъ одѣваются по парижскимъ картинкамъ. Въ Иркутскѣ есть адмиралтейство, и начальникомъ его въ то время былъ лейтенантъ Ивановъ.

Мнѣ захотѣлось зимой побывать въ Кяхтѣ. Кяхта—слобода, но слобода единственная въ мiрѣ. Въ Кяхтѣ никто не имѣетъ права жить, кромѣ купцовъ первой гильдiи. Купцы въ Кяхтѣ почти всѣ были мнѣ знакомы; я сдѣлалъ многимъ визиты. Обычай такой, что при входѣ въ домъ подаютъ рюмку вина, потомъ чай, происходитъ непродолжительный разговоръ, а за тѣмъ, по уходѣ гостя, купецъ посылаетъ ему на квартиру ящичекъ въ 2—4 фунта отличнаго чая въ подарокъ. Такъ сдѣлавъ визитовъ десятокъ, я нашелъ дома порядочный запасъ чая, чему былъ очень радъ, такъ какъ купить чая въ Кяхтѣ нельзя—не продаютъ. Кяхта отдѣляется деревянною стѣною отъ Маймачина, въ которомъ нѣтъ ни одной женщины, таковъ законъ Китая. Власти китайскiя разсудили такъ: мы хотимъ жить въ дружбѣ съ русскими, а исторiя учитъ, что всѣ ссоры и войны происходили изъ-за женщинъ, а потому и запретили женщинамъ пребывать въ Маймачинѣ. Мнѣ хотѣ-

лось съѣсть китайскій обѣдъ; мой знакомый Вася Баснинъ доставилъ мнѣ это удовольствіе. Его пріятель, богатый китаецъ, пригласилъ насъ на обѣдъ особымъ билетомъ на кускѣ пунцовой шелковой матеріи, такого размѣра, что изъ куска могъ выйти халатъ. Обѣдъ былъ на маленькихъ, низенькихъ лакированныхъ столикахъ, при чемъ за каждый садилось 4 человѣка, а всѣхъ гостей было 16-ть. Кушанья подавались въ небольшихъ полоскательныхъ чашкахъ. Прежде всего подали конфектъ очень разнообразныхъ, вкусно сдѣланныхъ изъ фруктовъ и изъ ягодъ; потомъ слѣдовали разные соусы, изъ каракатицъ и китовыхъ вшей, морская капуста, что все очень вкусно. За соусами слѣдовали холодныя кушанья: пряныя, острыя, жирныя, и затѣмъ свиная кожа; она была бѣла, какъ снѣгъ, нарѣзана тоньше турецкаго табаку и таяла во рту. Потомъ пошли жаркія: тутъ было и мясо собачки, до котораго охотники китайцы, и дорогіе кусочки ласточкиныхъ гнѣздъ и проч. Послѣднее блюдо было очень вкусно; затѣмъ подали на каждый столикъ кипящій самоваръ, въ которомъ варилась какая-то пряная зелень и коренья, потомъ необыкновенно тонко нарѣзанное сырое мясо фазана, каждый бралъ кусочекъ мяса, опускалъ въ кипятокъ и съѣдалъ; это очень вкусно. Я забылъ сказать, что хозяинъ принималъ насъ съ соблюденіемъ этикета: присѣдалъ до полу; проводя въ столовую, просилъ сѣсть, при чемъ особая вѣжливость хозяина состоитъ въ томъ, чтобы надуть гостя и заставить его сѣсть прежде себя. Въ половинѣ обѣда хозяинъ пригласилъ гостей встать и потрястись, чтобы уложилась пища и чтобы гость могъ поболѣе съѣсть. Я считалъ кушанья, и оказалось ихъ 96 перемѣнъ; кажется, можно быть сыту, ѣвши и по чайной ложечкѣ. Обѣдъ былъ вкусенъ, но очень жиренъ, и я почувствовалъ изжогу. Китайцы предложили мнѣ съѣсть разваренного риса со столовую ложку, и я избавился отъ нея. Кухня у китайцевъ — совершенство; ихъ пирожки съ вареньемъ—неподражаемы, тѣсто таетъ во рту, но приготовляются они безъ масла. Вообще, у китайцевъ все дѣлается совершеннѣе европейцевъ, но разница въ томъ, что Европа совершествуется, а китайцы нѣсколько тысячъ лѣтъ остаются неподвижны. На мои глаза, все, что дѣлаютъ китайцы—превосходно. Столярная работа ихъ неподражаема, работа изъ цѣнныхъ камней—невѣроятное терпѣніе. Я видѣлъ ящичекъ для храненія женскихъ уборовъ, весь сдѣланный изъ одного куска бѣлаго мрамора.

Не буду описывать наружность китайца, кому они неизвѣстны по картинкамъ, а картинки вѣрны. Китай держится почитаніемъ, почти боготвореніемъ предковъ и безусловнымъ повиновеніемъ родителямъ. Всякій китаецъ трудолюбивъ, терпѣливъ, дальновиденъ, уменъ, и самый умный купецъ нашъ въ ученики ему не годится.

Простившись съ хитрыми и кроткими узкоглазыми китайцами и не

мѣшая милліонерамъ мечтать о барышахъ, я съ порядочнымъ грузомъ чая и покупками китайскихъ рѣдкостей переѣхалъ въ Троицкосавскъ. Это городъ, какъ всѣ большіе уѣздные города; въ немъ много богатыхъ жителей, всѣ трудятся и хитрятъ около контрабанды. Главное лицо въ городѣ—директоръ таможни, черезъ руки котораго переходятъ милліоны, и порядочные проценты прилипаютъ къ его рукамъ. Въ то время въ Троицкосавскѣ жилъ пріѣзжій изъ Петербурга, д. с. сов. баронъ Шилингъ фонъ-Канштадъ. Это необычайно толстый человѣкъ съ большими связями, ученый, весельчакъ, отличный говорунъ, знавшій всю аристократію столицъ Европы. На него смотрѣли какъ на какую-то загадку. Тамъ же и въ то же время жилъ другой знаменитый человѣкъ: монахъ Іоакинфъ Бичуринъ, посланный въ Пекинъ архимандритомъ нашей тамъ миссіи. Бичуринъ былъ молодъ, закутилъ, промоталъ все, даже церковные сосуды. Его вызвали изъ Пекина и разжаловали въ монахи, но такія лица не пропадаютъ. Бичуринъ оказался глубокимъ знатокомъ китайскаго языка и литературы, и его сдѣлали преподавателемъ въ школѣ Троицкосавска—китайскаго языка. Бичуринъ много переводилъ съ китайскаго, и извѣстна его война съ первою знаменитостью въ Европѣ, считающимся авторитетомъ въ китайской грамотѣ —французомъ Клапротомъ. Бичуринъ вышелъ изъ этой войны не только побѣдителемъ, но и доказалъ, что Клапротъ едва-ли зналъ азбуку китайскаго языка, что и сдѣлало славу Іоакинфа. Однажды вечеромъ пришелъ я къ Шилингу, который сидѣлъ за столомъ съ какимъ-то попомъ и толковали, разсматривая какую-то китайскую книжку. Этотъ вечеръ сблизилъ меня съ барономъ, что мнѣ очень пригодилось, какъ сказано будетъ послѣ.

Баронъ былъ человѣкъ чрезвычайно любезный, очаровательный, разсказамъ его не было конца.

Въ Иркутскѣ два баталіона на армейскомъ, а не гарнизонномъ положеніи; съ нѣкотораго времени, стали часто повторяться убійства, совершаемыя солдатами. Въ праздничный день, послѣ полдня въ часу 3-мъ, лѣтомъ, я шелъ по Широкой улицѣ лѣваго тротуара, а на правомъ тротуарѣ, наравнѣ со мною, шла разряженная дѣвушка - мѣщаночка. Навстрѣчу ей шелъ бравый унтеръ-офицеръ; встрѣтясь съ дѣвушкою, унтеръ обнялъ, поцѣловалъ, она вскрикнула, и онъ осторожно положилъ ее на тротуаръ. Дѣвушка была мертва, унтеръ всадилъ ей въ сердце ножъ по рукоятку, повернулся спокойно и пошелъ назадъ. На улицѣ никого кромѣ меня не было; то время было чаепитія. Я пошелъ за унтеромъ, онъ обыкновеннымъ молодецкимъ ходомъ прошелъ на гауптвахту и объявилъ, что онъ убилъ какую-то дѣвушку. Я подробно доложилъ генералъ-губернатору; онъ тревожно сказалъ:

— Такіе случаи повторяются часто, не можетъ быть, чтобы не было

какой-нибудь тайной побудительной причины, дураки баталіонные никакъ да ничего не откроютъ, я попрошу васъ взять это дѣло въ свои руки и доискаться тайны.

Назначенъ я былъ предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи. Унтеръ-офицеръ красавецъ, большаго роста, грамотенъ, онъ оказался гвардейцемъ изъ взбунтовавшагося Семеновскаго полка. Ему было подъ 40 лѣтъ, но нельзя дать болѣе 30-ти, поведенія отличнаго. Онъ былъ совершенно спокоенъ, не запирался, о побужденіи своемъ къ убійству говорилъ: такъ, захотѣлось и убилъ; убилъ того или другаго—все равно, встрѣтилась она, убилъ ее. Я вышелъ изъ казармы съ намѣреніемъ убить кого-нибудь такъ, безъ всякой причины, хотѣлось убить и убилъ. Добиться бóльшаго не было никакой возможности. Бился, бился—ничего не добился. Не давала мнѣ спать тайна этого происшествія. Позвалъ я унтера въ адмиралтейство, безъ свидѣтелей говорилъ съ нимъ, какъ съ развитымъ человѣкомъ, пустилъ въ ходъ всю діалектику, но краснорѣчіе и логика моя не имѣли успѣха; тогда я приказалъ хорошо накормить унтера. На другой день опять за краснорѣчіе наединѣ, выказалъ мое участіе къ нему, даже уваженіе къ его уму, напиралъ на его честолюбіе, самолюбіе и, наконецъ, стыдилъ его тѣмъ, что онъ считаетъ меня дуракомъ, и, кажется, подобными доводами, прорвалъ плотину его скрытности; мой красавецъ, разъ начавши говорить, высказался и объяснилъ мнѣ такъ:

Люди, сдѣлавшіе уголовное преступленіе, граждански казненные — благоденствуютъ, а я честный солдатъ—страдаю. Каторжный выходитъ на работу въ полушубкѣ, въ теплой мѣховой шапкѣ, въ теплыхъ рукавицахъ, въ теплыхъ штанахъ и сапогахъ, а я, честный солдатъ, приставленный смотрѣть за ними: въ холодной шинели, въ холодномъ киверѣ, въ полной формѣ, съ ружьемъ—бью цѣлый день нога объ ногу холодными сапогами. Варнакъ (каторжный) приходитъ въ свою казарму, ему даютъ щи съ говядиной, кашу, онъ ложится на постель съ одѣяломъ и подушкой. Я, солдатъ, прихожу въ казарму и ѣмъ пустыя щи или пустую кашицу, я долженъ чистить ружье и всю аммуницію, ложусь на голыя нары и одѣваюсь той же холодной шинелью. На другой день, если я не въ караулѣ, то встаю до свѣта и готовлюсь на ученье, опять зябну и мучаюсь, опять утѣшаюсь постною кашицею. Я знаю, буду наказанъ кнутомъ 10—15 ударами, да вѣдь это одинъ разъ потерплю, но за то остальная жизнь въ довольствѣ. Наши многіе перешли въ каторжные, и всѣ имъ завидуютъ, а попасть въ каторжные безъ убійства нельзя—вотъ я и убилъ.

Составилъ я подробную записку отъ своего лица, а не отъ коммиссіи и подалъ Лавинскому. Онъ былъ крайне удивленъ добытою правдою, сію минуту составилъ донесеніе государю и, приложа мою записку, послалъ казацкаго офицера курьеромъ.

Умнѣе всѣхъ министровъ при императорѣ Николаѣ I былъ Канкринъ, въ его вѣдѣніи были всѣ горные заводы, а слѣдовательно и каторжные. Канкринъ въ заводскомъ хозяйствѣ умѣлъ найти посторонніе источники, не уменьшающіе дохода казны; вотъ эти-то доходы Канкринъ постепенно употреблялъ на улучшеніе быта каторжныхъ и, какъ отличный хозяинъ, устроилъ каторжныхъ—комфортабельно. Государь, получа донесеніе отъ Лавинскаго, собралъ министровъ и далъ имъ на разсужденіе ненормальное положеніе солдата съ положеніемъ каторжнаго. Положено было немедля уничтожить всѣ улучшенія для каторжныхъ, что и было исполнено. Преступленія каторжныхъ увеличились, но и желанія солдатъ быть каторжными—прекратились.

Жизнь моя въ Иркутскѣ текла весьма пріятно. Генералъ-губернаторъ меня особенно ласкалъ, у значительныхъ чиновниковъ и у богатыхъ купцовъ я пользовался общимъ уваженіемъ, должность была не только не отяготительна, но даже весьма пріятна. Какъ командиръ отдѣльной части, почти никому не подчиненный въ Иркутскѣ—я дѣлалъ, что хотѣлъ, ѣхалъ—куда хотѣлъ, никто не касался меня; но все-таки меня тянуло въ общій центръ морской службы—въ Кронштадтъ. Въ Петербургъ звалъ меня и отецъ. Обжившись въ Охотскѣ, я написалъ родителямъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Помню, я употребилъ выраженіе: полагаю, родителямъ любопытно знать откровенный разсказъ о сынѣ, котораго они знали еще ребенкомъ, и разсказывая о всѣхъ привычкахъ и мелочахъ моей жизни, я употребилъ выраженіе: хотя не часто, но скромно и тихо дѣлю время съ небольшимъ числомъ друзей. За эти два выраженія: «любопытно родителямъ» и «не много друзей», я получилъ отъ отца огромную тетрадь—полную самой жестокой брани, какъ смѣлъ я родителей назвать любопытными. Отецъ писалъ, что онъ имѣлъ въ жизни одного только друга, и когда онъ умеръ, то полгода пролежалъ больнымъ и до сего времени утѣшиться не можетъ. Изъ всего этого онъ видитъ, что я пустая и глупая голова, что человѣкъ безъ характера и что онъ потерялъ всякую надежду въ томъ, что когда-нибудь выйдетъ изъ меня порядочный человѣкъ. Мать писала ласково. Читая письмо, я прослезился и, по понятію моему, не былъ виноватъ противъ отца; но я былъ безсиленъ противъ его гнѣва и, читая письмо у топившагося камина, бросилъ его въ огонь и съ этой минуты пять лѣтъ не писалъ отцу. Въ этотъ промежутокъ я получилъ письмо отъ матери, которая писала ко мнѣ секретно и умоляла просить прощенія у отца. Я не послушалъ матери и не писалъ. Однажды я получилъ свернутую на уголокъ записку на сѣрой бумагѣ, въ которой было написано: «Государь мой, долгомъ считаю увѣдомить, что ваша мать, а моя жена умерла и погребена въ Колодскомъ монастырѣ. Доброжелающій Иванъ Стоговъ». Я перекрестился и положилъ за-

писку, въ которой не названъ сыномъ. Не помню, сколько лѣтъ послѣ того я не писалъ къ отцу. Вдругъ получаю отъ него ласковое письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что вновь женился на Ляпуновой, и отъ нея льстивое письмо. Я расхохотался и рѣшился написать ласковое и почтительное письмо отцу, какъ-будто не было прошедшаго, а къ мачихѣ написалъ самое льстивое, поэтическое письмо, и съ этого времени началась моя переписка съ отцомъ безъ брани. Онъ постоянно звалъ меня въ Золотилово.

Лавинскій просилъ государя уволить его изъ Сибири, гдѣ онъ прожилъ 13-ть лѣтъ. Императоръ Николай отвѣчалъ: «Если я могу найти равнаго вамъ по способностямъ, то гдѣ я найду равнаго вамъ по опытности», и ласково просилъ еще послужить, прислалъ ему табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную бриллiантами въ 30.000 р. Лавинскій остался еще на годъ. Я собирался ѣхать въ Россію, предполагая, что уѣдетъ Лавинскій, но онъ, оставшись, оставилъ и меня.

VI.

Бунтъ иркутскаго архіепископа Иринея.—Переводъ Стогова въ Петербургъ.—Особенности путешествія.—Встрѣча съ родными.—А. О. Поздѣевъ.—Прибытіе въ Петербургъ въ 1833 году.—Первыя встрѣчи.—Представленіе кн. А. С. Меншикову.—Характеристика князя.

Въ Иркутскѣ былъ цѣлый рядъ добрыхъ и кроткихъ архіепископовъ, распустившихъ духовенство до безобразія. Государь приказалъ назначить въ Иркутскъ архіепископа твердаго и строгаго. Сvнодъ назначилъ Иринея изъ Пензы, и тамошнее духовенство долго служило благодарные молебны за избавленіе отъ него.

Онъ былъ средняго роста, брюнетъ съ правильными чертами лица, прекрасными черными вьющимися волосами и удивительно увлекательнымъ голосомъ. Онъ самъ называлъ себя уроженцемъ Черногоріи и по наружности нельзя было дать ему болѣе сорока лѣтъ. Во всѣхъ его поступкахъ выражалась пылкая южная природа. Служилъ онъ удивительно: самая простая молитва «Во имя Отца и Сына» произносилась имъ такъ, что вызывала необыкновенное благоговѣніе. Но за то во время служенія онъ былъ весьма строгъ съ духовенствомъ. Требованія его со служащими съ нимъ были безмѣрны: за ошибки, за малѣйшее несоблюденіе въ одеждѣ, за неостановленіе при чтеніи на запятой,—

протопопы, попы, діаконы, чтецы ставились на колѣна и били поклоны; почти ни одной службы не проходило безъ взысканія. Избалованное прежнимъ архипастыремъ духовенство трепетало, сдавалось въ солдаты или посылалось на монастырскія черныя работы.

Въ Иркутскѣ много церквей, и богатое купечество чванилось угожденіемъ владыкѣ. Въ праздники архіерей не имѣлъ заботы о завтракѣ. По заведенному порядку, купечество въ его палатахъ хлопотало о роскошномъ угощеніи и ссорилось между собою при рѣшеніи вопроса, кому угощать. Ириней былъ строго разборчивъ въ выраженіи ему почитанія, требовалъ занимательнаго разговора и самъ не стѣснялся въ выраженіяхъ; если что не понравится, то наговоритъ укоризнъ и хозяину и гостямъ.

Богатѣйшій купецъ Сибиряковъ упросилъ меня быть у него на обѣдѣ въ день престольнаго праздника въ его приходѣ. Не любилъ я этихъ безконечныхъ и жирныхъ купеческихъ обѣдовъ, но къ Сибирякову поѣхалъ. Посадили меня въ головѣ стола противъ Иринея. Я заговорилъ о великомъ значеніи приличія и соблюденія торжественности въ храмѣ и будто къ слову похвалилъ увлекательный голосъ архіерея и прочувствованныя имъ слова молитвъ. Все это видимо понравилось, и Ириней развеселился. Я тогда хорошо помнилъ Библію, начитался вольтеровщины, и мнѣ легко было занимать Иринея. Купцы были въ восторгѣ, что владыка былъ веселъ и не унижалъ ихъ сарказмами и колкостями. Благодарностей мнѣ было цѣлый коробъ. Сибиряковъ въ умиленіи прислалъ мнѣ въ подарокъ великолѣпный, яхонтоваго цвѣта, китайскій халатъ съ драконами. Послѣ этого, гдѣ только престольный праздникъ, тамъ богатый купецъ-прихожанинъ пріѣзжалъ просить меня обѣдать. Ириней любилъ поболтать о запретномъ, но конечно не нарушая важности своего сана, и самъ признавался мнѣ, что, при его пылкости, для этвращенія обуревающихъ его страстей носилъ фантанели на обѣихъ рукахъ. Духовенству было не подъ силу переносить строгость владыки, и вотъ противъ него составилась коалиція. У генералъ-губернатора была своя церковь и превосходные пѣвчіе изъ казаковъ. Постоянные наговоры протопопа генералъ-губернаторской церкви, преувеличенные до крайности разсказы о строгости Иринея, доходящей до странности, охладили Лавинскаго къ владыкѣ. Въ Иркутскѣ не было ни одного мѣста для гулянья, а между тѣмъ на берегу Ангары было большое порожнее мѣсто, на которомъ стояла церковь. Все мѣсто около церкви засадили кустарниками, сдѣлали дорожки, и вышло хорошо. Ириней по капризу возсталъ противъ устройства этого публичнаго гулянья, завелъ переписку о неприличіи гулянья около храма Господня. Эта переписка росла и довела его до ссоры съ губернаторомъ. Духовенство воспользо-

валось ею, и явились протесты духовенства: о неприличныхъ выраженіяхъ Иринея во время служенія. Въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней генералъ-губернаторъ Лавинскій пріѣхалъ въ церковь въ особомъ мундирѣ, шитомъ золотомъ и установленномъ генералъ-губернаторамъ для важности, когда они принимали китайскихъ посланниковъ, сидя подъ портретомъ государя. Служилъ обѣдню, конечно, владыко, и, по совершеніи тайнъ, священникъ выходя изъ алтаря съ книжкою для прочтенія: «Благославляю, благословляющаго Господа»—по принятому обычаю, сдѣлалъ поклонъ генералъ-губернатору. Только священникъ поклонился, какъ Ириней вернулъ его и спросилъ: кому онъ кланялся?

— Ты кланялся златому тельцу,—сказалъ онъ,—тогда какъ присутствуетъ въ церкви намѣстникъ Христа—на колѣна и сто поклоновъ!

Ириней произнесъ это очень громко, церковь была полна народомъ. Лавинскій отправилъ курьера съ донесеніемъ о поступкахъ Иринея, а послѣдній послалъ своего, съ заявленіемъ о притѣсненіи народа и о гнилой мукѣ, смѣшиваемой съ пескомъ и въ такомъ видѣ выдаваемой войску.

На донесеніе Лавинскаго послѣдовало высочайшее повелѣніе: Сvноду вызвать Иринея въ Петербургъ, а генералъ-губернатору озаботитьсн о спокойномъ путешествіи архіепископа и для услугъ его дать на время пути одного изъ чиновниковъ особыхъ порученій. Указъ Сvнода былъ печатный. Основываясь на законѣ, состоявшемся при Екатеринѣ, что если кто усумнится въ подлинности указа государева, тотъ имѣетъ право требовать повторенія, съ приложеніемъ печати, Ириней не призналъ указа настоящимъ и отказался исполнить его до повторенія.

Между тѣмъ, экипажъ для Иринея былъ приготовленъ, и чиновникъ Голубевъ командированъ для услугъ ему. Было ли то простое воскресенье или праздникъ—не помню, но Голубевъ рано утромъ явился къ Иринею. Голубевъ былъ огромнаго роста, головою выше Иринея.

— Удачно выбрали такого молодца,—сказалъ Ириней;—у тебя довольно силы, чтобы дорогою задушить меня, а послѣ сказать, что я самъ себя убилъ,—это хорошій способъ отдѣлаться отъ меня. Если гражданское начальство писало противъ меня, то и я писалъ противъ гражданскаго начальства. Теперь я стою съ нимъ на одной доскѣ, и насъ разсудитъ высшая власть, а потому я не считаю нужнымъ входить въ какія-либо сношенія съ гражданскимъ начальствомъ, а чтобы ты, молодецъ, не могъ исполнить тайнаго порученія, то пойдемъ со мною.

Онъ взялъ Голубева крѣпко за руку и привелъ на унтеръ-офицерскій караулъ у воротъ города на выѣздѣ, гдѣ приказалъ арестовать его. Умный унтеръ отказалъ. Тогда архіерей повелъ Голубева на

главную гауптвахту, вызвалъ караулъ и объявилъ, что онъ, не подчиняясь гражданскому начальству, отдается подъ охрану начальства военнаго, и приказалъ арестовать Голубева, какъ злоумышлявшаго на него. Не разобравшій дѣла офицеръ арестовалъ Голубева. Правитель канцеляріи генералъ-губернатора Кабратъ, случайно ѣхавшій мимо, вздумалъ уговаривать Иринея, а тотъ и его приказалъ взять подъ арестъ. На эту исторію наѣхалъ я и, узнавши въ чемъ дѣло, поспѣшилъ къ Лавинскому и доложилъ ему. Лавинскій, надѣвъ вицъ-мундиръ и звѣзды, пошелъ со мною на гауптвахту, гдѣ Ириней разглагольствовалъ съ собравшимся народомъ, разсказывалъ о своихъ отношеніяхъ къ гражданской власти и что онъ не можетъ довѣрять этой власти, а отдается подъ защиту власти военной и всего народа, за которыхъ онъ заступникъ передъ государемъ. Онъ говорилъ народу громко съ увлеченіемъ; волосы его были растрепаны. Лавинскій растерялся и, обратившись ко мнѣ, сказалъ одно слово: «привезите!» Времени терять было нельзя; видимо Ириней пошелъ на проломъ и рѣшился произвести народный бунтъ. Я сѣлъ на свои дрожки и поѣхалъ къ коменданту Покровскому. Онъ выслужился изъ кантонистовъ, дѣлалъ всѣ кампаніи, былъ извѣстный рубака, дослужился до чина генералъ-маіора, имѣлъ пропасть орденовъ русскихъ и иностранныхъ, всѣ ордена получилъ съ младшихъ степеней. Какъ видно, былъ храбрецъ, имѣлъ 15-ть ранъ, но и на самаго храбраго нападаетъ иногда трусость—Покровскій струсилъ и говорилъ, что онъ боленъ.

— Я знаю, что вы больны,—сказалъ я рѣзко,—но я отвезу васъ мертваго; надѣвайте мундиръ, а не то и такъ повезу!

Покровскій надѣлъ мундиръ, сѣлъ на мои дрожки, и мы отправились. Дорогой, онъ меня спрашивалъ, что ему тамъ дѣлать? Я совѣтовалъ, чтобы онъ рѣшительно взялъ Иринея подъ свое покровительство и, высказавъ увѣренность въ его правотѣ, пригласилъ бы архіерея возвратиться въ свои кельи. Ириней все еще съ жаромъ проповѣдывалъ народу, который покрылъ всю площадь. Пока Лавинскій сказалъ нѣсколько словъ коменданту, я подошелъ къ Иринею и сказалъ ему шопотомъ, что онъ играетъ въ глупую игру. Тутъ подошелъ комендантъ и взялъ его подъ свое покровительство и повелъ домой. Лавинскій и всѣ присутствовавшіе пошли за ними. Лишь только Ириней вошелъ въ свои комнаты, какъ явился коротенькій, пузатый, съ короткими ногами и руками прокуроръ. Ириней обратился къ нему съ протестомъ, говорилъ добрыхъ полчаса съ жаромъ, но прокуроръ (жалѣю, забылъ его фамилію), выставивъ ножку впередъ, не шевельнулъ глазомъ, не сказалъ и полслова, а стоялъ, какъ статуя. Ириней пересталъ говорить и отошелъ, прокуроръ повернулся на одной ножкѣ и тоже отошелъ. Не встрѣчая ни въ комъ участія,

Ириней пріунылъ, сталъ молчаливъ и понялъ, что дѣло его проиграно. Между прочимъ, къ монастырю или его дому, привели роту солдатъ. Мы всѣ отправились къ Лавинскому, составили тамъ актъ всему происшествію и подписали, кажется, 130 человѣкъ служащихъ свидѣтелей; этотъ актъ съ курьеромъ былъ посланъ прямо къ государю.

Наступила зима. 6-го декабря былъ балъ у Лавинскаго. При началѣ бала, Лавинскій, серьезно проходя мимо, сказалъ:

— Идите въ кабинетъ, прикажите никого не пускать, займите гостей и распорядитесь, чтобы они были довольны.

Спустился я внизъ, въ кабинетъ, и нашелъ тамъ по-дорожному еще въ шубахъ трехъ человѣкъ. Я пригласилъ ихъ раздѣться, напоилъ чаемъ, узналъ въ пріѣхавшихъ флигель-адъютанта Гогеля, подполковника жандармовъ Брянчанинова и фельдъегеря капитана Иностранцева. Они пріѣхали по дѣлу Иринея, которое было принято въ Питерѣ весьма серьезно. Спустя часъ, пришелъ и Лавинскій. Тутъ объяснилось, что Гогель привезъ собственноручный рескриптъ Лавинскому, съ повелѣніемъ: отправить Иринея подъ надзоромъ Брянчанинова, какъ сказано въ указѣ Сѵнода. Въ послѣднемъ говорилось, что по разстройству умственныхъ способностей, архіепископъ Ириней помѣщается въ Прилуцкомъ монастырѣ, что̀ около Вологды, на дьячковскую вакансію.

Балъ шелъ на верху, а въ кабинетѣ уговаривались, какъ завтра объявить Иринею. Прибывшіе оставались секретомъ для всего Иркутска и, кажется, имъ приказано было въѣхать въ городъ ночью.

На другой день, около 11-ти часовъ утра, собрались къ генералъ-губернатору всѣ старшіе чины Иркутска въ мундирахъ и отправились къ Иринею. Онъ принялъ прибывшихъ безъ смущенія. Флигель-адъютантъ Гогель, въ присутствіи архіепископа, подалъ Лавинскому запечатанный конвертъ съ рескриптомъ, который громко и прочиталъ Лавинскій, стоя. Потомъ, тотъ же Гогель подалъ запечатанный указъ Сѵнода. Все шло чинно, и Ириней не показывалъ тревоги. У дверей стоялъ фельдъегерь Иностранцевъ. Ириней спокойно спросилъ: а это кто стоитъ у дверей? Ему сказали, что это присланъ фельдъегерь, для заготовленія лошадей въ пути его. Ириней расхохотался и сказалъ:

—Полноте играть комедію наряженыхъ, вы, сочиняя комедію, забыли по формѣ нарядить фельдъегера. Г-нъ фельдъегерь, почему у васъ черное перо въ шляпѣ, у васъ по формѣ должно быть бѣлое перо! И этого маскарада не умѣли сочинить, ступайте всѣ, довольно для меня забавы, идите и дайте мнѣ покой.

Тогда только мы взглянули и увидѣли, что дѣйствительно перо въ шляпѣ было черное; онъ объяснилъ, что свое бѣлое перо потерялъ дорогою,

а въ Иркутскѣ—нѣтъ бѣлыхъ перьевъ, то онъ и взялъ у пѣхотнаго офицера. Но каковъ же Ириней? Каково присутствіе духа, какая смѣлая черта характера! Но тутъ Брянчаниновъ, почти саженнаго роста, видя наглость Иринея, что-то шепнулъ ему на ухо, тогда архіерей поблѣднѣлъ и покорился, просилъ показать ему подпись государя на рескриптѣ, съ благоговѣніемъ сложилъ руки на груди и поцѣловалъ подпись.

Глухой, теплый и покойный возокъ былъ готовъ скоро. Ночью Брянчаниновъ усадилъ Иринея, заперъ дверцы на ключъ и взялъ его себѣ въ карманъ. По дорогѣ, запрещено было подходить къ возку, и Брянчаниновъ ни шагу не отступалъ отъ Иринея.

Лавинскій въ концѣ лѣта сказалъ мнѣ по секрету, что онъ около Рождества поѣдетъ въ Питеръ и не вернется въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ собственно мнѣ жить было хорошо, но человѣкъ не однимъ хлѣбомъ сытъ бываетъ. Отецъ мой видно постарѣлъ, смягчился, звалъ къ себѣ, да и мнѣ хотѣлось окунуться въ омутъ столичной суеты. У Лавинскаго я былъ аккредитованъ, какъ пріятель; могу сказать, любимъ имъ, но пріѣдетъ новый генералъ-губернаторъ, какъ сойдусь съ нимъ, оцѣнитъ ли онъ меня,—еще бабушка на-двое сказала. Всѣ эти соображенія рѣшили меня проситься о переводѣ въ Европу, что̀ я и учинилъ, перекрестясь. Надѣясь на переводъ въ уваженіи долголѣтней моей службы въ Сибири, я занялся устройствомъ зимней повозки на 6.500 верстъ. Корабельные мастеровые состроили мнѣ крытую и щегольскую повозку; она вся скрѣплена была болтами на винтахъ; вмѣсто подрѣзей положены были цѣльныя полосы желѣза—помѣстительна, какъ корабль.

Въ позднюю осень пріѣхалъ на смѣну мнѣ лейтенантъ Николай Вуколовичъ Головинъ, я сдалъ ему адмиралтейство въ два дня. Выпалъ первый снѣгъ, я съ сожалѣніемъ простился съ спокойною и довольною жизнью въ Иркутскѣ, сдѣлалъ всѣмъ визиты, благодарилъ за хлѣбъ за соль. Лавинскій далъ мнѣ прощальный обѣдъ, приказалъ мнѣ явиться къ нему въ Питерѣ. Нагрузилъ я свой сухопутный корабль: соболями, лисицами, бобрами, даренымъ чаемъ и, улегшись въ повозкѣ, отправился въ путь. Что сказать о дорогѣ? Въ Сибири рѣки—какъ рукава, горы упираются въ небо, долины не имѣютъ границъ, какъ горизонтъ моря, лѣса—это неизвѣстные океаны. Выгоднѣе всего ѣхать на вольныхъ: подъѣзжаешь къ селу, у околицы встрѣчаютъ десятокъ и болѣе мужиковъ, одѣтыхъ по-дорожному, сидятъ на коренныхъ лошадяхъ въ хомутахъ, выбирай любаго; плата за тройку—5-ть коп. ассигн. на версту, везутъ великолѣпно. Выбравъ мужика, подъѣзжаешь къ его дому, самоваръ готовъ, рыбы, дичины, сметаны, меду — кушай, сколько душѣ твоей угодно, хозяева не возьмутъ ни копѣйки.

Изъ Иркутска въ Москву я пріѣхалъ въ 17-й день, полагаю, курьеръ скорѣе не проѣдетъ. Отецъ мой былъ въ Москвѣ, онъ такъ обрадовался моему пріѣзду, что съ нимъ сдѣлалось дурно до обморока; но отъ радости, говорятъ, не умираютъ, поѣхали въ Золотилово. Въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Золотилова находится монастырь Колодской Божіей Матери; я зашелъ на могилу матери, и тутъ я до того расплакался, что меня сняли съ могилы безъ памяти. Съ тѣхъ поръ я ни на одну могилу близкихъ мнѣ не хожу, потому что не могу на могилѣ управлять своими чувствами. У меня были два брата во флотѣ, лейтенанты, и четыре сестры дѣвицы, всѣ родились безъ меня. Сестры бросились меня цѣловать, но когда я, шутя, сказалъ, что братецъ ихъ скоро пріѣдетъ, а я—его товарищъ, онѣ ударились въ слезы: можно ли сдѣлать такой проступокъ—цѣловать чужаго человѣка? Насилу утѣшилъ ихъ. Какъ-то я упомянулъ слово чортъ, онѣ всѣ поблѣднѣли, какъ полотно, и поглядѣли со страхомъ на печку, не вылѣзетъ ли онъ, такъ какъ имъ всегда говорили, что чортъ живетъ за печкою, вотъ какая патріархальность въ Золотиловѣ! Разгружая повозку, я просилъ свѣсить кладь, оказалось 40 пуд. Привезъ молодыхъ медвѣдей на шубу отцу, сестрамъ по лисьему и бѣличьему мѣху, осетровъ отцу и подарилъ ему повозку, которая дошла безъ починки. Всѣ были счастливы и довольны, особенно чванился шубою мой отецъ, а того не зналъ, что о медвѣдя въ Камчаткѣ вытираютъ ноги, и у меня былъ коверъ на полу во всю комнату, но въ Золотиловѣ завидовали отцу. Въ Золотиловѣ я прожилъ мѣсяцъ и отправился изъ Москвы на долгихъ въ Питеръ. Во время пребыванія въ Золотиловѣ всякій день пріѣзжали какіе-то родные, но кто они, я не зналъ и, даря каждому и каждой какую-нибудь вещицу изъ Екатеринбургскихъ камней, я не досчитался около 300 штукъ.

Въ Москвѣ не видятъ знакомаго два дня — посылаютъ узнать о здоровьѣ и охаютъ, узнавъ о смерти его. Въ Питерѣ не видятъ знакомаго годъ, и никто не вспомнитъ; скажутъ: умеръ—отвѣтятъ: то-то его давно не видать, и болѣе ни слова. Вотъ разница между Москвою и Питеромъ.

Въ Москвѣ жилъ въ отставкѣ Алексѣй Осиповичъ Поздѣевъ, онъ былъ моимъ корпуснымъ офицеромъ. Довольно необыкновенному моему имени я обязанъ, что меня почти всѣ называли не по фамиліи, а просто Эразмъ. Однажды, я очень залѣнился и, будто по неспособности къ наукамъ, перешелъ въ Артиллерійскій классъ (морская артиллерія гораздо ниже флота). При проходѣ по классамъ дежурнаго офицера, учитель вызывалъ обыкновенно бойкаго ученика. Я былъ вызванъ къ доскѣ и отвѣчалъ очень бойко. Поздѣевъ обратилъ вниманіе и спросилъ: Какой это классъ? Ему отвѣчали: Артиллерійскій.

— Какъ же ты, Эразмъ, попалъ сюда?

— По неспособности къ наукамъ, Алексѣй Осиповичъ.

— Вотъ какъ! Я не зналъ, явись-ка въ дежурную.

Я явился, и онъ отлично высѣкъ меня. Если бы не Поздѣевъ, то карьера службы моей была бы другая. Я многое припомнилъ и поѣхалъ къ почтенному благодѣтелю. Онъ былъ уже старикъ, извѣстенъ глубокою ученостію и какъ глава масоновъ въ Москвѣ. Поздѣевъ имѣлъ свой домъ у Сухаревой башни, былъ холостъ, принялъ меня съ большою радостью въ комнатѣ, полной масонскихъ знаковъ.

Москва вообще мнѣ не понравилась: это какой-то безпорядочный городъ. Высшее общество состоитъ изъ беззубыхъ противниковъ правительства, безплодно болтающихъ и много кушающихъ. Лучше бы хотѣлъ жить въ Иркутскѣ, чѣмъ въ Москвѣ.

Изъ Москвы я ѣхалъ самымъ скромнымъ образомъ, останавливался на постоялыхъ дворахъ, пилъ, ѣлъ съ ямщиками, хотѣлъ пожить жизнію русскаго народа и видѣлъ гомерическіе обѣды. Трудно вѣрить, что съѣдаютъ русскіе люди. Ѣхалъ 10 дней на однѣхъ лошадяхъ.

Питеръ—это омутъ политической жизни, Питеръ—піявка Руси: онъ поглощаетъ труды народа и возвращаетъ только крайне необходимое. Изъ Питера, какъ изъ солнца, вытекаютъ лучи свѣта и тепла во всѣ концы громаднаго царства. Въ Питерѣ кипитъ жизнь одного дня, завтра забывается сегодня, всякій ловитъ, что можетъ поймать; пропустилъ моментъ, не поймалъ, мѣсяцы и годы не дождешься. Въ Питерѣ нѣтъ родныхъ и друзей; тамъ каждому до себя и только для себя. Въ Питерѣ громадные домы, памятники, люди—но все такъ холодно и люди безучастны, какъ домы и памятники. Умѣй сдѣлаться необходимымъ, умѣй выдвинуться изъ толпы—на тебя обратятъ вниманіе, и тогда хватай, лови, пока не остыло вниманіе; отодвинулся на задній планъ, ты забытъ, ты не существуешь, твое мѣсто занято, и его не возвратишь.

Оставилъ я Питеръ чуть не юношею. Ласкавшая меня болѣе всѣхъ Анна Петровна Бунина давно умерла, братъ ея давно въ отставкѣ, сошелъ со сцены общественныхъ забавъ; аристократы поумирали, прожились и разъѣхались въ оставшіяся непроданными съ аукціона деревни, и тамъ, забытые свѣтомъ, доканчивали жизнь, услаждаясь воспоминаніемъ своего значенія. Питеръ былъ для меня новымъ городомъ, и я въѣзжалъ въ него новымъ человѣкомъ въ 1833-мъ году на масляницѣ.

Живя въ Камчаткѣ, я такъ одичалъ, что не зналъ даже, что могу послать деньги прямо въ Опекунскій совѣтъ, а полагалъ, что для того

надо быть лично въ совѣтѣ. Поэтому накоплявшіяся деньги, время отъ времени, я высылалъ къ Бунину, прося его положить въ совѣтъ, и, въ разное время, выслалъ 20-ть тысячъ рублей. Явясь къ Бунину прежде столь блестящему, нашелъ его бѣднымъ старикомъ. Безъ меня онъ успѣлъ жениться, нажить четырехъ дочерей и овдовѣть, промотался, былъ безъ должности, перебивался, дѣлая долги. Увидѣвъ меня, онъ непритворно обрадовался, и не мудрено, онъ зналъ меня ребенкомъ и юношей, а теперь видѣлъ возмужалымъ штабъ-офицеромъ. Послѣ первыхъ изліяній, я просилъ его отдать мнѣ билеты на мои деньги. Бунинъ вышелъ въ другую комнату, вывелъ ко мнѣ четырехъ малолѣтнихъ дочерей и сталъ съ ними предо мной на колѣна, сознаваясь, что по крайней необходимости—мои деньги всѣ издержалъ. Комедія была эффектна, но мнѣ отъ того было не легче; кончилось тѣмъ, что Бунинъ далъ мнѣ заемныя письма, которыя и теперь валяются у меня, а 20-ть тысячъ, сбереженныя моими лишеніями, пропали. Бунина я могъ бы преслѣдовать, но что̀ я могъ получить съ нищаго? При томъ же, память моя рисовала, что Бунинъ былъ благотворною причиною того, что я могъ нажить эти деньги, что еслибъ не Бунинъ, то, вѣроятно, я зачахъ бы писцомъ уѣзднаго суда въ Можайскѣ.

Бунинъ хотя и впалъ въ ничтожество, но старыхъ связей не прервалъ. Онъ познакомилъ меня въ нѣсколькихъ порядочныхъ домахъ, у вице-губернатора Желѣзнова, у адмираловъ стариковъ, у нѣсколькихъ частныхъ лицъ, которыхъ я теперь и фамиліи забылъ. Важно было попасть мнѣ въ какое-нибудь общество, а тамъ я самъ проложилъ себѣ дорогу и сумѣлъ не быть лишнимъ. Женщины всегда и вездѣ были моими любимыми твореніями, съ ними у меня всегда шло ладно, съ ними я былъ всегда любезенъ, всегда начиналъ со старухъ и переходилъ къ молодымъ. Всѣ меня ласкали и прославляли.

Осмотрѣвшись и экипировавшись прилично, явился я въ морской инспекторскій департаментъ. Тамъ удивились, что я такъ долго ни къ кому не являлся по службѣ, и хотѣли сдѣлать изъ этого исторію; но я притворился одичавшимъ, забывшимъ служебные порядки. Помню, принялъ участіе во мнѣ директоръ департамента, контръ-адмиралъ Лермонтовъ. Онъ потребовалъ, чтобы я завтра же явился къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, тогда бывшему морскимъ министромъ. Я зналъ, что отъ перваго впечатлѣнія у князя будетъ зависѣть мое будущее во флотѣ; лучше скажу, я еще въ Иркутскѣ и въ дорогѣ много объ этомъ думалъ. Не скажу, чтобы я совершенно спокойно вошелъ къ князю. Бездна анекдотовъ и разсказовъ о немъ составили смутное понятіе въ моей головѣ объ его свѣтлости, но я держался пословицы моего отца «Богъ не выдастъ, — свинья не съѣстъ».

Князь жилъ въ домѣ на Англинской набережной. Кабинетъ его былъ въ большой комнатѣ, по стѣнамъ которой стояло много отдѣльныхъ столовъ, заваленныхъ бумагами. Послѣ я узналъ, что каждый столъ былъ назначенъ особому управленію, такъ какъ князь много имѣлъ должностей: онъ былъ генералъ-губернаторъ Финляндіи, главнокомандующій всѣхъ войскъ, тамъ расположенныхъ, участвовалъ во многихъ комитетахъ и проч. и проч. Эта геніальная голова переходила отъ стола къ столу и равно легко занималась самыми разнообразными предметами.

Князь былъ съ меня ростомъ, обстриженъ подъ гребенку, ни усовъ, ни бакеновъ не было. Одѣтъ онъ былъ въ старый форменный сюртукъ—безъ эполетъ и всегда застегнутъ. Онъ скорѣе былъ худощавъ; глаза живые, голубые, почти никогда не смотрѣлъ на говорящаго, слушалъ очень внимательно. Лишь только я вошелъ, князь поднялся со стула у одного изъ столовъ и лѣниво подошелъ ко мнѣ. Первое, что поразило меня—постоянная непріятная улыбка князя, никогда не сходившая съ его лица. Я сказалъ, что прибылъ изъ Камчатки. Онъ отвѣтилъ, что помнитъ, какъ я долго служилъ тамъ, и что я былъ въ Иркутскѣ. Память князя была изумительна, онъ не могъ забыть никакой мелочи—это былъ цѣлый архивъ и дипломатіи и исторіи всего свѣта, человѣкъ очень острый. Я стоялъ передъ княземъ и излагалъ ему мои проекты, которыхъ я подготовилъ нѣсколько, напримѣръ: объ уничтоженіи адмиралтейства въ Иркутскѣ и флотиліи на Байкалѣ и проч. Князь слушалъ меня со вниманіемъ, разматывалъ меня, какъ клубокъ, держа крѣпко въ рукахъ нитку; я опасался не удовлетворить его, — тогда вся моя затѣя пойдетъ прахомъ. Поэтому я придумалъ замолчать на довольно интересномъ мѣстѣ; князь, тоже помолчавъ, сказалъ:

— Продолжайте, я васъ слушаю.

— Не могу, ваша свѣтлость.

— Отчего?

— Вы очень умны, и я чувствую свое ничтожество. Я въ жизни не говорилъ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы.

— Ну, я буду молчать, а вы говорите.

— Не могу, ваша свѣтлость, у меня совершенно пусто въ головѣ, я никогда не испыталъ подобнаго состоянія, извините, я не могу болѣе говорить съ вами, я столько лѣтъ не видалъ глубоко ученыхъ людей.

— Ну, я вижу, что вы одичали; поживите въ Петербургѣ, ходите ко мнѣ по четвергамъ пить чай, прощайте.

Сошло съ рукъ лучше, чѣмъ я ожидалъ; ловкая лесть никогда не измѣняла мнѣ. Мнѣ нужно было пожить въ Питерѣ, чего я и достигъ, и достигъ того, что обратилъ вниманіе князя. По четвергамъ я ходилъ къ

князю на чай, у него бывали только его адъютанты—все юноши и еще два, три юныхъ мичмана. Кромѣ двухъ чашекъ чая мы ничего не получали. Князь былъ простъ въ обращеніи, шутилъ съ мальчишками, дразнилъ ихъ и безъ церемоніи говорилъ: «прощайте!»

Прошло болѣе мѣсяца, а я живу въ Питерѣ, хотя мой экипажъ былъ въ Кронштадтѣ, куда я боялся окунуться, какъ въ мутный омутъ. Прихожу разъ въ департаментъ. Тогда былъ построенъ великолѣпный пароходъ «Александрія» для государыни. Въ департаментѣ мнѣ показали, что князь своею рукою назначилъ меня командиромъ парохода. Я сообразилъ, что эта служба не по мнѣ, и прямо сказалъ директору, что не хочу такого назначенія. Онъ мнѣ замѣтилъ, что всякій сочтетъ за счастіе быть командиромъ такого прекраснаго парохода, и что теперь перемѣнить уже нельзя. Я тутъ же, въ департаментѣ, написалъ къ князю, благодарилъ его за назначеніе, но просилъ его уволить меня. Директоръ упрашивалъ не посылать письма, потому что не было примѣра, чтобы кто осмѣлился такъ писать къ князю. Я, напротивъ, просилъ директора подать мое письмо, думая, что иногда дерзость даетъ успѣхъ, особливо у такого человѣка, какъ князь. И дѣйствительно, прочитавъ письмо, князь улыбнулся и сказалъ: «вишь, камчадалъ!»

Не помню, черезъ сколько времени позвалъ меня князь и сталъ продолжать вопросы, именно съ того пункта, на которомъ я замолчалъ первый разъ. Я поговорилъ немного, но опять признался, что мнѣ очень трудно говорить съ нимъ.

— Ну, такъ какъ же намъ объясниться?—спросилъ онъ.

— Дозвольте, ваша свѣтлость, мнѣ написать,—отвѣчалъ я.

— А, такъ вы литераторъ?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, но, писавши, я буду свободенъ отъ вашихъ глубоко логическихъ вопросовъ.

— Хорошо, пишите, только не стихами, въ нихъ я ничего не понимаю.

Проекты у меня были готовы еще прежде. На другой день я принесъ порядочную тетрадь къ князю. Тутъ я видѣлъ, какъ изумительно быстро онъ читаетъ, почти безъостановочно перевертывалъ листъ за листомъ и, кажется, остался доволенъ.

Прочитавъ, онъ со своею всѣмъ извѣстною улыбкою, сказалъ мнѣ:

— Ни я, ни вы, мы не можемъ хорошо понять пользы вашего предположенія, а знаете ли вы Совѣтъ адмиралтейства?

— Нѣтъ.

— Такъ я вамъ скажу; тамъ сидятъ первые мудрецы, это собраніе умнѣйшихъ головъ, они все знаютъ. Завтра, я пошлю къ нимъ вашу записку на обсужденіе; что они скажутъ, того уже никто не перемѣнитъ. Явитесь завтра въ Совѣтъ, да не робѣйте.

На другой день я явился въ Совѣтъ и нашелъ тамъ: Головина и Васильева, знакомыхъ мнѣ по Камчаткѣ. Оба узнали меня, приняли ласково, какъ знакомаго, и спросили: чего я хочу? Я откровенно сказалъ, что хочу пожить въ Питерѣ. Совѣтъ сдѣлалъ постановленіе: разсмотрѣть въ очередь проекты Стогова, но, для необходимыхъ объясненій, предписать ему не отлучаться изъ Петербурга, а для жительства выдать департаменту билетъ. Вотъ какъ ловко и удачно устроились мои служебныя дѣла. Мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Кронштадтъ, а жить въ Питербургѣ болѣе недѣли—не дозволялось.

Какъ же устроилась моя жизнь въ Питерѣ? Соболей, лисицъ, бобровъ я продалъ, и оказалось у меня болѣе 20.000 руб. ассигнаціями. Я рѣшилъ: за постъ и діэту въ удовольствіяхъ, живя въ Сибири, выпить полную чашу доступнаго наслажденія. Я былъ каждый день въ театрѣ, и тутъ памятная мнѣ удача. Разъ прихожу взять билетъ, продающій говоритъ:

— Только остались билеты въ заднихъ рядахъ.

— Дѣлать нечего, пожалуйте.

— Какъ прикажете васъ записать?

Я сказалъ свою фамилію.

— Позвольте васъ спросить: не родственникъ ли вамъ Стоговъ, капитанъ артиллеріи?

— Да, родственникъ.

— Ахъ, батюшка, такъ позвольте намъ счесться своими.

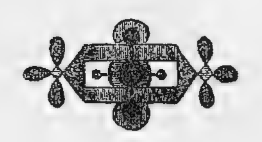
— Душевно радъ. И подалъ руку.

— Такъ позвольте вашъ билетъ. Вотъ вамъ во второмъ ряду, да когда угодно быть вамъ въ театрѣ, то всегда можете получить даровой билетъ.

Я еще пожалъ плутовскую руку и, любезно благодаря, принялъ предложеніе. Конечно, мнѣ не нужно объяснять, что никакого родственника Стогова я не зналъ и не встрѣчалъ. Эта глупая штука пригодилась мнѣ болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Пріѣхала въ Питеръ тогдашняя европейская знаменитость, трагическая актриса, Ванъ-Гагенъ. Заволновался Питеръ. Помню, первая пьеса шла: «Донъ-Карлосъ», трагедія Шиллера. За мѣста въ театрѣ платили вдесятеро. Хотя я и не понималъ ничего по-нѣмецки, но нельзя было не посмотрѣть на знаменитость и на публику. Я нашелъ себѣ мѣсто въ ложѣ сибирскаго откупщика Пономарева, хорошаго моего пріятеля. Въ день представленія, вечеромъ, я пью чай у директора департамента Лермонтова и вижу, что всѣ страшно суетятся. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ уже два дня хлопоталъ достать ложу въ театръ и не могъ. Время подходило ѣхать въ театръ, надежды потеряны. Я подумалъ, дай попробую воспользоваться покровитель-

ствомъ родственника: написалъ самую ласковую записку и просилъ роднаго не отказать въ какой-нибудь ложѣ и приложилъ деньги. Каково же было удивленіе, когда возвратившійся курьеръ привезъ билетъ на ложу, а на запискѣ было написано: «для роднаго послѣдняя». Это показалось всѣмъ чѣмъ-то магическимъ; жена Лермонтова чуть не цѣловала меня, а мужъ клялся, что все для меня сдѣлаетъ, и сдѣлалъ, какъ видно будетъ послѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Запрещеніе устраивать императору встрѣчи.

Рескриптъ новгородскому гражданскому губернатору Обольянинову.

1-го сентября 1801 г. Чудово.

Хотя передъ настоящимъ путешествіемъ моимъ объявлено было повсемѣстно приказаніе, чтобъ по дорогѣ ни встрѣчъ для меня, ниже другихъ особыхъ приготовленій, излишнюю тягость обывателей составляющихъ, не было; однакожь не избѣжалъ я неудовольствія видѣть зажженные по обѣимъ сторонамъ дороги огни. Каковая иллюминація продолжалась на цѣломъ 16-ти верстномъ разстояніи къ Чудову и сколько сама по себѣ была безполезна, столь наипаче тягостна жителямъ, къ ней употребленнымъ, а въ селеніяхъ даже подвергала опасности пожара. Давая вамъ предварительно знать, что подобныя распоряженія, вопреки воли моей учиненныя, для меня не угодны, я требую, чтобъ оныя тотчасъ отмѣнены были не только въ губерніи, вамъ порученной, но чтобы вы извѣстили о семъ и сосѣднюю, Тверскую, дабы и тамъ равномѣрно никакихъ излишностей не было, а инако начальники губерній будутъ въ томъ отвѣтствовать неминуемо.

Къ біографіи Н. М. Языкова.

Годы студенчества.

1.

Въ концѣ 1822 года, послѣ нѣсколькихъ неудачъ въ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, прибылъ въ Дерптъ для приготовленія къ университетскому экзамену девятнадцатилѣтній юноша Н. М. Языковъ. Онъ уже съ успѣхомъ началъ печатать стихотворенія въ журналахъ, но въ своемъ домашнемъ кругу чувствовалъ и держалъ себя не привыкшимъ къ самостоятельности подросткомъ. Въ семьѣ дотого пріучили его къ строжайшему и безпрекословному подчиненію старшимъ, что даже въ выборѣ для него учебныхъ заведеній соображались не съ личными его наклонностями, а съ примѣромъ его старшихъ братьевъ. Отсюда, конечно, и происходили его постоянныя школьныя неудачи, къ которымъ онъ наконецъ привыкъ дотого, что ни мало ими не смущался.

При необыкновенномъ добродушіи юнаго поэта и величайшемъ отвращеніи его къ серьезнымъ заботамъ, онъ и не думалъ тяготиться такой строгой зависимостью, считая ее для себя необходимой, что̀ и было справедливо, потому что странная система воспитанія убила въ немъ всякое стремленіе къ самостоятельности. Онъ нисколько не старался скрывать своего легкомысленнаго, почти дѣтскаго отношенія къ жизни и къ тѣмъ учебнымъ занятіямъ, которыя требовали отъ него хотя малѣйшаго напряженія. Охотно читая многія историческія сочиненія и произведенія русской и иностранной литературы, онъ чистосердечно признавался въ нелюбви къ геометріи. «Дѣлать нечего: скрѣпляюсь духомъ и черчу геометрическія фигуры... Сколько стиховъ отняла у м

ня богиня чиселъ и прочаго математическаго!.. Но Богъ съ ней: я думаю, она и сама не рада бесѣдовать съ человѣкомъ, который не радъ ей».

Откровенный юноша держалъ себя на распашку и не маскировалъ своей лѣни и безпечности, которыми зарекомендовалъ себя до такой степени, что всѣ, кто его зналъ, единодушно сходились въ томъ, что ему необходима самая заботливая опека. Всей душой привязавшійся къ нему студентъ Свербеевъ, у котораго онъ временно пріютился послѣ отъѣзда братьевъ на родину, настоятельно высказывалъ убѣжденіе, что предоставлять ему свободу очень опасно. Къ счастью, онъ и не стремился къ ней, и когда послѣ отъѣзда Свербеева за границу, ему представился случай воспользоваться ею, онъ сильно тяготился своимъ непристроеннымъ положеніемъ и былъ въ восторгѣ, когда счастливая звѣзда выручила его изъ затрудненія: дерптскій лекторъ русскаго языка и журналистъ Воейковъ, редакторъ «Новостей Литературы», оцѣнивъ поэтическій талантъ Языкова и желая имѣть его сотрудникомъ, пригласилъ его въ Дерптъ. Этотъ проектъ былъ съ радостью принятъ и одобренъ на родственномъ совѣтѣ въ виду тогдашней высокой репутаціи Дерптскаго университета, и оставалось поскорѣе осуществить его. Но не такова была натура юнаго эпикурейца, чтобы спѣшить исполненіемъ задуманнаго, и прошло еще не мало времени до отъѣзда его въ Дерптъ.

II.

Съ дерптскимъ періодомъ жизни Языкова справедливо соединяютъ представленіе о самой безшабашной и разгульной жизни. Поэтому считаемъ не лишнимъ разсказать о томъ, что онъ далеко не сразу вошелъ во вкусъ студенческаго разгула и даже сначала отзывался о немъ съ рѣзкимъ и нескрываемымъ порицаніемъ, такъ что совершившееся въ немъ внезапное превращеніе въ распущеннаго бурша можетъ быть объяснено единственно крайней неустойчивостью и нетвердостью его характера.

Сперва это просто былъ юноша жизнерадостный, веселый, безпечный, большой охотникъ поболтать и повеселиться въ обществѣ, острый на языкъ, но безъ малѣйшей желчи. Его рѣзкія сужденія, облеченныя въ забавную юмористическую форму и искрящіяся молодымъ игривымъ остроуміемъ, поражали мѣткостью и неожиданностью, а такъ какъ, при своемъ мягкомъ и добродушномъ характерѣ, онъ никого не хотѣлъ задѣвать, то ничто не мѣшало любоваться блестящимъ фейерверкомъ [illegible] дешевой, но не ядовитой шутливости. Особенно было въ его [illegible] выставлять на видъ всякую фальшь и приподнятый тонъ; такъ,

прочитавъ въ одной изъ біографій И. И. Дмитріева напыщенную фразу: «Симбирскъ отличался всегда передъ прочими губернскими городами успѣхами въ общежитіи и свѣтской образованности», Языковъ, находя забавнымъ такое реторическое заявленіе о своемъ родномъ городѣ, не удержался отъ восклицанія: «ежели это правда, то что же за дрянь эти прочіе губернскіе города!»... Легкомысленность многихъ его сужденій до нѣкоторой степени скрашивалась его находчивостью и рѣдкой начитанностью; при томъ онъ былъ, несомнѣнно, весьма даровитъ и мастеръ вести живую и занимательную бесѣду, въ которой всегда свѣтился большой природный умъ. Благодаря указаннымъ свойствамъ, онъ чрезвычайно легко сходился съ людьми, особенно съ такими же молодыми и безпечными, какъ онъ самъ, и незамѣтно и быстро умѣлъ привлекать ихъ къ себѣ. При такихъ задаткахъ изъ него могъ бы выдти, пожалуй, человѣкъ серьезный и полезный, съ благотворнымъ вліяніемъ на другихъ, если бы онъ во-время получилъ лучшее направленіе; но съ другой стороны несомнѣнно, что уже съ самаго начала у него было много данныхъ и для той самой роли, которая вскорѣ выпала ему среди дерптской молодежи, откуда онъ могъ почерпнуть столько же хорошаго, сколько и дурного, если бы несчастный, неустойчивый характеръ его не далъ перевѣса именно наименѣе желательнымъ вліяніямъ. Но пока онъ привезъ съ собой отголоски иного круга и иныхъ впечатлѣній.

III.

Въ послѣдніе мѣсяцы своей петербургской жизни Языковъ до самозабвенія предавался театру. Его впечатлительная, увлекающаяся душа была исполнена благоговѣнія къ корифеямъ сцены, Каратыгину и Семеновой, и, можетъ быть, потому-то именно ему и не хотѣлось скоро оставить столицу. Въ его первыхъ дерптскихъ письмахъ особенно ярки и свѣжи слѣды петербургскихъ театральныхъ впечатлѣній. Между прочимъ онъ сильно волновался однажды слухомъ о заключеніи (будто бы по доносу извѣстнаго генерала Милорадовича) тогдашняго кумира молодежи, В. А. Каратыгина за то, что онъ, не замѣтивъ по разсѣянности проходившаго мимо своего бывшаго начальника, экс-директора Шаховского, не подошелъ къ нему навстрѣчу. Но особенно занимали Языкова разные анекдоты и забавныя приключенія, которые онъ любилъ передавать въ юмористическомъ видѣ. Такъ онъ писалъ однажды: «Недавно въ театрѣ случилось непріятное приключеніе съ С*.; онъ пришелъ въ кресла, исполненный Бахуса, и завелъ такую хлопотню (апплодированіе) руками и такой крикъ изустный, что его на другой день отправили въ крѣпость святыхъ Петра и Павла. Причемъ

случаѣ онъ публично и даже неблагопристойно разбранилъ въ театрѣ одного чиновника министерства инквизиціи и, какъ говорятъ, за это будетъ впредь до повелѣнія высочайшаго подъ спудомъ».

Таковъ былъ Языковъ до переселенія своего въ Дерптъ; всѣ мысли его были прикованы къ театру, любимымъ его времяпровожденіемъ было посѣщеніе знакомыхъ домовъ и радушный пріемъ гостей у себя, но онъ пока не успѣлъ отвыкнуть отъ семейнаго режима и его совсѣмъ не тянуло тогда къ пирушкамъ и вакханаліямъ.

IV.

Первое время по пріѣздѣ въ Дерптъ, Николай Михайловичъ чувствовалъ тоску одиночества и сильно тяготился чуждой обстановкой, по обыкновенію ожидая выхода изъ затрудненій отъ своихъ старшихъ братьевъ. Полтора мѣсяца въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ посылалъ онъ къ нимъ письмо за письмомъ, прося совѣтовъ, какъ поступить съ собой, какую нанять квартиру; умолялъ, чтобы къ нему пріѣхала мать. Тутъ въ первый разъ, оставшись безъ привычнаго руководительства, нашъ юноша вкусилъ горечи житейскихъ заботъ и чувствовалъ себя какъ ракъ на мели. Прежде регламентировали каждый его шагъ—и вдругъ бросили въ самое трудное время. Всѣ письма упорно оставлялись безъ отвѣта, какъ послѣ объяснилось, потому, что старшій братъ, Петръ Михайловичъ, извѣстный минералогъ, только что избранный въ почетные члены Московскаго общества испытателей природы и задумавшій жениться, съ одной стороны былъ усиленно поглощенъ учеными трудами, а съ другой—предстоявшей свадьбой. Не зная, какъ возвратить себѣ попеченія неожиданно прекратившаго переписку брата, Языковъ такъ писалъ Петру Михайловичу: «Не стану упрекать васъ, любезнѣйшій братецъ, въ неотвѣтности на письма мои, ибо теперь совершенно увѣрился въ напрасности таковаго труда. Не стану просить васъ писать хотя понемногу, ибо недѣйствительность многихъ прошеній по сей части убѣждаетъ, что вы не умилостивились бы и тогда, когда бы я втрое болѣе потерялъ крови, досадуя на ваше Единому Всевѣдцу постижимое молчаніе. Богъ да разсудитъ насъ въ семъ случаѣ, и надѣюсь, что на вѣсахъ правды я получу преимущество: на моей сторонѣ лежитъ огромный пукъ писемъ, а на вашей только одно письмо, если можно назвать симъ именемъ каталогъ сѣмянъ».

До какой степени томительное ожиданіе удручало юношу, видно изъ его отчаянныхъ сѣтованій на невыносимость неопредѣленнаго положенія; онъ съ горечью ропщетъ между прочимъ на то, что, пріискивая себѣ квартиру, онъ всюду высматриваетъ афиши на столбахъ, но все-таки

не знаетъ, на что рѣшиться, «ибо», прибавляетъ онъ, «не имѣю чести знать, что вы думаете, когда молчите».

Приведенныя строки достаточно рисуютъ растерянность Языкова, совсѣмъ не обрадовавшагося тому, что слѣпой случай, на первыхъ же порахъ его дерптской жизни, предоставилъ ему ту самую свободу, которую для него считали такой опасной и гибельной, и которой онъ самъ боялся больше огня. Но вскорѣ, благодаря рекомендацiи Воейкова, ему удалось помѣститься у почтеннаго профессора Борга, который отъ души полюбилъ веселаго и общительнаго юношу, сразу ставшаго въ его семействѣ прiятнымъ домашнимъ человѣкомъ. Будучи полезенъ Языкову практикой въ нѣмецкомъ языкѣ, Боргъ, въ свою очередь, нашелъ неоцѣнимый кладъ въ своемъ молодомъ другѣ, помогавшемъ ему въ изученiи русской литературы. Послѣднюю Боргъ зналъ уже хорошо для иностранца, но желалъ усовершенствовать свои познанiя въ этой области и получше овладѣть русскимъ языкомъ. Но главное, Языковъ, при своихъ хорошихъ средствахъ, не затруднялся выписывать русскiя книги изъ Петербурга, а въ тѣ времена въ Дерптѣ было чрезвычайно трудно доставать ихъ, не исключая даже расходившейся тогда въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ «Исторiи государства Россiйскаго».

V.

Едва свалилась съ плечъ Языкова забота объ устройствѣ въ чуждомъ городѣ, какъ его настроенiе снова начинаетъ дышать беззавѣтнымъ ликованiемъ, не смотря даже на то, что нѣкоторое время все еще чувствовалось порой, что сообщительный юноша тяготится незнанiемъ нѣмецкаго языка, вслѣдствiе чего, даже по прошествiи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ прiѣзда, онъ признавался, что нравы дерптскiе ему мало извѣстны. Пока онъ ограничивался тѣмъ, что присматривался къ нимъ со стороны и съ свойственнымъ ему лукавымъ добродушiемъ подмѣчалъ слабыя стороны нѣмцевъ и относился къ нимъ юмористически.

По поводу посѣщенiя нѣсколькихъ рекомендованныхъ ему Боргомъ семействъ Языковъ замѣтилъ: «Главная черта здѣшнихъ жителей— трубки и пиво». Подшучивалъ онъ и надъ некрасивыми дерптскими дѣвушками:

„По чести, попрекнуть нельзя
Красавицъ здѣшнихъ недостаткомъ:
У каждой изъ носу, друзья,
Два носа выкроишь съ остаткомъ“.

Но ему нравилась скромность замужнихъ женщинъ: «Мнѣ особенно нравятся нѣмецкiя жены: онѣ чрезвычайно любятъ мужей своихъ и всѣ хорошiя хозяйки; образованы, веселы».

Поселившись у Борга, Языковъ, казалось, попалъ въ надежныя руки, но это обстоятельство только напрасно усыпило бдительность братьевъ. На первыхъ порахъ онъ былъ въ великомъ восторгѣ отъ своихъ хозяевъ и не безъ самодовольствія писалъ: «Я здѣсь живу понѣмецки; мнѣ очень нравится эта жизнь, и не опасаюсь скуки, не смотря на малое число знакомыхъ». Очень возможно, что, при гибкости своего характера и чрезвычайной привязанности, Языкову хотя отчасти удалось бы втянуться въ скромную трудовую жизнь почтенной нѣмецкой семьи, которой интересы были ему не чужды. Въ домѣ Борга Языковъ съ упоеніемъ предавался чтенію Шиллера, особенно его «Донъ Карлоса». Однажды онъ писалъ одному изъ братьевъ: «Торжественно и радостно объявляю тебѣ—что бы ты думалъ? Вѣрно, какое-нибудь новое произведеніе неугомонной музы твоего поэта-молокососа? Нѣтъ! Вѣрно, вступленіе въ университетъ? Нѣтъ!... Что же? А вотъ въ чемъ дѣло: это стоитъ дороже, это важнѣе, пріятнѣе и восхитительнѣе для меня всѣхъ моихъ настоящихъ и прошедшихъ произведеній, всѣхъ возможныхъ вступленій въ университетъ, всѣхъ степеней ученыхъ... Это... это... я читаю «Донъ Карлоса»! «Донъ Карлоса»!

Итакъ дѣло пошло было хорошо, но на бѣду Боргъ былъ страшно заваленъ служебными обязанностями, такъ что молодому поэту скоро пришлось съ грустью убѣдиться, что, не смотря на жизнь въ нѣмецкомъ семействѣ, практика въ языкѣ все-таки подвигается туго, такъ что приходилось убивать время въ ежедневныхъ упражненіяхъ съ женой Борга въ пикетъ и другія карточныя игры исключительно ради разговора. И вотъ, вмѣсто приготовленій къ экзамену, онъ, по своему пылкому темпераменту, началъ увлекаться «этой женщиной хорошей и тѣлесно и нравственно».

Пришлось подумать о прінсканіи себѣ новой квартиры. А тутъ какъ нарочно одинъ знакомый нѣмецъ, желая самъ поучиться по-русски, предложилъ Языкову поселиться вмѣстѣ въ интересахъ взаимнаго обученія.

Рѣшивъ такимъ образомъ перейти отъ Борга на отдѣльную квартиру и устроиться независимо, Николай Михайловичъ, какъ всѣ слабохарактерные люди, напускаетъ на себя развязность и категорически заявляетъ братьямъ, что въ его годы уже поздно охранять его профессорскимъ надзоромъ отъ увлеченій и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнѣйшимъ образомъ кается, что можетъ «лишь съ неувѣренностью располагать своими дѣйствіями, постоянно опасаясь какихъ-нибудь препятствій, всегда возможныхъ для того, который, можетъ быть, еще не зависитъ отъ своей воли». Уже тогда на свое пребываніе въ Дерптѣ Языковъ смотрѣлъ, по собственному сознанію, какъ на скучную временную станцію, необходимую для пріобрѣтенія привычки къ труду. «Едва-ли»—пишетъ онъ—«я останусь въ Дерптѣ цѣлые три или четыре

года: я пріѣхалъ сюда почти не затѣмъ, чтобы учиться (что можно было бы и дома, еслибъ не...); мнѣ нужно гораздо болѣе научиться учиться».

VI.

Сдѣлавшись студентомъ, Николай Михайловичъ сгоряча рѣшилъ погрузиться съ головой въ занятія науками и литературой, а къ неработающимъ студентамъ относился съ почти нескрываемымъ презрѣніемъ. Въ своихъ письмахъ онъ мѣтко и язвительно характеризуетъ слабыя стороны академической жизни. Между прочимъ однажды онъ такъ отозвался о своихъ коллегахъ: «здѣсь студенты живутъ очень весело; занимаются больше танцами и фантами, и часто звонъ ихъ внутренней колокольни заглушаетъ профессорскія лекціи». Въ непривлекательномъ видѣ рисуетъ онъ нравы студентовъ, передавая съ насмѣшкой разные случаи, происходившіе въ студенческой «мусѣ» (такъ называлось отдѣленіе клуба). Объ одномъ отрекомендованномъ Воейковымъ студентѣ въ качествѣ дѣльнаго и полезнаго товарища онъ съ неудовольствіемъ замѣчаетъ, что «балы—его факультетъ», о другихъ говоритъ, что «танцы вытряхиваютъ умъ изъ ихъ головы», а за себя радуется, что ему, какъ поэту, въ числѣ другихъ льготъ, позволяли не танцовать. Съ пренебреженіемъ относясь даже къ такимъ невиннымъ развлеченіямъ, какъ танцы, нашъ поэтъ усердно погружался въ чтеніе нѣмецкихъ поэтовъ, а также Горація, Кальдерона, Тибулла, Сафо и проч. И все это воспринималось всей душой, съ горячимъ упоеніемъ поэта и эстетика по натурѣ. Убѣжденный въ необходимости изученія иностранныхъ языковъ для расширенія своего литературнаго образованія, онъ не оставлялъ занятій даже греческимъ языкомъ, за который принялся по совѣту Жуковскаго, считавшаго незнаніе этого языка важнымъ пробѣломъ въ собственномъ образованіи.

Но при крайне недисциплинированномъ характерѣ, при неумѣніи устранять препятствія и привычкѣ всегда плыть по теченію, Николай Михайловичъ не былъ въ состояніи долго выдержать назначенный себѣ режимъ и отрѣшиться отъ соблазновъ окружающей жизни; скоро и незамѣтно онъ впалъ въ противоположную крайность. Сперва только для необходимаго освѣженія онъ изрѣдка и равнодушно заглядывалъ на вечера и маскарады, явно пренебрегая условными требованіями мѣстнаго студенческаго кодекса, чѣмъ, при своей несдержанной откровенности, рисковалъ, можетъ быть, вызвать неудовольствіе цѣлой корпораціи или навлечь на себя дуэль, если бы многое не прощалось ему за его поэтическій талантъ. Но вотъ мало-по-малу въ силу общительнаго характера онъ сблизился кое-съ-кѣмъ изъ товарищей, сталъ къ нимъ привѣтливъ и ласковъ, и вскорѣ, съ непостижимой быстротой, объяс-

няемой только баснословной безхарактерностью, въ немъ совершился крутой переходъ отъ иронически-несдержаннаго отношенія къ товарищамъ къ постоянному и дѣятельному участію въ ихъ же кружкахъ и кутежахъ. Талантъ и литературная слава привлекали къ нему поклонниковъ и создали ему оригинальную роль пѣвца свободныхъ студенческихъ гимновъ. Къ нему стали собираться въ множествѣ и проводить цѣлыя ночи въ разгулѣ. Девизомъ были провозглашены пѣсни, вино и свобода. Гостепріимный хозяинъ, упоенный волшебнымъ обаяніемъ молодого веселья и окруженный роемъ прославляющихъ его въ торжественномъ ликованьѣ удалыхъ буршей, не стѣсненный при томъ матеріальными средствами, широко распахнулъ двери для веселыхъ гостей, толпящихся около его тріумфальной колесницы. Николай Михайловичъ уже не примиряется съ такой жизнью—онъ очарованъ и упоенъ и забылся въ чаду пиршественныхъ тостовъ и вакхической поэзіи. Стоило ему только единый шагъ сдѣлать въ этомъ скользкомъ направленіи—и все пропало: возвратъ на колею благоразумія, на которой онъ и раньше едва могъ держаться, одѣлался для него невозможенъ. И вотъ оказался пропущеннымъ критическій моментъ, котораго не предусмотрѣли его заботливые братья, надѣявшіеся всегда направлять его по своему благоусмотрѣнію и не подозрѣвавшіе самой ошибочности даннаго ему направленія, и трагически оправдалась извѣстная пословица объ излишней попечительности. Казалось, даровитому юношѣ суждено было въ жизни явиться яркимъ, прекраснымъ свѣтиломъ и подобала ему завидная доля избранника. Удачно составилъ онъ себѣ прекрасно обдуманный планъ ученія, и нужно было спѣшить его выполнить. Но рано избаловавшая своего фаворита литературная слава, постоянное восхваленіе увлекающейся молодежью пріучило поэта возлагать обширныя надежды на будущее, не думая о томъ, что съ каждымъ днемъ невозвратно уходитъ время для ихъ осуществленія.

Впрочемъ не совсѣмъ безъ пользы оставался Языковъ такъ долго (1822—1829 г.) въ Дерптѣ. Онъ съ увлеченіемъ слушалъ нѣкоторыя лекціи и относился къ нимъ съ живымъ интересомъ. Въ то время исполнявшій обязанности ректора профессоръ исторіи Эверсъ воодушевлялъ своими лекціями слушателей; Языковъ также восторгался ихъ простотой, убѣдительностью и ясностью, а главное—замѣчательнымъ даромъ профессора изображать характеры. Больше всего его приводили въ восхищеніе чтенія Эверса о Годуновѣ, изложенныя безъ эффектовъ, но талантливо и ярко. Подъ впечатлѣніемъ этихъ лекцій, сильно дѣйствовавшихъ на воображеніе молодого поэта, Языковъ съ великимъ нетерпѣніемъ ждалъ выхода соотвѣтствующихъ томовъ исторіи Карамзина, предвидя, что изображеніе такой замѣчательной личности должно выйти особенно блестящимъ изъ подъ-пера знаменитаго исторіографа.

VII.

Со времени вступленія въ университетъ Николай Михайловичъ былъ признанъ наконецъ взрослымъ въ семейномъ кругу: онъ уже получилъ нѣкоторую возможность располагать собой въ вопросахъ домашняго устройства, но эта свобода касается только мелочей; въ остальномъ продолжается въ полной мѣрѣ зависимость отъ братьевъ, по-прежнему завѣдывавшихъ его денежными дѣлами, и очень часто, по небрежности или, напротивъ, въ силу сознательнаго намѣренія удержать неблагоразумнаго молодого человѣка отъ лишнихъ расходовъ, туго удовлетворявшихъ его постоянныя просьбы. Такое положеніе вещей сохранилось уже навсегда и въ значительной степени объясняется тѣмъ, что имѣніе братьевъ не было раздѣлено до самой смерти Николая Михайловича. Онъ продолжаетъ совѣтоваться съ братьями о каждомъ своемъ шагѣ и ничего не предпринимаетъ безъ ихъ согласія, продолжая въ то же время давать обстоятельный отчетъ въ своихъ поступкахъ и образѣ жизни.

Но въ чемъ же въ такомъ случаѣ заключалась нѣкоторая свобода, предоставленная нашему студенту? Съ внѣшней стороны перемѣна была замѣтная: даже къ старшему брату, Петру, Николай Михайловичъ относился теперь въ письмахъ какъ къ равному и обращался къ нему на ты; самый тонъ писемъ изъ сдержанно-почтительнаго переходитъ въ свободный и дружескій. Мало того: теперь уже въ качествѣ взрослаго его привлекаютъ къ заботамъ о воспитаніи младшей сестры, Прасковьи Михайловны, которую онъ нѣжно любилъ и называлъ ласковымъ именемъ: «Пируши»[1]). На короткое время онъ горячо принялъ къ сердцу эти заботы; совѣтовалъ сестрѣ прочесть исторію Карамзина, стихотворенія Жуковскаго, комедію Грибоѣдова «Горе отъ ума» и убѣдительно говорилъ о значеніи труда, горячо признаваемаго имъ въ теоріи. Онъ даже упрекалъ старшихъ братьевъ за недостаточную заботливость о сестрѣ. Но такое рвеніе продолжалось только, пока ему льстила новая роль и пока онъ принималъ за высокую и чуть ли не за незаслуженную честь участіе въ семейныхъ заботахъ. Сначала ему не вѣрилось, ему было странно и дико, что наконецъ и его удостоили небывалой чести, признавая его за зрѣлаго человѣка, имѣющаго право голоса въ серьезныхъ вопросахъ. Въ концѣ концовъ искреннія, но запоздалыя попытки поставить его голосъ на надлежащую

---

[1]) Въ семьѣ Языковыхъ существовало обыкновеніе давать другъ другу прозвища: Александръ Михайловичъ прозывался Дюкъ, Николай Михайловичъ—Вессель, Прасковья Михайловна—Пикотъ и Piруша, Катерина Михайловна (впослѣдствіи Хомякова)—Котелъ.

степень авторитетности въ вопросахъ семейнаго совѣта не привели къ положительнымъ результатамъ...

А между тѣмъ, повторяемъ, этотъ юноша былъ уже всѣми признанный поэтъ, сотрудничества котораго настойчиво добивались журналы, до такой степени дорожа его подписью, что у него просили разрѣшенія выставить ее, если онъ почему-нибудь затруднялся этимъ; а Воейковъ выманивалъ у него стихи даже чарами своей жены и злоупотреблялъ его именемъ, подписывая подъ непринадлежащими ему стихотвореніями намекающіе на него инціалы...

VIII.

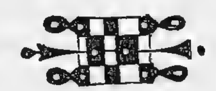
Въ концѣ 1829 года Языковъ рѣшился наконецъ разстаться съ Дерптомъ, не добившись диплома и потерявъ почти даромъ много лѣтъ. Онъ задумалъ переселиться въ Москву для того, чтобы, въ серьезной и трудолюбивой семьѣ Елагиныхъ, въ милой и уютной обстановкѣ, довершить свое сильно затянувшееся университетское образованіе. Но было уже поздно, что онъ и самъ сознавалъ. Черезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ въ Москву, онъ писалъ: «не знаю, буду ли дѣлать то, для чего я въ Москвѣ, но навѣрно стану писать стихи, а это все-таки больше, нежели ничего не дѣлать», а въ слѣдующемъ письмѣ безъ стѣсненія замѣчаетъ: «Вотъ что мнѣ хочется сдѣлать съ самимъ собой: отложить попеченіе объ экзаменѣ, потому что, кажется, пора назвать глупыми толки о немъ и сборы къ нему и опредѣлиться куда-нибудь, хоть въ архивъ, примѣрно на годъ, прожить этотъ годъ въ стихописаніи, а потомъ, получивъ чинъ, переселиться въ деревню, въ глушь заволжскую и вести жизнь тихую, трудолюбивую и, слѣдственно, благородную и прекрасную». Наконецъ, онъ безъ обиняковъ говоритъ, что, отправляясь въ Москву, уже питалъ надежды собственно на свои успѣхи въ поэзіи, а не въ наукахъ, оправдывая себя тѣмъ, что ему важнѣе всего «уединиться и писать, писать, писать», потому что для него «въ мірѣ нѣтъ и не должно быть спасенія кромѣ своихъ стиховъ».

Само собой разумѣется, что и новая, во всѣхъ отношеніяхъ въ высшей степени благопріятная обстановка не помогла Языкову сосредоточиться на наукахъ, и онъ все продолжалъ возлагать большія надежды на перемѣну внѣшнихъ условій: то онъ мечтаетъ освободиться отъ развлекающей семейной сутолоки и, нанявъ другую квартиру, обрѣсти полное уединеніе и на свободѣ предаться труду, то съ наступленіемъ весны его тянетъ за городъ, «чтобы удалиться отъ всякихъ отношеній къ суетамъ міра»... Но все это, конечно, ни къ чему не привело, и дѣло кончилось возвращеніемъ на родину безъ диплома.

Намъ остается прибавить, что было бы крайне ошибочно предполагать въ Языковѣ въ его студенческіе годы будущую его религіозность и славянофильство. Онъ шутливо сообщалъ напримѣръ о томъ, что говѣлъ pro forma и что профессоръ Перевощиковъ, подумавъ, что онъ это «дѣлалъ отъ сердца и ума», благодарилъ его. Съ другой стороны, не смотря на искреннее и задушевное сочувствіе роднымъ обычаямъ и старинѣ, Языковъ ни въ какомъ случаѣ не могъ назваться тогда славянофиломъ. Онъ безусловно признавалъ превосходство Запада передъ Россіей, а сравнивая русскую литературу съ иностранными, считалъ ихъ несоизмѣримыми величинами, при чемъ рѣшительное предпочтеніе отдавалъ литературѣ нѣмецкой. «Какъ мало»—говорилъ онъ—«наше великое въ современной литературѣ! какъ ничтожно значительное и тупо возвышенное, а если взглянуть на нее, зная Гёте и Шиллера—мы пигмеи передъ ними, а если думаемъ иначе, то или потому, что не знаемъ ихъ, или не знаемъ себя, или состояніе истинной поэзіи». Таково было сужденіе о нѣмецкой литературѣ «будущаго славянофила по родству»[1]).

О политическомъ вольнодумствѣ Языкова въ молодости, крайне поверхностномъ и не серьезномъ, не считаемъ нужнымъ говорить.

В Шенрокъ.

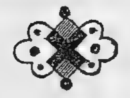
[1]) Для объясненія такого крайняго взгляда не лишнее замѣтить, что Языковъ, какъ это ни странно въ поэтѣ, не умѣлъ цѣнить Пушкина и относился съ полнымъ неодобреніемъ къ „Борису Годунову" и еще больше къ историческимъ трудамъ Пушкина. („Пушкинъ только и говоритъ, что о Петрѣ, котораго не возлюбляетъ. Онъ много, дескать, собралъ и еще соберетъ новыхъ свѣдѣній для своей исторіи, открылъ, сообразилъ, освѣтилъ и проч."). Сказкамъ Пушкина онъ предпочиталъ сказки Жуковскаго, а о занятіяхъ его народными пѣснями выражается такъ: «онъ, кажется, хвастаетъ». Невыгодно отзывается Языковъ и о пребываніи Пушкина въ Москвѣ: „Пушкинъ сегодня отправляется въ Питеръ. Между нами будь сказано, онъ пріѣзжалъ по дѣламъ не чисто литературнымъ, а для картежныхъ сдѣлокъ и находился въ обществѣ самомъ мерзкомъ". Наконецъ, о повѣстяхъ Бѣлкина онъ выражается такъ: „Выстрѣлъ" и „Барышня-крестьянка" лучше прочихъ, а прочія не стоятъ письма, а тѣмъ паче печати". Такое постоянно недружелюбное отношеніе Языкова къ Пушкину и его произведеніямъ, при наилучшихъ внѣшнихъ знакахъ расположенія, остается тѣмъ болѣе непонятной загадкой, что Языковъ, повидимому, совсѣмъ не былъ способенъ къ двуличности и лицемѣрію.

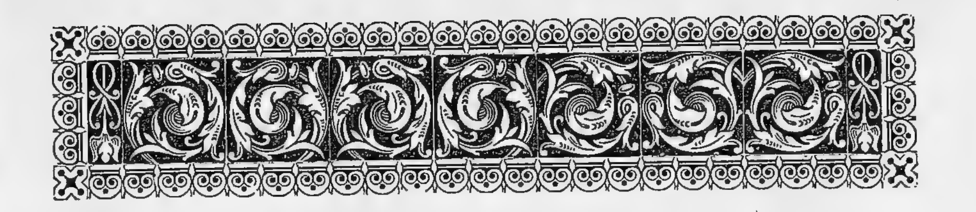
Увѣковѣченіе памяти князя Репнина.

Указъ императора Александра I Правительствующему Сенату.

12-го іюля 1801 г.

Въ ознаменованіе отличнаго нашего уваженія къ воинскимъ и гражданскимъ подвигамъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Репнина, въ память добродѣтелей его и любви къ отечеству, коими и въ мирѣ, и войнѣ, и на службѣ, и въ уединеніи до самаго конца жизни своей былъ онъ преисполненъ, и во свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но, живя въ признательности всеобщей, переходятъ изъ рода въ родъ, согласно желанію его, ближнимъ его родственникамъ и намъ самимъ извѣстному, соизволяемъ, чтобъ родной его внукъ, отъ дочери его рожденный, полковникъ князь Николай Волконскій принялъ фамилію его, и отнынѣ потомственно именовался княземъ Репнинымъ; да родъ князей Репниныхъ столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въономъ не угаснетъ, но обновясь пребудетъ навсегда съ имянемъ и примѣромъ его въ незабвенной памяти россійскаго дворянства.

Марина Мнишекъ и шахъ Аббасъ II.

Въ своей статьѣ, помѣщенной въ февральской книгѣ «Русской Старины», о. П. Пирлингъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о судьбѣ Марины Мнишекъ послѣ майскаго погрома 1606 года. Нельзя однако не пожалѣть, что почтенный авторъ не воспользовался богатымъ матеріаломъ для біографіи и характеристики злополучной развѣнчанной царицы, помѣщеннымъ въ «Актахъ историческихъ» и въ «Памятникахъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей» [1]).

I.

Въ началѣ апрѣля 1613 года бояре, по присланному изъ Ярославля государеву указу, снарядили для поимки Заруцкаго съ Маринкою ополченія: суздальское, тульское, владимірское и рязанское, подъ общимъ начальствомъ боярина князя Ивана Никитича Одоевскаго. Начальниками отдѣльныхъ ополченій были: князь Романъ Петровичъ Пожарскій, князь Григорій Васильевичъ Тюфякинъ, Иванъ Васильевичъ Измайловъ и Миронъ Андреевичъ Вельяминовъ [2]). Между тѣмъ воровскіе казаки, покидавшіе Заруцкаго и присягавшіе молодому царю, показывали въ разспросѣ, что «Заруцкій-де хочетъ идти въ Казилбаши (Персію), а Маринка-де съ нимъ идти не хочетъ, а зоветъ его съ собою въ Литву».

---

[1]) Изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго. Спб. 1892—1898, томы I—III.

[2]) Русская лѣтопись по Никонову списку, изд. 1772 г., ч. VIII, стр. 204—205.

Одоевскій съ войскомъ настигъ Заруцкаго подъ Воронежемъ; «и бывшу бою, не возмогоша его одолѣть, и многую шкоду подъяша отъ него въ людехъ; онъ же, переправясь Донъ, съ Маринкою пойде степью къ Астрахани» [1]).

Овладѣвъ, съ помощью ногайскаго мурзы Иштерека, Астраханью, Заруцкій провелъ здѣсь всю зиму 1613—1614 г., производя насилія надъ городскимъ населеніемъ. Въ числѣ другихъ онъ казнилъ окольничаго и воеводу князя Ивана Дмитріевича Хворостинина; взялъ изъ Троицкаго монастыря серебряное паникадило, изъ котораго сдѣлалъ себѣ, между прочимъ, стремена. Грамоты свои онъ издавалъ отъ имени «государя царя и великаго князя Дмитрея Ивановича всея Руссіи, и отъ государыни царицы и великой княгини Марины Юрьевны всея Руссіи, и отъ государя царевича и великаго князя Ивана Дмитріевича всея Руссіи» [2]).

Марина въ то же время, опасаясь бунта, «къ завтренямъ въ колокола рано благовѣстить и звонить не велѣла..., а говоритъ отъ звону-де сынъ полошается» [3]). Тогда же она устроила себѣ домовую католическую церковь, которую 28-го августа 1613 г. освятилъ одинъ изъ трехъ состоявшихъ при ней монаховъ, августинецъ Николай Мело [4]).

Изъ приведеннаго титула видно, что Заруцкій принялъ на себя роль мужа Марины, кѣмъ онъ и былъ de facto въ описываемый періодъ смуты.

Собираясь выступить, весною 1614 г., въ походъ подъ Самару и подъ Казань, Заруцкій взялъ аманатовъ у Иштерека [5]) и отправилъ осенью 1613 года къ персидскому шаху Аббасу II посольство съ просьбою о помощи, съ Яковомъ Глядковымъ во главѣ. Въ составъ посольства вошли: терскій годовальщикъ Иванъ Даниловичъ Хохловъ, астраханскій подъячій Богданъ Накрачѣевъ Корогаиъ, астраханскій толмачъ Ѳедька Ивановъ, прозвищемъ Бондырь, стрѣльцы разныхъ приказовъ: Иванъ Филипьевъ, Микула Даниловъ, Григорій Ивановъ, Сергѣй Ивановъ и др., всего до 20 человѣкъ [6]). Вмѣстѣ съ посольствомъ [7]), отправленъ былъ къ шаху и находившійся тогда въ Астрахани персидскій купчина Хаджи-Муртаза, котораго Марина привела къ

---

[1]) Новый лѣтописецъ, изд. кн. Оболенскаго. 1853 г., стр. 162.

[2]) А. И., т. III.

[3]) А. И., т. III, 412 стр.

[4]) „Русск. Ст." 1903, февр., стр. 255—256.

[5]) А. И., т. III, 411 стр.

[6]) Веселовскій. „Памятники" т. II, 366—367, 366; т. III, 18 и А. И. т. III, 412.

[7]) Веселовскій. „Памятники" т. III, 1.

шерти, чтобы онъ просилъ отъ ея имени у шаха денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ. «А умыселъ и приказъ весь былъ тайно одному вору—Якушку Глядкову» [1]).

Съ дороги послы жаловались Маринѣ: «въ Дербени-деи имъ дали 20-ти человѣкомъ къ шаху ѣхать толко 5 ишековъ (ословъ), и какъ-деи будемъ у шаха, и мы-деи рады вашимъ дѣломъ промышляти» [2]).

Въ Баку Хаджи-Муртаза зажился, а Иванъ Хохловъ и Яковъ Глядковъ, не дожидаясь его, двинулись съ посольствомъ дальше и, прибывъ къ шаху, подали ему грамоты отъ Марины. Глава посольства Яковъ Гладковъ, валяясь въ ногахъ у шаха, слезно молилъ его дать имъ на литовскихъ людей вспоможенье: «ближія своея думы», человѣкъ съ 500 денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ [3]). Глядковъ добавилъ, что, если шахъ не поможетъ имъ теперь же, то «съ Москвы-де будетъ рать и Астрахань-де осадятъ и изъ Астрахани-де насъ не выпустятъ».

Въ благодарность за помощь, Глядковъ, отъ имени Заруцкаго, обѣщалъ шаху сдать ему Астрахань [4]).

Шахъ благосклонно выслушалъ посольство, согласился дать Заруцкому «денежные казны двѣнатцать тысячъ тюменей, а тюмень по шти рублевъ, и хлѣбные запасы многіе», и приказалъ отвезти все это въ Астрахань своему кречетнику Пулунъ-беку. Впослѣдствіи терскому воеводѣ Петру Петровичу Головину удалось провѣдать стороною, что шахъ Аббасъ замышлялъ послать съ Пулунъ-бекомъ, отрядъ отборнаго войска, численностью въ 500 человѣкъ, дабы съ помощью ихъ и приверженцевъ Заруцкаго «всѣхъ побити и Астраханью завладѣти, а на Теркѣ городъ каменой поставити и посадити на Теркѣ Ивашку Заруцкаго», «а литовку Маринку было ему (шаху) у себя держати на постелѣ» [5]).

II.

Прошло мѣсяца два. Уже готовились, по приказанію шаха Аббаса, хлѣбные запасы и казна для Заруцкаго, когда вдругъ, въ началѣ 1614 года, прибылъ изъ Баку въ Испагань Хаджи-Муртаза.

---

[1]) Веселовскій. „Памятники“, т. III, 2.
[2]) А. И., т. III, 412.
[3]) Веселовскій. „Памятники“, III, 3 и III, 53.
[4]) Веселовскій. „Памятники“, т. II, 348.
[5]) Тамъ же, 347—348 и 352.

Еще въ Астрахани Муртаза говорилъ «многимъ добрымъ людемъ»: «Посылаютъ-де воръ Ивашко Заруцкой и Маринка пословъ воровскимъ обычаемъ, и шахъ-де Астарахань не возьметъ и людей воинскихъ въ Астарахань не пришлетъ, тѣмъ-деи шахъ съ Московскимъ государствомъ не ссорится, и казны-де имъ не дастъ же» [1]).

Явившись шаху въ тайной аудіенціи, Хаджи-Муртаза, по его словамъ, представилъ Аббасу II грамоту астраханскаго воеводы окольничаго князя Ивана Дмитріевича Хворостинина, который убѣждалъ шаха ни въ чемъ не давать вѣры воровскому посольству и сообщалъ о вступленіи на царство Михаила Ѳеодоровича [2]). Отъ себя Муртаза будто-бы прибавилъ, что русская земля «стала вся въ одиначествѣ», а бунтуютъ лишь Астрахань да Терекъ, и что Астрахань не устоитъ, какъ придетъ сверху московская рать [3]). Шахъ Аббасъ спрашивалъ о Маринѣ, «какова она лицомъ и сколько хороша, молода или стара, и былъ ли онъ (Муртаза) у неѣ у руки, и горячи ли у нее руки, и что дала ему, Муртазѣ, на отпуске». На это Муртаза отвѣчалъ, что «у руки-деи у неѣ на отпуске былъ и за руку принялъ, и рука-де у неѣ горячя, и какъ ево литовка Маринка изъ Астарахани отпустила, и ему дала на отпускѣ двѣ скляницы вина». Вина Муртаза не пилъ, а взялъ съ собою. Шахъ велѣлъ ему принести это вино, отвѣдалъ самъ, а пьючи говорилъ: «топере-деи пью вино, а впередь видать ли-деи мнѣ еѣ самое у собя?» [4]).

Муртазѣ, какъ богатому купцу, ведшему обширную торговлю съ Астраханью, было весьма невыгодно ссорить шаха съ Москвою. Поэтому можно, повидимому, не сомнѣваться въ справедливости вышеизложенныхъ показаній Муртазы, данныхъ въ декабрѣ 1614 г. въ Москвѣ думному дьяку Петру Третьякову.

Какъ бы то ни было, Аббасъ II не послалъ Заруцкому помощи, пословъ его задержалъ, и, отправляясь войной на Грузію, оставилъ Ивана Хохлова въ Ганжѣ (теперь—Елизаветполь), а Якова Глядкова взялъ съ собою. Возвращаясь изъ Грузіи, шахъ весною 1614 г. послалъ Глядкова съ кречетникомъ своимъ Пулунъ-бекомъ въ Астрахань провѣдать, «что въ Астарахани дѣетца» [5]). Съ ними же, какъ показывалъ впослѣдствіи Глядковъ, шахъ послалъ «къ Маринкѣ въ даръ 4 бархаты черныхъ, 2 меляка золотныхъ, 3 камки золотныхъ, а къ Ивашку Заруцкому—иноходецъ да саблю булатную, да покровецъ конной нарядной» [6]).

[1]) А. И. т. III, 412.
[2]) Веселовскій. „Памятники“, т. III, 24.
[3]) Тамъ же, т. II, 357—358.
[4]) Тамъ же, т. II, 351.
[5]) Тамъ же, т. III, 3.
[6]) Тамъ же, т. III, 3.

Пулунъ-беку велѣно было взять въ Астрахани «для поспешенія» у персидскихъ купцовъ 2.000 рублей и дать эти деньги Маринѣ и Заруцкому, «покамѣста бо̀льшая отъ него, отъ шаха Баса (Аббаса), казна придетъ въ Асторохань»[1]).

Придя въ Дербентъ, послы узнали отъ присланнаго туда къ караваннымъ головамъ терскаго стрѣльца Семена Шушерина, что Астрахань очищена отъ воровъ и свободна для персидскихъ торговыхъ людей. Поэтому послы дальше не пошли, а остались въ Дербентѣ, ждать дальнѣйшихъ распоряженій шаха [2]).

Когда вѣсть о пораженіи Заруцкаго отрядомъ Василія Даниловича Хохлова пришла въ Персію, Иванъ Хохловъ съ товарищи 29-го іюля 1614 г. въ Ганжѣ присягнулъ на вѣрность молодому царю, а шахъ Аббасъ немедленно отправилъ Хаджи-Муртазу съ грамотою и дарами къ царю Михаилу Θеодоровичу [3]).

Но уже около Астрахани, въ августѣ 1614 г., Муртаза встрѣтилъ казанскаго сына боярскаго Ивана Брехова, ѣхавшаго посломъ къ шаху съ порученіемъ занять денегъ для веденія войны съ Польшею, и потребовать выдачи Ивана Хохлова съ товарищи. Хохловъ былъ выданъ и привезенъ въ Москву, гдѣ «сидя за приставомъ животъ свой мучилъ», пока 12-го іюля 1615 года не былъ прощенъ за заслуги брата, Василія Даниловича Хохлова, освободившаго Астрахань отъ мятежниковъ [4]).

Въ декабрѣ 1614 г. прибылъ въ Москву Хаджи-Муртаза; онъ объяснилъ дѣйствія шаха тѣмъ обстоятельствомъ, будто послѣдній, думая, что Литва завладѣла Московскимъ государствомъ, хотѣлъ помочь Заруцкому и Маринѣ, «не вѣдая ихъ воровства». Нельзя допустить, чтобы такое объясненіе показалось удовлетворительнымъ; да и, вообще, Муртазѣ не слишкомъ вѣрили: когда онъ сталъ бить челомъ о возвратѣ шаховыхъ товаровъ, отнятыхъ у него, Муртазы, въ Астрахани мятежниками, думный дьякъ Третьяковъ отвѣчалъ: «И того подлинно какъ вѣдать: тѣ товары у него иманы сильно (насильно), или онъ асторохандовъ ссужалъ на вспоможенье противъ государя и Московскаго государства людей?»... Да въ тѣхъ товарахъ ему отказалъ [5]).

Однако шахъ Аббасъ не потерялъ надежды на возвратъ своихъ товаровъ и даже спустя три года, 6-го ноября 1618 г., говорилъ на аудіенціи русскому послу князю Михаилу Петровичу Барятинскому:

---

[1]) Тамъ же, т. II, 358.
[2]) Тамъ же, т. II, 346—347 и III, 4.
[3]) Тамъ же, т. III, 55 и III, 4.
[4]) Тамъ же, т. III, 25 и III, 57—58.
[5]) Тамъ же, т. III, 36.

«Въ смутное время (я) Астарахань перекормилъ и пшено къ нимъ посылалъ, а о томъ никоторыми дѣлы не помыслилъ, что мнѣ Астарахань взяти и Астараханью владѣти»[1]).

Впрочемъ, когда до шаха дошелъ слухъ, будто «литовской король Московскимъ государствомъ завладѣлъ», то Аббасъ II едва не засадилъ государевыхъ пословъ въ темницу. На ихъ счастье 21-го мая 1619 г. пріѣхалъ къ посламъ терскій сынъ боярскій Первой Лукинъ съ хорошими вѣстями о положеніи дѣлъ [2]).

III.

Г. Пирлингъ затрудняется рѣшить, какова была участь Марины Мнишекъ. Въ настоящее время возможно категорически сказать, что Марина не была утоплена, какъ о томъ гласитъ сохранившееся среди польскихъ бернардиновъ преданіе, и какъ утверждалъ польскій писатель Юліанъ Нѣмцевичъ, по извѣстію котораго Марину свезли на Уралъ и тамъ утопили въ проруби; Марина не была и сожжена живою, какъ говорятъ испанскіе источники, исходящіе отъ бывшаго при ней кармелита Ивана-Ѳаддея.

Подъ сильнымъ конвоемъ Заруцкій и Марина съ сыномъ, которому шелъ четвертый годъ, были въ концѣ іюля 1614 г. привезены въ Москву и заключены въ тюрьму.

Семену Протопопову, посланному въ Астрахань для встрѣчи извѣстнаго намъ Хаджи-Муртазы, велѣно было въ наказѣ отъ 12-го октября 1614 г. отвѣчать на вопросъ персидскаго посла, что «Ивашка Заруцкого и Маринку съ сыномъ, для обличенья ихъ воровства, привезли къ Москве, и въ животе ихъ воленъ Богъ да государь: животъ ли имъ велитъ дати, или ихъ, по ихъ злымъ дѣломъ, велитъ казнити» [3]).

Но уже въ наказѣ посламъ Ѳедору Исаковичу Левонтьеву и дьяку Богдану Тимоѳееву, отъ 29-го мая 1616 года, велѣно отвѣчать на вопросъ шаха о судьбѣ Марины, ея сына и Заруцкаго: «По своимъ злымъ дѣламъ Ивашко Зарутцкой и Маринкинъ сынъ кажнены».

Буквально то же находимъ и въ наказѣ князю Михаилу Петровичу Барятинскому, отъ 23-го мая 1618 г. [4]).

---

[1]) Тамъ же, т. III, 434—435.
[2]) Тамъ же, т. III, 389.
[3]) Тамъ же, т. III, 8.
[4]) Тамъ же, т. III, 218 и 338.

Можно даже опредѣлить, когда, приблизительно, были казнены Заруцкій и сынъ Марины. Такъ какъ предполагалось, что въ маѣ 1616 г. шахъ не зналъ еще объ участи ихъ, то вѣроятно казнь ихъ произошла послѣ отъѣзда въ Персію шахова посла Хаджи-Муртазы, отъ котораго не укрылось бы столь важное событіе. Хаджи-Муртаза выѣхалъ изъ Москвы на Коломну 13-го іюля 1615 года. Слѣдовательно, Заруцкій былъ посаженъ на колъ, а сынъ Марины, пятилѣтній Ивашко, повѣшенъ — между 13-мъ іюля 1615 года и 29-мъ мая 1616 года [1]).

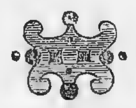
Въ обоихъ вышеупомянутыхъ посольскихъ наказахъ совершенно обходится молчаніемъ предполагаемый вопросъ шаха о судьбѣ Марины. Значитъ ли это, что и она была казнена одновременно съ сыномъ и Заруцкимъ? Едва-ли.

Московскому правительству не было надобности скрывать отъ шаха Аббаса казнь Марины. Естественнѣе предположить, что участь ея была иная: еще до послѣ казни Заруцкаго и Ивашка, она была перевезена въ Коломну, и тамъ въ одной изъ башенъ «умерла съ тоски по своей волѣ», какъ сообщали русскіе послы польскому правительству. У Иванчина-Писарева («Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду», 137—138) есть прямое указаніе на башню, гдѣ умерла, по преданію, Марина Мнишекъ.

Если и преждевременно произносить окончательный приговоръ надъ Мариной, то нельзя не придти теперь же къ тому выводу, къ которому пришелъ еще великій Пушкинъ: «у нея была только одна страсть—честолюбіе, но до такой степени сильное, бѣшеное, что трудно себѣ и представить... Попробовавъ царской власти, упоенная пустымъ призракомъ, (она) распутничаетъ, переходя отъ авантюриста къ авантюристу, постоянно готовая предаться кому бы то ни было, лишь бы онъ могъ подать ей надежду на тронъ... Она борется съ войной, нищетой, позоромъ и въ то же время сносится съ польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе» [2]).

По мнѣнію великаго нашего поэта, Марина была «самою странною изъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ», и при томъ едва-ли не самою несчастною—прибавимъ отъ себя.

Георгій Синюхаевъ.

[1]) Русская лѣтопись по Никонову списку, изд. 1772 г., ч. VIII, стр. 213 и Новый лѣтописецъ, изд. Оболенскаго, стр. 167.

[2]) Письмо къ Н. Н. Раевскому отъ 30-го января 1829 г.

Объ оставленіи цензора С. Н. Глинки въ маіорскомъ чинѣ.

Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Сенату.

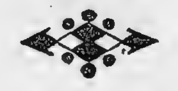
6-го іюля 1828 г. № 8960.

Г. товарищъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества отъ 28-го минувшаго іюня сообщилъ мнѣ, что бывшій министръ народнаго просвѣщенія г. адмиралъ Шишковъ ходатайствовалъ объ оставленіи цензора московскаго цензурнаго комитета маіора Глинку на службѣ въ настоящемъ его чинѣ, который, какъ полученный имъ при увольненіи изъ военной службы, со вступленіемъ вновь на службу ему не слѣдовалъ, объясняя, что цензоръ Глинка заслуживаетъ сего по состоянію его въ маіорскомъ чинѣ 27 лѣтъ и по литературнымъ трудамъ, коими пріобрѣлъ онъ довольную извѣстность въ ученомъ свѣтѣ.

По докладу о семъ государю императору, его величество высочайше повелѣть соизволилъ: по уваженіямъ представленнымъ г. адмираломъ Шишковымъ, оставить цензора Глинку на службѣ въ настоящемъ чинѣ маіора.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя къ тому, что объ ономъ, какъ увѣдомляетъ меня г. генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ, сообщено отъ него г. министру народнаго просвѣщенія.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

VII [1]).

Вмѣшательство въ дѣла цензуры министровъ и главноуправляющихъ.—Переписка по гальванопластикѣ. — Статья „Свѣтящіеся червячки". — Письмо Н. С. Мордвинова по поводу статьи объ А. С. Шишковѣ. — Статьи академика Кеппена „О письменныхъ сношеніяхъ" и Хомякова, „О сельскихъ условіяхъ".—Письма А. С. Пушкина къ М. П. Погодину.—„Комары" Ѳ. Булгарина. — Надзоръ за описаніемъ прощальныхъ обѣдовъ и театральными критиками; за статьями о Польшѣ и по крестьянскому вопросу. — Предложеніе объ изданіи русскаго журнала за границею.

Отношенія къ журналамъ органовъ власти, т. е. министровъ и вообще вліятельныхъ лицъ тогдашней эпохи, выражались стремленіемъ каждаго изъ этихъ все болѣе и болѣе имѣть въ кругу своей сферы вліянія на нашу журналистику. Съ теченіемъ времени требованіе каждаго вѣдомства, чтобы всякая журнальная статья, хотя бы въ самой отдаленной мѣрѣ касающаяся этого вѣдомства, являлась, до напечатанія, на его просмотръ, привело, наконецъ, къ тому, что вмѣсто одной цензуры у насъ было ихъ уже нѣсколько десятковъ.

Такъ, въ 6-й и 7-й книжкахъ «Сына Отечества» 1833 года, Даль напечаталъ «Описаніе моста, наведеннаго на рѣкѣ Вислѣ». Генералъ-маіоръ Слатвинскій, завѣдывавшій переправою у моста, прислалъ свои замѣчанія и возраженія на его статью въ газету «Инвалидъ», но редакція ему въ напечатаніи ихъ отказала, а вслѣдъ

[1]) См. „Русскую Старину" 1903 года мартъ.

*

затѣмъ (7-го декабря) военный министръ, графъ Чернышевъ, объявилъ высочайшее повелѣніе: «чтобы о современныхъ военныхъ событіяхъ помѣщаемы были въ журналахъ и вѣдомостяхъ лишь оффиціальныя реляціи, при чемъ строго воспрещено военнымъ начальникамъ собственныя свои письменныя повѣствованія и неминуемыя почти на то возраженія дѣлать гласными въ публичныхъ листахъ, что̀ тѣмъ менѣе можетъ быть дозволено низшимъ офицерамъ». Вслѣдствіе того, Чернышевъ просилъ Уварова приказать, чтобы «всѣ статьи о современныхъ военныхъ событіяхъ, до напечатанія оныхъ въ какомъ бы то ни было сочиненіи, журналѣ или газетѣ, въ Россіи издаваемыхъ, предварительно были представляемы на его, Чернышева, разсмотрѣніе».

Въ одну изъ первыхъ книгъ «Библіотеки для чтенія» 1834 года назначалась статья: «Изъ журнала служившаго на бригѣ «Меркурій», въ день сраженія 14-го мая 1829 года». Это была копія съ записки флигель-адъютанта Казарскаго, геройски отстоявшаго, въ морскомъ сраженіи, свой бригъ противъ двухъ большихъ турецкихъ кораблей, одного въ 110-ть, а другаго въ 74 пушки. Эта статья, какъ содержащая въ себѣ разсказъ о современныхъ событіяхъ, была препровождена къ начальнику главнаго морскаго штаба, князю Меншикову, который 18-го сентября 1834 года доставилъ, въ отвѣтъ, мнѣніе морскаго ученаго комитета. Здѣсь высказывалось, что статья Казарскаго не можетъ быть напечатана, по слѣдующимъ соображеніямъ: она никѣмъ не подписана и не скрѣплена, а потому нѣтъ удостовѣренія въ ея вѣрности оригиналу, между тѣмъ какъ описываемое тутъ происшествіе не только примѣчательное, но чрезвычайное.

Въ рукописи 42 раза помянуто о капитанѣ Казарскомъ въ третьемъ лицѣ, и расточено множество ему похвалъ: значитъ, не самъ Казарскій сочинилъ записку; посторонній же человѣкъ долженъ бы былъ представить доказательства того, какимъ образомъ онъ видѣлъ и зналъ многое изъ описаннаго. Сверхъ того, если статья должна напечататься (съ измѣненіями), то необходимо прибавить свѣдѣнія о томъ, что именно предпринялъ начальникъ русскаго флота, получившій донесеніе отъ фрегата «Штандартъ», объ отчаянномъ положеніи Казарскаго, потому что, — говорилъ ученый комитетъ: — «послѣ таковаго донесенія, конечно, адмиралъ принялъ бы какія-либо мѣры для спасенія брига», или же необходимо сказать, что «адмиралъ былъ въ совершенной невозможности подать помощь» (въ запискѣ было сказано, что, получивъ означенное донесеніе, адмиралъ ничего не сдѣлалъ, а только сказалъ: «очень хорошо»). Согласно съ этимъ сообщеніемъ князя Меншикова, Уваровъ запретилъ печатать статью въ «Библіотекѣ».

20-го августа 1835 г., министръ двора, князь Волконскій, жаловался на № 61 петербургскаго журнала: «Magazin lelehrender und angenehmer Unterhaltung», говоря, что тутъ издатель дозволилъ себѣ выраженія нескромныя и даже дерзкія, не только о нашихъ актерахъ, но даже о дѣйствіяхъ самой дирекціи; почему онъ и просилъ распорядиться, чтобъ въ томъ журналѣ статьи о театрахъ были сколь возможно скромнѣе, или даже вовсе и не дозволять ихъ. Уваровъ тотчасъ же велѣлъ сдѣлать внушеніе цензору, пропустившему неприличныя порицанія противъ актера Дамьѐ, но впрочемъ отозвался министру двора, что въ той статьѣ онъ не нашелъ ничего оскорбительнаго для театральной дирекціи.

15-го апрѣля того же года, графъ Бенкендорфъ указалъ на то, что въ 1-мъ томѣ «Современника» помѣщена статья: «Долина Ажитугай», сочиненная султаномъ Казы-Гиреемъ, корнетомъ лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полу-эскадрона. Бенкендорфъ указывалъ на то, что высочайшимъ повелѣніемъ 1834 года предписано, чтобы какъ военные, такъ и гражданскіе чиновники не иначе предавали печати литературныя произведенія свои, оригинальныя и переводы, какого бы рода они ни были, какъ по предварительномъ разрѣшеніи директоровъ департаментовъ, начальниковъ штабовъ и генералъ-интендантовъ; означенная же статья не была представлена предварительно ни на разсмотрѣніе его, графа Бенкендорфа, ни на разсмотрѣніе начальника его штаба Уваровъ отвѣчалъ, что впредь это будетъ исполняться, но что означеннаго высочайшаго повелѣнія цензурному вѣдомству объявлено не было.

Въ октябрѣ военное министерство потребовало, чтобъ запрещено было журналамъ («С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», «Сыну Отечества» и «Сѣверной Пчелѣ») печатать выписки изъ высочайшихъ приказовъ, какъ-то: о производствѣ генераловъ, назначеніи въ генералъ и флигель-адъютанты и объявленія высочайшихъ благоволеній по арміи, флоту и другимъ воинскимъ управленіямъ, такъ какъ право на помѣщеніе этихъ извѣстій по высочайшему указу 21-го декабря 1815 года предоставлено исключительно газетѣ «Инвалидъ».

Такое требованіе найдено было министромъ народнаго просвѣщенія уже слишкомъ притязательнымъ, и онъ отвѣчалъ графу Чернышеву, что просимое распоряженіе о неперепечаткѣ изъ высочайшихъ приказовъ онъ сдѣлалъ, но вмѣстѣ «надѣется, что военный министръ и самъ признаетъ, что за этимъ распоряженіемъ, охраняющимъ права «Русскаго Инвалида», другія изданія не могутъ, однако же, быть лишены возможности заимствовать потомъ извѣстія сего рода изъ «Инвалида», съ указаніемъ источника, подобно тому, какъ эта газета сама почерпаетъ разныя статьи изъ другихъ изданій, и эти заимствованія допу-

скаются § 16-мъ высочайше утвержденнаго 8-го января 1830 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей.

14-го апрѣля 1837 года, вице-канцлеръ графъ Нессельроде не дозволилъ печатать, въ «Современникѣ», статью подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о графѣ Каподистріи и о нѣкоторыхъ современныхъ происшествіяхъ», на томъ основаніи, что «тутъ находятся многія мѣста, касающіяся до новѣйшихъ политическихъ отношеній Россіи къ иностраннымъ державамъ, и при томъ не совсѣмъ благопріятные о нѣкоторыхъ изъ нихъ отзывы. Описанныя въ рукописи происшествія были извлечены изъ сочиненія Стурдзы («Исторія XIX столѣтія»), а онъ находился подъ начальствомъ адмирала Чичагова, состоялъ при графѣ Каподистріи и былъ употребляемъ по дипломатической части; слѣдовательно, имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ секретныхъ и политическихъ дѣлахъ тогдашняго времени; по симъ обстоятельствамъ, означенная статья будетъ принята, безъ сомнѣнія, въ чужихъ краяхъ за оффиціальную и можетъ произвести тамъ излишнія толкованія о тогдашнихъ дѣйствіяхъ русскаго правительства, а при томъ будетъ даже оскорбительна для нѣкоторыхъ державъ».

23-го октября графъ Бенкендорфъ писалъ, что въ № 240 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатана статья о покушеніи на жизнь короля французскаго. Находя неприличнымъ помѣщать подобныя извѣстія въ вѣдомостяхъ, особенно правительствомъ издаваемыхъ, которыя расходятся въ столь большомъ количествѣ между среднимъ классомъ людей, графъ просилъ принять мѣры къ предупрежденію печатанія такихъ «статей, которыя, не принося никакой пользы, могутъ быть вредны въ своихъ послѣдствіяхъ».

При этомъ онъ полагалъ не излишнимъ «поставить на видъ редакторамъ журналовъ, что извѣстный имъ духъ нашего правительства могъ бы уже ихъ вразумить, какія статьи могутъ быть допускаемы въ журналы ихъ и какія неприличны для передачи во всеобщее свѣдѣніе». Но графъ Протасовъ (исправлявшій тогда, временно, должность министра народнаго просвѣщенія) отвѣчалъ, что, по правиламъ цензурнаго устава, та статья пропущена въ печать министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Въ этомъ же году происходили любопытныя пререканія между цензурнымъ и другими вѣдомствами по поводу новоизобрѣтенной въ то время гальванопластики, и того, что о ней предназначалось къ печатанію въ журналахъ. Профессоръ Якоби и ремесленникъ Гамбургеръ спорили о первенствѣ своемъ въ этомъ изобрѣтеніи, и въ № 236 «Сѣверной Пчелы» была напечатана статья въ пользу Якоби.

Вице-президентъ академіи художествъ, графъ Толстой, стоявшій за Гамбургера (такъ какъ онъ посредствомъ гальванопластики воспроизвелъ его медальоны изъ войны 1812 года), написалъ опроверженіе; но, не надѣясь почему-то на помѣщеніе своей статьи въ «Библіотекѣ для чтенія» (также стоявшей за Гамбургера), обратился къ графу Бенкендорфу съ просьбою на высочайшее имя о дозволенія ему напечатать ту статью, такъ какъ «цензура объявила ему, что она считаетъ себя не въ правѣ пропустить его отвѣта къ напечатанію». Графъ Бенкендорфъ, съ своей стороны, 10-го ноября 1839 г. передалъ просьбу Толстаго министру народнаго просвѣщенія, говоря, что «отвѣтъ сей написанъ въ выраженіяхъ самыхъ умѣренныхъ и содержитъ краткое и ясное изложеніе фактовъ и опытовъ профессора Якоби и Гамбургера». «Вмѣстѣ съ симъ, прибавлялъ далѣе графъ Бенкендорфъ, дошло до моего свѣдѣнія, что цензоръ Корсаковъ, руководствуясь письменнымъ предписаніемъ своего начальства, не допускаетъ выхода въ свѣтъ нынѣшняго нумера «Библіотеки для чтенія», пока въ немъ не будетъ помѣщена статья Гамбургера съ письмомъ его къ профессору Якоби, напечатаннымъ въ означенномъ № 236-мъ «Сѣверной Пчелы». «Находя съ своей стороны, что можно запрещать книги, или останавливать выходъ ихъ только тогда, когда въ нихъ помѣщены статьи, по содержанію своему противныя цензурѣ, но требовать, чтобы въ книгѣ непремѣнно было помѣщено то, чего издатель не желаетъ, и останавливать ея выпускъ по несогласію на то издателя—совершенно противно уставу о цензурѣ, я нужнымъ считаю сообщить о семъ вамъ, покорнѣйше прося доставить мнѣ по сему предмету надлежащія свѣдѣнія, для доклада о томъ его величеству». По поводу этого запроса потребовано было министерствомъ народнаго просвѣщенія объясненіе отъ Петербургскаго цензурнаго комитета, и предсѣдатель его, князь Дондуковъ-Корсаковъ, 12-го ноября отвѣчалъ, что статья графа Толстаго не была представляема ни въ цензурный комитетъ, ни къ цензорамъ журнала «Библіотека для чтенія», ниже къ нему, князю Дондукову, а потому и не могла быть запрещена для напечатанія. «Нынѣ же, продолжалъ князь, прочитавъ ее со вниманіемъ, нахожу вообще, что она не можетъ быть напечатана, какъ заключающая не только личность, но и доносъ на профессора Якоби въ похищеніи чужаго изобрѣтенія и употребленіи для опытовъ чужихъ слѣпковъ и медальоновъ противъ воли и безъ вѣдома хозяина (графа Толстаго); и потому, если бы она и была дѣйствительно ко мнѣ представлена, то была бы мною запрещена. Кромѣ того, она подала бы поводъ къ такой полемикѣ, которая, по силѣ высочайшихъ повелѣній, въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ не допускается, и которая относится до предмета, подлежащаго особому разбирательству. Что касается до выхода въ свѣтъ XI нумера «Библіотеки для

чтенія», то я считаю долгомъ объяснить, что, найдя неприличнымъ появленіе статьи о «Гамбургеротипѣ» въ предшествовавшемъ нумерѣ этого журнала, написанной рѣзкимъ тономъ и опровергающей совершенно всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія объ открытіи профессора Якоби, и тѣ опыты, которые онъ удостоился дѣлать въ присутствіи государя императора въ главной обсерваторіи, я, за таковой непростительный пропускъ, въ первомъ засѣданіи цензурнаго комитета сдѣлалъ строжайшій выговоръ цензорамъ.... а отъ редактора потребовалъ помѣщенія, въ слѣдующей книжкѣ журнала, письма Гамбургера, напечатаннаго въ № 236 «Сѣверной Пчелы»... Хотя и нѣтъ ничего опредѣлительнаго въ цензурномъ уставѣ о правѣ цензурнаго начальства къ принужденію журналиста печатать документы, изобличающіе ихъ ложные разсказы или искаженные факты, но я полагалъ и полагаю это не только справедливымъ, но даже необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда журналистъ переходитъ черезъ границы круга дѣйствій, для него опредѣленныхъ. Мы живемъ, благодаря Бога, въ Россіи, гдѣ журналисты еще не управляютъ общимъ мнѣніемъ, и гдѣ всякая съ ихъ стороны попытка къ усиленію ихъ вліянія должна быть, я думаю, не только останавливаема, но и наказываема уменьшеніемъ довѣрія публики къ ихъ разсказамъ. Къ сей категоріи принадлежалъ редакторъ «Библіотеки для чтенія», который самовольно лишалъ профессора Якоби чести изобрѣтенія, за которое онъ удостоился высочайшаго вниманія, и провозглашалъ права Гамбургера, правительствомъ еще не признанныя; ибо, по моему мнѣнію, не черезъ посредство журналовъ сей послѣдній и его покровители должны были искать защиты правъ, но у самого высшаго правительства, которое ограждаетъ права всѣхъ и каждаго». По всѣмъ этимъ уваженіямъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ просилъ «ходатайства» исправляющаго должность министра народнаго просвѣщенія, графа Протасова, объ утвержденіи его мѣры относительно «Библіотеки для чтенія», потому что, говорилъ онъ, «уклоненіе этого журнала отъ возложенной мною на него обязанности поставило бы меня въ совершенную невозможность управлять сею ввѣренною мнѣ частью и принимать на себя дальнѣйшую отвѣтственность по дѣламъ цензуры».

Сообразно съ этимъ, графу Толстому было продоставлено обратиться съ своею статьею обыкновеннымъ порядкомъ въ цензуру. Онъ исполнилъ предложеніе и при этомъ писалъ попечителю С.-Петербургскаго округа, что если главное управленіе цензуры не согласно будетъ на напечатаніе его статьи, то дальнѣйшее ходатайство по сему дѣлу онъ предоставляетъ самому себѣ и будетъ просить кого слѣдуетъ о наряженіи формальной коммиссіи для изслѣдованія сущности предмета. Статья была разсмотрѣна Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, который

нашелъ, что она, хотя бы даже написана была въ выраженіяхъ гораздо умѣреннѣйшихъ, не можетъ и не должна быть дозволена: 1) потому что правительству достовѣрно извѣстно, что изобрѣтеніе гальванопластики принадлежитъ одному Якоби, въ распоряженіе котораго, по высочайшему повелѣнію, на опыты по сему предмету отпускается изъ казны до 14.000 рублей въ годъ; 2) что Гамбургеръ, ищущій теперь права на соперничество въ открытіи Якоби, самъ публично отклонилъ отъ себя (въ «Сѣверной Пчелѣ» № 236) честь, принадлежащую Якоби; 3) что если графъ Толстой имѣетъ какія-либо притязанія къ Якоби по нарушенію правъ собственности, то дѣло это подлежитъ не цензурному, а судебному разбирательству; 4) что, допустивъ статью графа Толстаго въ журналъ, цензурѣ трудно будетъ, по крайней мѣрѣ безъ несправедливости, не допустить и опроверженія на эту статью, что̀ можетъ уже вывести и непремѣнно выведетъ спорящія лица за черту, которою ограничивается всякое преніе, дозволяемое предписаніями высшаго начальства. Главное управленіе утвердило это мнѣніе, и статья графа Толстаго въ печати не появлялась.

Въ ноябрѣ 1840 г. графъ Бенкендорфъ писалъ графу Протасову, что въ № 241 «Сѣверной Пчелы» напечатана статья подъ заглавіемъ: «Зубные врачи», гдѣ осмѣиваются довольно обиднымъ образомъ занимающіеся уже много лѣтъ въ С.-Петербургѣ зубнымъ врачеваніемъ братья Вагенгеймы [1]). Получивъ отъ сихъ послѣднихъ жалобу на сію статью и признавая ее съ своей стороны неблаговидною, онъ просилъ предписать цензору не пропускать на будущее время подобныхъ статей, заключающихъ личность и вредную насмѣшку, а самъ сдѣлалъ замѣчаніе издателю «Сѣверной Пчелы». Желаніе графа Бенкендорфа было исполнено, но Вагенгеймы еще не остались тѣмъ довольны, и, по ихъ ходатайству, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ просилъ министра народнаго просвѣщенія, чтобы означенное удовлетвореніе за нанесенное зубнымъ врачамъ Вагенгеймамъ оскорбленіе, по невниманію цензоровъ Крылова и Корсакова къ своимъ обязанностямъ, было сдѣлано извѣстнымъ публикѣ посредствомъ той же газеты, гдѣ напечатана была означенная статья. Министръ, однако, отвѣчалъ, что на это онъ не согласенъ, «ибо дѣлать гласнымъ, черезъ газеты, распоряженіе правительства въ отношеніи къ цензорамъ находитъ несовмѣстнымъ съ тѣмъ довѣріемъ, какимъ чиновники сіи должны пользоваться при исполненіи трудныхъ и многосложныхъ своихъ обязанностей».

---

[1]) Въ этой статьѣ было, между прочимъ, сказано: „Заглянувъ въ объявленія нашей полицейской газеты, забываешь и Journal des Débats, и Парижъ, и французскіе элексиры; да и на что все это, когда геній изобрѣ-

4-го января 1841 года, графъ Бенкендорфъ писалъ Уварову, что въ 43-мъ томѣ «Библіотеки для чтенія», въ отдѣленіи «Смѣсь», обращаетъ на себя особенное вниманіе статья «Свѣтящіеся червячки». «Нельзя видѣть безъ негодованія, говорилъ графъ Бенкендорфъ, какой оборотъ даетъ господинъ сочинитель этой статьи выраженію, употребленному въ программѣ одного изъ дворянскихъ собраній, и до какой степени онъ презираетъ приличіемъ и нравственною стороною дворянства для того, чтобъ только сказать красное слово! Выходка эта не должна и не можетъ быть скрыта отъ государя императора, и не постигая, какъ можетъ быть допущена у насъ къ напечатанію подобная статьи, я полагаю, что сочинитель оной долженъ быть подвергнутъ строжайшему наказанію, кромѣ воспрещенія печатать статьи свои, а цензоръ—выговору, ежели еще не большему взысканію; но, желая имѣть предварительное мнѣніе ваше, покорнѣйше прошу удостоить меня увѣдомленіемъ по сему предмету, дабы я, основываясь на ономъ, могъ сдѣлать мой всеподданнѣйшій докладъ его величеству».

Статья, на которую указывалъ графъ Бенкендорфъ, состояла въ извѣстіи объ изслѣдованіяхъ натуралистовъ Форстера и Одуэна надъ свѣтящимися червячками. Тутъ сообщались очень серьезные научные факты о сіяніи этихъ червяковъ, независимомъ отъ ихъ воли и состоящемъ въ связи съ половыми отравленіями. Но, по всегдашнему своему обыкновенію, редакторъ «Библіотеки», Сенковскій, въ серьезное дѣло счелъ приличнымъ вставить остроту на счетъ Петербургскаго дворянскаго собранія и одной неловкой фразы изъ его печатной программы.

«Одинъ монпельерскій натуралистъ (говорилось въ концѣ этой статьи) взялъ ночью самку Lampyridis noctilucae и черезъ окно выставилъ ее на ладони въ садъ: спустя нѣсколько минутъ, прилетѣлъ къ ней самецъ, какъ кажется съ тою же цѣлью, для какой, по словамъ печатной

татель такъ усердно надѣлилъ дарами своими рядъ нашихъ зубныхъ врачей Вагенгеймовъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько Вагенгеймовъ, зубныхъ врачей въ Петербургѣ! На каждой улицѣ, на каждомъ шагу—кондитеръ Беранжеръ и зубной врачъ Вагенгеймъ!.. и посмотрите, какъ эти гг. Вагенгеймы изобрѣтательны. Г. Валленштейнъ и другіе пишутъ обыкновенно, что получили изъ-за границы то-то и то-то; но Вагенгеймы, напротивъ, большею частью, все изобрѣтаютъ сами! Но что же дѣлать?—спросятъ читатели: какое спасеніе отъ зубной боли? Лучше всего, чтобъ зубы не болѣли—вырвать всѣ до одного, а потомъ просить единаго отъ г.г. Вагенгеймовъ вставить искусственные, которые естественностью цвѣта и прочностью своею лучше натуральныхъ... Если возможно дать какое-либо облегченіе въ страданіяхъ отъ зубной боли, то его дастъ вамъ г. Валленштейнъ, который обѣщаетъ менѣе всѣхъ, чтобы не быть похожимъ на дантистовъ всего міра. Жительство его: у Полицейскаго моста, домъ Котомина".

программы, учреждено и С-ое (С.-Петербургское) дворянское собраніе, т. е. для соединенія лицъ обоихъ половъ. Лишь только эти насѣкомыя исполнили программу почтеннаго собранія, свѣтъ самки тотчасъ погасъ. Другой натуралистъ, еще болѣе любопытный, убѣдился какъ нельзя лучше, при помощи микроскопа, что у свѣтящихся червячковъ сіяютъ не тѣла, и только тѣ части, безъ которыхъ любовь была бы загадкою: онъ примѣтилъ, что clitellum бываетъ тогда у нихъ чрезвычайно развитый и что источникъ свѣта заключается именно въ веществѣ, покрывающемъ его».

Вслѣдствіе отношенія графа Бенкендорфа, было потребовано объясненіе отъ Сенковскаго, который написалъ, что, по его приказанію, эта статья, вовсе имъ не одобренная, была перепечатана съ измѣненіями, но, къ сожалѣнію, по неопытности переплетчика, въ первыхъ ста экземплярахъ не вставили перепечатки, и такимъ образомъ роздано здѣсь въ городѣ около сотни экземпляровъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они должны быть. Хотя цензура ничего не помарала въ статьѣ о червячкахъ, однако жъ, когда онъ, Сенковскій, получилъ изъ типографіи чистые листы, то примѣтилъ, что переводчикъ включилъ въ нее неумѣстную шутку на счетъ какого-то собранія, и тотчасъ распорядился о непоявленіи статьи въ такомъ видѣ; если же это случилось, то вопреки его желанію. Конечно, такому объясненію никто не могъ вѣрить потому, что всякій зналъ за автора статьи самого Сенковскаго; но дѣло, само по себѣ, не представляло никакой важности и не заключало въ себѣ никакого дѣйствительнаго оскорбленія дворянскому собранію, и потому Уваровъ воспротивился излишнимъ требованіямъ графа Бенкендорфа и самъ вошелъ къ государю императору съ докладомъ, гдѣ изложилъ дѣло въ весьма снисходительномъ видѣ, и прибавилъ, что редактору Сенковскому и цензорамъ Крылову и Ольдекопу даны строгіе выговоры. На это послѣдовала, 6-го января 1841 года, высочайшая резолюція: «Впредь быть осторожнѣе». На томъ дѣло и кончилось.

28-го августа, адмиралъ Н. С. Мордвиновъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ письмомъ, въ которомъ говорилъ: «Ал. Сем. Шишковъ покойный другъ мой и предмѣстникъ вашего высокопревосходительства принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ воспоминаніе безсмертно заслугами отечеству, и самъ государь императоръ почтилъ его погребеніе своимъ присутствіемъ. Между тѣмъ, въ одномъ повременномъ изданіи (на которое обратилъ я вниманіе только потому, что оно называется «Отечественными Записками»), сверхъ многихъ нелѣпостей, служащихъ къ развращенію вкуса, ума и нравственности возрастающаго поколѣнія, какъ-то, что «грѣхъ состоитъ въ сознанія грѣха» («Отеч. Зап.» № 8, критика, стр. 31), я нашелъ, къ удивленію, дерзкій

отзывъ объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ, что «никто» не слушалъ даже и тѣхъ его замѣчаній, которыя были дѣльны, что онъ не понималъ, что славянскія и вообще старинныя книги могутъ быть предметомъ изученія, «но отнюдь не наслажденія», что, наконецъ, «онъ думалъ, что дамы не люди» (1841, № 7, іюль, критика, стр. 7). Безъ сомнѣнія, такого отзыва не допустилъ бы сдѣлать о себѣ цензоръ, пропустившій сіи строки; до какой же степени могутъ быть терпимы подобныя выходки тогда, какъ правительствомъ воспрещаются всякія личности, я съ глубокимъ прискорбіемъ оставляю на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства, но тѣмъ не менѣе почитаю долгомъ обратить ваше вниманіе на журналъ, колеблющій коренное основаніе благоустройства: согласныя съ вѣрою понятія о нравственности и уваженіе къ личности гражданина и человѣка».

Уваровъ по этому увѣдомленію ограничился замѣчаніемъ цензору.

29-го октября, главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, князь А. Н. Голицынъ, жаловался Уварову на статьи академика Кеппена, напечатанныя въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ: «О письменныхъ сношеніяхъ». Онъ былъ столько же недоволенъ указаніемъ многочисленныхъ недостатковъ русской почты (медленность, неисправность, неудобства отправленія и страхованія и т. д.), сколько и указаніемъ мѣръ къ устраненію этихъ недостатковъ (пониженіе обременительной страховой платы, ежедневный пріемъ писемъ по всему государству, пріемъ писемъ на всѣхъ станціяхъ, заведеніе всюду почтовыхъ ящиковъ, необходимость хорошихъ окладовъ для уничтоженія произвола и недобросовѣстности станціонныхъ смотрителей); и потому, выписавъ все, казавшееся ему въ статьяхъ Кеппена непозволительнымъ, онъ писалъ: «Изъ сихъ немногихъ выписокъ ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите непростительную смѣлость, какую позволилъ себѣ г. Кеппенъ входить то въ разборъ коренныхъ почтовыхъ законовъ, то въ осужденіе дѣйствій почтоваго управленія, не зная ни видовъ высшаго правительства, по коимъ оно дѣйствуетъ такъ или иначе, не зная и того, что можетъ быть и что уже предпринято къ вящему улучшенію части сообразно способамъ государственныхъ финансовъ. Самый уже предметъ разсужденія, въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ Кеппеномъ, не есть академическій ученый, но чисто административный; публичное же порицаніе частнымъ человѣкомъ какой-либо отрасли государственнаго управленія, гдѣ всѣ законы истекаютъ отъ самодержавной власти, есть явленіе совершенно новое, несообразное съ духомъ нашего правленія. Это попытка того либеральнаго духа Западной Европы, который стремится подвергать дѣйствія правительствъ контролю свободнаго книгопечатанія. Какъ лицо государственное, ваше высокопревосходительство, безъ сомнѣнія, согла-

ситесь, что, допустивъ первый шагъ въ этомъ открывающемся вновь поприщѣ публичнаго осужденія дѣйствій почтовой администраціи, можно ожидать за тѣмъ осужденій системъ налоговъ, финансовъ, просвѣщенія, законовъ и всего. Въ той же самой статьѣ есть уже намеки и на другіе предметы, напримѣръ, о состояніи ямщиковъ говорится, что это «не на вѣчныя времена». Ободрясь симъ примѣромъ, другой скажетъ, что крѣпостное или иное какое состояніе должно также измѣниться. Готовый принять отъ всякаго благомыслящаго и опытнаго человѣка мнѣніе на пользу части, высочайше мнѣ ввѣренной, я не могу, однако же, допустить журнальнаго преподаванія наставленій и тѣмъ менѣе порицанія. По сему обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: 1) сдѣлать академику Кеппену замѣчаніе за неправильность и дерзость его сужденій, а допустившихъ напечатаніе статьи подвергнуть взысканію; 2) предписать, чтобы цензура не позволяла перепечатывать оной въ другихъ журналахъ, 3) впредь всѣ статьи о почтовой части, которыя могли бы быть предназначены къ напечатанію, сообщать предварительно на мое усмотрѣніе».

Тщетно, послѣ того, Кеппенъ въ длинномъ рапортѣ представлялъ вице-президенту академіи, князю Дондукову-Корсакову, въ свое оправданіе и въ подтвержденіе своей статьи, множество научныхъ и оффиціальныхъ фактовъ, прибавляя, что онъ не былъ бы достоинъ званія статистика, если бы въ этомъ отношеніи не слѣдовалъ за успѣхами почтовыхъ и другихъ подобныхъ заведеній и не сталъ сличать ихъ съ учрежденіями другихъ странъ и съ потребностями отечества». Князь Дондуковъ находилъ, что эти объясненія не только не оправдываютъ Кеппена, но даже не совсѣмъ умѣстны, такъ что онъ «не рѣшился бы представить ихъ въ настоящемъ видѣ министру, если бъ самъ Кеппенъ лично не просилъ его о томъ». Уваровъ, съ своей стороны, нашелъ также объясненія Кеппена неудовлетворительными потому, что онъ, «какъ ученый, не понялъ предѣловъ своей науки, а какъ писатель не соблюлъ своихъ обязанностей, и что, переступая за предѣлы разсужденій теоретическихъ, онъ вдался въ печатное сужденіе о правительственныхъ постановленіяхъ и административныхъ распоряженіяхъ»; за все это ему и данъ былъ строгій выговоръ. Непремѣнному секретарю Академіи поставлено на видъ, что онъ, зная о содержаніи статьи Кеппена, не предварилъ о томъ начальство; наконецъ Академіи наукъ предписано представлять на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія всѣ назначенныя для печати сочиненія ея сочленовъ, которыя будутъ касаться непосредственно предметовъ какой-либо вѣтви государственнаго управленія.

9-го іюля 1842 г. графъ Бенкендорфъ секретно просилъ Уварова увѣдомить его, для доклада государю, была ли имъ, Уваровымъ, разрѣшена статья Хомякова: «О сельскихъ условіяхъ», напечатанная

въ № 6 «Москвитянина»? «Къ сему вопросу, говорилъ онъ, я побуждаюсь тѣмъ, что въ настоящее время, когда обнародованіе высочайшаго указа 2-го апрѣля, о договорахъ помѣщиковъ съ крестьянами, произвело повсемѣстное впечатлѣніе, котораго характеръ не вездѣ еще положительно опредѣленъ, я нахожу, что подобныя статьи, какъ бы онѣ ни были благонамѣренны, не должны быть допускаемы въ печать цензурою безъ предварительнаго, просвѣщеннаго разсмотрѣнія и особаго разрѣшенія вашего высокопревосходительства собственно, тѣмъ болѣе, что онѣ касаются до распоряженій правительства». Уваровъ отвѣчалъ, что хотя статья эта, до напечатанія, и не была представлена на его разрѣшеніе, но онъ и теперь не находитъ, чтобъ она требовала какой-либо особой мѣры, потому что она благонамѣренна и не представляетъ ничего непозволительнаго. Когда же, вскорѣ послѣ того, смоленскій помѣщикъ Волковъ написалъ возраженіе на статью Хомякова, то министръ не дозволилъ печатать его и циркуляромъ предписалъ всѣмъ цензурнымъ комитетамъ не допускать въ печать какъ вообще статей по этому предмету, такъ и статей, разбирающихъ статью Хомякова.

Въ ноябрѣ, графъ Бенкендорфъ указывалъ Уварову на письма Пушкина къ Погодину, напечатанныя въ № 10 «Москвитянина», и на нѣкоторыя мѣста изъ «К о м а р о в ъ» Булгарина. «Какъ въ письмахъ Пушкина, говорилъ онъ, встрѣчаются неприличныя выходки противъ публики, литературы, цензуры и частнаго лица г. Полеваго, то позвольте изложить вамъ мое мнѣніе, что ежели издатели «Москвитянина», печатая въ журналѣ своемъ эти письма, имѣли намѣреніе познакомить публику съ настоящими качествами г. Пушкина, въ такомъ случаѣ цѣль ихъ истинно похвальна, но не менѣе того цензоръ не имѣлъ права и не долженъ былъ пропускать къ печатанію неприличной брани, столь нетерпимой правительствомъ. Далѣе, какъ «К о м а р ы» г. Булгарина также исполнены личностей, грубыхъ намековъ и даже ругательствъ, то г. цензоръ, при разсмотрѣніи этой книги, также обязанъ былъ поступить съ большою осторожностью, и тѣмъ еще болѣе, что современныя всякаго рода изданія явно доказываютъ, до какой степени господа сочинители, увлекаясь страстями, или непріязнію, не хотятъ понимать, что ихъ литературная война ни мало не можетъ быть занимательна для читателей, и сколько ихъ неприличныя выраженія оскорбляютъ образованную публику».

Мѣста, которыми остался въ такой мѣрѣ недоволенъ графъ Бенкендорфъ, были слѣдующія:

I. П и с ь м а П у ш к и н а к ъ П о г о д и н у. «Публика наша глупа, но не должно ее морочить».—«У насъ критика, конечно, ниже д а ж е и с а м о й п у б л и к и, не только самой литературы». — «Вообще пишу много про себя, а печатаю по неволѣ и единственно для денегъ: охота

являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ...... дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ только что не.... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ». — «Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ кромѣ двухъ стиховъ. Скажите это господину, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо, и попросите его высокородіе отъ моего имени впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе».—«Недавно прочелъ я въ журналѣ сравненіе между мной и П.....; оба-де морочутъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой по одному тому своей исторіи...... Н. воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ..... вымъ есть съ его стороны..... ство».

II. Комары. Всякая всячина Булгарина. «Ну, а этотъ водевилистъ (намекъ на автора водевиля «Петербургскія квартиры»)[1]), котораго вы показывали мнѣ въ театрѣ, когда играли его пьесу «Собачьи конуры», гдѣ онъ вывелъ на сцену прежнихъ своихъ кормильцевъ и представилъ ихъ ворами и разбойниками... Въ немъ вѣрно душа какого-нибудь ужаснаго звѣрька... напротивъ душа сказочнаго осла! Вы думаете, что онъ золъ—онъ просто глупъ, и какъ оселъ лягаетъ тѣхъ, которые его кормятъ и чистятъ скребницей».

Уваровъ сдѣлалъ внушеніе Московскому и Петербургскому цензурнымъ комитетамъ, а графа Бенкендорфа благодарилъ за указаніе.

5-го февраля 1843 г., графъ Бенкендорфъ писалъ, секретно, князю Ширинскому-Шихматову (временно исправлявшему должность министра народнаго просвѣщенія) про напечатанное въ № 25 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» письмо изъ Твери, подъ именемъ тамошняго помѣщика Николая Невѣдомскаго, о данныхъ дворянствомъ и купечествомъ Тверской губерніи прощальныхъ обѣдахъ въ честь и признательность бывшему начальнику губерніи, дѣйств. статс. сов. Болговскому. «Письмо это, говорилъ графъ Бенкендорфъ, помѣщено съ нѣкоторою неосторожностью, ибо г. Болговской уволенъ отъ должности губернатора, не по собственному желанію, но по распоряженію правительства, и, слѣдовательно, напечатанная въ оффиціальной газетѣ статья, съ изъясненіемъ похвалы и признательности къ нему жителей, показываетъ, такъ сказать, видъ оппозиціи противъ правительства». Три дня спустя, министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, также писалъ Уварову, секретно же, про эту статью, указывая на то, что бывшій губернаторъ выставленъ тамъ образцомъ истиннаго благороднаго начальника, и сказано, что ему принесена отъ дворянства благо-

---

[1]) Кажется, Кони.

дарность за управленіе губерніею, между тѣмъ какъ этотъ губернаторъ неоднократно подвергался высочайшимъ выговорамъ за безпорядки по управленію губерніею и, вслѣдствіе того, уволенъ отъ губернаторской должности безъ просьбы. «Принимая въ соображеніе, что статьи, печатаемыя въ газетахъ по таковымъ предметамъ, могутъ часто не соотвѣтствовать распоряженіямъ и видамъ правительства», Перовскій просилъ всѣ подобныя статьи допускать въ печать не иначе, какъ послѣ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Согласно этимъ двумъ сообщеніямъ, дано было предписаніе, чтобъ на будущее время всѣ статьи съ описаніемъ празднествъ въ честь губернскихъ чиновниковъ, особенно при ихъ увольненіи, были печатаемы не иначе, какъ послѣ предварительнаго разсмотрѣнія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

15-го ноября, министръ двора, князь Волконскій, требовалъ, для доклада государю императору, свѣдѣнія, кѣмъ сочинена и по чьему дозволенію напечатана, въ № 25 «Сѣверной Пчелы», безъ разрѣшенія министерства двора, статья объ оперѣ «Норма», заключающая въ себѣ неприличное сравненіе этого представленія съ посѣщеніемъ звѣринца. Князь Ширинскій-Шихматовъ отвѣчалъ, что статья написана Булгаринымъ, а пропущена цензорами Корсаковымъ и Очкинымъ, на основаніи ст. 12-й цензурнаго устава, такъ какъ тутъ не было говорено ни объ игрѣ, ни о пѣніи артистовъ въ «Нормѣ», а былъ только намекъ, что авторъ ничего не можетъ сказать объ этомъ представленіи. Что же касается до слѣдующаго затѣмъ извѣстія о звѣринцѣ, гдѣ авторъ имѣлъ будто бы болѣе наслажденія, чѣмъ въ оперѣ, то цензоры не могли видѣть здѣсь никакого сравненія звѣринца съ оперой; въ простомъ же сближеніи этихъ разнородныхъ предметовъ, особливо въ статьѣ подъ заглавіемъ «Всякая всячина», виденъ только недостатокъ вкуса въ авторѣ. А на основаніи статей 13-й и 15-й ценз. уст., цензора не могутъ запрещать безвредной шутки и не имѣютъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя. Къ этому князь прибавлялъ, что министерству народнаго просвѣщенія никогда не было сообщено распоряженіе, чтобъ статьи о театральныхъ представленіяхъ, печатаемыя въ «Сѣверной Пчелѣ», предварительно разсматривались въ министерствѣ двора, а потому ни цензурный комитетъ, ни министерство народнаго просвѣщенія не имѣли возможности наблюсти за исполненіемъ этого. Наконецъ, Ширинскій-Шихматовъ просилъ князя Волконскаго представить государю императору на разрѣшеніе вопросъ: должна ли цензура, послѣ дозволенія такихъ статей министерствомъ двора, разсматривать ихъ съ своей стороны обыкновеннымъ порядкомъ, или обязана позволять ихъ безъ дальнѣйшаго цензурованія, не подлежа уже никакой отвѣтственности за со-

держаніе ихъ? Князь Волконскій, оставшись при своемъ мнѣніи объ оскорбительности сопоставленія, въ статьѣ «Сѣверной Пчелы», театра со звѣринцемъ, 19-го ноября сообщилъ князю Ширинскому-Шихматову, что государь императоръ повелѣлъ сдѣлать Булгарину строжайшій выговоръ «за неприличную статью объ оперѣ «Норма», въ которой хотя и не разбирается ни игра, ни пѣніе, но говорится весьма рѣзко не въ пользу артистовъ, и сверхъ того допущено крайне неприличное сравненіе императорскаго театра съ звѣринцемъ». «Вмѣстѣ съ симъ, продолжалъ князь Волконскій, его величеству угодно, чтобъ издатели всѣхъ журналовъ и газетъ, гдѣ дозволяется помѣщать статьи объ императорскихъ театрахъ, не иначе печатали оныя, какъ по предварительномъ моемъ разсмотрѣніи, и чтобы таковыя статьи представлялись ко мнѣ принятымъ порядкомъ, чрезъ III-е отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи, за подписью сочинителей ихъ, не начальными только литерами, а всѣми словами. Послѣ того, тѣ статьи должны быть подвергаемы разсмотрѣнію обыкновенной цензуры, на общихъ правилахъ».

Въ декабрѣ 1843 года, кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ жаловался министру внутреннихъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и министру народнаго просвѣщенія, на нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ въ пользу Польши. Исторія этого дѣла была слѣдующая. Два польскіе писателя, графъ Ржевускій и Грабовскій (по отзыву Бибикова люди «совершенно благонадежные»), говорили въ своихъ сочиненіяхъ о безумствѣ желанія возстановить Польшу; объ обязанности всякаго честнаго человѣка быть усерднымъ подданнымъ государя; о томъ, что бывшая Польша, съ своимъ правленіемъ, всегда была жертвою партій и интригъ, всегда страдала подъ игомъ внѣшнихъ безпокойствъ, или междоусобій и разбоевъ, что Украйна, Волынь, Подолія, Литва—отчины князей Рюрикова дома, всегда были русскія; что бо̀льшая часть поляковъ юго-западнаго (Кіевскаго) края никогда не были поляками, ибо такихъ фамилій въ настоящей Польшѣ не было; что писатели эти, выставляя смѣшныя стороны закоренѣлыхъ заблужденій поляковъ, стараются открыть имъ настоящее направленіе, по которому они должны слѣдовать для собственнаго счастья, и т. д. Въ № 64 варшавской газеты «Dziennik Krajowy» напечатана была критика противъ этихъ сочиненій Ржевускаго и Грабовскаго. Она укоряла ихъ за ихъ образъ мыслей и правила, и тутъ было, между прочимъ, сказано, что «подобнымъ сочинителямъ писать легко и безопасно, потому что они, держась стороны побѣдителей, и сами должны остаться побѣдителями и что надлежащаго разбора книгамъ ихъ быть не можетъ, ибо одинъ разъ, и то съ трудомъ, критика эта удается, но въ другой разъ, конечно, уже некому будетъ отвѣчать сочинителямъ за критиковъ».

Статья эта произвела въ западныхъ губерніяхъ большое впечатлѣніе и, по распоряженію намѣстника царства Польскаго, газета «Dziennik Krajowy» была запрещена. Въ это самое время кіевскій генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на нѣсколько статей въ русскихъ журналахъ, которыя, по его мнѣнію, обнаруживали образъ мыслей запрещенной газеты и вообще неблагонамѣренныхъ поляковъ. Почему онъ и составилъ подробную записку объ этихъ статьяхъ и передалъ ее, при весьма секретномъ сообщеніи, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, высказавъ при этомъ, что «сочинители должны быть подвергнуты отвѣтственности, со строгимъ запрещеніемъ возмущать впредь подобными выходками спокойствіе края, гдѣ всѣ благомыслящіе стремятся къ цѣли, давно уже указанной волею государя императора—къ нравственному слiянію края сего съ Великороссіей». Замѣченныя статьи были слѣдующія: 1) Взглядъ на литовское законодательство и литовскіе статуты, статья, напечатанная въ 1841 г. въ «Юридическихъ Запискахъ» (издаваемыхъ въ Москвѣ профессоромъ Рѣдкинымъ) и написанная профессоромъ Московскаго университета Даниловичемъ (тѣмъ самымъ, замѣчалъ Бибиковъ, о которомъ упоминается въ одномъ польскомъ заграничномъ сочиненіи, какъ главнѣйшемъ поборникѣ польскаго дѣла). «Статья эта, продолжалъ генералъ-губернаторъ, хотя и написана осторожно, но польскій духъ, проникающій ее всю, проглядываетъ вездѣ и во всемъ ея изложеніи. Выказать: прочность и пользу соединенія Литвы съ Польшею, единство у обоихъ народовъ латинскаго исповѣданія съ первыхъ временъ ихъ христіанства, слабость русскихъ элементовъ, входившихъ въ составъ Литовскаго княжества и, наконецъ, высокое достоинство законоположеній, заключающихся въ Литовскомъ статутѣ—вотъ цѣль автора и предметъ статьи его». 2) Три статьи въ «Библіотекѣ для чтенія» (январь, февраль и апрѣль 1843 г.), написанныя Сенковскимъ. Двѣ первыя написаны по поводу выхода въ свѣтъ «Исторіи Малороссіи», Н. Маркевича. «Здѣсь критикъ, предавшись всѣмъ порывамъ польской злобы противъ малороссіянъ, нападаетъ на нихъ за ихъ возстаніе противъ тиранствъ Польши, оправдываетъ или отвергаетъ злодѣйства поляковъ въ Юго-Западномъ краѣ и старается оклеветать Малороссію въ отношеніи къ Россіи. Тонъ всей статьи наглъ, грубъ и оскорбителенъ. По этому уже одному, чтеніе ея производитъ на всякаго русскаго впечатлѣніе чрезвычайно непріятное».

«Нѣтъ сомнѣнія, восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ Сенковскій, что если бы казачество было уничтожено въ концѣ XVI-го столѣтія, Малороссія, Россія и человѣчество чрезвычайно много выиграли бы отъ этого». «Этимъ возгласомъ, замѣчалъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ, Сенковскій выражаетъ сожалѣніе, что Россія и Малороссія не подчинились

Польшѣ и ея республиканскимъ формамъ. Кромѣ того, замѣчательно время, которое Сенковскій опредѣляетъ для уничтоженія казачества: конецъ XVI-го столѣтія есть именно время начатія уніи, для которой казачество было такимъ непреоборимымъ препятствіемъ». Далѣе, генералъ-губернаторъ говорилъ, что, послѣ этихъ двухъ статей, редакторъ «Библіотеки для чтенія» напечаталъ третью статью, гдѣ, ободренный безнаказанностью, уже несравненно смѣлѣе и откровеннѣе выражается въ пользу Польши, въ опроверженіе понятій, утверждаемыхъ въ малороссійскихъ губерніяхъ правительствомъ и новымъ русскимъ направленіемъ воспитанія юношества. Эта статья написана по поводу романа г. Кулѣша: «Михайло Чернышенко». Здѣсь Сенковскій высказывалъ небывалыя вещи въ родѣ слѣдующихъ: «Въ XIII стол. вся Малороссія, исключая Кіевъ, была чистая степь. Монголы превратили прежнее великое княжество въ безлюдную пустыню и пасли на немъ свои стада. Когда литовцы оттѣснили татарскіе улусы и заняли Кіевъ, они получили во владѣніе страну, почти вовсе необитаемую. Прежнее народонаселеніе было совершенно истреблено или разогнано. Литовцы уже начали населять эту пустыню людьми, выводимыми изъ своихъ областей, изъ пинскихъ болотъ, изъ Сѣверной Волыни и изъ Червленной Руси: эти-то переселенцы принесли съ собою въ Малороссію и тотъ языкъ, который нынѣ извѣстенъ подъ названіемъ малороссійскаго. Литва почитала этотъ край своею колоніею, и совершенно справедливо. Это была литовская колонія, и притомъ военная колонія для защиты новыхъ границъ отъ татаръ. Литовскіе дворяне получили здѣсь пустыя земли, съ условіемъ приводить сюда часть своихъ холопей, строить замки и села... Когда Литва соединилась съ Польшею и хозяйственнымъ образомъ уступила ей Волынь и Червленную Русь, польскіе дворяне на тѣхъ же условіяхъ переводили сюда своихъ крестьянъ, и сами основывали среди ихъ свое пребываніе. Въ то же время, на островахъ Днѣпра и въ самой глубинѣ степей, составилось скопище изъ бѣглецовъ литовскихъ и польскихъ, которые покидали своихъ законныхъ владѣльцевъ и новыя поселенія, чтобы жить своей головой» и т. д.

Приведя эти и многія другія выписки изъ указанныхъ выше статей, генералъ-губернаторъ Бибиковъ дѣлалъ слѣдующее общее заключеніе: «Русскимъ обитателямъ южныхъ предѣловъ своего отечества нужно и возможно привести въ забвеніе злонамѣренное и натянутое ученіе польскихъ историковъ: польскія историческія книги становятся здѣсь часъ-отъ-часу менѣе доступны и должны, наконецъ, сдѣлаться рѣдкими. Польская партія не можетъ не предвидѣть этого слѣдствія. Поэтому-то поляки и рѣшились прибѣгнуть къ органу нашихъ періодическихъ изданій, дабы, оградивъ себя русскимъ языкомъ отъ строгости цензуры, сохранить, спасти отъ забвенія идеи польской народности и положить

ими препятствіе нравственному слiянію здѣшнихъ губерній по царскому слову его императорскаго величества: «Въ одно тѣло, въ одну душу».

Вслѣдствіе этого сообщенія, Уваровъ 31-го декабря 1843 г. предписалъ, «весьма секретно», Петербургскому и Московскому цензурнымъ комитетамъ дать выговоръ цензорамъ, пропустившимъ тѣ статьи, и впредь представлять на его усмотрѣніе, послѣ цензорскаго одобренія, всѣ статьи, касающіяся до исторіи и политическихъ отношеній Западнаго края имперіи и возвращенныхъ отъ Польши губерній; а генералъ-адъютанту Бибикову принесъ покорнѣйшую благодарность за сообщеніе замѣчаній на тѣ неосмотрительныя статьи. Вслѣдъ за тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ Уварову высочайшее повелѣніе: «за помѣщеніе въ двухъ журналахъ извѣстныхъ двухъ статей, подвергнуть виновныхъ отвѣтственности и напечатать въ тѣхъ же самыхъ журналахъ опроверженіе, извлеченное изъ сочиненій польскихъ писателей Ржевускаго и Грабовскаго»; но Уваровъ въ январѣ 1844 года вошелъ къ государю императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ, гдѣ изложилъ ходъ дѣла и свои распоряженія, а въ заключеніе просилъ дозволенія отнестись къ генералъ-адъютанту Бибикову о доставленіи вышеозначенныхъ возраженій, такъ какъ тамъ на мѣстѣ (въ Кіевѣ) всего удобнѣе можно судить, что въ тѣхъ статьяхъ производитъ наиболѣе неблагопріятное впечатлѣніе на жителей края, и особенно требуетъ опроверженія, тѣмъ болѣе, что статьи были напечатаны уже годъ тому назадъ, и сочиненія Ржевускаго и Грабовскаго министерству народнаго просвѣщенія неизвѣстны. Сверхъ того, онъ упомянулъ, что возраженія на статьи «Библіотеки для чтенія» были уже напечатаны, въ 1843 году, въ «Москвитянинѣ». На этотъ докладъ 5-го января послѣдовала высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Но по сообщеніи этого генералъ-адъютанту Бибикову, послѣдній отозвался, секретно, что всего удобнѣе было бы пригласить Сенковскаго взять на себя трудъ составленія опроверженія и приготовить для «Библіотеки для чтенія», въ настоящемъ духѣ и характерѣ нашей исторіи, статьи, которыя опровергали бы всѣ навѣты польскіе, напечатанные прежде. Уваровъ съ этимъ не согласился и всеподданнѣйшимъ докладомъ просилъ дозволенія, для составленія здѣсь статей съ опроверженіями, выждать, когда къ тому представится удобный поводъ, тѣмъ болѣе, что чрезъ это нужно будетъ привесть снова на память статьи, которыя напечатаны почти годъ тому назадъ, и изъ которыхъ одна уже опровергнута въ «Москвитянинѣ». Государь императоръ изъявилъ на то свое согласіе, и на этомъ дѣло остановилось. Но Бибиковъ, не видя появленія возраженія въ «Библіотекѣ», напоминалъ о томъ Уварову; и когда послѣдній сообщилъ ему высочайшую

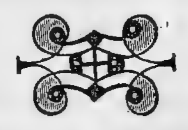
резолюцію, то Бибиковъ прислалъ статью, сочиненную, по его распоряженію, въ Кіевѣ, предоставляя при этомъ министру народнаго просвѣщенія «дать ей, по его усмотрѣнію, болѣе изящный, если возможно, видъ». Статья тотчасъ же была помѣщена въ «Библіотекѣ для чтенія».

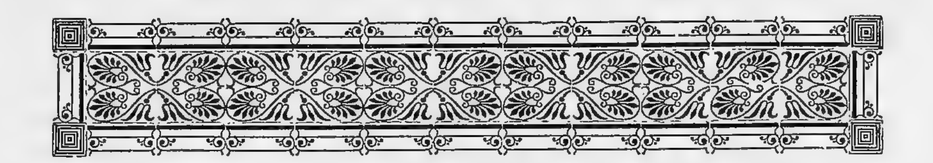
25-го апрѣля 1844 г. графъ Орловъ писалъ Уварову, что изъ различныхъ источниковъ, изъ Москвы, онъ получилъ одни и тѣ же извѣстія, что статья «Освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ», напечатанная въ №№ 42—45 «Московскихъ Вѣдомостей», произвела въ публикѣ самое неблагопріятное впечатлѣніе. А такъ какъ главная, непріятная мысль, говорилъ начальникъ III-го отдѣленія, замѣтна у многихъ та, будто бы подобныя статьи печатаются не безъ намѣренія и не безъ отдаленныхъ видовъ самого правительства, то московскій военный генералъ-губернаторъ призналъ даже нужнымъ имѣть по этому предмету совѣщаніе съ московскимъ попечителемъ, графомъ Строгановымъ. Хотя въ статьѣ сей всѣ разсужденія относятся собственно до негровъ французскихъ и англійскихъ колоній, но нѣкоторыя выраженія оной, напримѣръ, «невольничество противно законамъ нравственности, оно развращаетъ и господина и раба: перваго тѣмъ, что даетъ ему надъ невольникомъ безотвѣтственную, безпрерывно гнетущую власть, какую человѣкъ не въ правѣ имѣть надъ подобнымъ себѣ созданіемъ—послѣдняго тѣмъ, что уподобляетъ его скоту, замѣняя въ немъ всякую разумную дѣятельность страхомъ плети и слѣпымъ повиновеніемъ»,—могутъ дѣйствительно дать поводъ приписывать этой статьѣ смыслъ болѣе обширный, и не до однихъ негровъ относящійся. Поэтому графъ Орловъ просилъ Уварова дать цензорамъ, на случай печатанія впредь подобныхъ статей, самое правильное направленіе и поставить ихъ въ обязанность избѣгать такихъ статей, которыя могутъ быть примѣняемы вообще къ крѣпостному быту людей, дабы осторожнымъ выборомъ подобныхъ разсужденій могли быть прекращены неосновательные толки и то неправильное мнѣніе, что само правительство съ намѣреніемъ допускаетъ такія статьи къ напечатанію». Министръ внутреннихъ дѣлъ жаловался Уварову, секретно, на ту же самую статью. Уваровъ отвѣчалъ обоимъ вѣдомствамъ, что сдѣлалъ надлежащее распоряженіе на счетъ осторожности цензуры, а въ отношеніи своемъ къ графу Орлову прибавилъ еще, что уже и прежде цензурному вѣдомству неоднократно было предписываемо не дозволять къ печати статей и разсужденій, относящихся къ крѣпостному состоянію крестьянъ въ Россіи.

Наконецъ, въ заключеніе обзора постояннаго вмѣшательства разныхъ вѣдомствъ въ журналистику слѣдуетъ привести еще одинъ любопытный фактъ: это возникшій, въ концѣ 1844 года, вопросъ объ учрежденіи русской журналистики за границей. 6-го ноября графъ Ор-

ловъ писалъ Уварову, что надворный совѣтникъ Делакроа̀, состоящій на службѣ правителемъ канцеляріи курляндскаго губернатора, предлагаетъ издавать въ Германіи журналъ подъ названіемъ «Россія», гдѣ предполагаетъ помѣщать выписки изъ нашихъ періодическихъ изданій, равно и опроверженія статей, появляющихся въ иностранныхъ газетахъ на счетъ Россіи. Уваровъ отвѣчалъ, что «нельзя не отдать полной справедливости похвальнымъ намѣреніямъ Делакроа̀, но дѣйствительно принесть пользу можетъ это предпріятіе тогда только, когда будетъ имѣть успѣхъ несомнѣнный; въ противномъ случаѣ, кажется, благовиднѣе не приступать къ тому, особливо при участіи самого правительства, которое не можетъ остаться совершенно незамѣченнымъ. При нынѣшнемъ расположеніи умовъ въ чужихъ краяхъ въ отношеніи къ Россіи, должно, однако, усомниться, чтобы г. Делакроа̀ успѣлъ преодолѣть всѣ трудности, которыя его предпріятіе встрѣтитъ неизбѣжно въ непріязни и ослѣпленіи противъ Россіи. Въ письмѣ своемъ г. Делакроа̀ не объясняетъ, гдѣ и какимъ образомъ предполагается учредить редакцію журнала. Ежели, согласно съ прежнимъ его планамъ, въ Митавѣ, то едва-ли главная цѣль изданія будетъ достигнута за отдаленностью мѣста, ибо опроверженія лишь тогда могутъ быть дѣйствительны, когда слѣдуютъ немедленно за появленіемъ перваго извѣстія; запоздалыя возраженія только будутъ возобновлять прежнія впечатлѣнія, уже отчасти загладившіяся и затихшія. При томъ г. Делакроа̀ не указалъ ни на одно имя, которое пользовалось бы авторитетомъ въ литературномъ мірѣ, и котораго участіе ручалось бы за успѣхъ предполагаемаго изданія. «Въ заключеніе, говорилъ Уваровъ, предоставляю собственному благоусмотрѣнію вашему рѣшить: въ какой мѣрѣ благовидно правительству содѣйствовать изданію, въ чужихъ краяхъ, журнала, назначеннаго исключительно на защиту Россіи отъ несправедливыхъ извѣстій о ней, а самъ ограничусь повтореніемъ мысли моей, что гораздо лучше вовсе не приступать къ подобному дѣлу, чѣмъ подвергаться всѣмъ невыгодамъ неудачнаго предпріятія». Послѣ этого отзыва, предположеніе Делакроа̀ не имѣло никакого дальнѣйшаго хода.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Четыре письма Владиміра Өедосеевича Раевскаго къ сестрѣ его В. Ө. Поповой.

(Съ примѣчаніями Владиміра Раевскаго).

1.

15-го декабря 1859 г.

Письмо твое, яблоки и вишни для Саши [1]), любезный, безцѣнный другъ мой Вѣра Өедосеевна, я получилъ. Благодарю тебя отъ души. Яблоки и груши буду беречь, чтобы достало на годъ. Я привыкъ употреблять ихъ какъ питье, вмѣсто лимонаду, и, размочивши, дѣлаю яблочникъ, до котораго я былъ большой охотникъ съ дѣтства.

Надежда Өедосеевна [2]) прислала Сашѣ свой портретъ и дѣтей своихъ внучковъ, и рубашечки для дѣтей Вѣрочки.

Любовь Өедосеевна [3]) прислала извлеченіе ихъ новой духовной, изъ которой я понялъ только то, что, если она умретъ, имѣніе [4]) должно поступить мнѣ, но я распоряжаться имъ не имѣю права; если я умру, то имѣніе должно поступить Сашѣ, и, наконецъ, тогда только это имѣніе должно поступить мнѣ или Сашѣ, если я или дочь моя будемъ вести себя честно, добропорядочно и почтительно въ отношенія ея и мужа ея. Не понимаю, что это все значитъ?

Кажется, я поступилъ съ вами и велъ себя какъ добрый братъ, какъ честный человѣкъ, какъ другъ вашъ... Къ чему же эти е с л и, отчужде-

---

[1]) Дочь В. Ө., нынѣ умершая.

[2]) Бердяева. Дочь ея, Зинаида Николаевна, славилась своимъ недюжиннымъ образованіемъ, художественными талантами и замѣчательною красотою. Была замужемъ за харьковскимъ губернаторомъ А. С. Траскинымъ. Нынѣ умершая.

[3]) Веригина.

[4]) Хворостянка, Курской губ., Старооскольскаго уѣзда.

ніе другихъ дѣтей моихъ отъ меня, униженіе Юлія, котораго я такъ люблю. Не вызовъ ли это на оскорбленіе?

Я васъ люблю, я вамъ это выразилъ, но дѣтей моихъ я люблю болѣе всего и знаю ихъ очень хорошо. Юлій, можетъ быть, нескроменъ, увлекается иногда, беззаботенъ, разсѣянъ, но всѣ свои недостатки онъ выкупаетъ добрымъ сердцемъ, честными наклонностями, развитіемъ благородства мыслей и дѣлъ. Зачѣмъ было въ духовной письменно клеймить его. Скажу тебѣ рѣшительно, что такая духовная не только не дѣлаетъ мнѣ никакого удовольствія, но въ основаніи оскорбляетъ меня.

Да и что изъ такой юридически невозможной духовной? Ну, если мы всѣ помремъ наоборотъ? т. е. я прежде, потомъ Саша, а потомъ уже Веригина? Повторяю еще разъ, что я не понялъ хорошо, о чемъ идетъ дѣло въ этой духовной. Бѣдная Александра Өедосеевна, сколько глупостей надѣлала она при жизни!

Юлій хотѣлъ ѣхать къ вамъ и, вѣроятно, уже былъ. Напиши мнѣ, что онъ дѣлалъ? Долго ли пробылъ? Что дѣлаетъ Анна Васильевна? [1]) Я ей писалъ три письма, а, кажется, она получила только одно.

Кланяйся отъ меня Любиму Ивановичу и Софьѣ Өедоровнѣ и Өедору Петровичу [2]) и прекраснымъ дѣтямъ его.

Александрѣ Васильевнѣ также кланяйся и поблагодари за всегдашнее ея расположеніе ко мнѣ.

Мы живемъ по прежнему. Зима у насъ теплая, снѣгу много, но р. Ангара, на которой Олонки [3]), еще не стала, а (уже?) 15-е декабря. Прощай, другъ мой, не забывай любящаго тебя всѣмъ сердцемъ брата.

Іоасафу Александровичу [4]) усердно кланяюсь и по полученіи письма отъ него буду писать.

Съ новымъ годомъ всѣхъ васъ поздравляю.

2.

23-го декабря 1861 г.

Вотъ, наконецъ, мой добрый и безцѣнный другъ мой, Вѣра Өедосеевна, предъ тобою и Вадимъ, сынъ твоего брата... Я отправилъ его до Москвы на весьма благонадежныхъ рукахъ. Остальное онъ самъ тебѣ разскажетъ.

Описывать сына я не буду.

Способностей у него много. Учился и понимаетъ все хорошо. Любитъ говорить много, это фамильный порокъ и наслѣдственный до из-

---

[1]) Мухортова, теперь Гаевская, племянница І. А. Попова.

[2]) Ө. П. Волковъ, помѣщикъ Новооск. у., теперь умершій.

[3]) Село Иркутской губ., гдѣ жилъ В. Ө.

[4]) Поповъ, мужъ Вѣры Өедос.

вѣстныхъ лѣтъ и опыта. Тебѣ и Іоасафу Александровичу ввѣряю я родительскую власть надъ нимъ.

Здѣсь гимназія такъ дурна, что воспріимчивая натура только испортиться можетъ; хотя и во всѣхъ общественныхъ училищахъ направленіе было одно и то же, но хуже нашей гимназіи, конечно, не было. Необходимость только заставила меня вести дѣтей по этому заразительному и вредному переходу, чтобы имѣть послѣ этой порчи право на лучшую будущность. Теперь вся жизнь его и будущность зависитъ отъ васъ. На ваше благоразуміе и любовь всѣ надежды мои.

Онъ уже вашъ. Увижу ли я его? Богу только извѣстно... 33 года жилъ и устраивалъ я мое гнѣздо, и вотъ: Саша, Вѣра, Юлій, Миша и, наконецъ, Вадимъ оставили меня и мать [1]), и свой родимый кровъ. При моей болѣзненной любви къ дѣтямъ, тяжело, очень тяжело и больно. Но этой жертвы требуетъ отъ меня та же любовь къ нимъ. Мнѣ жить не долго, а они начинаютъ только жить. Изъ жестокаго и долговременнаго опыта я вынесъ убѣжденіе, что человѣкъ можетъ быть покоенъ только тогда, когда онъ желаетъ добра и дѣлаетъ его не изъ тщеславія, а вслѣдствіе необходимости или желанія дѣлать его своимъ однороднымъ. Слѣдственно, я не думаю о дѣтяхъ моихъ только тогда, когда сплю... Но и во снѣ часто вижу то того, то другаго. Въ ссылкѣ я привыкъ видѣть въ дѣтяхъ моихъ весь міръ; за оградою моего дома я встрѣчалъ чуждыхъ для меня, какъ бы другаго міра людей.

И вотъ, при концѣ жизни, заживо передо мною пустыня...

Не долго пробылъ я у васъ. Но вы видѣли и поняли, что не корысть, не разсчеты, не сожалѣніе о моемъ прошедшемъ, а одна чистая, искренняя любовь къ роднымъ сестрамъ звала меня на родину [2]), чтобы увидѣть ихъ, обнять, поклониться праху отца и матери и потомъ со слезами, горькими слезами проститься съ ними на всегда.

Недавно ты пробудила было во мнѣ свѣтлую мысль, надежду кончить жизнь мою вблизи отъ васъ, на той же землѣ, гдѣ жили отецъ, дѣдъ, прадѣдъ наши! Но ты современемъ поймешь, какъ искусно и безбожно В—нъ умѣлъ уничтожить минутное увлеченіе къ добру жалкой жены своей... Сначала онъ увеличилъ цѣну, потомъ придумалъ какую-то статью (?), которую скорѣе послалъ онъ самъ, нежели я или кто-либо изъ моихъ близкихъ.

Съ почтою ты получишь поясненіе на эту нехитрую выдумку. Бѣдная и жалкая эта Любовь Ѳед.

Мой сынъ будетъ залогомъ моей самой искренней, самой чистой, неизмѣнной любви къ вамъ и довѣрія какъ къ тебѣ, такъ и любезному

[1]) Евдокія Моисеевна.

[2]) Курская губернія.

брату Іоасафу Александровичу. Прощайте. Обнимаю, цѣлую тысячу разъ и благословляю васъ на жизнь покойную, счастливую и долговѣчную.

Знакомымъ кланяюсь.

3.

11-го января 1864 г.

Давно не писалъ я къ тебѣ, безцѣнный и милый другъ мой, Вѣра Ѳедосеевна. Я ожидалъ отвѣта на письма мои. Но, кажется, ты лѣнишься писать. Отъ Вадима также давно не имѣю писемъ, онъ совершенно насъ забылъ: и къ маменькѣ, и къ братьямъ не пишетъ. Я просилъ о переводѣ Миши сюда, не знаю, уважутъ ли просьбу мою по случаю войны; онъ получилъ анненскую саблю за храбрость и поручикъ. Юлій произведенъ въ ротмистры, но перевода до сихъ поръ нѣтъ.

У насъ ничего особеннаго нѣтъ.

Если Мишу переведутъ, я приказалъ ему заѣхать къ вамъ.

Получила ли Анна Васильевна мою карточку? ничего не знаю. Мнѣ пишутъ изъ Москвы, что Вадимъ учится хорошо. Я ему послалъ мою карточку. Недавно прочелъ я въ газетахъ о смерти моихъ близкихъ товарищей: Батенькова, мнѣ присланъ и портретъ его, завѣщанный передъ смертью; онъ 20 лѣтъ просидѣлъ въ крѣпости; Турчанинова, крестнаго отца Юлія; онъ ботаникъ и умеръ въ Харьковѣ, и Александра Ник. Муравьева; онъ былъ такъ же въ ссылкѣ, но умеръ сенаторомъ. Стало быть, и я на очереди... 28-го марта мнѣ пойдетъ семидесятый годъ. А жизнь моя прошла, какъ тебѣ извѣстно, не на балахъ и пирахъ, и не многимъ назначено такъ много испытаній, труда и лишеній. И, если я вынесъ изъ подъ этого гнета не утраченныя силы, то, конечно, исключеніемъ такимъ я обязанъ только Богу!

Время идетъ, и пребываніе мое у васъ мнѣ чудится, какъ сонъ, какъ давно прошедшее.

Прощай, любимый и добрый другъ мой. Не забывай брата твоего, который встрѣтилъ въ тебѣ сестру и друга.

Люби моего Вадима. У васъ нѣтъ дѣтей, да будетъ онъ сыномъ вашимъ. Іоасафа Александровича также прошу о немъ. Онъ васъ очень любитъ, это я знаю.

Обнимаю и цѣлую васъ тысячу разъ.

Всѣмъ знакомымъ усердно кланяюсь.

Дочь моя Саша пишетъ, что В-на не высылаетъ ей денегъ; отчего это?

4.

21-го іюля 1865 г.

Письмо твое, безцѣнный, несравненный и добрый другъ мой, Вѣра Ѳедосеевна, съ письмомъ отъ Вадима отъ 3-го іюня я получилъ. Долго не получая отвѣта на письма мои, я уже испугался...

Послѣ несчастныхъ случаевъ со мною, я сдѣлался недовѣрчивъ и всегда ожидаю и тревожусь, не отдавая себѣ отчета, почему я вижу или предполагаю только одно печальное или дурное. Можетъ быть, такое настроеніе и пройдетъ, если Миша, сынъ мой, возвратится, если дѣла мои пойдутъ лучше, если дѣти мои будутъ счастливы.

Переходъ Вадима въ Харьковскую гимназію нисколько меня не опечалилъ. Я очень доволенъ, что вы такъ рѣшили. Здоровье для молодаго человѣка необходимо, а сколько у насъ гибнетъ едва блеснувшихъ талантовъ отъ недостатковъ, ранней издержки жизни и вреднаго вліянія атмосферы, особливо петербургской,—московскій воздухъ легче.

Я думаю, вы увидите Мишу. Полкъ переходитъ въ Малороссію, и, если его не переведутъ, онъ хочетъ подать въ отпускъ. Да не мѣшало, если бы Саша перевела эти 2.000 рублей на меня. Дѣла мои совершенно разстроились, и я вошелъ въ долгъ, хотя незначительный, но я не привыкъ, и это меня сильно безпокоитъ.

Валерій[1]) служитъ при зятѣ моемъ Ефимовѣ и не требуетъ отъ меня ничего. Вадимъ вашъ, но за Соничку я долженъ платить. Она превосходно играетъ на фортепьянахъ и очень много утѣшаетъ меня своими необыкновенными успѣхами. Директриса, превосходная женщина и начальница, ее очень любитъ, и Соничкѣ остается только два года въ институтѣ. Она вся въ нашу фамилію и похожа съ Сашей.

Саша вышла замужъ! Это меня очень удивило и не обрадовало. Здѣсь она по выбору могла бы выйти, но это замужество отдѣлило ее совершенно отъ родины, родныхъ и вообще отъ семейства и надежды возвратиться къ намъ. Мужъ ея лѣкарь, имѣетъ мать и сестеръ на рукахъ, содержитъ ихъ изъ жалованья, моложе далеко Саши, и вотъ причина, по которой я боюсь за будущность ея.

У насъ былъ неурожай, и хлѣбъ доходилъ ржаной до одного рубля и 20 коп. за пудъ, пшеничный до 1 р. 50 к., крупа ячневая 2 р. пудъ; а въ этомъ году засуха, но повредила только яровыя.

Интереснаго у насъ ничего нѣтъ.

Къ Іоасафу Александровичу я писалъ, но не получилъ отвѣта. Я

---

[1]) Сынъ В. Ѳ., здравствуетъ по нынѣ.

люблю и уважаю его за его расположеніе чисто родственное къ намъ.

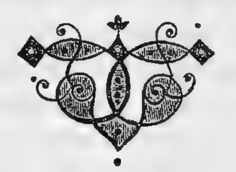
Что милая и добрая Настенька? почему не пишетъ ко мнѣ? очень жалѣю, если она больна.

Прощай, мой милый и безцѣнный другъ.

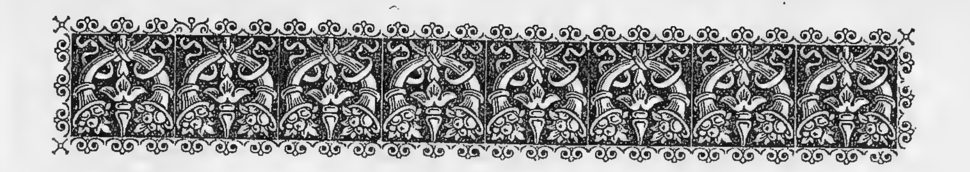
Кланяйся всѣмъ, кто помнитъ меня. Пиши чаще, для здоровья моего это полезно. Отъ Натальи Гавриловны [1]) давно не имѣю писемъ, жива ли она? Прощай, еще разъ цѣлую тебя.

Вадиму буду писать.

Сообщилъ **Владиміръ Раевскій.**

[1]) Двоюродная сестра В. Ѳ.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXVI [1]).

Литературная дѣятельность В. А. Панаева.—Участіе его въ „Современникѣ".—Мысль объ изданіи журнала въ Парижѣ на французскомъ языкѣ.—Статья В. А. Панаева въ защиту Тьера.—Знакомство съ Луи-Бланомъ.—Переговоры съ нимъ объ изданіи журнала.—Банкетъ въ память провозглашенія во Франціи первой республики.—Рѣчь на немъ В. А. Панаева въ пользу сербовъ.—Вопросъ объ изданіи журнала „L'homme Libre".—Неблаговидные поступки Луи-Блана.—Отказъ Панаева отъ участія въ журналѣ.—Процессъ его съ Луи-Бланомъ.

Хотя, какъ видно изъ моихъ воспоминаній, моя жизнь проходила въ инженерной дѣятельности, но въ душѣ меня влекло къ дѣятельности литературной, по вопросамъ соціальнымъ, экономическимъ и политическимъ. Еще въ 1858 году, когда уже начиналось облегченіе цензурныхъ условій, я сталъ уговаривать редакторовъ «Современника» Ив. Панаева и Некрасова, начать издавать ежедневную газету и готовъ былъ взять на себя руководить означенными выше вопросами. Въ то же время, я предсказывалъ имъ, что если не основется серьезный политическій органъ, то Москва задавитъ «Современникъ». Въ началѣ 1858 г., я написалъ въ видѣ образца моихъ взглядовъ, статью: Община, которая появилась въ мартовской книжкѣ «Современника».

Въ томъ же, въ 1858 году, я написалъ и издалъ брошюру на французскомъ языкѣ о политическихъ вопросахъ подъ заглавіемъ «La Sainte alliance des peuples», характеризующую мои политическіе взгляды. Кромѣ того, я въ томъ же году издалъ на французскомъ языкѣ неболь-

[1]) См. „Русскую Старину" мартъ 1903 г.

шую брошюру, по поводу жгучаго тогда вопроса, поглотившаго всѣхъ и вся, подъ заглавіемъ: «Emancipation de serfs en Russie, и наконецъ въ томъ же году я издалъ обширную брошюру на русскомъ языкѣ, которая появилась въ Лондонѣ: это V книжка голосовъ изъ Россіи, съ проектомъ освобожденія крестьянъ, впослѣдствіи напечатанная здѣсь, цѣликомъ, въ типографіи II отдѣленія Собственной его величества канцеляріи.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ очевидно слѣдуетъ, что мое предложеніе редакторамъ «Современника», о томъ, что я былъ бы готовъ взять на себя руководство по вопросамъ политическимъ, экономическимъ и соціальнымъ, въ той газетѣ, которую бы они предприняли, не было словомъ, выпущеннымъ мною на вѣтеръ.

Со смертью Панаева «Современникъ» скоро погибъ, и Некрасовъ явился редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ».

Въ 1865 году я сталъ вновь убѣждать Некрасова приняться за изданіе ежедневной газеты. Но онъ тогда отговаривался тѣмъ, что необходимость ежедневнаго труда ему не подъ силу.

Когда въ 1868 г., я закончилъ свою инженерную дѣятельность, и когда у меня явился капиталъ нѣсколько болѣе 400.000 руб., оставшихся у меня отъ подряда, я предлагалъ Некрасову войти въ компанію и внести, съ своей стороны, извѣстный капиталъ; но въ это время Некрасовъ чувствовалъ, что здоровье его плохо, и мое предложеніе осталось безъ послѣдствій.

Между тѣмъ, за нѣсколько лѣтъ у меня скопилась груда статей, написанныхъ по разнымъ вопросамъ, экономическимъ, которыя вполнѣ соотвѣтствовали правительственной цензурѣ, но не проходили чрезъ цензуры редакторскія, которыя составляютъ извѣстные кружки, и во мнѣ подготовлялась мысль искать, наконецъ, свободы слова, внѣ моей родины, и я задумалъ основать журналъ на французскомъ языкѣ.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства подходили къ выполненію этой мысли. Само собою разумѣется, я избралъ для этого дѣла Парижъ.

Въ Парижъ я пріѣхалъ въ то время, когда послѣ, можно сказать, диктаторства Тьера, президентомъ былъ уже Макъ-Магонъ, и въ данное время настала эпоха всеобщихъ выборовъ. Я началъ съ того, что опубликовалъ сочувственную статью Тьеру; статья эта такъ понравилась его сторонникамъ, что они напечатали ее въ 50.000 экземплярахъ, расклеили частью по улицамъ Парижа и часть разослали по разнымъ городамъ провинціи.

Я приведу здѣсь эту статью, въ переводѣ.

Тьеръ, какъ единственный для избранія депутатъ во Франціи, при первой баллотировкѣ.

«Франція никогда не находилась въ такомъ критическомъ и торже-

ственномъ моментѣ, какъ нынѣ. Избиратели держатъ въ своихъ рукахъ спасеніе или гибель своей страны, и можно даже сказать, что самое существованіе Франціи зависитъ отъ предстоящихъ выборовъ.

«Если припомнить всѣ революціи, внезапные государственные удары, безпрерывно смѣнявшіеся въ продолженіе долгаго времени, если припомнить борьбу, происходившую въ послѣднемъ парламентѣ, невольно можно сказать себѣ, что гибельно будетъ продолжать идти тѣмъ же путемъ, и что прежнія политическія доктрины отжили свое время.

«Гибельно совершить хотя бы единую ошибку— воскликнулъ Тьеръ, обращаясь къ правительству Наполеона III. Съ такимъ точно восклицаніемъ можно обратиться теперь непосредственно къ французскому народу.

«Надо, чтобы каждый французъ убѣдился, что несчастія послѣдней войны явились не къ уничтоженію Франціи, а къ ея пробужденію. Разъ пробужденная Франція должна выбрать одну изъ слѣдующихъ дорогъ: или встать во главу всѣхъ націй, взявъ иниціативу новой жизни, настойчиво требуемой человѣчествомъ, или слѣдовать по старой дорогѣ, чтобы обратиться въ ничтожество. Надобно, чтобы отнынѣ Франція не мечтала болѣе о войнѣ, чтобы не мечтала болѣе о возмездіи, влекущемъ потоки крови; но чтобы она выставила новое знамя, имѣющее надписью: «Благоденствіе всѣхъ», благоденствіе, которое не можетъ быть достигнуто безъ доктрины вѣры въ добро. Она принесетъ дѣйствительную свободу, т. е. порядокъ, который разовьетъ производительный трудъ, что и создастъ благоденствіе, а благоденствіе расширитъ и возвыситъ образованіе; совокупленіе всѣхъ переименованныхъ элементовъ обусловитъ непобѣдимую силу, предъ которой преклонятся всѣ націи.

«Вопросъ не заключается въ томъ, чтобы основать то или другое правительство, а въ томъ, чтобы войти въ новую эру. Въ нравственныхъ элементахъ, а не въ политикѣ, надо искать сущность настоящаго вопроса.

«Принципъ, на которомъ зиждется вообще политика и всѣ учрежденія—есть недовѣріе. Надо измѣнить этотъ принципъ и замѣнить его другимъ: Довѣріемъ и вѣрою въ добро.

«Отбросимъ теперь общія мѣста и обратимся къ фактамъ.

«Франція находится теперь на краю пропасти. Эту пропасть вырыли различныя политическія партіи. Вѣдь политическія партіи сгубили Польшу, онѣ погубятъ и Францію, если она не заставитъ ихъ умолкнуть.

«Да не будетъ царство партій! Надо отнынѣ, чтобы всѣ избиратели стремились къ одной общей цѣли: къ воцаренію честности, разумности и дѣйствительной свободы, т. е. такой, которая дозволитъ ка-

ждому гражданину пользоваться всѣми своими натуральными правами. Утопія! скажутъ вамъ. Необходимость крайняя и неизбѣжная, отвѣтите вы: что міръ изнемогъ отъ принциповъ противоположныхъ. Оставьте кричать людей, которые ссылаются на утопію, когда приходится осуществлять истины, до того времени не практиковавшіяся или заброшенныя. Эти крики есть продуктъ посредственности, неспособности или дурныхъ инстинктовъ. Эти люди безъ «вѣры въ добро» составляютъ несчастіе міра и задерживаютъ всякій прогрессъ.

«Идите рѣшительно, безъ колебаній къ идеалу правды и добра. Будьте увѣрены, что непоколебимая вѣра въ правду и добро естественно приведетъ къ господству свободы, разума, общаго благоденствія и образованія.

«Есть ли возможность избѣжать борьбы партій? Конечно, нѣтъ, но избиратели могутъ привести ихъ къ молчанію, образуя единственную партію патріотовъ, а чтобы свершить это, есть средство самое простое.

«Это средство состоитъ въ томъ, чтобы создать новаго Вашингтона, выбирая при первой баллотировкѣ во всѣхъ конскрипціяхъ Тьера.

«Какія будутъ послѣдствія этой торжественной демонстраціи? Всякій легко ее пойметъ. Эта демонстрація укажетъ, что избиратели желаютъ импозировать прежде всего партіямъ политику патріотизма. Маршалъ, президентъ республики, пойметъ, въ своемъ благоразуміи, что онъ долженъ обратиться къ испытанному патріотизму Тьера, дабы онъ снизошелъ принять вице-президентство совѣта, на которое онъ можетъ согласиться лишь подъ условіемъ полной свободы въ политикѣ.

«Этой законной демонстраціей Франція укажетъ путь, которому должны слѣдовать различныя партіи, и что главное ея желаніе довѣрить направленіе своей политики человѣку, который далъ столько доказательствъ своего благоразумія, своихъ способностей государственнаго мужа, своей любви свободы, своей политической честности, своей опытности и своего безграничнаго патріотизма.

«Но могутъ сказать вамъ, что нація импозируетъ себѣ, въ такомъ случаѣ, нравственную диктатуру? Грустно будетъ, если подобная идея найдетъ сильный отголосокъ во Франціи въ настоящую минуту.

«Если Франція не наложитъ нравственнаго тормоза на партіи, она погибнетъ. Этотъ нравственный тормозъ олицетворяется нынѣ въ одномъ человѣкѣ, который пріобрѣлъ великое уваженіе и громадное вліяніе не только во Франціи, но во всемъ свѣтѣ.

«Пока, такъ называемые либералы не поймутъ, что разумъ стоитъ выше количества, пока не признаютъ извѣстныя права индивидуальнаго разума въ политикѣ, какъ они допускаютъ его въ наукѣ, и пока они не предоставятъ ему свободу, до тѣхъ поръ имъ не достигнуть дѣйствительной свободы.

«Съ другой стороны пока такъ называемые консерваторы не признаютъ, что нація должна имѣть право контролировать серьезно и дѣйствительно правительство, пока не поймутъ, что порядокъ есть послѣдствіе абсолютной свободы слова, они не достигнутъ ни устойчивости правительства и никакого соціальнаго принципа.

«Если большая часть избирателей не вотируютъ при первой баллотировкѣ въ пользу Тьера, Франція докажетъ лишь недостатокъ своего политическаго такта и можетъ потерять уваженіе въ глазахъ всего свѣта, по своей неблагодарности. Неблагодарность это безнравственность. Безнравственность это признакъ декадентства.

«Декадентство это гибель!

«Раздумайте же, избиратели, и поступите по сообразности. Франціи нуженъ Вашингтонъ, надо, чтобы она создала его. Безъ этого она подпадетъ подъ режимъ Бонапарта и Бурбона.

«Изложенное здѣсь мнѣніе высказано иностранцемъ, который никогда не видалъ Тьера и не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ. Это мнѣніе истекаетъ изъ собственнаго убѣжденія».

Въ это-то время я встрѣтилъ въ Парижѣ лондонскаго знакомаго Таландье. Онъ сталъ часто приходить ко мнѣ, и ему я открылъ свое намѣреніе издавать еженедѣльный органъ на французскомъ языкѣ, гдѣ бы я могъ свободно проводить свои мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомить Францію съ Россіей, такъ какъ она не имѣла другаго органа, кромѣ оффиціальнаго «Journal de St.-Petersbourg» и полуоффиціальнаго безцвѣтнаго «Le Nord»; слѣдовательно, французы не имѣли понятія о Россіи. Довольно сказать, что самые образованные люди Франціи на каждомъ шагу вопрошали меня—говорятъ ли въ обществѣ на русскомъ языкѣ, есть ли у насъ своя литература, а изъ исторіи не вѣдали даже о Петрѣ Великомъ и о его роли въ Россіи. Словомъ сказать, появленіе предположеннаго мною органа обѣщало нѣкоторый успѣхъ. Я разсчитывалъ, что при 1.500 подписчикахъ еженедѣльный журналъ покрывалъ бы расходы, а въ случаѣ недоимки, я имѣлъ капиталъ въ запасѣ, и потому могъ протянуть дѣло года три, а затѣмъ, если онъ пріобрѣтетъ какое-нибудь значеніе, то тогда перейдти къ изданію ежедневнаго журнала.

Мое намѣреніе приводило въ восторгъ Таландье, но онъ сталъ уговаривать меня не расходовать напрасно деньги на изданіе еженедѣльнаго журнала, а лучше войти въ компанію съ политической величиной, имѣющей громкое имя, и тогда сразу приступить къ изданію ежедневнаго журнала.

— Я побесѣдую съ Луи-Бланомъ,—сказалъ онъ.—Какъ вамъ извѣстно, онъ жаждетъ издавать ежедневную газету.

Черезъ нѣсколько дней, Таландье пріѣхалъ ко мнѣ и повезъ меня въ Версаль, гдѣ въ то время засѣдала палата, и познакомилъ меня съ Буи-Бланомъ. Луи-Бланъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ Парижъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его для бесѣдъ относительно изданія журнала. Мы перебрали всѣ вопросы, которые могли представить разномысліе. Когда коснулось до вопроса философскаго, я заявилъ, что я христіанинъ и признаю высшую невѣдомую намъ Силу, т. е. Бога. Тогда Луи-Бланъ сказалъ: такъ думалъ тоже и Вольтеръ. Переговоривъ о всѣхъ вопросахъ нравственнаго свойства, явилась полная возможность къ соглашенію. Тогда Луи-Бланъ перешелъ къ вопросу матеріальному.

— Сколько вы думаете ассигновать на изданіе журнала?—спросилъ онъ.

— Я ассигновалъ на это 100.000 фр.

Луи-Бланъ, подумавъ нѣсколько, сказалъ:

— Для основанія журнала нужно не менѣе 150.000 фр., но разъ вы ассигнуете 100.000, можно организовать общество на акціяхъ, и остальныя деньги внесутъ мои друзья, и потому я надѣюсь сыскать компаньоновъ среди ихъ.

Послѣ этого я рѣшилъ поѣхать на нѣсколько недѣль по дѣламъ въ Петербургъ.

Вскорѣ, недѣли черезъ двѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я получилъ отъ Таландье письмо, при которомъ онъ приложилъ уже уставъ предполагаемаго общества, составленный нѣкоторыми предполагавшимися акціонерами, котораго самъ Луи-Бланъ не одобрилъ и сказалъ, что— «лучше подождемъ возвращенія Панаева». Я нашелъ этотъ уставъ положительно неудовлетворительнымъ и потому не только не отвѣтилъ на письмо, но по возвращеніи въ Парижъ не извѣстилъ никого о моемъ прибытіи.

Я на лѣто поселился въ Celle St. Cloud, рядомъ съ Буживалемъ, гдѣ жила m-me Viardot и давала уроки моей дочери.

Внезапно явился ко мнѣ нѣкій M. Salles съ карточкой отъ Луи-Блана, какъ его секретарь, и заявилъ, что Луи-Бланъ желалъ бы возобновить со мной переговоры объ образованіи акціонернаго общества для изданія журнала. На слѣдующій день онъ привезъ мнѣ отъ Луи-Блана билетъ для входа на банкетъ, дающійся каждый годъ 21-го сентября, въ память провозглашенія первой республики въ концѣ прошедшаго столѣтія, прибавивъ при этомъ, что никогда никакой иностранецъ не присутствовалъ на этихъ банкетахъ, но что Луи-Бланъ дѣлаетъ для меня исключеніе.

Вслѣдствіе такой любезности, я поѣхалъ къ Луи-Блану, и съ нимъ начались переговоры о составленіи новаго, подходящаго для насъ устава.

Между тѣмъ, я заявилъ Луи-Блану и Таландье, что я, какъ русскій, желаю высказать слово, на банкетѣ, по поводу борьбы, которая происходитъ въ Сербіи съ турецкимъ гнетомъ, на которую явилась масса русскихъ добровольцевъ, на счетъ пожертвованій, сыплящихся изъ Россіи, и которая руководится русскимъ извѣстнымъ генераломъ, и тѣмъ вызвала сочувствіе къ этой борьбѣ французовъ.

— Какая прекрасная мысль!—сказали оба они въ одинъ голосъ.— Дѣйствительно, намъ непростительно, что мы ничѣмъ не выразили симпатіи къ этой борьбѣ, когда даже Англія открыла подписку, во главѣ которой явился Гладстонъ.

Я набросалъ конспектъ моей рѣчи и повезъ его къ Таландье. Прочитавъ ее, онъ сказалъ:

— Превосходно, но надо показать учредителямъ банкета содержаніе вашей рѣчи.

И Таландье повезъ меня къ одному изъ учредителей, патрону (шефу) мастеровъ бронзоваго производства (имя его забылъ, назову его X.). Мы застали его въ рабочей блузѣ; X. тотчасъ удалился и явился черезъ нѣсколько минутъ во фракѣ. Узнавъ о цѣли нашего посѣщенія, онъ прочиталъ мой проектъ, пришелъ въ восторгъ и воскликнулъ:

— Да! это со стороны французовъ большое упущеніе, что мы до сихъ поръ молчали и не выразили никакой симпатіи къ благородной борьбѣ за свободу, когда даже Англія существенно заявляетъ свое сочувствіе. Это пробѣлъ, и удивляюсь печати, что она не подняла этого вопроса. Непремѣнно произнесите, прошу васъ, на банкетѣ вашу рѣчь, и назначаю вамъ слово первому.

Я отвѣтилъ ему, что ни за что не выступлю первымъ ораторомъ.

X. возразилъ мнѣ, сказавъ, что онъ даетъ мнѣ совѣтъ въ моихъ интересахъ, что послѣ извѣстныхъ ораторовъ, какъ Луи-Бланъ и Hamel, обратить вниманіе слушателей на мою рѣчь будетъ трудно, а рѣчь моя, затрогивая серьезный вопросъ, должна быть произнесена непремѣнно.

Я категорически настаивалъ, что я не выступлю первымъ ораторомъ.

Тогда X. взглянулъ на списокъ, въ которомъ были у него записаны ораторы.

— Мы, учредители, назначили для банкета только шесть рѣчей, а ваша явится 7-ою; впрочемъ, я вычеркну одного оратора.

Тогда вмѣшался въ разговоръ Таландье и сказалъ:—вѣдь это будетъ обида для него.

Таландье относился къ X. съ тономъ особеннаго почтенія, подобно тому, какъ подчиненный относится къ начальству. Надо замѣтить, что патроны, или шефы рабочихъ играютъ первостепенную роль, при избраніи депутатовъ въ палату.

*

Обратясь ко мнѣ, X. сказалъ:

— Пріѣзжайте ко мнѣ въ 5 часовъ, я поѣду съ вами, введу васъ въ залу и укажу вамъ мѣсто на банкетѣ.

Къ означенному времени я пріѣхалъ съ однимъ русскимъ, Свирскимъ. Надо разсказать теперь, кто былъ этотъ Свирскій. Онъ былъ студентомъ Петербургскаго университета, человѣкъ особенно музыкальный, и посѣщалъ насъ, какъ аккомпаніаторъ моей дочери для пѣнія. Курса онъ не кончилъ и сталъ давать разные уроки дѣтямъ. Потомъ онъ поступилъ гувернеромъ въ семейство, которое уѣхало въ Парижъ. Между тѣмъ Свирскій заболѣлъ и лишился мѣста. Тогда я предложилъ ему помѣститься на лѣто у насъ на дачѣ. Когда возобновились разговоры съ Луи-Бланомъ объ изданіи журнала, Свирскій пожелалъ пристроиться къ этому дѣлу, объявивъ, что онъ возьметъ 10 акцій. Тогда я познакомилъ его съ Луи-Бланомъ и доставилъ Свирскому билетъ на предполагаемый банкетъ.

Учредитель X. поѣхалъ съ нами и, придя въ залу, указалъ мнѣ мѣсто за почетнымъ предсѣдательскимъ столомъ, рядомъ съ Луи-Бланомъ. Какой-то господинъ, пришедшій съ дамой, снялъ мою шляпу, положилъ ее на другое мѣсто и сѣлъ съ дамой, и потому я избралъ мѣсто на краю стола. Луи-Бланъ еще не являлся. Учредитель X., замѣтивъ меня на краю стола, сказалъ мнѣ:

— Я указалъ вамъ другое мѣсто, зачѣмъ же вы пересѣли?

— Пришелъ какой-то господинъ съ дамой и сѣлъ на указанное вами мѣсто,—отвѣтилъ я.

— Это невѣжество,—сказалъ онъ и обратился къ этому господину; оказалось, что это былъ братъ Луи-Блана съ женой.

— Прошу васъ пересѣсть на другую сторону, это мѣсто указано было мною оратору, который будетъ говорить рѣчь. Братъ Луи-Блана съ женою тотчасъ же повиновались учредителю X., и онъ посадилъ меня на прежнее мѣсто.

Послѣ трехъ рѣчей учредитель X неожиданно вызвалъ меня, тогда какъ я ожидалъ говорить шестымъ, т. е. послѣднимъ.

Отчетъ объ этомъ банкетѣ былъ напечатанъ отдѣльной брошюрой, и я приведу здѣсь въ дословномъ переводѣ ту часть, которая касается моей рѣчи.

«Гражданки и граждане!

«По поводу дня, который вы празднуете сегодня, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на нѣсколько минутъ на то, что совершается нынѣ внѣ Франціи, потому что я разсматриваю день 21-го сентября, какъ праздникъ не только французовъ, но всего человѣчества.

«Вы празднуете сегодня 84 годовщину торжественнаго дня, который въ прошедшемъ столѣтіи двинулъ соціальную жизнь на новый путь,

и это съ такою силой, что до сихъ поръ мы идемъ этимъ толчкомъ, даннымъ всему свѣту. Эта сила заключается въ идеяхъ и принципахъ людей этой эпохи.

«Съ того времени Франція прошла черезъ многочисленные и потрясающіе кризисы; но надо надѣяться, что они не будутъ болѣе повторяться, потому что опыты, сдѣланные во всѣхъ направленіяхъ, черезчуръ уже полны. Можно, слѣдовательно, разсчитывать, что на этотъ разъ республика будетъ окончательной.

«Но, граждане, мнѣ кажется, что не слѣдуетъ увлекаться иллюзіями. Французская республика еще молода, очень молода, между тѣмъ какъ враги многочисленны, и сверхъ того, она едина въ Европѣ, ибо Швейцарія не играетъ въ политикѣ значительной роли.

«Эти соображенія приводятъ къ сознанію необходимости избрать политику, которая не пренебрегала бы ничѣмъ, что могло бы дать Франціи поддержку нравственную или матеріальную.

«Между тѣмъ, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на вопросъ, который разрѣшается теперь на Востокѣ.

«Для тѣхъ, кто нѣсколько знакомъ съ исторіей и съ современными фактами, и имѣютъ политическій умъ, для тѣхъ, говорю я, не остается сомнѣнія, что господство турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ близится къ своему концу. И если по непредусмотрительности, или недостатку смѣлости, или малой ловкости дипломатіи, это господство не исчезнетъ немедленно, оно не замедлитъ рухнуться въ самомъ непродолжительномъ будущемъ.

«Немыслимо, чтобы цивилизованный міръ терпѣлъ бы долѣе такую нелѣпость, такую аномалію, чтобы высшій принципъ склонялся передъ низшимъ, безнравственнымъ и падшимъ; чтобы народы, друзья цивилизаціи, были подчинены расѣ растлѣнной и дикой. Это оскорбленіе человѣческой совѣсти, человѣческаго разума и правъ человѣка.

«Я утверждаю, что паденіе, въ скоромъ будущемъ, господства турокъ на Балканскомъ полуостровѣ явится фактомъ неизбѣжнымъ. Такимъ образомъ, порождается вопросъ, что въ политическомъ смыслѣ представитъ этотъ полуостровъ послѣ турецкаго владычества? Какъ народы, тамъ проживающіе, устроятся?

«Каждый, какъ вамъ извѣстно, устраиваетъ въ мысляхъ будущность этихъ странъ по своему усмотрѣнію. Существуетъ по этому предмету множество проектовъ, множество предположеній, которыя, по большей части, совершенно произвольны. И на этотъ предметъ я и позволяю себѣ обратить ваше особенное вниманіе.

«Съ моей точки зрѣнія, я нахожу и полагаю, что я не ошибаюсь, что народы, обитающіе на Балканскомъ полуостровѣ, послѣ паденія турецкаго владычества, явятся приблизительно въ такомъ положеніи,

какъ Франція послѣ паденія Наполеона III, т. е. не смотря на всевозможныя комбинаціи, большинство различныхъ народностей Балканскаго полуострова по силѣ вещей должны будутъ придти къ организаціи республикъ, съ тою разницей однако, что они должны образовать федерацію, на подобіе соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки.

«И такъ, является вѣроятіе, что Французская республика можетъ имѣть въ будущемъ вторую сестру въ Европѣ, и сестру уважительныхъ размѣровъ. Слѣдовательно, надо всѣми мѣрами способствовать появленію въ свѣтъ новаго государства республиканскаго.

«Высказавъ это, мнѣ кажется, что истинные республиканцы не должны упускать случая выразить свои симпатіи усиліямъ многострадальныхъ славянскихъ народовъ, которые находятся нынѣ въ борьбѣ противъ варварства турокъ, съ тою цѣлью, чтобы завоевать себѣ свободу. И не только соображенія политическаго свойства, сейчасъ мною высказаннаго; но того требуетъ духъ человѣчности, который долженъ вызвать выраженіе симпатій.

«Надѣясь, что я не ошибаюсь въ чувствахъ, которыя васъ воодушевляютъ по этому предмету, я беру смѣлость предложить выразить симпатію сказаннымъ народамъ въ адресѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Французскіе республиканцы, собравшіеся сегодня, чтобы праздновать торжественный день 21-го сентября 1792 г., пользуются случаемъ, чтобы выразить свои симпатіи тѣмъ небольшимъ группамъ славянскихъ народовъ—слабыхъ числомъ, но сильныхъ духомъ,—которые возстали, чтобы попрать варварскій деспотизмъ и завоевать свободу, борясь противъ врага, въ десять разъ сильнѣйшаго. Мужайтесь и стойте упорно —будущность близка отъ васъ».

Банкетъ давался въ семейной залѣ St.-Mandé, по этому случаю всѣ деревянныя перегородки были сняты, образовавъ какъ бы длинный сарай; присутствующихъ было до 800 человѣкъ. Трибуна помѣщалась на одномъ концѣ залы. Я говорилъ громко, внятно и размѣренно, такъ что на противоположной сторонѣ было слышно каждое слово. При каждой остановкѣ послѣ періода рѣчи раздавался громъ единодушныхъ и восторженныхъ рукоплесканій.

Окончивъ рѣчь, я не успѣлъ еще сойти съ трибуны, какъ многіе подходили ко мнѣ и благодарили за рѣчь, подошелъ и Луи-Бланъ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Поздравляю васъ, вы имѣли колоссальный успѣхъ, я никакъ не ожидалъ этого.

Но я замѣтилъ, что въ глазахъ его блеснула искорка зависти.

Сойдя съ трибуны, я тотчасъ же пошелъ садиться въ мой фіакръ, вмѣстѣ съ Свирскимъ; меня окружили и сопровождали апплодисментами,

и нѣсколько человѣкъ поѣхали за мною. Такъ какъ зало St.-Mandé находилось въ предмѣстьи, то до дому было очень далеко. По дорогѣ, я заѣхалъ въ кафе, чтобъ утолить жажду, и, сѣвъ за столъ на тротуарѣ, я спросилъ бокалъ пива. Многіе ѣхавшіе вслѣдъ за мною тоже остановились и окружали меня, интересуясь свѣдѣніями о Россіи. Я удовлетворилъ ихъ любопытство и поѣхалъ домой.

Между тѣмъ друзья Луи-Блана приготовили уже другой уставъ акціонернаго общества для изданія журнала: «L'homme Libre», съ капиталомъ въ 150.000 фр., который долженъ былъ образоваться изъ разбора 150 акцій по 1.000 фр. каждая. Вслѣдъ за тѣмъ созвано было собраніе для прочтенія устава и подписки на количество акцій, которое беретъ каждый акціонеръ. Чтобы имѣть большинство голосовъ, я объявилъ, что подпишусь на 80 акцій. Двое изъ друзей Луи-Блана, которые заявляли прежде, что они возьмутъ 60 акцій, при моментѣ подписки попятились и подписались только на 20 акцій, а остальныя 50 акцій были разобраны друзьями Луи-Блана по одной акціи каждый. Въ этомъ собраніи присутствовалъ Свирскій, который не считался другомъ Луи-Блана и которому конечно ничего не осталось. Тутъ же въ собраніи въ присутствіи Луи-Блана и всѣхъ присутствующихъ Свирскій обратился ко мнѣ и просилъ уступить ему 10 акцій и внести за нихъ деньги, которыя онъ вышлетъ изъ Петербурга, куда онъ уѣзжаетъ мѣсяца на два, и выдалъ мнѣ довѣренность на право пользоваться 10-ю голосами. Тогда же былъ назначенъ редакторъ журнала Hamel и хозяйственными дѣлами одинъ изъ друзей Луи-Блана, нѣкій Gardarin, оказавшійся впослѣдствіи «рваными ноздрями». Директоромъ, по уставу, являлся самъ Луи-Бланъ. Для отвѣтственнаго редактора былъ нанятъ за 3.000 фр., тоже другъ Луи-Блана съ обязанностью, если явится въ томъ необходимость, сидѣть по тюрьмамъ и пр. Подобныхъ господъ называютъ въ Парижѣ—homme de paille.

Когда все было слажено, Луи-Бланъ позвалъ меня къ обѣду. Я въ свою очередь пригласилъ его къ обѣду. Къ этому обѣду я пригласилъ редактора Hamel, Talandier, Ив. Сергѣевича Тургенева и пригласилъ также сына Viardo, полагая, что Тургеневъ поинтересуется познакомиться съ Луи-Бланомъ, и онъ обѣщалъ пріѣхать. Но утромъ до назначеннаго обѣда, я получилъ отъ Тургенева письмо, которое въ буквальной точности привожу здѣсь.

Понедѣльникъ утромъ.

«Любезнѣйшій Валеріанъ Александровичъ, заранѣе прошу вашего извиненія въ небольшой непріятности, которую я принужденъ вамъ причинить: — я не могу придти сегодня къ вамъ обѣдать и съ полной откровенностью скажу вамъ почему.

«По моему твердому убѣжденію, журналъ, затѣваемый Луи-Бланомъ,

не имѣетъ никакихъ шансовъ успѣха, и вы потеряете до послѣдняго сантима всѣ деньги, которыя дадите ему въ ссуду. Въ честности и талантѣ Луи-Блана я сомнѣваюсь менѣе, чѣмъ кто бы то ни былъ. Я увѣренъ, что онъ самъ твердо надѣется на успѣхъ своего предпріятія; но онъ не журналистъ, никогда ничего подобнаго ему не удавалось—да и наконецъ всѣ мѣста заняты. République française, Rappel et Droit de L'homme представляютъ всѣ оттѣнки республиканско-соціалистическаго направленія—сколько другихъ журналовъ было предпринято, чтобы стать на ихъ мѣсто—и всѣ перелопались, какъ мыльные пузырьки. Та же участь ожидаетъ несомнѣнно и журналъ Л.-Блана.

«Имѣя такого рода убѣжденіе, какое было бы мое положеніе въ отношеніи его сегодня? Оспаривать его—невозможно и не ловко въ вашемъ присутствіи, соглашаться съ нимъ запрещала бы совѣсть. Я предпочитаю сдѣлать маленькую невѣжливость и не сдержать даннаго слова, въ надеждѣ, что вы извините меня, вникнувъ въ изложенныя мною причины моего поступка.

«Послѣднее мое вамъ увѣщаніе, если ничего еще не рѣшено окончательно—откажитесь, или, по крайней мѣрѣ, уменьшите сумму: она во всякомъ случаѣ пропала.

«Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и сочувствіи.

Ив. Тургеневъ.

P. S. T. Віардо проситъ также извинить своего сына: онъ слишкомъ еще не опытенъ и молодъ, чтобы присутствовать на политическомъ обѣдѣ».

Всѣ позванные съѣхались, и мнѣ было, конечно, досадно, что Тургеневъ не явился, ибо я всѣхъ предупредилъ о встрѣчѣ съ Тургеневымъ, которымъ, конечно, всѣ интересовались.

Письмо было искренне, и получи я его двѣ недѣли ранѣе, когда я сообщилъ Тургеневу о моемъ намѣреніи сойтись съ Луи-Бланомъ для изданія журнала, я, конечно, измѣнилъ бы свое намѣреніе и избавился бы отъ большихъ непріятностей, которыя испыталъ впослѣдствіи, и также отъ большихъ матеріальныхъ потерь.

Но въ то время, когда я получилъ выше приведенное письмо, было уже поздно отказаться; и потому журналъ сталъ издаваться.

Первую плату за 80 акцій, т. е. 27.000 фр., я тотчасъ же внесъ въ банкъ. Акціонерное общество не было еще въ то время утверждено закономъ. Деньгами, внесенными мною въ банкъ, общество пользовалось по выдаваемымъ мною чекамъ. Когда же общество было утверждено, и по этому уставу требовались всѣ взносы дѣлать черезъ нотаріуса, то г. Gardarin письменно и словесно нѣсколько разъ просилъ меня поскорѣе перевести мои деньги изъ банка на имя общества.

За правильностью взноса денегъ долженъ былъ слѣдить Gardarin, но оказалось впослѣдствіи, что ни одинъ акціонеръ изъ друзей Луи-Блана не внесъ еще ни копѣйки, за исключеніемъ одного румына Carada.

Между тѣмъ, для редакціи было нанято большое роскошное помѣщеніе. Въ залѣ помѣщался громадный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на которомъ должны были раскладываться всѣ газеты и журналы. Съ одной стороны зала помѣщался большой кабинетъ Луи-Блана, а съ другой—комната для главнаго редактора. Ежедневно, къ 6-ти часамъ, являлось человѣкъ 12 такъ называемыхъ частныхъ редакторовъ, по разнымъ отдѣламъ; они садились за общій столъ и принимались за вырѣзки изъ журналовъ, которыя тутъ же наклеивались на бумагу, и къ этимъ вырѣзкамъ приписывалось нѣсколько строкъ. Въ 6-ть же часовъ приходили наборщики въ числѣ 25 человѣкъ съ корректоромъ. По мѣрѣ того, какъ тотъ или другой редакторъ оканчивалъ свою компиляцію, онъ отсылалъ ее внизъ къ наборщикамъ. Къ 12-ти часамъ весь журналъ былъ уже набранъ, и въ особыхъ ящикахъ отправлялся въ типографію, и появлялся въ 7 часовъ утра.

Къ 8-ми часамъ приходилъ Луи-Бланъ изъ Версаля. Тогда всѣ эти псевдо-редакторы вставали и становились въ струнку, а Луи-Бланъ торжественно, не поклонившись даже никому, проходилъ въ свой кабинетъ. Такую дисциплину я встрѣчалъ только, во время моей молодости, у насъ въ канцеляріяхъ, при появленіи директоровъ канцелярій или департаментовъ.

Обыкновенно я самъ приносилъ свои статьи въ редакцію, часу въ восьмомъ. Статьи мои я писалъ на отдѣльныхъ маленькихъ листочкахъ, съ одной стороны. Эти листочки поступали моментально въ наборъ и раздавались наборщикамъ. Черезъ полчаса мнѣ приносили уже провѣренную корректуру, и тогда я подписывалъ одобреніе для печати.

Передъ изданіемъ журнала я заявилъ Луи-Блану, что мною заготовлена программа для журнала, которая обнаруживала бы направленіе его. Луи-Бланъ нашелъ ее превосходной и сказалъ, что она конечно должна появиться въ первомъ же номерѣ. Между тѣмъ, въ вышедшемъ первомъ номерѣ моя программа не появилась, а на мѣсто ея была напечатана статья Луи-Блана, водянистая, съ громкими безсодержательными фразами и общими мѣстами. Прошло четыре дня, моя программа все-таки не появилась, тогда я послалъ эту программу въ «Indеpandence Belge», въ Брюссель, гдѣ оповѣщалось о появленіи въ Парижѣ новаго органа. Программа эта и была тамъ напечатана, но случай этотъ обнаружилъ мнѣ манеру дѣйствій Луи-Блана, его характеръ и нравственный его критеріумъ.

Изданіе журнала шло своимъ чередомъ и продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ это время я написалъ много статей, которыя Луи-Бланъ печаталъ, хотя и поморщивался, ссылаясь на то, что мои статьи не нравятся Гамбеттѣ, предъ политическимъ значеніемъ котораго онъ сильно преклонялся, и даже, можно сказать, принижался, разсчитывая занять его мѣсто въ палатѣ.

Но когда я перевелъ мои деньги на общество, Луи-Бланъ тотчасъ же прекратилъ печатаніе моихъ статей и выкинулъ нахальный, не позволительный для порядочнаго человѣка фортель, приведшій къ рѣшительному разрыву моихъ отношеній къ журналу. Исторію этихъ отношеній я изложилъ въ моей брошюрѣ, тогда же изданной и озаглавленной: Louis Blanc et Pathfinder, которая появилась при слѣдующемъ предисловіи, обращенномъ къ моимъ соотечественникамъ и друзьямъ.

«Главной побудительной причиной моихъ трудовъ, писалъ я, было достигнуть возможности основать журналъ, предназначенный для ознакомленія европейскихъ народовъ съ Россіей, и позволить себѣ высказывать свободно мои мнѣнія по вопросамъ экономическимъ, политическимъ и философскимъ, мнѣнія, пріобрѣтенныя изъ долгаго опыта и изъ многихъ отношеній съ разными людьми, встрѣчавшимися въ теченіе моей жизни.

«Чтобы достигнуть этой цѣли, надо было избрать для журнала языкъ, наиболѣе распространенный нынѣ въ Европѣ, который безспорно есть языкъ французскій.

«Нѣкоторыя лица, изъ друзей Луи-Блана, узнавъ о моемъ намѣреніи, задумали свести меня съ нимъ, дабы мы могли перетолковать объ основаніи журнала.

«Понятно, надо было намъ взаимно узнать, можемъ ли мы сойтись на различныхъ вопросахъ, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ.

«При многихъ свиданіяхъ, Луи-Бланъ и я, мы перебрали всѣ важные вопросы. И я, чтобы вполнѣ ознакомить его съ моими взглядами, вручалъ ему мои брошюры и статьи на французскомъ языкѣ, и, въ концѣ концовъ, онъ сказалъ, что согласуется со всѣми моими взглядами, кромѣ моего мнѣнія объ организаціи единственной подати сообразно капиталу. Были тоже нѣкоторыя неважныя разногласія относительно философскихъ вопросовъ, при чемъ, по этимъ вопросамъ или по вопросу о подати, онъ предложилъ допустить полемику между нами въ самомъ журналѣ.

«Разъ являлось согласіе относительно главныхъ общихъ вопросовъ, я поставилъ слѣдующія условія:

1) Чтобы журналъ не былъ бы журналомъ партіоннымъ и одностороннимъ.

2) Чтобы онъ далъ широкое мѣсто общимъ вопросамъ и имѣлъ корреспондентовъ въ главныхъ политическихъ центрахъ Европы.

3) Чтобы онъ относился симпатично къ русскому народу и къ славянскому вопросу, который заключается въ эмансипаціи всѣхъ христіанъ отъ мусульманскаго ига, и

4) Я оставлялъ за собой право публиковать въ этомъ журналѣ всѣ мои статьи безъ малѣйшаго измѣненія со стороны редакціи, подъ однимъ лишь условіемъ моей подписи и допуская замѣчанія или возраженія въ самомъ журналѣ.

«Когда Луи-Бланъ принялъ всѣ эти условія относительно меня, я рѣшился подписаться на 80 акцій, изъ общаго ихъ количества 150 акцій по 1.000 ф. каждая,—и журналъ былъ основанъ.

«Но съ первыхъ же дней его появленія, журналъ обнаружилъ свои партіонные взгляды и выразилъ отсутствіе симпатій къ Россіи и къ славянству, и сверхъ того мои статьи стали подвергаться невозможной редакторской цензурѣ.

«Я заявилъ мою претензію Луи-Блану, но она осталась безъ результата, и тогда я былъ вынужденъ обратиться письменно къ наблюдательному совѣту журнала, о намѣреніи выбыть изъ числа акціонеровъ; въ это время я имѣлъ еще полную возможность возвратить значительную долю внесенныхъ мною денегъ.

«Это письмо понудило Луи-Блана подтвердить свои отношенія ко мнѣ письменно.

«Дѣйствительно, въ продолженіе трехъ недѣль, мои статьи проходили безъ редакторской цензуры, но это продолжалось не долго.

«По случайности, я, въ это время, могъ еще вступить въ обладаніе значительной части внесеннаго мною капитала. Но какъ только я потерялъ возможность возвратить свои фонды, дѣло приняло иной оборотъ: моя статья, сообщенная Луи-Блану, тотчасъ послѣ истеченія означенныхъ трехъ недѣль, была не только не принята, но онъ предложилъ мнѣ по трактуемому вопросу подписать другую, имъ составленную, какъ бы она исходила отъ меня.

«Послѣ такого дерзкаго поступка, который являлся посягательствомъ на мою свободу и на мое достоинство, какъ человѣка и публициста, я конечно порвалъ всѣ мои отношенія къ журналу.

«Такимъ образомъ, я дѣлаю извѣстнымъ моимъ соотечественникамъ и друзьямъ, чтобы оправдаться въ ихъ глазахъ, что, не смотря на исключительное мое участіе въ основаніи журнала «L'homme Libre», они не могутъ возлагать на меня отвѣтственности за журналъ, который я разсматриваю какъ журналъ мало серьезный, пропитанный насквозь партіонными тенденціями, и который не относится искренно ни къ Россіи, ни къ славянству, ни къ христіанству. Я употребилъ всѣ средства, чтобы

лишить журналъ моей поддержки во-время, т. е. тотчасъ же, какъ онъ обнаружилъ свой характеръ, но мнѣ не дали никакого окончательнаго отвѣта. Я оставляю за собой право публиковать впослѣдствіи брошюру, озаглавленную: Louis-Blanc et Pathfinder [1]), съ цѣлью подтвердить это письмо подлинными документами».

10 декабря, 1877.

Означенная брошюра заключала всѣ подлинные документы, съ нужными поясненіями, съ подробностями, и напечатана тотчасъ послѣ прерванія всѣхъ моихъ отношеній къ Луи-Блану, занявъ до 140 страницъ.

При обществѣ былъ назначенъ наблюдательный совѣтъ, предсѣдателемъ котораго избрали меня, но я отказался, предоставивъ это званіе Talandier.

Когда явилось столкновеніе съ Луи-Бланомъ, я письменно заявилъ совѣту, что выхожу изъ журнала, потому, что Луи-Бланъ нарушаетъ нашъ договоръ, который не внесенъ въ уставъ лишь по требованію самого Луи-Блана, сославшагося на то, что въ уставѣ нельзя помѣщать права и обязанности между акціонерами; но этотъ договоръ хорошо былъ извѣстенъ всѣмъ членамъ совѣта, и я потребовалъ созвать общее собраніе акціонеровъ, на которомъ намѣревался поставить вопросъ о ликвидаціи журнала. Тогда Луи-Бланъ, съ которымъ я прервалъ всѣ сношенія, желая удержать меня, прислалъ письмо Talandier съ разными увертками и просилъ сообщить это письмо мнѣ, гдѣ онъ утверждалъ, что онъ исполнитъ свои обязательства передо мною и что впредь будетъ исполнять ихъ. Это письмо я напечаталъ въ поименованной брошюрѣ.

Между тѣмъ, общее собраніе не назначалось, и только, послѣ неоднократныхъ моихъ писемъ, оно было, наконецъ, назначено. Я явился въ собраніе и прямо поставилъ вопросъ о ликвидаціи дѣлъ общества. Предсѣдатель совѣта произнесъ рѣчь, въ которой признавалъ основательной мою претензію, и заключилъ ее тѣмъ, что, въ виду выбытія главнаго акціонера, который, въ сущности, и создалъ органъ, общество должно ликвидировать свои дѣла. Когда этотъ вопросъ пустили на голоса, который по уставу долженъ былъ рѣшаться большинствомъ, а какъ я имѣлъ 80, а остальные акціонеры 70 голосовъ, то я былъ увѣренъ, что дѣло разрѣшится просто. Но въ это время секретарь журнала и въ то же время личный секретарь Луи-Блана объявилъ въ собраніи, что у меня только 70 голосовъ, а на 10 голосовъ Свирскаго онъ только-что получилъ отъ него довѣренность изъ Петербурга.

Это уже было верхъ мошенничества.

---

[1]) Луи-Бланъ не желалъ, чтобы я подписывалъ свое собственное имя, и просилъ избрать псевдонимъ. Я избралъ, Pathfinder, имя героя, дѣйствующаго въ 6-ти романахъ Купера.

— Развѣ вы не знаете—сказалъ я,—что деньги внесены за 10 акцій Свирскаго мною, и что на эти акціи онъ выдалъ мнѣ довѣренность еще два мѣсяца тому назадъ? Тогда секретарь Луи-Блана, Salles, вынулъ свою довѣренность и предъявилъ ее собранію.

— Какимъ образомъ вы получили довѣренность?—спросилъ я Саля.

— Я написалъ Свирскому,—отвѣчалъ онъ,—письмо въ Петербургъ, увѣдомляя его, что предстоитъ общее собраніе акціонеровъ и что нужна отъ него довѣренность на 10 акцій, и потому онъ прислалъ мнѣ довѣренность.

Я пришелъ въ недоумѣніе и, обратясь къ Луи-Блану, сказалъ:

— Развѣ вы не видѣли моей довѣренности, которую Свирскій выдалъ мнѣ при васъ?

— Да! — отвѣтилъ онъ, — но довѣренность, выданная Салю, послѣ вашей, и потому имѣетъ законную силу.

Нахальный образъ дѣйствія Луи-Блана до глубины сердца поразилъ меня, и сверхъ того, при этомъ выступилъ на помощь ему, братъ его, Charle Blanc, художественный критикъ, и сталъ говорить мнѣ дерзости.

Возмущенный всѣмъ, я немедленно вышелъ изъ собранія, и, когда спускался съ лѣстницы, нѣкоторые господа показывали мнѣ кулаки.

Надо было вывести дѣло на чистую воду, и я немедленно написалъ письмо Свирскому въ Петербургъ, обязывая его прислать телеграмму, которая возстановляла бы мои права на 10 акцій. Черезъ нѣсколько дней получена была слѣдующая отъ него телеграмма:

«Предсѣдателю наблюдательнаго совѣта журнала: «L'homme Libre».

«Введенный въ заблужденіе письмомъ г. Salles, я ему послалъ довѣренность на 10 голосовъ. Я уничтожаю эту довѣренность и заявляю вамъ, что все записанное на мое имя принадлежитъ господину Панаеву, который внесъ деньги за эти акціи. Свирскій».

Въ то время, когда дѣло еще не выяснилось, я получаю форменное извѣщеніе о назначеніи новаго общаго собранія акціонеровъ, съ приглашеніемъ присутствовать на ономъ.

Тогда я обратился къ адвокату Думерку, объяснилъ ему все дѣло и сказалъ, что, вслѣдствіе наглости поступковъ этой шайки, я не намѣренъ идти туда.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ—идите туда, иначе вы дадите оружіе противъ себя. Не заботьтесь о томъ, что вамъ могутъ быть сдѣланы непріятности, только пригласите съ собою officier du gouvernement, и эти господа въ присутствіи этого officier будутъ тихи, какъ овцы.

Я такъ и поступилъ, и когда явился со мною officier, и заявилъ, что онъ пришелъ, чтобы оградить г. Панаева отъ дерзостей, которыя онъ испыталъ въ прошедшемъ собраніи, то всѣ перетрусили и даже Луи-Бланъ

разыгралъ роль Лазаря. Собраніе было созвано, чтобы постановить выпустить еще 50 акцій, конечно съ цѣлью лишить меня въ будущемъ большинства голосовъ. Въ это время не было еще получено телеграммы отъ Свирскаго, и слѣдовательно я имѣлъ только 70 голосовъ, какъ и всѣ остальные акціонеры; но по уставу значилось, что въ случаѣ равенства голосовъ, вопросъ рѣшается въ пользу той стороны, къ которой пристанетъ предсѣдатель. Такъ этотъ вопросъ и былъ утвержденъ. Само собою разумѣется, что это была одна проформа, такъ какъ и бывшіе акціонеры ни одной копѣйки не вносили.

Послѣ моего ухода, журналъ издавался еще нѣсколько недѣль, пока не израсходовали деньги, мною внесенныя, а потомъ изданіе прекратилось.

Хотя я развязался съ журналомъ, но почтенный Луи-Бланъ предъявилъ ко мнѣ искъ, потребовавъ уплаты денегъ по слѣдующимъ взносамъ за акціи. Необходимо было взять адвоката, и я обратился къ тому же Думерку, о которомъ упомянулъ выше. Надо сказать, что судебныя дѣла во Франціи ведутся черезъ a v o u é, который обязанъ подготовлять дѣло адвокату для судоговоренія. Число avoué очень ограничено, напримѣръ, въ Парижѣ было въ то время только 13 человѣкъ. Мѣста эти покупаются за громадныя деньги, а адвокаты разсматриваются, какъ безкорыстные защитники правосудія; еслибы онъ заключилъ письменную сдѣлку съ кліентомъ, то былъ бы отвѣтственъ передъ закономъ, потому сдѣланъ былъ словесный договоръ объ уплатѣ Думерку 2.000 ф. Но въ то же время, онъ направилъ меня къ своему avoué, который потребовалъ отъ меня 300 ф. для предварительныхъ расходовъ.

Вскорѣ послѣ этого, я уѣхалъ мѣсяца на 4 съ семействомъ въ Ниццу. Тамъ я получилъ письмо отъ Думерка, извѣщавшаго меня, что дѣло въ полномъ ходу, и что онъ подалъ встрѣчный искъ къ Луи-Блану, хотя онъ не былъ на то уполномоченъ мною, что дѣло о вторичномъ взносѣ, конечно, кончится въ мою пользу, тѣмъ болѣе, что въ данную минуту общество уже не существуетъ, и просилъ объ уплатѣ ему условленныхъ 2.000 ф.

Я неотлагательно послалъ ордеръ по телеграфу въ банкъ Гинсбурга въ Парижѣ, гдѣ лежали мои деньги, и въ то же время написалъ письмо Думерку, которымъ извѣщалъ его, что Гинсбургъ по его, Думерка, требованію уплатитъ ему деньги.

Когда, мѣсяца черезъ два, я вернулся въ Парижъ и собирался уже возвратиться въ Петербургъ, я пришелъ въ контору Гинсбурга для производства разсчета, гдѣ мнѣ подали счетъ, въ которомъ значилось, что Думерку уплачено два раза по 2.000 фр.

— Какимъ образомъ?—спросилъ я.

— Мы послали по вашему телеграфическому ордеру тотчасъ на квар-

тиру Думерка, адресъ котораго значился въ вашемъ ордерѣ. Недѣлю спустя, Думеркъ самъ явился въ контору и предъявилъ другой вашъ ордеръ.

— Я другаго ордера вамъ не давалъ, а извѣщалъ Думерки, что онъ получитъ деньги отъ Гинсбурга по его, Думерка, требованію; мое письмо было только извѣщеніе, а не ордеръ банку.

— Пожалуйте завтра въ контору и объяснитесь съ самимъ Гинсбургомъ.

Когда я увидалъ на другой день Гинсбурга и объяснилъ ему дѣло, онъ сказалъ, что это недосмотръ конторы и приказалъ выдать мнѣ немедленно деньги.

Каковъ же поступокъ адвоката Думерка?

Я представилъ Гинсбургу всѣ документы для предъявленія суду; этотъ поступокъ являлся наглымъ обманомъ, за который Думеркъ могъ быть лишенъ правъ состоянія. Гинсбургъ поблагодарилъ меня за эти документы, но сказалъ, что онъ не обратится къ суду.

— Съ этими господами адвокатами ссориться опасно, лучше пускай пропадутъ деньги,—сказалъ онъ.

Между тѣмъ, трибуналъ первой инстанціи, не смотря на то, что общества въ данную минуту уже не существовало, присудилъ меня къ обязанности вторичнаго взноса денегъ по акціямъ. Пришлось обратиться къ другому адвокату, который оказался болѣе порядочнымъ человѣкомъ. Онъ произнесъ на судѣ блестящую и убійственную для Луи-Блана рѣчь. Многія газеты напечатали ее цѣликомъ, и едва-ли не послѣ того престижъ Луи-Блана, какъ шефа своей партіи, значительно палъ; онъ не появлялся болѣе ораторомъ въ палатѣ и вскорѣ умеръ. Такъ, въ концѣ концовъ, кончились мои отношенія къ Луи-Блану, и моя идея изданія журнала въ Парижѣ рухнула.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дурная постройка Одесскаго чумнаго карантиннаго квартала и ея послѣдствія.

Предложеніе министра юстиціи—Правительствующему Сенату.

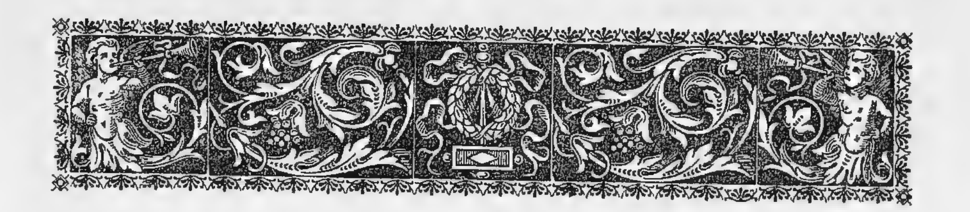
4-го іюля 1828 г., № 8794.

Статсъ-секретарь Муравьевъ объявилъ Комитету гг. Министровъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

Государь императоръ въ нынѣшнее присутствіе свое въ городѣ Одессѣ, и къ удивленію его величества изволилъ самъ лично видѣть, что такъ-называемый тамъ чумный кварталъ, два года назадъ тому выстроенный, не только выстроенъ дурно, но даже угрожаетъ паденіемъ: сводъ надъ окномъ совершенно провалился, стѣны вездѣ въ трещинахъ, столь отверстыхъ, что руку въ нихъ проложить можно. Его величество, лично осмотрѣвши таковую худобу сего строенія, изволитъ находить, что оная не могла произойти иначе, какъ отъ небреженія, или явно дурнаго намѣренія завѣдывающаго и производившихъ сіе строеніе: корпуса инженеровъ путей сообщенія генералъ-маіора Потье, маіора Гаю и капитана Морозова, и потому высочайше повелѣваетъ: 1) маіора Гаю и капитана Морозова, арестовавъ, отдать подъ военный судъ при резервныхъ баталіонахъ 3-го пѣхотнаго корпуса и дѣло сіе тамъ кончить безъ очереди, нарядивъ въ оный судъ за ассессора одного штабъ-офицера корпуса путей сообщенія; 2) на имѣніе генералъ-маіора Потье, маіора Гаю и капитана Морозова наложить запрещеніе; 3) новороссійскому генералъ-губернатору, графу Воронцову предписать, чтобъ сей чумный кварталъ былъ сломанъ и на мѣсто онаго построенъ новый, надлежаще прочный, произведя сію разломку прежняго и возведеніе новаго на счетъ имѣнія оныхъ Потье, Гаю и Морозова, которое и продать съ публичнаго торга, если доходовъ съ онаго для того не будетъ достаточно; 4) о таковомъ его величества высочайшемъ соизволеніи, въ надлежащую заботливую осторожность другимъ, объявить по всѣмъ вѣдомствамъ. Государю императору угодно, чтобъ Комитетъ Министровъ сдѣлалъ свои неуклонныя распоряженія къ приведенію въ исполненіе таковой его величества воли.

По положенію Комитета гг. Министровъ для объявленія: о семъ высочайшемъ повелѣніи въ осторожность по всѣмъ вѣдомствамъ имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя къ тому, что къ исполненію онаго сообщено отъ Комитета по принадлежности главноуправляющему путями сообщенія и министру внутреннихъ дѣлъ.

Россія и папскій престолъ.

1580—1601 гг.

VII [1]).

Баторій въ Ригѣ. — Желаніе его возстановить католичество въ Ливоніи. — Надежды Поссевина на успѣхъ католической пропаганды въ Россіи.—Отправленіе русскаго посольства въ Венецію и Римъ.—Пріемъ его папою Григоріемъ XIII.

Въ то время, какъ Поссевинъ велъ съ Іоанномъ богословскіе споры и обсуждалъ политическіе вопросы, Баторій отправился въ Ригу, чтобы воспользоваться плодами своихъ побѣдъ и заняться дѣлами Ливоніи, обладаніе которой было ему обезпечено Ямъ-Запольскимъ миромъ.

Три дня спустя послѣ Стефана Баторія, 6-го (15-го) марта прибылъ въ Ригу Петръ Скарга, знаменитый польскій проповѣдникъ и горячій борецъ за католическую вѣру, бывшій въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ многими изъ приближенныхъ короля.

Рига была уже въ то время значительнымъ торговымъ городомъ, который, до введенія въ краѣ реформаціи, въ 1525 г., имѣлъ своего архіепископа, свой капитулъ, свой каѳедральный соборъ и монастырь, но въ 1582 г. въ немъ не осталось и слѣдовъ католической вѣры, не было ни католическихъ священниковъ, ни монаховъ, и даже почти вовсе не было католиковъ, если не считать трехъ старыхъ монашенокъ, жившихъ одиноко въ богатомъ нѣкогда монастырѣ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1903 г.

Баторій, какъ онъ самъ говорилъ Петру Скаргѣ, пріѣхалъ въ Ригу главнымъ образомъ съ цѣлью возстановить католическую вѣру. Была какъ разъ Страстная недѣля. Желая служить для жителей примѣромъ благочестія, король, окруженный блестящей свитою, по два раза въ день отправлялся въ церковь, которая была отобрана у лютеранъ, присутствовалъ при богослуженіи, участвовалъ въ церковныхъ процессіяхъ, цѣловалъ крестъ, слушалъ проповѣди. Скарга, по его повелѣнію, утромъ и вечеромъ говорилъ проповѣди на польскомъ языкѣ, а Мартинъ Латерна, сопровождавшій его, совершалъ службу на латинскомъ языкѣ. Церковь была всегда такъ переполнена молящимися, что это поражало протестантовъ.

Но ихъ удивленіе смѣнилось тревогою, когда король выразилъ желаніе возвратить католикамъ древній соборъ; это намѣреніе вызвало сильное волненіе среди лютеранъ, которые энергично запротестовали противъ него. Тогда Баторій, оставивъ имъ соборъ, рѣшилъ отобрать у нихъ церковь св. Іакова, которая была не такъ велика и не такъ красива, какъ соборъ, но за то вокругъ нея была пустошь, на которой можно было построить коллегію. Этотъ проектъ снова взволновалъ протестантовъ, которые ненавидили іезуитовъ; однако король не обратилъ на это вниманія и рѣшилъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, вызвать въ Ригу нѣсколько человѣкъ іезуитовъ и поручить имъ открыть школы.

15-го (24-го) апрѣля пріѣхалъ въ Ригу Поссевинъ и тотчасъ приступилъ къ составленію отчета о своей поѣздкѣ для представленія его генералу іезуитскаго ордена, Клавдію Аквавивѣ. Не обманывая себя несбыточными надеждами и не считая возможнымъ обращеніе Іоанна Грознаго въ католическую вѣру или заключеніе немедленно союза Россіи съ Римомъ, Поссевинъ все же высказалъ въ своемъ донесеніи надежду, что ему удалось подготовить къ этому путь. Десятилѣтнее перемиріе, которое давало возможность постояннаго общенія православныхъ съ католиками, было, по его мнѣнію, благопріятнымъ условіемъ для пропаганды католицизма среди славянъ. Не дальновидный Поссевинъ не подозрѣвалъ, что московскій царь былъ совершенно иныхъ взглядовъ и что въ душѣ онъ остался по-прежнему непримиримымъ врагомъ короля польскаго и католической церкви, и, тотчасъ по заключеніи перемирія, отправилъ въ Англію своего посла для того, чтобы склонить королеву Елизавету къ союзу противъ Баторія. Посолъ этотъ отзывался въ Лондонѣ съ величайшимъ презрѣніемъ о папѣ Григоріѣ XIII.

Но король польскій былъ доволенъ посредничествомъ Поссевина и высказалъ это въ своихъ письмахъ къ папѣ, кардиналу Фарнезе, къ епископу плоцкому, къ Клавдію Аквавивѣ и другимъ лицамъ; всѣ эти письма преисполнены похвалъ по адресу Поссевина.

Своему племяннику, Андрею, Баторій писалъ, что Поссевинъ «достоинъ не только его благоволенія, но и его признательности», а канцлеру Замойскому, что во время своихъ бесѣдъ съ Поссевиномъ онъ убѣдился въ его «благочестіи и глубокой преданности».

Послѣ кратковременной остановки въ Ригѣ, Поссевинъ долженъ былъ отправиться, какъ было условлено съ Іоанномъ, вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ въ Венецію и Римъ. Въ составѣ этого посольства находились: Яковъ Молвяниновъ, Василій Тишинъ, переводчикъ Збаровскій и нѣсколько второстепенныхъ лицъ. Послу были даны полномочія къ австрійскому императору, къ дожу и къ папѣ. Онъ долженъ былъ увѣрить ихъ въ готовности царя воевать вмѣстѣ съ ними противъ турокъ.

Странное зрѣлище должны были представлять эти московскіе послы, которые отправились въ Римъ подъ предводительствомъ іезуита. Для Поссевина, разумѣется, они были не особенно пріятными спутниками и доставили ему не мало хлопотъ и непріятностей.

Повидавшись въ Варшавѣ съ королевою и папскимъ нунціемъ, Поссевинъ отправился на сутки въ Вылборжъ, близъ Петрокова, резиденцію примаса Станислава Карнковскаго. Щедрый архіепископъ подарилъ ему на прощанье двѣ кареты, обитыя краснымъ сукномъ и запряженныя каждая четверкою лошадей, въ которыхъ онъ ѣхалъ со своими спутниками до Праги. Въ исходѣ іюня 1582 г. посольство прибыло въ Аугсбургъ, гдѣ происходили засѣданія сейма. Императоръ Рудольфъ былъ озабоченъ въ то время вопросомъ о войнѣ съ Турціей и воспользовался пріѣздомъ Поссевина, чтобы выхлопотать чрезъ него у папы денежную поддержку. Іезуитъ, въ свою очередь, постарался собрать самыя точныя свѣдѣнія о положеніи Австріи и склонить императора къ тому, чтобы онъ прибѣгнулъ къ посредничеству папы въ своихъ недоразумѣніяхъ съ Баторіемъ. Поссевинъ придавалъ этому величайшее значеніе. Очень довольный достигнутымъ успѣхомъ, онъ отправился далѣе, въ Инспрукъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ, а затѣмъ въ Тарентъ, Верону, Виченцу, Падую и Венецію, куда онъ прибылъ со своими спутниками 23-го іюля (1-го августа). На слѣдующій день совершился ихъ торжественный въѣздъ въ столицу дожей, а два дня спустя Поссевинъ былъ приглашенъ на засѣданіе Совѣта Десяти, гдѣ онъ доложилъ дожу о перемиріи, заключенномъ между Москвою и Польшею, и о разрѣшеніи, данномъ московскимъ царемъ венеціанскимъ купцамъ и ихъ священникамъ посѣщать Москву.

26-го іюля (4-го августа) была назначена аудіенція московскому послу, на которой не обсуждались никакіе политическіе вопросы; весь интересъ сосредоточился на великолѣпныхъ соболяхъ, присланныхъ царемъ, которые вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно тайно отъ посла, были прода-

ны съ публичнаго торга; только двѣ соболиныя шкуры были оставлены для племянницы дожа; всѣ остальныя пошли на украшенія нарядовъ богатыхъ и изящныхъ венеціанокъ.

По мѣрѣ того, какъ посольство приближалось къ Риму, отношенія Поссевина и его спутниковъ становились все больше и больше натянутыми. Русскіе при ближайшемъ знакомствѣ много потеряли въ его мнѣніи: высокомѣрные, дерзкіе, въ высшей степени недовѣрчивые, злопамятные, предававшіеся всякаго рода излишествамъ, они съ трудомъ могли быть удержаны въ должныхъ границахъ. Въ Польшѣ и Германіи Поссевинъ запиралъ ихъ на ночь на ключъ. Вспоминая объ Іоаннѣ, онъ, подобно Герберштейну, не могъ рѣшить, жестокость ли царя была виною грубости русскихъ или же дикіе нравы народа создали грознаго царя.

По отзыву Поссевина, его сотрудники болѣе походили на животныхъ, чѣмъ на людей. Первое крупное недоразумѣніе произошло между ними въ Падуѣ. Плотно покушавъ и изрядно выпивъ, русскіе дипломаты отправились на поиски такъ любимыхъ москвитянами бань. За ними слѣдовали гурьбою студенты-поляки, которые, видя, въ какомъ они были состояніи, вышучивали ихъ и отпускали по ихъ адресу разныя остроты. Эта прогулка могла бы кончиться очень печально, если бы двѣнадцать алебардщиковъ, посланныхъ властями, не пришли на выручку русскаго посольства и не привели его обратно домой.

Въ Венеціи приключилась новая бѣда: русскіе уничтожили въ теченіе нѣсколькихъ дней до пятисотъ дынь и огурцовъ, которые они усердно заливали кипрскимъ и мушкатнымъ виномъ. Подъ палящимъ небомъ Италіи, въ августѣ мѣсяцѣ, подобная невоздержность имѣла самыя печальныя послѣдствія. Но русскіе приписали свою болѣзнь другой причинѣ и утверждали, что въ Венеціи вода была для нихъ очень вредна. Однако, строгая діета дала имъ возможность скоро оправиться.

14-го (23-го) августа Молвянинову было вручено вмѣстѣ съ обычными подарками отвѣтное письмо дожа къ Іоанну. Дожъ благодарилъ царя за дозволеніе венеціанскимъ купцамъ торговать въ Москвѣ и выражалъ готовность даровать русскимъ такія же льготы въ Венеціи, но о лигѣ противъ турокъ не упоминалъ ни слова.

На слѣдующій день посольство выѣхало изъ Венеціи въ Болонью, гдѣ по случаю его пріѣзда были закрыты всѣ лавки, и кардиналъ Чези устроилъ имъ великолѣпный пріемъ.

Далѣе посольство ѣхало не спѣша, останавливаясь во всѣхъ городахъ, которые ему приходилось проѣзжать. Это было сдѣлано по повелѣнію папы, который боялся, что сѣверяне будутъ страдать въ Римѣ отъ лѣтнихъ жаровъ, и потому приказалъ задержать ихъ въ до-

рогѣ какъ можно долѣе. Они прибыли въ Римъ только въ половинѣ сентября.

Вѣчный городъ былъ почти пустъ, такъ какъ большинство его жителей находилось еще на дачахъ. Самъ Григорій XIII и его секретарь отсутствовали и возвратились въ Римъ только 7-го (16-го) сентября, чтобы принять посольство въ торжественной аудіенціи. По случаю отсутствія многихъ придворныхъ, обычный строгій этикетъ былъ на этотъ разъ оставленъ и въ зало была допущена посторонняя публика, которой собралось такъ много, что кардиналы едва пробрались на свои мѣста. Папа, вмѣсто трона, сидѣлъ на простомъ креслѣ. По этому поводу церемоніймейстеръ былъ въ полномъ отчаяніи и жаловался на то, что золотой вѣкъ миновалъ и что старинные обычаи болѣе не соблюдаются— явный признакъ упадка.

Странное поведеніе и манеры московскаго посла смутили всѣхъ; Поссевину пришлось употребить самыя энергичныя мѣры для того, чтобы заставить его преклонить колѣна передъ папою и поцѣловать его туфлю. Что касалось собольей шапки посла, то, снимая ее по требованію Поссевина, онъ всякій разъ тотчасъ надѣвалъ ее обратно съ самымъ заносчивымъ видомъ.

Какая-то неловкость, сдѣланная Тишинымъ, вывела посла изъ себя до того, что онъ въ присутствіи папы далъ ему здороваго тумака по спинѣ. Венеціанскій посланникъ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены, не могъ придти въ себя отъ изумленія.

Поѣздка посольства въ Тиволи окончилась скандаломъ. Кардиналъ д'Эсте устроилъ имъ въ своей виллѣ истинно царскій пріемъ, но самъ не вышелъ къ нимъ, въ чемъ ему не пришлось раскаяться. Прелестный фасадъ его дворца и чудныя фрески, украшавшія домъ, не привлекли вниманія русскихъ, они были равнодушны къ живописному мѣстоположенію виллы и къ красотѣ столѣтнихъ кипарисовъ, украшавшихъ садъ, на за то сдѣлали честь угощенію и такъ усердно предались возліяніямъ, что придворные были совершено поражены и послѣ этого высшее общество рѣшило не принимать ихъ, и ни одинъ изъ иностранныхъ пословъ не посѣтилъ ихъ.

За московскимъ посломъ былъ даже учрежденъ строгій надзоръ, ему позволялось видѣть только извѣстныхъ лицъ, онъ могъ выходить только по неотложной надобности и то въ сопровожденіи конвоя. Вообще Молвяниновъ велъ себя, какъ истый варваръ, и навлекъ этимъ на себя презрѣніе черни, которая кидала камни въ его окна.

Опасаясь, чтобы посолъ не сказалъ въ Римѣ чего-нибудь лишняго и не испортилъ отношеній къ папѣ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ, Іоаннъ въ инструкціи указалъ ему подробно, что́ слѣдовало говорить. Напримѣръ, если бы его спросили, называлъ ли царь папу вол-

комъ, то ему велѣно было отвѣтить, что онъ этого не слыхалъ; если бы рѣчь зашла о непріятномъ случаѣ, происшедшемъ въ Кремлѣ у церкви, онъ долженъ былъ сказать, что онъ ничего не видѣлъ и знаетъ только, что Поссевину было оказано въ Москвѣ болѣе почета, нежели посламъ султана и императора. Но заботливость Іоанна оказалась напрасною: въ Римѣ никто и не думалъ провѣрять то, что̀ происходило въ Кремлѣ.

Что касалось переговоровъ съ московскимъ посломъ, то они ограничились простымъ обмѣномъ мыслей, такъ какъ Молвянинову не было дано никакихъ полномочій и отъ него нельзя было ничего добиться. А самъ царь въ письмѣ къ папѣ писалъ только о своихъ надеждахъ на будущее. Поэтому и святому отцу оставалось лишь поздравить его съ заключеніемъ перемирія, посовѣтовать ему не нарушать его и готовиться исподоволь къ походу противъ турокъ. Въ этомъ смыслѣ Григорій XIII и писалъ Іоанну, Стефану Баторію и Замойскому.

Русскіе остались не особенно довольны своимъ пребываніемъ въ Римѣ; они были удивлены тѣмъ, что папа не пригласилъ ихъ къ столу, тогда какъ Поссевину была оказана царемъ эта честь; имъ казалось, что достоинство царя было оскорблено тѣмъ, что Григорій XIII не преклонялъ голову, произнося имя Іоанна; наконецъ, подарки, полученные посломъ, казались ему слишкомъ ничтожны, и денегъ, выданныхъ имъ на путевыя издержки, было, по его мнѣнію, недостаточно. Вообще относительно денегъ удовлетворить русскихъ было очень трудно.

7-го (16-го) октября 1582 г. посольство выѣхало изъ Рима на Вѣну и 25-го ноября (4-го декабря) прибыло безъ особыхъ приключеній въ Варшаву; Поссевинъ остался при дворѣ Баторія, а московское посольство направилось въ Кремль.

VIII.

Положеніе Поссевина въ вопросѣ о католичествѣ въ литовско-русскихъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ.—Князь Константинъ Острожскій и его сношенія съ Поссевиномъ.—Введеніе новаго календаря.—Вопросъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы.—Кончина Іоанна Грознаго и вступленіе на престолъ Өедора Іоанновича.—Посылка русскихъ пословъ въ Польшу.—Мечты Баторія о завоеваніи Московскаго государства.—Порученіе, данное имъ Поссевину.—Прибытіе русскихъ пословъ.—Свиданіе ихъ съ Поссевиномъ.—Продолженіе перемирія.

По возвращеніи въ Польшу, передъ Поссевиномъ открылось новое, обширное поприще дѣятельности. Успѣхъ, увѣнчавшій его дипломатическую миссію въ Москву, создалъ ему славу искуснаго дипломата;

папа облекъ его своимъ полнымъ довѣріемъ и поставилъ его въ совершенно исключительное положеніе. Помимо денегъ на путевыя издержки и полное содержаніе, Григорій XIII давалъ ему ежемѣсячно сто экю на личныя надобности его и его двухъ спутниковъ; на него былъ возложенъ главный надзоръ за католическими семинаріями и школами, которыя основывались на сѣверѣ и западѣ Европы и получали щедрыя субсидіи изъ Рима; кромѣ того, папа далъ ему дипломатическія порученія къ разнымъ европейскимъ дворамъ и главное поручилъ ему уладить споръ, возникшій между Баторіемъ и австрійскимъ императоромъ Рудольфомъ II изъ-за земель, отнятыхъ послѣднимъ у Трансильваніи.

Лично Поссевина интересовалъ болѣе всего вопросъ о соединеніи церквей въ тѣхъ литовско-русскихъ земляхъ, которыя были присоединены къ Польшѣ, но по составу населенія и религіи сохранили связь съ Москвою. Хотя высшій классъ, приходя въ соприкосновеніе съ болѣе развитыми и дѣятельными поляками, утрачивалъ мало-по-малу свои національныя черты и переходилъ въ католическую вѣру, но простой народъ, крестьяне и мѣщане, подвергавшіеся страшной эксплоатаціи со стороны магнатовъ и евреевъ, свято хранили православную вѣру и русскій языкъ.

Такимъ образомъ между этими двумя классами населенія создавалась мало-по-малу рознь, которую можно было бы устранить, установивъ единство вѣры и языка; но для того, чтобы религіозная реформа проникла въ массу населенія, она должна была бы идти рука объ руку съ соціальной реформой, которая облегчила бы гнетъ, тяготѣвшій надъ низшимъ классомъ. Но подобная реформа была не по силамъ Польшѣ XVI-го вѣка.

Поссевинъ, со своей стороны, интересовался исключительно догматической стороною вопроса и для достиженія своихъ цѣлей постарался войти въ сношенія съ княземъ Константиномъ Острожскимъ, который по своему происхожденію, богатству и вліянію занималъ выдающееся мѣсто среди диссидентовъ и магнатовъ. Его владѣнія представляли собою цѣлое маленькое государство съ тридцатью пятью городами и мѣстечками, съ 671 деревнями, не считая земель, розданныхъ имъ церквамъ и монастырямъ. Доходы этого королька доходили до громадной по тому времени цифры десяти милліоновъ злотыхъ, что̀ составляло 1.800.000 рублей на наши деньги; онъ былъ окруженъ многочисленнымъ и изысканнымъ дворомъ, во главѣ котораго стоялъ маршалъ,—человѣкъ, принадлежавшій къ высшему дворянству. По политическимъ убѣжденіямъ князя Острожскаго считали сторонникомъ Польши, такъ какъ онъ поднялъ оружіе противъ Москвы и разорилъ Сѣверскую область. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ такъ искусно ла-

вировалъ между Римомъ и Византіей, что та и другая сторона разсчитывала на его поддержку. Православный по рожденію, вѣчно окруженный греческими монахами и епископами, князь Константинъ основалъ въ Острогѣ школу и типографію, живо интересовался дѣлами церкви, переписывался съ восточными патріархами, отвѣчалъ въ почтительныхъ выраженіяхъ на папскія посланія, обращался даже къ папскимъ нунціямъ въ Германіи и Польшѣ, прося ихъ о посредничествѣ у императора для устройства нѣкоторыхъ дѣлъ въ Богеміи.

На Поссевина, когда тотъ посѣтилъ его и завелъ съ нимъ рѣчь о единеніи церквей, князь произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе, Нѣсколько времени спустя послѣ этого князь Острожскій самъ отправился въ Краковъ, гдѣ находился тогда Поссевинъ, и со слезами на глазахъ долго говорилъ съ нимъ о сліяніи русскихъ и грековъ съ Римомъ, высказавъ, что это была его излюбленная мечта. На другой день къ Поссевину явился отъ него посланный съ просьбою дать князю записку о различіи церквей, представленную нѣкогда Поссевиномъ Іоанну IV. Передъ отъѣздомъ изъ Кракова князь Константинъ выразилъ желаніе не только имѣть подлѣ себя богослововъ, знакомыхъ со славянскими нарѣчіями, но даже созвать въ Острогѣ нѣчто въ родѣ собора. Находя это преждевременнымъ, Поссевинъ совѣтовалъ ему избѣгать слишкомъ шумныхъ манифестацій, но заявилъ, что въ этомъ желаніи виденъ перстъ Божій.

Князь Острожскій завелъ съ іезуитомъ переписку, подарилъ ему экземпляръ славянской библіи, напечатанной въ его типографіи, и такъ какъ славянскій шрифтъ, который употреблялся въ Римѣ, былъ очень плохъ, то князь предложилъ послать въ Италію партію опытныхъ рабочихъ для отлитія пунсоновъ и, если понадобится, для корректуры оттисковъ. Такимъ образомъ представлялся случай завязать постоянныя сношенія съ Римомъ и познакомить русскихъ людей съ Западомъ, но кардиналъ Санторіо, отъ котораго это зависѣло, отклонилъ предложеніе князя Острожскаго. Излюбленной темой, которой касались въ своей перепискѣ Поссевинъ и Острожскій, былъ вопросъ о единеніи церквей. Планы князя были въ этомъ отношеніи весьма обширны, они обнимали славянъ, грековъ, Византію и Москву, и въ нихъ игралъ большую роль вопросъ о народномъ образованіи.

Совершившееся въ это время введеніе григоріанскаго календаря доставило Поссевину и князю Острожскому новую пищу для оживленнаго обмѣна мыслей.

Въ 1581 г. былъ поднятъ вопросъ о томъ, что прежде, нежели измѣнять календарь, необходимо было опросить объ этомъ мнѣнія русскихъ, грековъ, молдаванъ и валаховъ, но это не было исполнено; папа обратился по этому поводу съ запросомъ только къ константинополь-

скому патріарху Іереміи II, который пользовался въ Римѣ большимъ уваженіемъ, такъ какъ, благодаря его твердости, реформація не проникла на Востокъ; онъ былъ извѣстенъ, какъ врагъ протестантовъ, и относился болѣе сочувственно къ католикамъ.

Желая заручиться согласіемъ Іереміи II на введеніе новаго календаря, Григорій XIII послалъ къ нему въ Константинополь для переговоровъ Л. Челлини, который былъ принятъ патріархомъ весьма любезно. Переговоры шли успѣшно; казалось даже, что обѣ стороны придутъ къ соглашенію, какъ вдругъ въ Константинополѣ узнали о папской буллѣ; перемѣна календаря стала совершившимся фактомъ; патріархъ рѣшилъ, что надъ нимъ посмѣялись, и круто измѣнилъ свои рѣчи; Челлини возвратился въ Римъ, ничего не добившись, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1582 г. въ Константинополѣ былъ созванъ соборъ, осудившій новый календарь. Князь Острожскій былъ извѣщенъ о томъ съ объясненіемъ причинъ, собственноручнымъ письмомъ патріарха.

Патріархъ, конечно, не предвидѣлъ, какая судьба ожидала его письмо и въ чьи руки оно попадетъ. Князь Острожскій передалъ его Поссевину, прося перевести и написать на него опроверженіе, такъ какъ онъ одобрялъ введеніе новаго календаря. Баторій уже выразилъ согласіе ввести его въ Польшѣ, и отказъ со стороны православныхъ могъ послужить яблокомъ раздора.

Поссевинъ, хорошо знакомый съ этимъ вопросомъ, написалъ длинное возраженіе на двѣнадцати страницахъ, отъ имени князя, которое было послано въ Константинополь и Римъ.

Такимъ образомъ всѣ старанія Поссевина ввести среди славянъ григоріанскій календарь и вызвать сліяніе славянъ съ Римомъ не привели въ то время ни къ чему; онъ только подготовилъ почву къ совершившемуся въ 1595 г. великому событію — введенію уніи, чему князь Острожскій тщетно старался противодѣйствовать. Возлагая на Поссевина весьма разнообразныя порученія, папа имѣлъ въ виду главнымъ образомъ поддержать въ Европѣ миръ и склонить державы дѣйствовать совмѣстно противъ Турціи. При этомъ для него было очень важно заручиться содѣйствіемъ Баторія.

Въ принципѣ король польскій раздѣлялъ взгляды папы на необходимость воевать съ турками; болѣе того, онъ былъ увѣренъ, что походъ увѣнчается успѣхомъ, если его поведутъ энергично. Поэтому онъ одинъ изъ всѣхъ европейскихъ монарховъ отвѣтилъ на предложеніе папы совершенно серьезно и согласно съ его желаніемъ, обѣщавъ Григорію XIII сорокъ или пятьдесятъ тысячъ человѣкъ войска подъ условіемъ денежной субсидіи и содѣйствія австрійскаго императора и нѣмецкихъ принцевъ.

Въ началѣ 1584 г. въ Римѣ началась усиленная дѣятельность для

подготовленіи лиги противъ Турціи. Григорій XIII хотѣлъ поднять противъ нея весь Востокъ; въ Европѣ особенно усердно работали дипломаты, но этотъ вопросъ затрогивалъ слишкомъ много личныхъ, чисто эгоистическихъ разсчетовъ, у всѣхъ и каждаго было слишкомъ много заднихъ мыслей, чтобы можно было до чего-нибудь договориться: Венеція боялась за свою торговлю съ Востокомъ, король испанскій вооружался противъ Англіи и возобновлялъ перемиріе съ турками, самъ Баторій подъ вліяніемъ текущихъ событій былъ готовъ примириться съ врагомъ христіанскаго міра; только одинъ папа былъ непоколебимъ и готовъ на всякія жертвы.

Между тѣмъ, въ Москвѣ произошло событіе первостепенной важности, послужившее сигналомъ къ внутреннимъ смутамъ и раздорамъ, и которое не могло не отразиться на внѣшнихъ сношеніяхъ Московскаго государства.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1584 года скончался Іоаннъ Грозный, и на престолъ вступилъ его второй сынъ Θеодоръ, котораго покойный царь тщательно охранялъ отъ взора иностранцевъ; по крайней мѣрѣ Поссевинъ, не смотря на настоятельныя просьбы, ни разу не видалъ его. Іоаннъ не хотѣлъ, чтобы иностранецъ видѣлъ этого болѣзненнаго юношу съ блуждающимъ взоромъ, съ блѣднымъ лицомъ и непріятнымъ голосомъ, вѣчно улыбавшагося и растеряннаго.

Вмѣсто Θеодора управлялъ, какъ извѣстно, его шуринъ, умный, энергичный и безгранично честолюбивый Борисъ Годуновъ, въ которомъ многіе видѣли будущаго царя. Такъ какъ болѣзненный Θеодоръ, не имѣвшій дѣтей, не могъ прожить долго, то, въ случаѣ его кончины, единственнымъ потомкомъ Рюрика остался бы царевичъ Димитрій, сосланный въ Угличъ, который, какъ полагали многіе дальновидные люди, могъ сдѣлаться жертвою честолюбиваго царедворца. Въ Польшѣ все это было хорошо извѣстно. Сапѣга, пріѣзжавшій въ Москву для обмѣна плѣнныхъ, слышалъ тамъ всѣ эти толки.

Возвратившись въ Польшу, онъ объявилъ королю о скоромъ пріѣздѣ двухъ русскихъ пословъ, изъ коихъ одинъ будетъ посланъ Θеодоромъ, а другой боярами, для того, чтобы скрѣпить, а въ случаѣ надобности возобновить десятилѣтнее перемиріе, заключенное въ 1582 г.

Замойскій сообщилъ эти вѣсти Поссевину, которому пришлось поэтому оставить свое уединеніе и принять снова дѣятельное участіе въ событіяхъ.

Поссевинъ находился въ это время въ Прагѣ, откуда онъ поспѣшилъ написать въ Римъ, сообщая, во-первыхъ, о тайномъ намѣреніи Баторія, воспользовавшись перемѣною царствованія, овладѣть Смоленскомъ и нѣкоторыми другими русскими провинціями и, во-вторыхъ, высказалъ мысль, что моментъ былъ самый подходящій, чтобы послать

Θеодору и боярамъ, его ближайшимъ совѣтникамъ, папскія посланія. Поссевинъ даже набросалъ ихъ вчернѣ: тутъ были и сожалѣнія по поводу кончины Іоанна, и увѣренія въ дружбѣ, и надежда, что дружескія отношенія, существовавшія между Москвою и папскимъ престоломъ, упрочатся и впредь.

Въ этомъ смыслѣ были написаны въ Римѣ два папскихъ посланія, которыя были препровождены Поссевину въ Прагу, но, чтобы не возбудить подозрѣній Баторія, къ нимъ не было приложено золотой печати и не посылалось никакихъ подарковъ.

Въ Польшѣ шли въ это время инаго рода приготовленія.

Въ августѣ мѣсяцѣ, въ Люблинъ были созваны сенаторы для обсужденія отвѣтовъ, которые надлежало дать русскимъ посламъ. Поссевинъ также прибылъ въ Люблинъ. Король ожидалъ его съ нетерпѣніемъ, чтобы сообщить ему о новыхъ планахъ, зародившихся въ его умѣ. Для того, чтобы уничтожить турокъ и овладѣть Византіей, онъ считалъ необходимымъ завоевать прежде Москву.

Со смертью Іоанна перемиріе, заключенное съ нимъ, считалось недѣйствительнымъ. Москва была окружена со всѣхъ сторонъ алчными и грозными сосѣдями, ее раздирали внутреннія смуты, и король польскій считалъ себя имѣющимъ особыя права на наслѣдіе Іоанна и не хотѣлъ, чтобы его упредили другіе. Онъ считалъ возможнымъ завоевать Москву въ три года, а затѣмъ, съ помощью грузинъ, черкесъ и персовъ, идти на Константинополь и водрузить польское знамя на берегахъ Босфора.

Но для этого прежде всего нужны были деньги, которыхъ у Баторія не было. Сеймъ не утверждалъ новыхъ налоговъ, и потому оставалась одна надежда на папу. Баторій просилъ Поссевина написать Григорію XIII, а затѣмъ самому отправиться въ Римъ съ просьбою о субсидіи. Съ этой цѣлью онъ далъ іезуиту письма къ папѣ, дожу, къ великому герцогу Тосканскому и кардиналу Фарнезе, протектору Польши.

Порученіе, данное Поссевину, ставило его въ высшей степени щекотливое положеніе. При дворѣ короля польскаго былъ нунцій, которому могло быть непріятно предпочтеніе, оказываемое іезуиту, но Баторій заявилъ рѣшительно, что онъ не хочетъ инаго посредника въ своихъ сношеніяхъ съ папою, кромѣ Поссевина, хорошо знакомаго съ московскими порядками.

Совершенно новый и неожиданный планъ Баторія произвелъ въ Римѣ большое смятеніе. Онъ ставилъ верхъ дномъ всѣ планы, выработанные престарѣлымъ папою съ такимъ трудомъ; для осуществленія замысла короля пришлось бы выработать новый планъ дѣйствій, спѣшить, не жалѣть денегъ и проявить огромную дѣятельность. Дѣло

представлялось труднымъ, и на Поссевина стали въ Римѣ коситься, его находили слишкомъ смѣшнымъ, неспокойнымъ.

А между тѣмъ варшавскій нунцій сообщалъ въ своихъ депешахъ, что Баторій будетъ просить у папы денежной помощи, присовокупляя въ видѣ комментарія, что сеймъ вѣроятно не утвердитъ налоговъ и что королю придется вести войну на свои средства. Кардиналъ, которому онъ писалъ, понялъ этотъ намекъ и поспѣшилъ написать Поссевину, что хотя папа и одобряетъ планы Баторія и готовъ поддержать ихъ, но что онъ предпочитаетъ отложить рѣшеніе вопроса до сейма 1585 г. Онъ просилъ Поссевина не пріѣзжать въ Италію по своему собственному почину, предоставить веденіе переговоровъ нунцію Болоньетти. Что же касалось столь страстно желаемыхъ королемъ денежныхъ субсидій, то кардиналъ писалъ откровенно, что средствъ папы едва хватало на обыденные расходы и что не слѣдовало разсчитывать ни на Венецію, ни на Флоренцію, гдѣ деньги расходуются съ благоразумной осторожностью.

Этотъ отвѣтъ былъ написанъ наскоро и посланъ съ тѣмъ же курьеромъ, который привезъ письма Поссевина. Въ непродолжительномъ времени кардиналъ обѣщалъ писать подробнѣе, но письмо замедлило, и это поставило Поссевина въ самое затруднительное положеніе, такъ какъ ему было необходимо дать королю категорическій отвѣтъ до начала сейма, чтобы онъ зналъ, какъ держать себя на немъ.

Не дождавшись болѣе обстоятельнаго отвѣта, Поссевинъ передалъ, наконецъ, Баторію 26-го октября (5-го ноября) о сочувствіи папы его планамъ и, стараясь оправдать колебанія и промедленія папскаго престола, упомянулъ объ его огромныхъ тратахъ и сказалъ, что папа сдѣлаетъ все отъ него зависящее: само собою подразумѣвалось, что пустая казна не могла дать многаго.

Предвидя, что ему придется отвѣчать на возраженія, которыя могли быть сдѣланы на это, Поссевинъ представилъ одновременно Замойскому записку, въ которой онъ излагалъ всю трудность задуманнаго королемъ предпріятія.

Канцлеръ отвѣтилъ ему пространнымъ письмомъ, въ которомъ онъ обсуждалъ сказанное Поссевиномъ по пунктамъ и дѣлалъ на нихъ свои возраженія.

Эта записка, начертанная первымъ лицомъ республики, въ которой онъ изображалъ истинное положеніе страны, была послѣднимъ словомъ польской политики и поэтому заслуживаетъ особаго вниманія.

По словамъ Замойскаго, главною цѣлью короля польскаго должно быть спасеніе христіанства, защита Польши и даже Германіи отъ ислама, ибо, въ случаѣ вторженія турокъ, Европѣ угрожала гибель; единственнымъ средствомъ преградить имъ путь было завоевать Москву. «Простой военной прогулки, одного страха, внушаемаго польскимъ именемъ, бу-

детъ достаточно,—писалъ онъ,—для того, чтобы завоевать страну, истощенную войною и обуреваемую анархіей. Но король польскій, предпочитая окончить дѣло мирнымъ путемъ, требуетъ только уступки завоеванныхъ у него провинцій, а затѣмъ предложитъ соединить обѣ страны подъ однимъ скипетромъ и, только въ случаѣ отказа со стороны русскихъ, объявитъ имъ войну, которая продлится не болѣе двухъ лѣтъ и увѣнчается успѣхомъ.

«Но если эта цѣль благородна,—писалъ канцлеръ,—если Московское государство слабо, то достаточно ли, въ свою очередь, сильна Польша и достаточно ли она богата, чтобы начинать новую войну; умиротворены ли ея политическія партіи, нѣтъ ли у Баторія опасныхъ соперниковъ и, если онъ уѣдетъ временно изъ Польши, не нападутъ ли на республику враждебные ему сосѣди?» Всѣ эти вопросы не вызывали у Замойскаго и тѣни сомнѣнія. Внутреннее состояніе Польши не внушало ему ни малѣйшей тревоги: оно таково же, говорилъ онъ, какъ и во время Ягеллоновъ; измѣнились люди, но нравы остались тѣ же. Сеймы по-прежнему будутъ шумны и бурны, но власть правительства достаточно сильна и большинство поляковъ довольно патріотично, чтобы не бояться никакой опасности. Даже въ случаѣ войны нѣтъ повода опасаться возмущенія; у враговъ короля, по живописному выраженію канцлера, «кошельки затянуты паутиной», и они бросаютъ на воздухъ болѣе словъ, нежели имѣютъ зерна для посѣва; въ случаѣ возстанія, ихъ плохо укрѣпленные замки и дурно охраняемыя имѣнія сдѣлаются добычею нападающаго, поэтому они не рискнутъ подать къ тому повода.

На основаніи этихъ соображеній, Замойскій находилъ, что Польша смѣло могла объявить Москвѣ войну, тѣмъ болѣе, что ея отношенія къ прочимъ державамъ были вполнѣ успокоительныя; а что касалось Турціи, то Замойскій, забывая, что главною цѣлью Баторія было уничтожить ее, писалъ, что турки не только не будутъ препятствовать походу на Москву, но напротивъ того будутъ содѣйствовать королю и что еще Селимъ II предлагалъ Сигизмунду-Августу подкрѣпленіе въ 30.000 человѣкъ, если онъ объявитъ войну московскому царю.

Выяснивъ свой взглядъ со стороны принципіальной, Замойскій перешелъ къ денежному вопросу. Провинціи съ русскимъ и литовскимъ населеніемъ утвердятъ налоги, говорилъ онъ въ своей запискѣ; если же поляки на это не согласятся, то король поведетъ войну на свой счетъ или на счетъ своихъ союзниковъ. Папа и тѣ монархи, кои дадутъ ему деньги на войну, могутъ контролировать произведенные расходы.

Замойскій ожидалъ, что деньги такъ и польются въ королевскую казну; поэтому онъ обсуждалъ даже вопросъ, какое сдѣлать изъ нихъ употребленіе въ случаѣ, если бы войны не пришлось вести, т. е. если бы царь добровольно уступилъ требуемыя Баторіемъ провинціи. На

эти деньги можно будетъ построить церкви и школы въ присоединенныхъ къ Польшѣ земляхъ, писалъ канцлеръ, и построить крѣпости въ Трансильваніи, которая есть ключъ къ Европѣ со стороны Востока.

Въ этой запискѣ невольно высказалась тайная мысль канцлера; турки были только предлогомъ; истинной жертвой должна была быть Москва. Поссевинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять этого, и слишкомъ самоувѣренъ, чтобы не льстить себя надеждою, что ему удастся направить дѣло такъ, какъ ему хотѣлось, удовлетворивъ всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ лицъ. Каковы ни были виды Поссевина на будущее, но въ 1584 г. онъ былъ рѣшительно на сторонѣ Баторія и, стараясь расположить въ его пользу папу, писалъ въ Римъ, что «счастливое стеченіе обстоятельствъ позволяетъ королю польскому лелѣять самые обширные планы и разсчитывать на корону, еще болѣе блестящую, нежели корона Ягеллоновъ».

Всѣ эти доводы и посланное въ Римъ собственноручное письмо короля къ Григорію XIII не могли пройти безслѣдно и хотя папа, конечно, не измѣнилъ своей политики по желанію Баторія, однако онъ счелъ нужнымъ смягчить первоначальный отвѣтъ, посланный имъ королю польскому, и одинъ изъ кардиналовъ писалъ Поссевину, по приказанію папы, что «его святѣйшество отнюдь не хочетъ давать совѣты королю, или обсуждать вопросъ о томъ, хорошо или худо начинать войну, что онъ вполнѣ полагается на рѣшеніе короля, зная, что онъ со свойственной ему осторожностью приметъ самое благое рѣшеніе».

Что касалось субсидій, о которыхъ просилъ Баторій, то папа велѣлъ передать ему, что онъ не считаетъ удобнымъ ходатайствовать объ этомъ у дожа или у великаго герцога Тосканскаго, и даже не считаетъ желательнымъ, чтобы Поссевинъ пріѣзжалъ въ Римъ, дабы никто не могъ заподозрить, что его святѣйшество принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Но король могъ бы послать кого-либо изъ своихъ довѣренныхъ лицъ, чтобы войти въ переговоры съ означенными правителями, и если они выразятъ готовность оказать ему свое содѣйствіе, то его святѣйшество, со своей стороны, готовъ будетъ помочь ему. Поручая Поссевину передать все это королю лично, кардиналъ присовокуплялъ, что Поссевину нѣтъ надобности пріѣзжать по этому дѣлу ни въ Римъ, ни въ Италію, ибо такова воля его святѣйшества.

Изъ этого письма ясно видно, что папа отнюдь не желалъ гибели Москвѣ, ибо иначе онъ, конечно, выказалъ бы болѣе усердія къ этому дѣлу и лучше воспользовался бы представившимся, быть можетъ, единственнымъ, случаемъ.

Новый отвѣтъ папы былъ принятъ Поссевиномъ съ благодарностью; онъ видѣлъ въ немъ внушеніе свыше, былъ вполнѣ доволенъ и писалъ

8-го (17-го) ноября 1584 г. Баторію, что поспѣшитъ лично сообщить ему рѣшеніе папы.

Но его свиданіе съ королемъ польскимъ состоялось лишь въ исходѣ января 1585 г. во время сейма.

По мѣрѣ того, какъ земскіе депутаты появлялись въ Варшавѣ, становилось все болѣе и болѣе очевидно, что Польша страстно желала мира и боялась новой войны, противъ которой сеймъ высказался открыто.

Не встрѣтивъ содѣйствія со стороны поляковъ, Баторій долженъ былъ еще болѣе цѣнить сочувствіе папы. И дѣйствительно, какъ видно изъ сообщеній Поссевина, король и канцлеръ были весьма довольны отвѣтомъ, полученнымъ изъ Рима. Но такъ какъ Баторію было необходимо сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и не идти открыто наперекоръ ему, то ему все-таки пришлось примѣниться къ обстоятельствамъ. Хотя онъ и былъ вполнѣ убѣжденъ въ плачевномъ состояніи Московскаго государства и могъ разсчитывать на помощь короля шведскаго, предлагавшаго ему свой союзъ, но онъ рѣшилъ остановиться на полумѣрахъ и потребовать только у царя обратно Смоленскъ и Тверь.

Между тѣмъ къ открытію сейма прибыли въ Варшаву представители царя Өеодора Іоанновича, князь Троекуровъ и Михайло Безнинъ; при нихъ состоялъ секретаремъ тотъ самый польскій шляхтичъ Заборовскій, который исполнялъ эту обязанность при Молвяниновѣ, во время его поѣздки въ Римъ. Имъ было приказано сдѣлать все возможное для сохраненія мира, въ которомъ Москва сильно нуждалась, послѣ такого царствованія, какимъ было царствованіе Іоанна Грознаго, и въ виду столь опаснаго противника, какъ Баторій.

Были ли посламъ даны какія-либо инструкціи относительно папскаго престола—не извѣстно, но они вступили тотчасъ по пріѣздѣ въ сношенія съ Поссевиномъ. Его положеніе было довольно странное; онъ ходатайствовалъ въ Римѣ за Баторія, а въ Польшѣ то поощрялъ его планы, то старался сдерживать его; въ своихъ же бесѣдахъ съ русскими послами онъ многое скрывалъ отъ нихъ и разсчитывалъ сохранить съ ними дружескія отношенія, заставивъ ихъ въ то же время подчиниться его требованіямъ.

Въ то время онъ уже не такъ увлекался мыслію о войнѣ Баторія съ Москвою; участь Ливоніи также внушала ему сомнѣнія, такъ какъ завоеваніе ея Польшею не принесло особенной пользы церкви.

— Я боюсь,—сказалъ онъ однажды королю со своей обычной откровенностью,—чтобы благодаря вашимъ побѣдамъ аріанство и безвѣріе не проникло туда, гдѣ до этихъ поръ была только ересь. Не лучше ли было бы устроить сначала дѣла Ливоніи, а затѣмъ уже строить новые планы?

Эти слова произвели впечатлѣніе на короля; онъ обѣщалъ зрѣло обдумать вопросъ прежде, нежели прибѣгнуть къ денежному займу. Поссевинъ надѣялся даже, что «изъ уваженія къ его святѣйшеству всѣ денежныя обязательства Польши будутъ отсрочены и что перемиріе будетъ продолжено еще на два года». Онъ разсчитывалъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы заняться религіозной пропагандою въ Московскомъ государствѣ.

Свиданіе Поссевина съ послами было въ высшей степени дружественное. Они приняли папское посланіе, предназначавшееся для царя Өеодора Іоанновича, съ изъявленіемъ благодарности, и просили Поссевина ходатайствовать у короля о продленіи перемирія и о рѣшеніи нескончаемаго вопроса объ обмѣнѣ плѣнныхъ.

Баторій охотно принялъ посредничество своего всегдашняго сторонника, обсудилъ вмѣстѣ съ нимъ программу предстоявшихъ переговоровъ, принялъ во вниманіе его совѣты, и такимъ образомъ при участіи Поссевина было заключено съ Москвою новое перемиріе.

Любопытно, до какой степени Поссевинъ увлекался надеждою ввести въ Россію католичество. Послѣ своихъ переговоровъ съ Троекуровымъ и Безнинымъ, которые весьма мало понимали въ этомъ вопросѣ, онъ уже высказываетъ въ своихъ письмахъ самыя радужныя надежды.

Но важнѣйшіе пункты переговоровъ были для всѣхъ тайною. Какъ утверждаютъ русскіе источники, Баторій говорилъ русскимъ посламъ тотчасъ по ихъ пріѣздѣ, что онъ согласится заключить даже десятилѣтнее перемиріе, если царь возвратитъ Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, Смоленскъ и Сѣверскъ; къ этому онъ присовокупилъ слѣдующія грозныя слова:

— Отецъ Өеодора не хотѣлъ меня знать, но ему пришлось познакомиться со мною; то же будетъ и съ сыномъ.

Тотчасъ по заключеніи перемирія, Троекуровъ и Безнинъ были приглашены къ канцлеру Замойскому, который сказалъ имъ слѣдующее:

— Вамъ извѣстны права Польши на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ съ округами; вамъ извѣстно, что такъ какъ перемиріе окончилось, то мы были бы въ правѣ требовать этихъ земель. Но миролюбивый образъ дѣйствій слѣдуетъ всегда предпочитать насилію. Самое вѣрное средство избѣжать насилія и даже заключить съ нами вѣчный союзъ состоитъ въ томъ, чтобы вашъ великій князь принялъ наши условія. Вы видите, что онъ серьезно боленъ: слѣдовательно, вы не можете разсчитывать на то, что у него будетъ преемникъ и что спокойствіе страны будетъ обезпечено. При подобныхъ обстоятельствахъ Россія легко можетъ сдѣлаться добычею турокъ, татаръ и другихъ народовъ, и поэтому мы предлагаемъ вамъ, въ случаѣ, если вашъ великій князь умретъ, не оставивъ потомства, начать переговоры съ нами, чтобы присоединить Московское госу-

дарство къ Польшѣ, по примѣру великаго княжества Литовскаго, что вполнѣ удобно въ виду близкаго сосѣдства и общности языка.

Можно себѣ представить изумленіе московскихъ пословъ, которымъ было предписано держаться буквально данныхъ имъ инструкцій, когда они очутились лицомъ къ лицу съ такими серьезными вопросами, которые имъ приходилось рѣшить самостоятельно. Строго соблюдая данный имъ приказъ, они скромно отвѣтили, что не могутъ позволить себѣ отступленіе отъ обычаевъ, но что если Баторій пришлетъ своихъ пословъ въ Москву, то имъ будетъ оказанъ самый хорошій пріемъ.

Такимъ образомъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, восторжествовала выжидательная и миролюбивая политика. Война была отложена, главнымъ образомъ, по недостатку денежныхъ средствъ, и дипломатіи открывалась широкая дѣятельность: надобно было успокоить взволнованные умы, упрочить между обоими народами дружественныя отношенія и примирить ихъ интересы. Поссевинъ понималъ это, и въ его умѣ уже зарождались новые планы, какъ вдругъ его дѣятельность была неожиданно прервана.

31-го января (9-го февраля) 1585 г., въ тотъ самый день, когда Стефанъ написалъ ему любезную записочку, въ которой увѣрялъ его, что онъ будетъ всегда желаннымъ гостемъ въ Варшавѣ и что ему приготовлено на выборъ три комнаты, онъ получилъ неожиданно изъ Рима приказаніе оставить дворъ и удалиться въ Браунсбергскую іезуитскую коллегію, и тамъ, вдали отъ Польши, отъ Германіи и Швеціи, заниматься писаніемъ писемъ, распространеніемъ книгъ и руководствъ для миссіонеровъ.

Чѣмъ же было вызвано это приказаніе папы? Духовное званіе плохо вяжется съ политикой, и хотя Поссевинъ занимался въ послѣдніе годы дипломатіей по особому повелѣнію папы, но все же это могло имѣть для религіи самыя непріятныя послѣдствія. Между императоромъ Рудольфомъ и Баторіемъ существовало тайное соперничество; относительно Москвы они были самыхъ противоположныхъ взглядовъ и вели споръ изъ-за нѣсколькихъ десятинъ земли въ Венгріи; удовлетворить обоихъ монарховъ было совершенно невозможно, и для іезуитскаго ордена, который имѣлъ свои школы въ Австріи и въ Польшѣ, безпристрастіе было необходимымъ качествомъ. Поссевинъ и старался быть безпристрастнымъ, но недоброжелательство и зависть преслѣдовали его со всѣхъ сторонъ и его дѣйствія подвергались самой строгой критикѣ. Единственнымъ средствомъ снять съ себя всякое подозрѣніе было отказаться отъ политики. Генералъ іезуитскаго ордена, Аквавива, одаренный большою проницательностью, рѣшилъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ энергично. Онъ отправился къ папѣ, изложилъ ему всѣ обстоятельства дѣла и потребовалъ, чтобы Поссевинъ былъ отозванъ. Никто не предвидѣлъ въ то время, что его удаленіе отъ дѣлъ будетъ весьма непродолжительно.

IX.

Отправленіе Баторіемъ посольства въ Москву.—Неудача въ переговорахъ и возобновленіе ихъ въ Гроднѣ въ 1586 г.—Значеніе Бориса Годунова.—Кончина папы Григорія XIII и вступленіе на престолъ Сикста V.—Желаніе Баторія овладѣть Москвою.—Появленіе Поссевина вновь на дипломатической сценѣ.—Письма его разнымъ лицамъ.—Сношенія Баторія съ Римомъ.—Ложный слухъ о кончинѣ Θеодора Іоанновича и о томъ, что русскіе желаютъ, чтобы на московскій престолъ вступилъ эрцгерцогъ австрійскій.—Поѣздка Поссевина въ Римъ и переговоры его съ Сикстомъ V.—Кончина Стефана Баторія.—Впечатлѣніе, которое она произвела на Поссевина.—Избраніе короля польскаго.—Соперничество эрцгерцога Максимиліана и Сигизмунда.—Пораженіе Максимиліана.—Договоръ, заключенный между Австріей и Польшей.

Слова, сказанныя Троекуровымъ въ отвѣтъ на предложеніе Баторія соединить Польшу и Москву подъ однимъ скипетромъ, были приняты королемъ польскимъ къ свѣдѣнію. Московскій посолъ, признавъ свою несостоятельность въ рѣшеніи подобнаго вопроса, подалъ ему мысль обратиться непосредственно къ самому царю, и король рѣшилъ въ началѣ 1586 г. послать въ Москву для переговоровъ преданнаго ему каштеляна минскаго Гарабурду.

Выборъ былъ удаченъ: Гарабурда свободно говорилъ по-русски и имѣлъ связи въ Кремлѣ, куда онъ посылался неоднократно съ дипломатическими порученіями. Онъ же подписалъ Ямъ-Запольское перемиріе.

Странная превратность судьбы! Въ 1573 г. тотъ же Гарабурда предлагалъ Іоанну IV или его сыну польскій престолъ, никѣмъ не занятый по смерти Сигизмунда-Августа, но тогда главенство между союзными державами должно было принадлежать Москвѣ; теперь же шла рѣчь о сліяніи обоихъ народовъ подъ скипетромъ Польши.

Переговоры начались съ обсужденія второстепенныхъ вопросовъ.

Гарабурда жаловался на обиды, чинимыя въ Москвѣ литовскимъ купцамъ, коихъ тамъ считали шпіонами, и обращались какъ съ таковыми. Онъ требовалъ освобожденія нѣмецкихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Ливоніи, чего безуспѣшно добивался Поссевинъ еще въ 1582 году.

Въ Кремлѣ имѣли обыкновеніе на жалобы отвѣчать жалобами; поэтому бояре, въ свою очередь, говорили, что Баторій возвратилъ только самыхъ простыхъ плѣнныхъ, мужиковъ и стрѣльцовъ, оставивъ у себя всѣхъ болѣе значительныхъ лицъ; что касалось лифляндцевъ, то бояре утверждали, что ихъ даже нельзя считать плѣнными, такъ какъ одни изъ нихъ будто бы поступили на царскую службу, а другіе торговали въ Москвѣ, поэтому о возвращеніи ихъ не могло быть и рѣчи.

Начало не предвѣщало ничего добраго, но Гарабурда, умудренный опытомъ, не унывалъ и, чтобы не слишкомъ озадачить бояръ, онъ предложилъ имъ принять исходною точкою переговоровъ сохраненіе statu quo, т. е. чтобы обѣ стороны сохранили тѣ земли, коими они владѣли въ тотъ моментъ.

— Если мы будемъ требовать какихъ-либо провинцій,—сказалъ литовскій посолъ,—очевидно, ихъ никто не уступитъ добровольно, и ихъ придется вырвать другъ у друга съ оружіемъ въ рукахъ; пусть лучше каждый довольствуется тѣмъ, чѣмъ онъ владѣетъ въ настоящее время, пусть братъ ничего не требуетъ отъ брата. Дай Богъ, чтобы оба монарха жили еще долгіе годы, но, въ случаѣ кончины одного изъ нихъ, вопросъ о престолонаслѣдіи возникнетъ самъ собою и его можно будетъ рѣшить слѣдующимъ образомъ: если Баторій умретъ, не оставивъ потомства, то пусть Польша и Литва будутъ присоединены къ Москвѣ, составивъ одно государство подъ скипетромъ царя; если же, напротивъ того, Θеодоръ умретъ раньше бездѣтнымъ, то пусть Москва будетъ присоединена къ Польшѣ и Литвѣ подъ скипетромъ Баторія. Это братское сліяніе славянскихъ народовъ составитъ эпоху въ исторіи, и сама судьба рѣшитъ будущее обѣихъ странъ.

Слушая эти рѣчи, бояре только покачивали головою. Могли ли они, вѣрноподданные московскаго царя, обсуждать заблаговременно вопросъ объ его кончинѣ? Они откровенно высказали Гарабурдѣ свое сомнѣніе въ успѣхѣ переговоровъ, но высшее духовенство и боярская дума увидѣли въ этомъ предложеніи средство затянуть переговоры, чему въ Москвѣ были всегда рады. Но самъ Гарабурда былъ виноватъ въ томъ, что бояре уклонились вскорѣ отъ переговоровъ съ нимъ.

Коснувшись еще разъ вопроса о сліяніи славянскихъ народовъ, онъ заявилъ, что, въ случаѣ кончины Баторія, Польша сохранитъ полную свободу дѣйствій, тогда какъ Москва, лишившись царя, будетъ обязана присоединиться къ Польшѣ. Въ сущности это и была мысль Баторія, который не допускалъ ни въ какомъ случаѣ главенства своей соперницы Москвы, но для бояръ это былъ, конечно, отличный предлогъ вознегодовать и окончательно отказаться отъ обсужденія этого вопроса.

Бояре, въ свою очередь, предложили вести переговоры о другомъ, по ихъ словамъ, болѣе важномъ предметѣ, а именно продолжить перемиріе для того, чтобы имѣть возможность заключить вѣчный миръ. Гарабурда, со своей стороны, на это не согласился. Ему было необходимо добиться положительнаго результата: либо рѣшить принципально вопросъ о соединеніи двухъ странъ подъ одной верховной властью, либо выговорить какую-либо значительную территоріальную уступку. Въ виду этого онъ заявилъ боярамъ, что если дѣло пойдетъ такъ и далѣе, то Баторій не удовольствуется ни Смоленскомъ, ни Сѣверскомъ, и русскимъ придется уступить ему Новгородъ и Псковъ. На это ему отвѣчали съ большимъ достоинствомъ, что царь никогда не откажется отъ своихъ вотчинъ и не уступитъ ни пяди земли; вмѣстѣ съ тѣмъ бояре сказали требовательному послу, что Россія уже не та, какъ была прежде, и что полякамъ придется отстаивать вскорѣ не только Ливонію и Полоцкъ, но и Вильну.

*

Гарабурда выѣхалъ изъ Москвы 21-го (30-го) апрѣля 1586 г., ничего не добившись; впрочемъ, было рѣшено, что въ Польшу снова будутъ отправлены послы для возобновленія переговоровъ, на благопріятный исходъ которыхъ не было впрочемъ никакой надежды.

На обратномъ пути, Гарабурда заболѣлъ въ Гродно воспаленіемъ легкихъ и умеръ, успѣвъ впрочемъ дать королю отчетъ въ своей поѣздкѣ.

Вотъ что̀ писалъ, на основаніи этого отчета, Баторій Поссевину: «дѣла идутъ въ Москвѣ все хуже; Щелкаловъ и Годуновъ захватили власть въ свои руки, но противъ нихъ образовалась сильная партія; большинство русскихъ желаетъ сліянія съ Польшей; вся Москва пришлетъ пословъ для обсужденія этого вопроса».

Заблуждался ли Баторій, говоря это, или же его посланный былъ обманутъ и король говорилъ только съ его словъ? Какъ бы то ни было, король выводилъ изъ этого заключеніе, что Москвѣ нуженъ царь, который удовлетворилъ бы желанія народа; а въ Москвѣ ожидали въ то же время, что поляки предложатъ польскую корону царю.

Новосильцевъ, посланный въ Прагу съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Θеодора Іоанновича, имѣлъ свиданіе съ примасомъ Польши Станиславомъ Карнковскимъ, который сказалъ ему, что онъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ того момента, когда два славянскіе народа соединятся подъ властью московскаго царя; плохое состояніе здоровья Баторія, котораго въ Польшѣ, по его словамъ, всѣ ненавидѣли, давало надежду, что это время наступитъ скоро.

Такимъ образомъ желанія русскихъ и поляковъ были діаметрально противоположны.

Въ исходѣ 1586 г. въ Гродно начались новые переговоры. Представителемъ Θеодора Іоанновича явился снова князь Троекуровъ.

Съ той и съ другой стороны были сдѣланы тѣ же самыя предложенія, какъ и прежде, съ тою лишь разницею, что они сопровождались насмѣшками и сарказмами.

— Мы предлагаемъ вамъ хлѣба,—говорили поляки,—а вы бросаете въ насъ камни.

Когда Троекуровъ сталъ требовать Ливонію, ему отвѣчали:

— Этого слишкомъ мало, требуйте всѣ литовскія земли и возьмите ихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Когда поляки настоятельно требовали отвѣта, русскіе сослались на то, что имъ надобно созвать Боярскую Думу и что на то потребуется не мало времени.

— Это одна формальность,—возражали поляки,—у васъ воля царя законъ.

У Троекурова на все былъ готовъ отвѣтъ, его не испугали ни угрозы войны, ни упреки въ симпатіи къ Австріи, ни призракъ Турціи, которымъ поляки стращали его.

Въ то время въ Москвѣ восходила звѣзда Годунова, поэтому русскіе воспряли духомъ и стали смѣлѣе. Съ тѣхъ поръ какъ онъ управлялъ государствомъ именемъ Ѳеодора Іоанновича, въ странѣ началъ водворяться порядокъ; прекратились кровавыя и самовольныя казни и конфискаціи имуществъ, усилились сношенія съ иноземными державами; возмущеніе, вспыхнувшее на берегахъ Волги, было быстро усмирено, на ея берегахъ воздвигались новыя крѣпости.

Поляки долго не могли сломить упорство Троекурова; имъ такъ и не удалось придти къ какому-либо соглашенію; было рѣшено только отсрочить перемиріе на два мѣсяца съ тѣмъ, что на слѣдующій годъ съѣдутся новые послы, которые будутъ продолжать прерванные переговоры.

Между тѣмъ 1-го (10-го) апрѣля 1585 г. скончался папа Григорій XIII; его мѣсто заступилъ Сикстъ V, человѣкъ въ высшей степени безпристрастный и справедливый, характера твердаго и непреклоннаго, поставившій себѣ цѣлью возвратить папской власти ея прежній блескъ и достигшій этого въ короткій періодъ своего пятилѣтняго управленія, благодаря своей изумительной энергіи и дѣятельности.

Перемѣна, происшедшая въ Римѣ, была благопріятна для короля польскаго, къ которому новый папа видимо относился сочувственно. По крайней мѣрѣ Виргилій Кресчензи, римскій дворянинъ, состоявшій на службѣ короля польскаго, писалъ королю, что Сикстъ V, бесѣдуя съ кардиналомъ Медичи, выразился: что лиги, во главѣ которыхъ стоятъ многіе монархи, не достигаютъ цѣли; и, положивъ руку на грудь, какъ бы для того, чтобы произнести клятву, присовокупилъ, что онъ вмѣстѣ съ прочими монархами охотно далъ бы Баторію милліонъ въ годъ, чтобы онъ освободилъ христіанскій міръ отъ призрака Турціи.

Между тѣмъ Баторій не оставлялъ своихъ плановъ, и хотя онъ велъ переговоры съ Москвою, но его по-прежнему неотступно преслѣдовала мысль о завоеваніи Московскаго государства; но для этого, какъ мы уже говорили, у него не доставало денегъ. Надобно было заставить папу расщедриться, и, конечно, никто не могъ добиться этого легче, нежели Поссевинъ, однако ему надобно было прежде всего завоевать довѣріе новаго папы.

Король взялся устроить это и велѣлъ передать кардиналу Рустикуччи всѣ документы, касавшіеся плановъ относительно завоеванія Москвы, выработанныхъ при Григоріѣ XIII. Поссевинъ тотчасъ исполнилъ это порученіе и, предвидя, что этотъ шагъ могъ вызвать удивленіе кардинала, поспѣшилъ объяснить ему побужденія, руководившія въ этомъ случаѣ королемъ польскимъ, сославшись на вышеупомянутый разговоръ папы съ кардиналомъ Медичи и на появленіе въ Варшавѣ турецкаго посла, который наводилъ справки относительно сооружаемыхъ въ послѣднее время крѣпостей и относительно желанія русскихъ избрать царемъ эрцгерцога австрійскаго.

«Появленіе турецкаго посла чрезвычайно встревожило Баторія,—писалъ Поссевинъ;—король думаетъ, что турки замышляютъ походъ противъ Москвы. Напуганный этимъ, онъ готовъ сдѣлать все возможное, чтобы предотвратить эту опасность, такъ какъ завоеваніе Москвы турками усилило бы ихъ могущество и они могли бы овладѣть всѣмъ бассейномъ Днѣпра и даже Вислы».

Въ сущности все это было только повтореніемъ на новый ладъ излюбленной мысли Баторія: «помогите мнѣ завоевать Москву, иначе ею завладѣютъ турки».

Личныя соображенія Баторія заставляли его представить папѣ будущее въ мрачныхъ краскахъ и пугать его воинственными замыслами турокъ, а между тѣмъ, нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 26-го октября (5-го ноября) онъ самъ препроводилъ Поссевину, подъ величайшимъ секретомъ, переводъ турецкаго посланія къ «князьямъ, б а р о н а м ъ (?) и боярамъ великаго княжества Московскаго», въ которомъ не было и намека на что-либо подобное. Напротивъ того, турки, узнавъ о неспособности царя Ѳеодора Іоанновича, предлагали русскимъ избрать на его мѣсто кого-либо изъ своей среды, или хотя бы самого Баторія, суля имъ за это обезпеченіе торговыхъ сношеній, союзъ съ татарами и дружеское расположеніе Порты. Это посланіе изобличаетъ короля во лжи и бросаетъ на него неблаговидную тѣнь.

Отославъ письмо къ кардиналу Рустикуччи, Поссевинъ взялся 15-го (24-го) января 1586 г. снова за перо и сообщилъ генералу о. Аквавивѣ въ пространномъ письмѣ о страстномъ желаніи Баторія завоевать Москву, что̀, по его словамъ, могло имѣть самыя благотворныя послѣдствія для распространенія на Востокѣ католической вѣры; затѣмъ Поссевинъ выражалъ желаніе пріѣхать для устройства этого дѣла въ Римъ.

Король поддержалъ просьбу Поссевина и со своей стороны написалъ о. Аквавивѣ 13-го (22-го) февраля и просилъ его, въ знакъ особаго расположенія къ нему, Баторію, разрѣшить Поссевину эту поѣздку, обѣщая ему за это свое королевское благоволеніе.

Курьеры, везшіе эти письма, встрѣтились по пути съ посланнымъ папы, везшимъ посланіе Сикста V къ Ѳеодору Іоанновичу.

Въ то время какъ въ Польшѣ только и думали о войнѣ, въ Римѣ всѣ желанія клонились къ сохраненію мира, и папа, извѣщая «государя всея Россіи, великаго князя Московскаго, Новогородскаго, Смоленскаго, Владимірскаго, царя Казанскаго и Астраханскаго и великаго князя многихъ другихъ земель» о своемъ вступленіи на папскій престолъ, вспоминалъ въ своемъ посланіи о Ямъ-Запольскомъ перемиріи, заключенномъ при содѣйствіи Григорія XIII, и выражалъ надежду и желаніе сохранить съ царемъ впредь самыя дружескія отношенія.

Можно себѣ представить затруднительное положеніе Поссевина,

когда онъ получилъ это папское посланіе съ просьбою передать его по назначенію. Онъ очутился такимъ образомъ среди двухъ огней, какъ человѣкъ ловкій, не отсылая письма, полученнаго изъ Рима, онъ взялся за перо, чтобы объясниться съ Аццолино, который завѣдывалъ въ то время въ Римѣ иностранными дѣлами.

«Правила этикета требуютъ,—писалъ онъ,—чтобы папское посланіе было вручено царю особымъ посломъ. Въ Москвѣ строго соблюдается этотъ обычай, вмѣстѣ съ письмами должны быть присланы подарки.

«Въ настоящее время въ Кремлѣ находится Гарабурда, гдѣ онъ ведетъ переговоры о присоединеніи Московіи къ Польшѣ. Что сказалъ бы король польскій и какія онъ могъ бы возъимѣть подозрѣнія, если бы папа вошелъ неожиданно въ непосредственныя сношенія съ самимъ царемъ? Весьма возможно, что Стефанъ Баторій вступитъ тогда въ сношенія съ султаномъ, съ англійскою королевою и съ протестантскими принцами, которые дѣлаютъ ему блестящія предложенія, а это будетъ на руку еретикамъ, которые утверждаютъ, что королю не только не слѣдуетъ разсчитывать на папу, но что ему надобно опасаться его нерѣшительной политики.

«Враги Бориса Годунова убѣдительно просятъ короля польскаго явиться какъ можно скорѣе въ Москву во главѣ его арміи; такимъ образомъ посланіе папы къ Ѳеодору Іоанновичу можетъ сдѣлать положеніе весьма затруднительнымъ».

Остальное Поссевинъ обѣщалъ передать изустно, такъ какъ Баторій былъ намѣренъ послать его въ Римъ, какъ только будетъ получено разрѣшеніе отъ генерала іизуитскаго ордена.

Что касается Стефана Баторія, то онъ рѣшилъ войти непосредственно въ сношенія съ папою и съ этой цѣлью послалъ въ исходѣ марта 1586 г. въ Римъ своего племянника, кардинала Андрея Баторія, которому онъ далъ подробныя инструкціи и приказалъ сообщить папѣ подъ секретомъ всѣ его намѣренія.

Инструкціи, полученныя Андреемъ Баторіемъ, были написаны въ видѣ рѣчи, которую кардиналъ долженъ былъ произнести передъ папою отъ имени короля. Прежде всего онъ долженъ былъ высказать въ ней пожеланіе, чтобы папа возобновилъ славныя традиціи Лепантской битвы [1]), и сказать, что король польскій по первому его знаку съ радостью пожертвуетъ жизнью на защиту церкви и истинной вѣры. Затѣмъ онъ долженъ былъ просить денежной помощи для веденія войны съ Москвою; это былъ самый главный пунктъ, на который кардиналъ не долженъ былъ жалѣть краснорѣчія и убѣжденій. Если поляки не овладѣютъ Кремлемъ, горе будетъ Европѣ, говорилось въ рѣчи; если же на пре-

[1]) Пораженіе турокъ соединеннымъ флотомъ Испаніи, Венеціи и Италіи въ 1571 г.

столъ Мономаха вступитъ католическій монархъ, то соединеніе русскихъ съ Римомъ совершится безпрепятственно, грузины и кавказскіе горцы возобновятъ сношенія со своимъ духовнымъ пастыремъ, союзъ съ персами удвоитъ ихъ военныя силы, Каспійское море сдѣлается славянскимъ озеромъ, и явится стратегическая база для дѣйствій противъ турокъ. Ихъ можно будетъ окружить желѣзнымъ кольцомъ и на всегда сломить ихъ силы. Что касается денежныхъ средствъ, необходимыхъ для этого предпріятія, то ихъ надобно будетъ распредѣлить поровну между папою и королемъ польскимъ.

Баторій дѣлалъ такой разсчетъ: если русскія не присоединятся добровольно къ Польшѣ, то, двинувъ на Москву армію въ 24.000 человѣкъ, можно будетъ завоевать Московское государство въ три года; таковы были секретныя инструкціи, данныя кардиналу Андрею.

Едва успѣлъ онъ уѣхать изъ Варшавы со своими спутниками, Радзивилломъ и Соликовскимъ, архіепископомъ Львовскимъ, какъ въ Римъ полетѣло къ кардиналу Аццолино письмо Поссевина, который провелъ цѣлыхъ полтора мѣсяца въ секретныхъ совѣщаніяхъ съ королемъ и снова былъ охваченъ жаждою дѣятельности. Онъ сообщилъ Аццолино все, что король говорилъ ему, и просилъ его не принимать никакого рѣшенія до его пріѣзда въ Римъ.

Четыре дня спустя, 27-го марта (6-го апрѣля) Поссевинъ послалъ кардиналу Аццолино шифрованную депешу. Наканунѣ онъ получилъ отъ Баторія записку, относительно московскихъ дѣлъ, кончавшуюся слѣдующимъ страннымъ образомъ: и т. д. и т. д. и т. д.

«Я получилъ отъ короля всего нѣсколько строкъ,—писалъ Поссевинъ,—но такъ какъ онѣ начертаны имъ собственноручно, то это доказываетъ, какъ близко онъ принимаетъ дѣло къ сердцу. Къ тому же эти три и т. д. и т. д. очень таинственны». Въ подтвержденіе этого Поссевинъ приводитъ рядъ вопросовъ, по поводу которыхъ король поручилъ ему переговорить лично въ Римѣ; эти вопросы касались Швеціи, Даніи, Венгріи, реформъ которыя предполагалось ввести въ Польшѣ, положенія папскихъ нунціевъ, возстановленія католицизма въ Саксоніи, и т. д.

Обширная программа, выработанная королемъ и Поссевиномъ во время ихъ продолжительныхъ совѣщаній въ Гродно, требовала, разумѣется, личныхъ объясненій съ папою, и Поссевинъ страстно желалъ отправиться въ Римъ.

Король энергично поддерживалъ его и писалъ собственноручно по этому поводу не только папѣ, но и венеціанскому дожу, великому герцогу Тосканскому, кардиналу Фарнезе, кардиналу Андрею Баторію, наконецъ отцу Аквавивѣ.

Но отвѣты изъ Рима получились не такъ скоро, какъ хотѣлось Баторію и не въ столь благопріятномъ смыслѣ. По разсчету короля, Поссевинъ долженъ былъ выѣхать въ Римъ уже 6-го (15-го) апрѣля; между

тѣмъ только 7-го (16-го) числа было получено письмо Аквавивы, который писалъ, что еще никакого рѣшенія не принято. Два дня спустя Аццолино писалъ Поссевину, что онъ можетъ пріѣхать въ Римъ, но безъ разрѣшенія папы, а по своей собственной иниціативѣ. 24-го мая было получено еще одно письмо отъ кардинала, написанное въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, но въ которомъ онъ все-таки не получилъ приказанія ѣхать въ Римъ.

Положеніе было довольно натянутое. Наконецъ, въ первыхъ числахъ августа, Баторій сообщилъ Поссевину, томившемуся въ ожиданіи извѣстій въ Познани, что онъ получилъ желаемый отвѣтъ изъ Ватикана, куда, какъ онъ писалъ Поссевину, ему «не только дозволено пріѣхать, но гдѣ его ожидаютъ съ нетерпѣніемъ», и онъ благословлялъ его въ путь. Нѣсколько дней спустя въ Познань прибылъ другой курьеръ, отъ варшавскаго нунція съ извѣщеніемъ о дозволеніи Поссевину пріѣхать въ Римъ.

Но отъ генерала Аквавивы все еще не было ни строчки, онъ попрежнему упорно молчалъ. Въ душѣ Поссевина происходила жестокая борьба; онъ не рѣшался ѣхать, не получивъ дозволенія отъ генерала іезуитскаго ордена, но настоянія Баторія, письма папы и Аццолино одержали верхъ, и онъ выѣхалъ въ Римъ, не дождавшись этого разрѣшенія. Дѣйствительно, медлить долѣе было невозможно, ибо въ то время, какъ Баторій лелѣялъ воинственные замыслы противъ Москвы, Габсбурги собирались пустить въ ходъ противъ нея всѣ свои дипломатическія способности. Ходившіе въ Польшѣ слухи о плохомъ состояніи умственныхъ способностей Ѳеодора Іоанновича проникли въ Прагу, гдѣ вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе о кончинѣ царя и о томъ, будто русскіе горятъ желаніемъ избрать ему въ преемники эрцгерцога австрійскаго. Императоръ Рудольфъ принялъ этотъ слухъ за правду и предложилъ корону своему брату Матвѣю; другой его братъ, Максимиліанъ, также выразилъ желаніе вступить на московскій престолъ, но споръ между братьями за обладаніе имъ еще не былъ рѣшенъ, когда Рудольфъ получилъ изъ достовѣрнаго источника извѣстіе, что царь Ѳеодоръ еще живъ, что у него есть законные наслѣдники и что Баторій мечтаетъ о завоеваніи Московскаго государства. Этого было достаточно, чтобы императоръ отказался отъ своихъ плановъ, но его братья настаивали на томъ, чтобы въ Москву былъ отправленъ посолъ для переговоровъ съ боярами.

Всѣ эти обстоятельства вѣроятно не были извѣстны Баторію, иначе онъ велѣлъ бы Поссевину спѣшить какъ можно скорѣе въ Ватиканъ, а Поссевинъ ѣхалъ не спѣша и прибылъ въ Римъ только въ первыхъ числахъ сентября 1586 г.

Папа Сикстъ V, подобно своимъ предшественникамъ, былъ заклятымъ врагомъ ислама и съ самаго вступленія своего на папскій престолъ былъ занятъ мыслію о походѣ противъ Турціи, но, какъ человѣкъ

практичный, онъ былъ противъ лиги монарховъ, которая давала всегда обильную пищу интригамъ и соперничеству. Онъ желалъ найти человѣка, способнаго выполнить эту задачу, если ему будетъ оказано къ тому содѣйствіе.

— Если такой человѣкъ найдется—говорилъ онъ,—то у насъ готово для него три милліона, а когда эта сумма истощится, мы дадимъ ему еще.

Весьма естественно, что смѣлый и энергичный Баторій, давно уже мечтавшій о походѣ противъ невѣрныхъ, былъ для папы самымъ подходящимъ человѣкомъ.

Переговоры, происходившіе въ Римѣ между Поссевиномъ и Сикстомъ V, хранились ото всѣхъ въ глубокой тайнѣ; въ нихъ были посвящены только самыя довѣренныя лица папы, но по окончаніи ихъ папа послалъ королю польскому 24.000 экю.

Относительно Турціи желанія Сикста и Баторія вполнѣ совпадали, и это пособіе предназначалось конечно на походъ противъ Турціи, ибо, относительно Москвы, дѣло обстояло иначе.

Сикстъ V хотѣлъ остаться вѣрнымъ традиціямъ Климента VII, который примирилъ Василія III съ Сигизмундомъ I, и Григорія XIII, бывшаго посредникомъ между Баторіемъ и Іоанномъ; поэтому онъ потребовалъ, чтобъ Поссевинъ отправился снова въ Москву и постарался прежде всего предотвратить войну и примирить соперниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ 11-го (20-го) ноября 1586 г. папа послалъ два письма: одно Ѳеодору, другое Баторію. Въ письмѣ къ царю онъ писалъ, что Баторій поклялся завоевать обратно всѣ земли, принадлежавшія нѣкогда Литвѣ и Польшѣ, и прежде всего взять обратно Смоленскъ, Новгородъ и Псковъ. «Не лучше ли было бы поэтому пощадить христіанскую кровь,—писалъ онъ,—и придти ко взаимному соглашенію». Въ томъ же родѣ были даны совѣты Баторію. «Если шагъ, сдѣланный нами въ Кремлѣ, не увѣнчается успѣхомъ,—присовокуплялъ папа въ письмѣ къ королю,—то намъ будетъ удобнѣе оказать содѣйствіе вашимъ планамъ».

Переговоры были окончены въ Римѣ въ первыхъ числахъ декабря 1586 г., и Поссевинъ тотчасъ же уѣхалъ въ сопровожденіи вновь назначеннаго въ Варшаву нунція, архіепископа неаполитанскаго, Аннибала Капуйскаго. Папа же Сикстъ V, со своей обычной сдержанностью, сказалъ венеціанскому посланнику лаконически, что архіепископъ посланъ имъ въ Варшаву, а Поссевинъ въ Москву, «чтобы сдѣлать тамъ все отъ него зависяще».

— А если бы была возможность сдѣлать больше,—присовокупилъ онъ,—то мы сдѣлали бы это охотно для блага христіанской вѣры».

По пути оба посланные заѣхали въ Венецію. 10-го (19-го) декабря Аннибалъ Капуйскій получилъ у дожа аудіенцію, во время которой они обмѣнялись любезностями, предлагали другъ-другу взаимныя услуги, но о дѣлѣ не было сказано ни слова. На слѣдующій день, былъ при-

нятъ дожемъ Поссевинъ, и достойно удивленія, что этотъ всегда красноречивый ходатай за лигу противъ Турціи, облеченный Баторіемъ полномочіями, на этотъ разъ также не обмолвился ни словомъ о лигѣ. Онъ ограничился сдѣланнымъ въ присутствіи всѣхъ собравшихся заявленіемъ, что ѣдетъ въ Москву и что возложенная на него миссія касается интересовъ вѣры и союза христіанскихъ монарховъ. На оффиціальный запросъ сенатора Вальеро о важныхъ дѣлахъ, на которыя намекалъ въ своемъ письмѣ Баторій, Поссевинъ отвѣчалъ, что готовъ дать всѣ разъясненія, какія отъ него потребуютъ, но что ему нечего болѣе говорить.

Такъ же неясны и неопредѣленны были и письменные отвѣты, посланные дожемъ папѣ и королю польскому; онъ въ нихъ совершенно умалчивалъ о туркахъ.

Въ первыхъ числахъ января 1587 г., въ Римѣ было получено извѣстіе о неожиданной кончинѣ Стефана Баторія. Онъ охотился въ лѣсахъ въ окрестностяхъ Гродно, какъ вдругъ 28-го ноября (7-го декабря) съ нимъ сдѣлался приступъ лихорадки и онъ слегъ въ постель; на слѣдующую ночь съ нимъ былъ обморокъ, онъ упалъ и расшибъ себѣ лицо, затылокъ и колѣно. Но все-таки ничто не предвѣщало серьезной опасности; доктора предсказывали скорое выздоровленіе больнаго; между тѣмъ 3-го (12-го) декабря короля не стало; ему было всего 54 года.

«Во вторникъ вечеромъ,—писалъ венеціанскій посланникъ дожу 1-го (10-го) января 1585 г.,—прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ о кончинѣ короля польскаго. Когда кардиналъ Баторій извѣстилъ объ этомъ папу, то его святѣйшество былъ глубоко опечаленъ и не могъ удержаться отъ слезъ. Въ среду утромъ его святѣйшество съ глубокой скорбью отправился въ консисторію и заявилъ собравшимся, что его сердце преисполнено печали и грусти по поводу кончины великодушнаго, храбраго короля Стефана.

— Онъ былъ великодушенъ потому, что всегда стремился къ великимъ и возвышеннымъ цѣлямъ,—сказалъ папа,—и еще недавно составлялъ смѣлые планы; онъ былъ храбръ потому, что никакая опасность, никакое несчастіе не могли отвлечь отъ его предпріятій и умѣрить его рвеніе. Что касается, его преданности католической вѣрѣ, то о ней свидѣтельствуетъ его образъ дѣйствій, и въ особенности рѣчь, произнесенная имъ на сеймѣ, которая показываетъ, какъ онъ былъ твердъ въ этомъ отношеніи. Сказавъ, что онъ будетъ всѣми силами защищать католическую вѣру во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, король обнажилъ мечъ и воскликнулъ: «съ однимъ этимъ мечомъ, если бы даже все остальное измѣнило намъ, мы защитимъ христіанскую вѣру!» и, обернувъ къ своей груди смертоносное остріе, онъ присовокупилъ: «если бы намъ угрожала опасность измѣнить передъ смертью католической вѣрѣ, то мы скорѣе лишили бы себя жизни, нежели погубили бы свою душу».

— Итакъ,—присовокупилъ папа,—мы лишились монарха, на котораго мы возлагали большія надежды.

Такъ разлетѣлись въ прахъ грандіозные проекты, выработанные въ Римѣ. Приходилось отказаться отъ мысли о крестовомъ походѣ противъ турокъ и отъ надежды видѣть польскихъ орловъ, парящихъ надъ византійскими мечетями; всѣ мечты о завоеваніяхъ были погребены вмѣстѣ съ военнымъ геніемъ и изумительной энергіей Баторія.

Поссевинъ былъ въ Тиролѣ, когда до него дошло печальное извѣстіе о кончинѣ короля; оно было подтверждено ему въ Инспрукѣ герцогомъ Баварскимъ, до котораго еще раньше дошли слухи о волненіи умовъ, происходившемъ въ Польшѣ. Баторій былъ слишкомъ крутъ и самовластенъ, чтобы не вооружить противъ себя весьма многихъ; ему приписывали намѣреніе уничтожить избирательное право и сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ; это еще болѣе увеличило число недовольныхъ. Смерть избавила монарха отъ многихъ разочарованій, но можно было предвидѣть, что съ его кончиною разыграются политическія страсти, такъ долго сдерживаемыя его желѣзною рукою. Надобно было дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Поссевинъ рѣшилъ не отправлять до поры до времени письма, предназначенныя въ Москву. Пока всѣ его мысли были заняты избраніемъ новаго короля. Отъ этого зависѣло будущее, поэтому онъ счелъ себя въ правѣ подсказать кардиналу Аццолино тѣ мѣры, которыя, по его мнѣнію, надлежало принять. Онъ совѣтовалъ ему послать въ Польшу какъ можно скорѣе кардинала Радзивилла, который, какъ старѣйшій изъ литовскихъ сенаторовъ, по своему оффиціальному положенію и своимъ родственнымъ связямъ, могъ имѣть огромное вліяніе на выборы. Затѣмъ Поссевинъ совѣтовалъ прислать нунцію безъименныя папскія посланія, которыя онъ могъ бы раздать по своему усмотрѣнію, что также могло принесть дѣлу не малую пользу; такимъ образомъ, можно было бы соблюсти единство дѣйствій и руководить выборами.

Весь поглощенный этими мыслями, Поссевинъ отправился въ Вѣну, куда онъ думалъ проѣхать болѣе короткимъ путемъ чрезъ Зальцбургъ, но глубокіе снѣга заставили его измѣнить путь и ему пришлось ѣхать чрезъ Богемію.

Въ Прагѣ онъ узналъ много новаго. Австрійскіе и шведскіе принцы имѣли самые серьезные шансы получить на выборахъ большинство голосовъ.

Однимъ изъ кандидатовъ на польскій престолъ былъ эрцгерцогъ Максимиліанъ, гросмейстеръ тевтонскаго ордена, который предполагалъ, получивъ разрѣшеніе отъ произнесенной имъ клятвы, вступить въ бракъ съ дочерью короля шведскаго, примирить Замойскаго со Зборовскими и явиться покровителемъ религіи. Одушевленный этими добрыми намѣреніями, братъ австрійскаго императора просилъ Поссевина поддержать

его, но іезуитъ отвѣчалъ, что будетъ дѣйствовать безпристрастно, и совѣтовалъ герцогу положиться на волю Провидѣнія и сговориться съ остальными тремя эрцгерцогами, поставившими свою кандидатуру. Поссевинъ вполнѣ понималъ всю трудность своего положенія, а также и то, что не было никакой возможности удовлетворить всѣ партіи, поэтому онъ рѣшилъ на время удалиться отъ политическихъ дѣлъ и 13-го (22-го) января просилъ у генерала Аквавивы позволеніе отправиться въ какое-нибудь уединенное мѣстечко и провести тамъ бурное время выборовъ.

Но событія упредили его желанія. Сиксъ V далъ варшавскому нунцію самыя точныя указанія относительно избранія новаго короля польскаго. Главнымъ и самымъ существеннымъ условіемъ этого избранія было, чтобы король былъ католикъ, а изъ католиковъ папа отдавалъ предпочтеніе эрцгерцогамъ австрійскимъ, и между ними эрцгерцогу Эрнесту. Поэтому нунцію было приказано поддержать въ тайнѣ его кандидатуру и, чтобы заручиться въ его пользу голосами, нунцію было даже разрѣшено обѣщать денегъ на войну съ Турціей.

Но надобно полагать, что вторая часть этихъ инструкцій не была извѣстна Поссевину, ибо онъ до конца жизни былъ убѣжденъ въ томъ, что Сикстъ V приказалъ своему представителю дѣйствовать безпристрастно, безо всякой задней мысли. Это убѣжденіе отразилось на образѣ дѣйствія Поссевина, чѣмъ сторонники эрцгерцога были сильно встревожены; жалобы Габсбурговъ дошли до Рима. 28-го марта (6-го апрѣля) кардиналъ Монтальто, по приказанію папы, подтвердилъ варшавскому нунцію, чтобы онъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему было приказано, и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ Поссевину, что ему придется немедленно оставить Польшу, такъ какъ онъ внушаетъ недовѣріе посланникамъ австрійскаго императора. Довольный полученнымъ приказаніемъ, которое согласовалось съ его собственнымъ желаніемъ, Поссевинъ тотчасъ отправился въ Падую, гдѣ занялся литературною работой и составилъ, между прочимъ, свой обширный трудъ «Bibliotheca selecta».

Въ то время, какъ онъ предавался столь мирнымъ занятіямъ, въ Польшѣ происходила ожесточенная борьба партій, въ которой ставкою была корона Ягеллоновъ. Не говоря уже о скромныхъ претензіяхъ ближайшихъ родственниковъ Баторія, престолъ оспаривали три великія иноземныя державы: Москва, Австрія и Швеція.

Какъ только Стефанъ скончался, въ Кремлѣ вспомнили о его планахъ сліянія двухъ славянскихъ народовъ. Въ Польшѣ литовская партія склонялась къ избранію Θеодора и совѣтовала боярамъ не жалѣть золота, чтобъ обезпечить себѣ побѣду; но русскіе держались иной политики, они не скупились на обѣщаніе въ будущемъ, но до выборовъ не давали избирателямъ ни полушки. Очевидно, ихъ должна была постигнуть неудача, ибо ни внутренняя автономія, ни обѣщаніе дѣйствовать совмѣстно противъ турокъ и никакія торговыя выгоды не могли соблаз-

нить людей, желавшихъ прежде всего продать свои голоса. Помимо этихъ мелочныхъ разсчетовъ непреодолимымъ препятствіемъ являлась разница вѣроисповѣданій; большинство польскихъ католиковъ никогда не согласилось бы имѣть православнаго короля, а царь Θеодоръ Іоанновичъ не предполагалъ мѣнять вѣру.

Гомолинскій, секретарь короля, обратился въ это время къ Поссевину съ вопросомъ, кого избрать, Сигизмунда шведскаго или Θеодора Іоанновича. «Сигизмундъ католикъ, а по отношенію къ кандидатамъ-католикамъ іезуиты должны быть вполнѣ безпристрасны,—отвѣчалъ Поссевинъ. Что касается Θеодора, то поддерживать избраніе православнаго принца, не способнаго управлять самостоятельно, было бы равносильно предать церковь и посягнуть на свободу націи, такъ какъ королевская власть смѣнилась бы тираннической олигархіей».

Однако литовцы не унывали, и между Польшей и Кремлемъ происходилъ оживленный обмѣнъ писемъ, но всѣ эти старанія не имѣли успѣха: въ рѣшительный моментъ голоса раздѣлились между Австріей и Швеціей.

10-го (19-го) августа 1587 г. на польскій престолъ былъ избранъ Сигизмундъ, котораго энергично поддерживали королева Анна и Замойскій. Къ несчастію для Польши многочисленная и неугомонная партія Зборовскихъ не хотѣла признать себя побѣжденной и, не признавая избраніе Сигизмунда, присудила три дня спустя 13-го (22-го) августа корону своему собственному кандидату, эрцгерцогу Максиміліану. Тогда возбужденіе умовъ въ Польшѣ достигло крайнихъ предѣловъ, и споръ могъ быть рѣшенъ только силою оружія. Максиміліанъ наскоро собралъ войско и явился съ нимъ подъ стѣны Кракова, гдѣ онъ понесъ 15-го (24-го) ноября пораженіе. Когда Сигизмундъ, къ которому болѣе благоволила судьба, былъ принятъ поляками восторженно и возложилъ на свою главу корону Ягеллоновъ, то его соперникъ въ отчаяніи отступилъ въ Силезію, куда Замойскій преслѣдовалъ его форсированнымъ маршемъ, перешелъ границу и одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду. 15-го (24-го) января 1588 г. Максиміліанъ отдалъ побѣдителю свою шпагу и призналъ себя его плѣннымъ.

Это неожиданное извѣстіе повергло въ величайшее смущеніе всѣхъ австрійскихъ и испанскихъ Габсбурговъ. Вдовствующая императрица австрійская, мать плѣннаго, была въ отчаяніи; король испанскій Филиппъ II былъ готовъ отомстить за него съ оружіемъ въ рукахъ, и они оба обратились къ папѣ съ просьбою заступиться за Максиміліана. Сиксъ V былъ поставленъ этимъ въ весьма затрудительное положеніе, такъ какъ съ другой стороны Сигизмундъ, уже вступившій на престолъ, и который считался ревностнымъ католикомъ, также просилъ у папы поддержки и увѣрялъ его въ своей преданности. Сиксъ V рѣшилъ прибѣгнуть къ полумѣрѣ и послать въ Варшаву своего легата,

аккредитовавъ его не у Сигизмунда, но у всѣхъ заинтересованныхъ партій и поручивъ ему умиротворить Польшу. Эта блестящая, но трудная задача была возложена имъ на протектора республики Александра Фарнези, но кардиналъ, въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ и слабаго здоровья, отклонилъ отъ себя эту честь и предпочелъ остаться въ Римѣ. Тогда выборъ папы палъ на кардинала Альдобрандини, который и принялъ это назначеніе. Онъ хотѣлъ окружить себя людьми свѣдущими, знакомыми со славянскими дѣлами, и просилъ о назначеніи ему въ помощники Поссевина, не предполагая, что онъ можетъ встрѣтить въ этомъ отказъ. Аквавива рѣшительно былъ противъ этого назначенія и представилъ ему столь вѣскіе мотивы своего отказа, что кардиналу поневолѣ пришлось ограничиться перепискою съ Поссевинымъ, который, живя въ Падуѣ, внимательно слѣдилъ за событіями, происходившими въ Польшѣ, и по просьбѣ о. Аквавивы послалъ нунцію книги и записки, касающіяся польскихъ дѣлъ, которыя могли служить ему руководствомъ. Письма, какъ бы они ни были обстоятельны, не могли замѣнить личные совѣты Поссевина. Альдобрандини понималъ это и долго негодовалъ на о. Аквавиву за его отказъ; впрочемъ, успѣшное окончаніе его миссіи изгладило впослѣдствіи это непріятное впечатлѣніе.

Вначалѣ образъ дѣйствія Сигизмунда не внушалъ легату особенной надежды на успѣхъ его миссіи. Робкій и нерѣшительный, онъ едва отваживался высказать свое мнѣніе и ссылался во всемъ на Замойскаго, который въ свою очередь ссылался на сенатъ и требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Максимиліанъ отказался отъ своихъ притязаній на престолъ. Съ другой стороны, австрійскій императорскій дворъ старался затянуть дѣло, чтобы скрыть свою слабость; въ виду этого легатъ рѣшился, наконецъ, самъ отправиться въ Прагу, гдѣ послѣ долгихъ переговоровъ было рѣшено, что въ Бейтенѣ, подъ предсѣдательствомъ легата, соберется смѣшанная коммисія изъ 20 членовъ—поляковъ и австрійцевъ. Скучные переговоры, прерываемые бурными сценами, продолжались болѣе полугода, но такъ какъ императоръ не былъ въ состояніи воевать, то пришлось заключить миръ. Обѣ договаривающіяся стороны приняли посредничество папы, и Максимиліанъ изъ уваженія къ Сиксту V отказался отъ короны.

Это рѣшеніе, коимъ было пощажено самолюбіе побѣжденныхъ и придавалось особое значеніе посредничеству папы, было какъ бы продиктовано самимъ Поссевиномъ и напоминало Ямъ-Запольскій миръ. Сигизмундъ обязался возвратить свободу эрцгерцогу, а австрійцы должны были очистить польскую территорію; обѣ державы сохранили свои прежнія границы. Сикстъ V, постоянно занятый мыслью объ уничтоженіи Турціи, потребовалъ, чтобы въ договоръ была включена статья, въ силу которой Австрія и Польша обязывались не включать въ дого-

воры, заключаемые ими съ Турціей, такихъ статей, которыя могли бы нанести ущербъ ихъ взаимнымъ интересамъ. Эта статья носила въ себѣ зародышъ союза двухъ христіанскихъ державъ противъ ихъ общаго врага на Босфорѣ; вся тягость ея пала на Рудольфа II, который, предпочитая дружбу русскихъ полякамъ, не задумался бы пожертвовать интересами послѣднихъ, при заключеніи договоровъ съ турками. Политическіе виды пражскаго двора были гораздо менѣе обширны и менѣе безкорыстны, нежели виды папы, поэтому императоръ принялъ предложенныя имъ условія съ большимъ сожалѣніемъ.

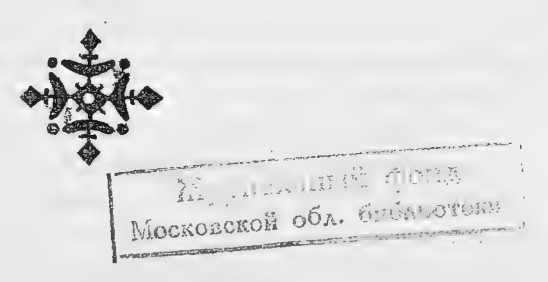
Извѣстіе о заключеніи договора было получено въ Римѣ 22-го (31-го) марта 1589 г. въ страстную пятницу. Видя въ этомъ событіи благодѣяніе Всевышняго, папа, не смотря на святой день, немедленно извѣстилъ объ этомъ кардиналовъ, предложивъ имъ возблагодарить Бога за успѣшное окончаніе дѣла.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что папы въ дѣлахъ внѣшней политики непрестанно руководствовались одной той же мыслью и стремились къ одной и той же цѣли — уничтоженію Турецкой имперіи и поэтому, когда Баторій, гордый своими побѣдами, высказалъ папѣ свои воинственныя намѣренія противъ Турціи, то папа согласился поддержать ихъ, хотя бы эти замыслы коснулись «попутно Москвы».

По смерти доблестнаго короля положеніе измѣнилось, но намѣренія Сикста остались тѣ же, теперь онъ хотѣлъ соединить Австрію съ Польшей для борьбы съ исламомъ. Такова истинная точка зрѣнія, дающая возможность правильно судить объ отношеніяхъ Сикста V къ славянскимъ державамъ.

В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

высшаго учрежденія. Павелъ I поручилъ графу постройку Казанскаго собора въ 1801 году, которой онъ посвятилъ съ полнѣйшимъ рвеніемъ послѣднія десять лѣтъ своей жизни. 15-го сентября 1811 г. соборъ былъ освященъ. Въ этотъ день графу былъ пожалованъ титулъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса. 27-го сентября 1811 года онъ скончался, съ честью послуживъ своей родинѣ, двумъ императрицамъ, Елизаветѣ и Екатеринѣ, и двумъ императорамъ, Павлу и Александру I.

Вторая глава отведена воспитанію графа Павла Александровича и его наставнику Жильберу Ромму. Графъ П. А. Строгановъ родился въ Парижѣ 7-го (18-го) іюня 1772 года (а не въ 1774 г., какъ значится на надгробной надписи). Эту дату авторъ устанавливаетъ изъ писемъ графа, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ, гдѣ ясно указывается, что самъ графъ П. А. признавалъ 1772-й годъ годомъ своего рожденія. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда родители его возвратились, въ 1779 г., въ Россію. Воспитаніе его было поручено французу Ромму, съ которымъ былъ заключенъ договоръ.

Третья глава обнимаетъ собою періодъ времени съ 1801 по 1805 г. (эпоха реформъ). Въ это время дѣятельность графа П. А. Строганова проявилась въ томъ, что въ запискѣ, доложенной императору Александру 9-го мая 1801 г., онъ предложилъ учредить негласный комитетъ. Работы этого комитета должны были оставаться втайнѣ, чтобы не возбуждать преждевременнаго любопытства и толковъ среди общества. Императоръ одобрилъ почти все, выраженное графомъ въ запискѣ, и комитетъ собрался въ первый разъ 24-го іюня того же года. Предсѣдательствовалъ самъ государь. Вопросу о предоставленіи власти Сенату посвящено было нѣсколько засѣданій, въ которыхъ читались, между прочимъ, и проекты графа П. А. Строганова. Въ дальнѣйшемъ изложеніи очерчена дѣятельность графа по разнымъ вопросамъ, возбужденнымъ въ комитетѣ, а именно: народнаго просвѣщенія, дѣлъ крестьянскихъ, по роли дворянства, по учрежденію министерствъ, а также по роли товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Въ разсужденіяхъ о народномъ просвѣщеніи графъ Строгановъ предлагалъ образецъ французскихъ учебныхъ заведеній, именно систему заведеній для общаго образованія, къ которымъ должна примыкать дальнѣйшая ступень—заведеній для спеціальнаго образованія. Особенный интересъ графъ П. А. выказалъ къ дѣламъ крестьянскимъ, гдѣ его сужденія часто сходились съ мыслями императора Александра. Въ своихъ взглядахъ графъ шелъ безусловно впереди всѣхъ своихъ современниковъ, особенно нападая на крѣпостное право и доказывая, что «дворянъ нечего бояться». По словамъ Н. К. Шильдера, «изъ всѣхъ совѣтниковъ Александра графъ П. А. Строгановъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу этого великаго дѣла (улучшенія быта крестьянъ) и пришелъ къ заключенію, что, если во всемъ этомъ вопросѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостнаго состоянія». Сопровождая государя въ кампанію 1805 г., графъ П. А. Строгановъ былъ свидѣтелемъ Аустерлицкаго погрома. Здѣсь онъ впервые попалъ въ огонь и очень увлекся военными событіями, гдѣ случайно ему пришлось быть свидѣтелемъ геройства нашихъ войскъ при неумѣломъ дѣйствіи союзныхъ штабовъ. Вѣроятно, съ этого времени уже запала у него тайная мысль предаться всецѣло военному поприщу, на которое черезъ два года онъ и перешелъ окончательно.

Вскорѣ послѣ Аустерлицкаго сраженія императоръ Александръ приказалъ графу П. А. Строганову ѣхать въ Лондонъ съ дипломатическимъ порученіемъ. Описанію Лондонской миссіи отведена четвертая глава. И на чужбинѣ,—говоритъ авторъ,—графъ П. А. «высоко держалъ знамя русской чести и жизненныхъ интересовъ Россіи. Не онъ повиненъ въ томъ, что его дипломатическія усилія не увѣнчались заслуженнымъ успѣхомъ. Читая его лондонскія реляціи, убѣждаешься, что императоръ Александръ не ошибся въ своемъ выборѣ, посылая его въ Лондонъ, на смѣну графа Воронцова».

Въ пятой, послѣдней, главѣ говорится о военной дѣятельности графа П. А. Строганова (1807—1814 г.) и объ его кончинѣ. Еще до полученія перевода на военную службу, графъ поступилъ волонтеромъ въ отрядъ Платова, имѣя чинъ тайнаго совѣтника и будучи сенаторомъ. Первымъ боевымъ подвигомъ графа былъ лихой набѣгъ у рѣчки Алле (между Гутштатомъ и Алленштейномъ). Смѣшанный отрядъ подъ его командой атаковалъ обозы корпуса маршала Даву. Непріятель оставилъ на полѣ битвы до 300 раненыхъ и убитыхъ; остальная часть французскаго отряда была взята въ плѣнъ—гутштатскій комендантъ, полковникъ Мурье, 46 офицеровъ, 491 нижній чинъ и весь обозъ. Канцелярія маршалу Даву, его экипажъ и вещи сдѣлались добычею русскихъ. Описавъ дальнѣйшую дѣятельность графа Строганова на военномъ поприщѣ, авторъ говоритъ: «Жизнь и дѣятельность графа П. А. Строганова представляютъ много поучительнаго и оригинальнаго. Сынъ одного изъ первыхъ вельможъ вѣка Екатерины II, единственный наслѣдникъ богатѣйшаго состоянія, воспитанникъ анархиста Ромма, другъ императора Александра I, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, боевой генералъ и участникъ всѣхъ войнъ съ 1807 по 1814 г.,—Строгановъ умеръ въ цвѣтѣ силъ, 43 лѣтъ отъ роду (въ 1817 г.). Онъ оставилъ по себѣ прекрасную память—хорошаго, доступнаго, благороднаго человѣка. Желаніе француза-воспитателя вполнѣ осуществилось, и графъ Строгановъ былъ, дѣйствительно, человѣкомъ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Чистая, прямая душа Павла Александровича, никогда не боявшаяся сказать правду въ глаза, даже сильнымъ міра сего, рѣзко отличала его отъ современниковъ. Полная отзывчивость къ нуждамъ ближняго, добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, любовь къ родинѣ, безъ всякихъ громкихъ фразъ, — были отличительными чертами его характера». Какъ семьянинъ, графъ Павелъ Александровичъ былъ образцовымъ мужемъ и нѣжнымъ отцомъ.

Н. К-ш-ъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА
1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

